

ВОСКРЕСЕНИЕ ИМЕНИ

ББК 83.3(2)7
Л37

Левитский В.В.

Воскресение имени: Историко-филологическое обозрение –
Харьков: ТО Эксклюзив, 2002. – 204с.

ISBN 966-95892-4-X

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ЛЕВИТСКИЙ
Владимир Васильевич

ВОСКРЕСЕНИЕ ИМЕНИ
Историко-филологическое обозрение

Под редакцией автора
Художественное оформление Галактионова П.И.

Сдано в набор 03.04.2002 г. Подписано к печати 10.04.2002 г.
Формат 60х90/16. Бумага газетная. Печать офсетная.
Уч.-изд. лист. 12,75. Гарнитура Times. Тираж 1000 экз.

Издано ООО “ТО Эксклюзив”
Харьков-2, а/я 8793

© В.В.Левитский 2002

В.В.ЛЕВИТСКИЙ

ВОСКРЕСЕНИЕ ИМЕНИ

ТО Эксклюзив
Харьков
2002

ОГЛАВЛЕНИЕ

I	
Камертон	3
Возвращение	4
Противленцы	31
Харбинство в зоне	41
II	
Август 1945 года	53
Увезённые	58
Жалобная книга	136
Добро и зло	181
III	
Искания	186
Красный Иван	189
Сомнения "язычника"	190
Воскресшие имена	198

В книге используются следующие сокращения названий газет:

НСМ – "На сопках Маньчжурии", г. Новосибирск.

ОХ – "Омские харбинцы", г. Омск.

РК – "Русские в Китае", г. Екатеринбург.

Хрб – "Харбин", г. Новосибирск.

После продажи КВЖД в 1935 году из Маньчжурии на родину вернулись кавэжединцы-железнодорожники. До сих пор не все знают, что произошло с репатриантами в Советской России. И ещё через десять лет, после 2-ой мировой войны, большое число эмигрантов и иностранцев было захвачено и также отправлено в ГУЛАГ. Можно ли понять и объяснить чем случившееся: классовая борьба, возмездие, заслуженное наказание, психоз власти, безбожие. Или причина и суть государственного террора глубже?

В ряде изданий публикуются воспоминания "бывалых" людей. У каждого корреспондента собственный опыт жизни, радости и печали, соответственно и своё видение истории. Сравнивая тексты и вникая в стиль биографий, читатель находит в описании правду чувств и силу воззрений. Есть в обозрении свидетельство отца Иосифа, бывшего моего воспитателя и учителя. Список личных имён олицетворяет судьбу целого поколения гулаговцев и уплотняет трагическую историю XX века.

В.В.Левитский. Воскресение имени.
Историко-филологическое обозрение. 3.

Харьков, 2002 год.

КАМЕРТОН

Молитвенные слова звучали в томительной чужине. Край далёкий оставался унылым и беспросветным. Тянулись годы неприкаянности и суеты. Возвышенные строки вспомнились вновь в 1995 году, в январском номере газеты "Харбин". В тех стихах история, не проходит боль. Зов земли предков неодолим. Кавэжединцев тянет Родина, образ и великий миф. Дорога домой оказалась и вправду нелегка.

Марианна Колосова

Пристань

Много в жизни открыто америк,
Стран великих, и средних, и малых.
Где же тихая пристань, где берег
Для изгнанников и для усталых?
Много пыльных дорог и тропинок,
Нас, грозою отмеченных, много.
Прозорливый молитвенник – инок,
Укажи нам в Россию дорогу.
Много сказок и песен у жизни,
Но всех песен милее и краше
Мне легенды о нашей Отчизне,
О стране героической нашей.
Никаких нам не надо америк,
Опостытели страны чужие.
Есть для русских единственный берег,
Наша тихая пристань – Россия.

г. Харбин, 1932 г.

Какова судьба автора, дальнейшая участь, можно гадать. Марианна возвратилась на тот единственный берег. Но кто скажет, нашла ли она в Советской России желанную тихую пристань? Извне и с чужбины Родина виделась раем и землёй обетованной. Внутри и на деле встретят кошмары и испытания. В отчем доме всех подряд ждут суровые потрясения...

"Игре на скрипке он учился у профессора Уриэля Моисеевича Гольдштейна, бывшего директора Харбинской высшей музыкальной школы. В этом же заведении обучался и известный потом пианист Ананий Шварцбург. По словам Александра Артамоновича¹, в годы первых пятилеток у эмигрантской молодёжи стали возникать мысли о возвращении в СССР. И когда представился случай, Шварцбург одним из первых уехал в Москву. Прощаясь, он, полный энтузиазма и планов на будущее, говорил оставшимся: "Ребята! Ну, что вы тут прозябаете? Наше место там! Мы должны учиться, пока молоды. Вдумайтесь в это чудесное, прекрасное слово "товарищ!". И помахал нам ручкой. В 1946 году, когда истёк срок его

¹ Известный харбинский скрипач Александр Дзыгар. О нём ниже. См. сс. 111-116.

заклучения, он встречал Дзыгара словом "товарищ" на Колыме" (НСМ, № 90).

"До вашей революции фашизма не было"
(Акад. И.П.Павлов).

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Разбираться в случившемся полезно. Научишься меньше ошибаться теперь и в будущем. Копаться в прошлом, размышлять над происходившим, вникая в суть событий, интересов и противоречий, мотивов и средств, поступков и действий, приходилось каждому, кто хочет понять время. Хотя известно дивное утверждение, якобы история учит, что ничему не учит.

Историография пусть бы избегала нравоучений и моралистики, не её дело забота о нравственности. Исторические события конкретны и связаны с обстановкой, вросли в неё, – не перенести в пространстве и во времени, не передать другим поколениям. И всё же наследуется зарок предков и иной раз усваиваются уроки прошлого. Живёт надежда на распространение и поучительность чужого опыта и знаний...

1

ВО ВЛАСТИ ЗЛА

В 2000 году в Екатеринбурге тиражом в 200 экземпляров напечатан очерк "Две жизни – одна судьба", о последних руководителях КВЖД – А.И.Емшанове и Ю.В.Рудом. После продажи дороги в 1935 году они вернулись в СССР, как и десятки тысяч кавэжединцев. И канули в Лету. Биограф названных деятелей – Георгий Борисович Тыкоцкий. Родился и тридцать лет, до 1955 года, прожил в Харбине.

Когда КВЖД продали японцам, Георгию было одиннадцать. Харбин 1935 года казался похожим на растревоженный муравейник. "По городу идут и идут люди, гружённые покупками. Это "кавэжединцы" (работники КВЖД). В один из воскресных дней мой отец и я (тогда 11-летний мальчуган, ученик 2-го класса гимназии имени Достоевского) шли по главной улице Пристань (один из районов города) – Китайской, на городскую набережную реки Сунгари. Здесь, как и в других местах (на станции Харбин, Мостовом участке), формировались железнодорожные составы из товарных вагонов ("телятников") для отъезжающих "кавэжедэшников" на Родину. Мы с отцом провожали семью, с которой он дружил. Когда мы пришли на набережную, то она напоминала сплошной табор. Кругом был слышен громкий людской говор, кричала и мычала живность (разрешено было везти с собой всё), раздавались крики торговцев-китайцев, которые рекламировали свой товар, кругом костры, на которых готовили пищу и кипятили воду. И всё это перекрывала русская песня. Конечно, были там и слёзы расставания, ведь многие семьи расставались по разным причинам". Не много не мало уже 65 лет память хранит картину того переселения.

В брошюре приводятся биографические сведения и послужной список руководящих работников. Судьбы их волею рока связаны с печальной участью рядовых возвращенцев. А.И.Емшанов родился 13 августа 1891 года на станции Европейская Пермской железной дороги в семье путевого рабочего. В апреле 1917 года вступает в ВКП(б). Когда на Пермской ж.д. возникают железнодорожные дружины, Александр Иванович становится заместителем председателя революционного комитета. После революции, в 1918 и 1919 годах, он комиссар службы движения Пермской ж.д., затем комиссар ОКПС Урала, комиссар Вятского отделения Северной ж.д. и вновь комиссар Пермской, в 1920 году начальник последней. Потом переводят в Москву, в центральный аппарат Народного Комиссариата Путей Сообщения. И с 10 декабря 1920 года он нарком НКПС (это вместо Л.Д.Троцкого). В апреле 1921 года наркомом назначен Ф.Э.Дзержинский, первым заместителем становится А.И.Емшанов. Далее высокие должности председателя правления Пермской ж.д. (1922-1923), полномочного представителя НКПС в Берлине, изучает зарубежный опыт работы железнодорожного транспорта (1923-1924) и вновь начальником Пермской ж.д. (1924-1926). В 1926 году ему поручают ответственный пост Управляющего Китайской Восточной железной дороги. Во время советско-китайского конфликта 1929 года его арестовывают в Харбине и высылают в СССР. В 1930 году Емшанов возвращается обратно уже в роли заместителя председателя правления КВЖД (председателем правления должен быть гражданин Китая). С 1932 по 1934 год работает начальником транспортного сектора в Госплане СССР. В 1934 году возглавляет отдел управления планирования транспорта и связи. После 1934 года – заместитель начальника строительства, начальник временной эксплуатации железной дороги Москва – Донбасс и начальник Донбасской железной дороги (Юго-Восточная ж.д.). Как видим, у человека по советским меркам завидная и образцовая анкета, обеспечивает быстрое продвижение по служебной и общественной лестнице в самые верхи, комиссарство и всё номенклатурная карьера. Но вот в 1937 году арест – и расстрелян. Смерть надо считать в ряду самых важных событий жизни. Реабилитация А.И.Емшанова пришла в хрущёвскую оттепель. Документ оправдания случившегося касается больше не жертвы, но святой инквизиции.

Юлий Викентьевич Рудый родился 24 июня 1887 года в Белоруссии, в городе Лида Виленской губернии, в семье кузнеца. В 1902 году поступает работать учеником слесаря в мастерские железнодорожного депо станции Сарны Юго-Западной ж.д. В 1909-1912 гг. проходит службу в армии. "В октябре 1917 года на Пермской железной дороге создается районный железнодорожный исполком, и его председателем избирают Ю.В.Рудого, затем его избирают председателем (комиссаром) центрального и главного дорожного комитета Пермской железной дороги. Заместителем Рудого становится А.И.Емшанов. Здесь начинается их совместная работа в последующие двадцать лет на транспорте". В 1918 году Рудый вступает в

ВКП(б) и назначается комиссаром и членом военной комиссии по организации на железной дороге отрядов для борьбы с белочехами. Затем по 1920 год он член коллегии и начальник охраны Уральского округа (Екатеринбургский, Омский и Томский округа). С 1920 года по 1925 год он комиссар главного управления и член коллегии НКПС, начальник и комиссар Южного округа ПС, председатель правления Донецкой и Екатерининской дорог, уполномоченный наркома пути при САК УССР и КССР, уполномоченный наркома по железнодорожным заказам заграницей (в Берлине). С 1924 года совместно с Емшановым занимается переустройством Пермской ж.д. С 1925 года по 1930 год член коллегии НКПС, начальник Центрального управления железнодорожного транспорта (в этой должности по май 1928 года), член переселенческого отдела. С мая по сентябрь 1928 года заместитель наркома пути. В 1930 году, после советско-китайского конфликта, Ю.В.Рудый назначается управляющим КВЖД. Вместе с ним в Харбин возвращается в должности заместителя председателя правления КВЖД А.И.Емшанов. Возвращение на КВЖД неслучайно. В 1931 году Япония оккупировала Маньчжурию, в феврале 1932 года японские войска вошли в Харбин, напряжённость на КВЖД не ослабевала. После образования Маньчжоу-Го в 1932 году Япония обострила отношения с Советами. 23 марта 1935 года между СССР и Маньчжоу-Го подписан договор о продаже КВЖД. Под руководством Ю.И.Рудого началась эвакуация кэвэжедицев и подвижного состава в СССР. После этого Рудый – председатель научно-технического совета Наркомпути. Там же работает Леонид Александрович Устругов, бывший ректор ХПИ. В 1937 году Ю.В.Рудый арестован в Москве, как и Устругов.

М.В.Шкарлат из г. Ухты пишет: "В "деле" Л.А.Устругова содержатся также протоколы очных ставок с Толстовым, Дроговским, Трановским и последним управляющим КВЖД Юлием Викентьевичем Рудым, который после 1935 года, также как и Леонид Александрович Устругов, работал в НКПС. Каждый протокол на 12-15 страницах с множеством подробностей, как, где и когда планировались вредительства, задержки строительства и крушения поездов во время... войны(?!)"¹. Скорый суд, без свидетелей и защиты, состоялся 15 февраля 1938 года. Обвинительное заключение утверждало "установленной связь с японской, германской, польской разведками". И ... "приговорить к расстрелу". В тот же день приговор приведён в исполнение. Тут всё имеет определённый смысл.

Арестовали и его сына. Роман служил лётчиком в г. Чите. А жену и трёх дочерей в 1941 году из Москвы выслали в Киров. Можно понять страдания семьи репрессированного, кем бы не был отверженный.

Не святые, без предрассудков, комиссары пришлось кстати в революции. Отличились в гражданской. Слуги партии, проводники умыслов, приводные ремни переворота, составили ударную силу диктатуры

¹ "Русские в Китае", 1997, № 9.

и гегемонии. Взяв верх в междоусобице, революционеры, они же террористы, вошли в новую элиту. Пользуются наркомовскими привилегиями сановников и руководителей. Партийным вождям (у каждого аппарат и команда) приходится делить между собой роли и место под солнцем. После экспроприаций начинаются разборки и чистки в собственных рядах.

Когда застреляли на пути, товарищи не приминули пустить их в расход. Таков принцип революционной борьбы. Было, есть и будет. Пострадав от соратников, в миг смерти не стали праведниками. Сами всю жизнь сеяли ветер. Последовавшая за гражданской, внутривластная грызня за влияние в стане власти поддерживающих привела к великому террору в стране. Разные сословия пали жертвой правящего режима. Миллионы павших и пострадавших от государства – люди простые и знатные, революционеры и анархисты, деятельные и смирные, безразличные, грешные и невинные. Словом, всякие, изгои, иноверцы и отщепенцы, неудобные новому строю и гегемонам. Негоже всем вторить, будто 1937-ой – год всенародной трагедии. А в остальное время, ранее и позднее, сплошь одно благоденствие?

2.

НА СЛУЖБЕ У ВЛАСТИ.

Десятилетия государственная машина перемывает мозги обществу. Прививают гениальное учение, пресекая инакомыслие. Кому не лень, изошряются и шельмуют "бывших". Всеобуч, партийная организация, литература, пропагандисты, агитаторы и демагоги надо не надо давят всех, с детских лет до старости. Воспитывают в духе верности фикции, изму, вождям и непримиримости к иному. Вдалбливали классовый подход, с ним единственный взгляд на всё в целом свете. И массы усвоили мифы, одностороннюю картину мира, свыклись с предвзятостями, в куцем виде принимали жизнь и извращённо толковали историю.

Народ впитывал сказочные сюжеты о райской жизни на своей земле. Заодно пропаганда создавала образ врага, разжигая в душах злобу и непримиримость. Печать отравлена ядом социальной ненависти. Книжки, массовым тиражом, без устали обличают врагов и господ: "Наконец, среди жителей Маньчжурии значительная прослойка русских: примерно до 150 тысяч. Из них около 60-70 тысяч – русские старожилы, живущие в Маньчжурии ещё со времени постройки КВЖД, а также советские граждане, в том числе рабочие и служащие КВЖД. Основная масса русских, около 80-90 тысяч, проживает в полосе КВЖД и Харбине. Русских белогвардейцев насчитывается более 70 тысяч человек... "Вожди" этого сброда – бывшие махровые деятели белого движения на Дальнем Востоке, такие, как Дидерихс, Хорват, "атаман" Семёнов и др."¹.

¹ С.Тулский и Ф.Матросов. Маньчжурия – М.: Воениздат, 1932, с.17.

В общественном сознании живут мифы о революции, о гражданской войне и об эмиграции ("этот сброд"). Обыватели, опутанные и покорные, доверчивые и прирученные, подвластны силе. Неприсязательно используют лозунги, всюду расставленные. Раз предписано, то выверено. И жить проще в согласии с начальством, ему видней. Без лишних сомнений, выравнивая ушибы и шероховатости мысли.

Пора писать повесть о том, как интеллигенция продаётся и идёт в услужение коммунистам. Формируется новый стиль. В моде карикатура, и доходчив анекдот. Слог решительный. В манере изложения обратим внимание на преувеличения и крайности. Известный проф. Н.В.Устрялов:

5 января 1920 года в Иркутске пало колчаковское правительство. Уже в марте в Харбине пал Хорват – *"сокрушительный удар русскому влиянию старого типа в сфере китайских дел*. В Чите и Забайкалье *распоряжался* атаман Семёнов. Осенью 20 года Страна Восходящего Солнца начала отступать. Её войска очистили Забайкалье и Приамурье, задерживаясь в Приморье. Конечно, вслед за эвакуацией иностранных войск немедленно *лопнула и убогая "власть"* атамана Семёнова. *Неистовый* соратник его Унгерн ушёл с отрядом своим в Монголию, где впоследствии был *изловлен* красными частями. "Каппелевцы" при содействии японцев оказались перевезёнными по КВЖД в Приморье".

"Маньчжурия и Приморье продолжали, однако, жить особою жизнью. Положение на КВЖД определялось рядом *фикций*, за коими...". "Долгое время *авантюристы* гражданской войны, *эпигоны "белой мечты"* смотрели на полосу отчуждения, как на удобный *"плацдарм"* для развития очередной антисоветской экспедиции. В Харбине сосредоточился и *"идейный"* штаб дальневосточной эмиграции, прилагавший все усилия к отражению советской волны от областей дальневосточной окраины... *Белый Харбин старался стать пистолетом, нацеленным на Россию*". Красиво-то как!

С января 1921 года Семёнов жил в Порт-Артуре и *"рвался снова в бой, козыряя "демократизмом"* и поддерживая оживлённые связи с белыми группировками в Харбине". 26 мая 1921 года власть в Приморье перешла от Антонова к монархическому откровенно японофильскому правительству Меркуловых. Вскоре *"воевода"* Дитерихс сменил Меркуловых. И 14 ноября 1922 года свершается воссоединение Дальнего Востока с Москвой. "Погас последний на территории России *очажок* революционной гражданской войны, внутренне давно себя изжившей". Такие вот мелочи.

"Москва *категорически* настаивала на своей *глубокой* экономической заинтересованности в КВЖД, построенной на *русские деньги* и являющейся *существенным* звеном Великого сибирского пути". "31 мая 1924 года Кархану *удалось* заключить соглашение с пекинским правительством". "Конечно, по сравнению с положением дореволюционной России в Китае, соглашение 31 мая представляется шагом назад. Оно *явственно* отражает собою ущерб, *понесённый* за эти годы *русскою государственностью*. Было бы бесплодно скрывать, что Россия возвращается в мир внешне

ослабленной, *истомлённой* страшным кризисом, её *поражившим*. Естественно, что и новые договоры, фиксирующие её государственно-правовое *воскресенье*, не могут в то же время не выражать и некоторой ушербоности её прежнего могущества, её былого авторитета".

"3 октября 1924 года, при *платонических* протестах Русско-Азиатского Банка, дорога перешла фактически в совместное советско-китайское управление, а над посольством и консульствами СССР в Китае *взвились* национальные флаги Союза". В Харбине ропот: "Советская власть плохо защищает свои государственные интересы, предаёт их, допускает китаизацию Маньчжурии, отдаёт традиционные русские позиции в Китае". "Советская Россия хочет советизировать Маньчжурию". (*о, уж эти кандидаты в китайские граждане с вашингтонским камнем за пазухой!*).

И действительно после мукденского соглашения Китай расширил сферу своего влияния на КВЖД. Русские права на дорогу перестали фактически осуществляться с тех пор, как "*ушло*" старое государство". "И следует с удовлетворением констатировать, что здесь, на КВЖД, огромное большинство русских служащих дороги *с презрением отмахивается от* саботажнических и *предательских* призывов "*непримиримых*" кругов *эмигрантщины*, стремится всеми силами "*русифицироваться*", лояльно сработаться с наличными представителями наличной России на Дальнем Востоке и закрепить *желанную* связь русского и китайского народов"¹.

Бойцам заряжаться злобой. В слове накапливается ложь, нечистая сила. Религия нетерпимости и мифология борьбы не безобидны. Мифы – те же бесы в расколе и противостоянии. От них зависит приговор: помиловать или повесить. Вернувшись в Советский Союз, Н.В.Устрялов не избежал ГУЛАГа. А сколько жизней исковеркано злыми духами конфронтации?

3

СВИДЕТЕЛЬСТВО

Юрий Реснянский. Предъюбилейный год глазами десятилетнего омича:

"Подходил год завершения второй пятилетки (1933-37) с построением социализма. Уже были уничтожены храмы, священники отправлены в тюрьмы, закрыта Епархия. Галкинская церковь стала клубом пожарных, Казачий собор – клубом строителей, Шкроевская – слепых, лютеранская кирха – клубом ТЭЦ-1, еврейская синагога – Домом санитарного просвещения, моельный дом Евангелистов по Мясницкой заняла конная милиция. Красавец Успенский собор, в закладке которого принимал участие царевич – будущий император Николай Второй, возвращающийся из Японии, и дьяконом которого служил знаменитый бас Пётр Дормидонтович Михайлов – этот храм был разрушен до основания так же, как Ильинская церковь и Привокзальная, католический собор и татарская мечеть. Монастыри превратились в тюрьмы и лагеря ГУЛАГа. Церковные колокола

¹ Н.В.Устрялов. Россия на Дальнем Востоке. //Вестник Маньчжурии. 1925, № 1, сс. 13-16.

отправили на переплавку, из освящённой колокольной бронзы чеканили монеты.

Семьи священнослужителей отнесли к разряду "лишенцев". 29 мая 1937 года в одной из тюрем произвели массовый расстрел лиц духовного сана. Омскую область, сформированную в 1935 году, возглавили посланцы Москвы – секретарь Обкома Булатов, председатель Облисполкома Кондратьев, начальник УНКВД Салын, входившие в состав "троек", без суда отправлявших сотни тысяч людей на расстрелы и в лагеря. В быту витал дух взаимной подозрительности, страха и недоверия.

В семьях учили держать язык за зубами, закрывать иконы бабушек от посторонних глаз, вычёркивать из памяти семейные предания и традиции. Но это был и предпоследний год "безбожной пятилетки", с его основным девизом "К 1 мая 1937 года имя Бога должно быть забыто на территории страны". 1936-й год народы СССР встречали новогодней ёлкой вместо рождественской, запрещённой в 29-м, и юные члены Союза безбожников перестали петь "Только тот, кто друг попов, – ёлку праздновать готов".

Школьники занялись разучиванием стихов великого Поэта. На экранах появились фильмы "Юность поэта" и "Дубровский" в духе вульгарного социологизма. Старшеклассник нашей школы в одночасье стал знаменитостью после того, как, одевшись в рясу и лапти, басом прочёл монолог Пимена из "Бориса Годунова" с такими несозвучными времени словами: "Исполнен долг, завещанный от Бога мне, грешному". Прозвище "грешник" прочно закрепилось за ним.

Большое впечатление произвело и выступление брата с сестрой, недавно приехавших из Харбина: он декламировал стихи Пушкина под аккомпанемент рояля, за которым сидела сестра. Вскоре талантливые дети исчезли, а я только сейчас прочёл приказ Ежова, скосивший тогда всех кавзжединцев. Идеалом пионеров в ту пору сделали Павлика Морозова, донёсшего на своего отца, укрывшего кулаков от ссылки, и за предательство уничтоженного дедом. О нём писали в газетах и журналах и издавали книги.

В учебниках мы вымарывали имена Тухачевского, Уборевича, Якира и забывали об этих героях так же, как о переименованных улицах. Школы получили по разнарядке новые тетради с рисунками на обложках из Пушкинских сказок, и прошёл шепоток, что в "Руслане и Людмиле" и в "Песне о вещем Олеге" художники-вредители разместили силуэты уничтоженных троцкистов. Нам, школьникам, жизнь не казалась такой сложной и опасной, как взрослым. Имя Бога и Матери Божьей мы от роду не знали, но зато познавали матерную брань и блатной жаргон с песнями из окружающей среды и фильмов "Путёвка в жизнь" и "Заклочённые" (ОХ, 1998, №12).

4

Татьяна Николаевна Ковалевская (Москва): "Моя группа землячества КВЖД существует с 1989 года, никто мне не помогал, я одна провела 1-ю конференцию в 1990 году. Было 150 человек из многих городов. Теперь

ездить дорого, мы собираемся только с москвичами. Нас около 100 человек, многие уже не могут приходить. На последней встрече было 60. Каждый раз прибавляются новенькие. Переписываться мне стало трудно, взносы мы не берём. "Мемориал" помочь не может, всё из моей пенсии. Но мне их жаль, я для одиноких пострадавших как "родненькая" (так они ко мне обращаются). Я очень рада, что могу почитать и рассказать о ваших газетах по телефону москвичам. Если вы сможете о нас напечатать, то о нас узнают в других городах и странах...

Россия. 125195. Москва. Фестивальная, 21, кв. 51. Ковалевская Т.Н."

"В этом номере мы опубликовали письмо организатора группы КВЖД-инцев в Москве Т.Н.Ковалевской, которая предоставила нам письма, фотографии, воспоминания тех, кто в 1935-36 гг. выехал в СССР из городов и станционных посёлков КВЖД навстречу своей ужасной судьбе. Сама Т.Н. – харбинка. Она родилась в Харбине в семье потомственных железнодорожников. После продажи дороги в 1935 году родители привезли её, двухлетнюю девочку, в Советский Союз. А вскоре... Вскоре, в сентябре 1937 года, появляется негласный оперативный приказ № 00593 наркома внутренних дел СССР Ежова, касающийся так называемых "харбинцев" – прямо так и написано: "так называемых". Впервые этот приказ опубликовала московская газета "Мемориал-Аспект" (№ 1 (3), 1993), откуда мы и перепечатываем его. Чёткий стиль, по ранжиру – пункты и подпункты. Но особенно впечатляет третий пункт, требующий произвести аресты в две очереди: в первую очередь – всех харбинцев, работающих там-то и там-то, а во вторую очередь – всех остальных.

Но ничего этого в 1935 году радостные и воодушевлённые люди, живущие мечтой о встрече с Родиной, не знают. Не знают об этом и родители маленькой Тани Ковалевской, уже погрузившиеся со своим скорбем в вагоны-теплушки, и, конечно же, сама Таня. Это только теперь мы, прочитав приказ, восклицаем: "Ах, вот оно что!". Приказ этот действовал не только в 1937 году, но и получил своё "развитие" в памятном нам 1945-м. У каждого найдётся, что вспомнить и кого вспомнить.

И вот с октября 1937 года началась, как написано в приказе, "широкая операция". Никакого суда, никаких доказательств. Все дела решались практически в течение нескольких минут. Приговор чаще всего несложный и однозначный, и приводить его в исполнение требовалось немедленно. Из всех родных Т. Н. вернулась только посевшая и больная тётя Валя... На московской "Неделе совести" в 1988 году Т. Н. и решила собирать материалы о судьбах КВЖДинцев. Она посчитала, что хотя трагедия наших земляков – всего лишь миг в истории своей страны, но миг этот должен быть увековечен, как и всякий другой. Сейчас Т.Н.Ковалевская – это центр (в единственном лице), который через переписку и встречи объединяет людей горькой судьбы. И не только их, но и их детей, а также внуков, желающих сохранить в памяти историю своей семьи, своего рода.

Дорогие земляки! В каких бы городах-всех и странах вы ни проживали, если вас прямо или косвенно затронула эта тема, эти события, пишите нам, пишите самой Т. Н. Нужны подробности обо всех и о каждом в отдельности, чтобы мы могли вернуть из небытия имена наших родных, друзей, знакомых, восстановить порушенные когда-то связи. А мы будем публиковать ваши материалы" (НСМ, 1994, № 6).

5

Юлия Николаевна Мелехина (Сокольская) из г. Юрмалы: "В 1936 году нас вывезли с территории Северной Маньчжурии численностью около 20 тысяч бывших служащих КВЖД. Как мои родные, так и я, родились и выросли в Харбине. В СССР мою семью, как и остальных, развезли по разным городам и расстреляли всех: отца в Москве, мать в Александровск-на-Сахалине, маминного брата в Оренбурге, мамину сестру в Москве, а моего двоюродного брата во Владивостоке.

После ареста моей матери П.И.Сокольской, которая работала преподавательницей в 21-й школе г. Риги, меня вышвырнули зимой на улицу и приказали в 24 часа убраться из города. Мне было тогда 16 лет. Я скиталась по всей стране (искала родных), просила милостыню, беспризорничала. Везде давали 24 часа. В 1940 году я попала в ссыльный район Хабаровского края, Курмийский леспромхоз, где работала дорожной рабочей и валила лес с 1940 по 1945 год. Я была "дочь врага" из Китая и, даже попав в армию в 1942 году, была в 24 часа оттуда тоже выдворена после "разоблачения", хотя я не скрывала никогда этого (разобрались не сразу).

В 1957 году моих родных посмертно реабилитировали. Нам с мужем (муж – калымчанин) дали жильё в Самарканде как семье реабилитированных. В 1967 году переехали в Ригу, а затем из-за моей инвалидности – в Юрмалу. В 60-х годах было четыре вызова в Австралию, но нас не пустили. И вот теперь я даже не имею права на гражданство и отношусь в Латвии к оккупантам и бывшим палачам" (НСМ, 1994, № 6).

6

МУЛЯ

В Бельмонте, возле Бостона, под крышей дома Маргариты Фриман находили приют Андрей Сахаров, Елена Боннер, Сергей Есенин-Вольпин и др. 24 ноября 1998 года Маргарите Ивановне (девичья фамилия – Зарудная) исполнилось 90 лет. Её род по отцовской линии восходит к запорожским казакам Зарудным, а по материнской линии – к Карлу Брюллову.

Мать, Елена Павловна Зарудная (Брюллова), в 1921 году в Омске была арестована и расстреляна большевиками. Осталось шестеро детей, старшей Муле было 12 лет. В 1924 году их всех при содействии комитета помощи голодающим переправили к отцу в Харбин. Иван Сергеевич Зарудный, отец, закончил пажеский корпус, учился вместе с Колчаком, был морским офицером, но военная карьера не сложилась, из-за ревматизма оставил службу. Инженерное образование получил в Бельгии и работал на КВЖД.

Далее выдержки из газеты. Рассказ Маргариты Ивановны:

"В семье всё время стоял вопрос: принимать советское подданство или нет, ехать в Россию или нет. Для меня это стало особенно актуально незадолго до окончания Харбинского политехнического института. Я уже склонялась к тому, чтобы закончить учёбу в Петербурге и работать в России. Но однажды мне приснилась мама. Будто бы подошла ко мне на улице, взяла за плечи, развернула в сторону России и говорит: "Не стремись туда, тебя не примут". И этот сон повлиял на моё решение".

В Америку отправилась с братом в 1931 году, оставив в Харбине отца и четырёх сестёр, мечтавших поступить в Петербургский университет. "Отец вообще замечательно переписывался с нами, много читал о России, был в курсе происходящего там. Один из его друзей – Николай Устрялов, идеолог сменовеховцев, отвечавший у Колчака за пропаганду, в конце концов уехал из Харбина в Россию. Через два года был репрессирован и расстрелян. Он, видимо, предчувствовал свою судьбу, сказав моим сёстрам на прощанье: "Вам до седьмого колена не простится дворянское происхождение". Готовность моего отца к борьбе за счастье человечества оказалась не востребованной. Он умер спустя три года в Харбине. А сёстры оказались в Америке"¹.

7

Татьяна Никифоровна Михно из Никополя прошла страшный проволочный ад, "колючий, с вышками, овчарками и бранью, с замёрзшими слезами на глазах... голодные, с распухшими ногами, обвязанные тряпками, в лаптях". "Да разве не рабы мы? Едва тащились ноги по тайге, и непосильные листовки смоляные с таким трудом таскали на себе. И падали, и плакали, вставая, тянули комли, обрубив сучки. Так день за днём, так годы за годами тянули жизнь – не люди, а рабы". "В чём виноваты, Господи, скажи! Где наши братья, где отцы, где дети? Где их могилы? Сжался, покажи!". И обращаясь к нам, напишет: "Вот наша жизнь – харбинок, приехавших в СССР в 1932-35 годы. Погибло много, осталась горсточка. Сейчас время другое, а тогда жизнь была – ГУЛАГ. Мы не верили в неё и любили свою русскую землю... Грустно писать вам о нашем прошлом девчонок-харбинок. Сейчас я со многими переписываюсь, в "Мемориале" есть у меня друзья, но все мы уже старики, жизнь проскочила мимо. Вышли из лагерей в бушлатах, ботинках-сыромятах 42-го размера. Ни кола, ни двора... Господи, облегчи души неповинных, убиенных, милых моему сердцу харбинцев!". Она вот запомнила предостережение: "Безумства семена дадут вам рабства всходы!" (НСМ, № 31). Пророческие слова.

3 июня 1996 года Т.Н.Михно скончалась. Валентин Георгиевич Широколов не успел с письмом. "В НСМ, № 31, напечатано письмо от Татьяны Никифоровны Михно (г. Никополь). В нём кратко, но очень

¹ Эдуард Говорушко. "Муля". - "Чикагская правда", № 15, 1998, 30 августа.

впечатляюще описывается жизнь девчонок-харбинок, приехавших в СССР в 1932 - 35 годах, а ниже напечатано её стихотворение "Воспоминание о юности" – так бы я его назвал... Я в 1934 году учился с Татьяной Михно в 1-ой Железнодорожной гимназии для детей граждан СССР – бывшая Хорватовская гимназия на Старохарбинском шоссе. Три года сидели за одной партой, кроме того, мы с ней были в одной бригаде по прохождению производственной практики в Главных механических мастерских на КВЖД (сохранилось фото), с ней закончил семилетку в 1934 году, а после продажи КВЖД Японии (27 апреля 1935 года) всех учащихся советских школ стали группами вывозить в СССР, начиная с лета 1935 года. С одной из групп была вывезена и Татьяна Михно. Я в то время не смог поехать в СССР, так как моя мать была парализована и совершенно нетранспортательна, решили пока остаться в Харбине, и это "пока" продлилось на двадцать лет. Провожали мы их патриотически, со слезами на глазах, обменивались фотографиями, клялись не забывать друг друга и обязательно встретиться в СССР. Уезжали группа за группой, и как только пересекали границу – все как "в воду канули". Теперь-то мы знаем, что их ждал ГУЛАГ. За сорок с лишним лет я не мог встретить ни одного друга, ни одного соученика тех далёких лет – и вот чудо! Через шестьдесят один год после последней встречи я нахожу одноклассницу Татьяну Михно! Воистину, пути Господни неисповедимы... Валентин Широколов, г. Кемерово" (НСМ, № 35).

8

Захарченко, Всеволод Георгиевич, 1922-го рождения, харбинец, пишет из Самары о том, как в 1934 году он приехал к отцу в Москву, вместе с двоюродным братом Николаем Бойко и его женой Зоей Шипиной. Мать осталась в Харбине. В апреле 1935-го года отца и прибывших из Харбина родственников всех арестовали. Мальчик остался один, мыкался в Москве до тех пор, пока его не взяла к себе тётя, Мария Семёновна Бойко, приехавшая в Куйбышев из Харбина. В 1935-ом году японцы арестовывают его мать, и она исчезает в застенках жандармерии, больше о ней ничего не известно. И вот он обращается к читателям:

"Может, кто-нибудь из харбинцев знает что-нибудь о моей матери, Клавдии Марковне Захарченко. Надежды, конечно, мало, но всё же... Может, кто-нибудь знал моего отца? Умер он в августе 1950 года в Куйбышеве от кровоизлияния в мозг. Это смерть – следствие проведенных "счастливых" лет в Ухте. Может быть, кто-нибудь знал моего двоюродного брата Николая Бойко? Он окончил ХПИ, был прекрасным музыкантом, известным в Харбине. Умер он в 1952 году в Норильске, где последнее время работал начальником транспортного цеха Норильского горного комбината. Не исключено, что кто-нибудь знал мою двоюродную сестру Надежду Анисимовну Бойко. Она зубной врач. Перед отъездом в СССР жила в Шанхае. Замужем была за князем Иваном Львовым. Сестра десять лет "отдыхала" в лагерях под Карагандой. Муж её расстрелян в 1936-ом году во Владивостоке, куда он приехал из Шанхая. Сестра умерла три года

тому назад в Москве. Там сейчас живёт её сын. Буду очень признателен всем, кто сообщит хоть что-нибудь о моей матери и о моих родных" (НСМ, № 17).

Таких судеб миллионы. Мы сокрушаемся. Дайте жалобную книгу. Господи, упокой души усопших рабов.

9

Клавдия Евгеньевна Слободчикова (Гордиенко), харбинка, 1927 года рождения, из Кустаная сообщает, между прочим, чем закончилась кавэжединская эпопея для её семьи. Дед, мамин отец – Антон Кузьмич Отодрак – дорожный мастер на строительстве КВЖД. Семья – он с женой и четверо детей – жила в вагоне. Прокладывали железнодорожные пути и двигались вперёд. Так доехали до Харбина. Тут 30 августа 1904 года родилась её мама – Любовь Антоновна Слободчикова (Отодрак).

"Обстоятельства сложились так, что по окончании строительства КВЖД дедушка вернулся в Россию, а бабушка с мамой и старшим сыном остались жить в Харбине. Дядя мой (мамин брат) Иван Антонович Отодрак работал на КВЖД переводчиком китайского языка. В тридцатые годы, после передачи дороги японцам, дядя с женой уехал в СССР, жил в Москве. В 1937 году вместе с женой был репрессирован, и дальнейшая их судьба мне неизвестна" (НСМ, № 32).

10

Александра Пантелеймоновна Злобина из Новосибирска пишет:

"Мне как харбинке очень хочется почитать о дорогах сердцу 22 года, проведённых на земле Китая. Я родилась в Маньчжурии и в 1920 году после смерти отца уехала в Харбин, где и прожила до отъезда в СССР в 1936 году. А в 1937 году всю нашу семью – маму, меня и братьев – арестовали как японских шпионов. Выжили я, мама, и младший брат, а ещё двое других братьев через месяц уже были расстреляны. Нам всем дали по десять лет лагерей. Через шесть лет маму освободили, и вскоре она сошла с ума. Недавно умер брат. Осталась я одна. Мне сейчас 82 года, порой бывает очень тяжело на душе. Вспоминаются чудесное детство, юность, проведённые в Харбине. Кажется, так бы и улетела туда, да крылья обрезаны. Вы, вероятно, приехали позднее и, слава Богу, не испытали всего того, что выпало на долю мою и моей семьи. Жизнь уходит, а воспоминания о прожитых годах в Китае не угасают и хочется всё время помнить, как нам молодым было там хорошо и, главное, беззаботно..." (НСМ, № 53).

11

Ирина Дмитриевна Василевская из Тамбова рассказывает о печальной судьбе близких. 1935 год. КВЖД продана, начался массовый отъезд на родину. Потянулись эшелоны, забитые домашним скarbом, живностью, разрешалось везти всё. В Харбине жили три брата – Николай, Александр и Пётр Василевские. Железнодорожники со стажем, советские подданные. Собрались в дорогу Николай и Александр. Третий брат отправляет сына, тоже Петра. Николай и Александр после отъезда вскоре исчезают

бесследно. Петя Василевский, мечтавший поступить в театральное училище, добрался до Ленинграда, к своей тётке. От юноши приходят полные восторгов письма. Внезапно переписка оборвалась. Отец продолжал писать сыну в никуда. Повсюду шлёт запросы, но нет ответа. Терзается, зачем отпустил сына. Проходят годы. Отец не успокоится, всё пишет в разные инстанции, включая и Кремль, обращаясь к вождям. Последнее письмо на имя Булганина в конце шестидесятых годов. Наконец приходит повестка из Военного трибунала Новосибирска, где он тогда жил. Вместо него, Василевского в ту пору в городе не было, пошла его жена. Она и пишет об этом.

"С замиранием сердца направлялась я туда, гадая, для чего приглашают. Меня встретил вежливый майор, пригласил сесть и сразу предупредил – ничего не записывать, никому не писать и не рассказывать о том, что скажет. А сообщил он ответ на запрос Василевского П.Ф. о судьбе его сына, Петра Петровича Василевского. Он был арестован в Ленинграде такого-то числа, ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности такого-то числа, приговорён к расстрелу такого-то числа, и приговор приведён в исполнение – дата. Произнеся это, майор выразил соболезнование, сказав, что да, были тогда ошибки. На этом аудиенция была закончена, и я, ошеломлённая, ушла" (НСМ, № 58).

12

В том же номере статья "Харбин: судьба обречённых". Рассказ о Клавдии Давыдовне Кузнецовой, кавэжединке, заброшенной в северный город ссыльных. Наряду с биографией сведения об технологии уничтожения населения государством. Автор пишет, как ухтинские харбинцы дружили, встречались, помогали друг другу. С посторонними остерегались говорить о своём происхождении. Живя в одном доме, корреспондент не знал, что соседка в 1913 году родилась в Маньчжурии. Отец её, Давыд Кузнецов, уроженец Омска, выехал туда на строительство КВЖД. Жена, Феоктиста Алексеевна, вырастила шестерых детей. С 1919 года Кузнецовы советские граждане. Сыновья Андрей и Григорий работали на КВЖД. Кондрат с семьёй уехал в Союз в 1926 году, жил в Улан-Удэ. Дмитрий и Клавдия учились. Замужняя Александра не работала. После продажи КВЖД молодые Кузнецовы вернулись на родину предков. Андрей, Григорий, Дмитрий и сестра Александра с сыном Олегом приехали в Союз в 1935 году. Обосновались в Оренбурге, нашли работу. Младшая – Клавдия – с больным отцом оставалась в Китае. В 1936 году и она с мужем приезжает в Москву, потом в Горький, устроились. Ничто не предвещало беды. Но 15 апреля 1936 года Клавдию Давыдовну арестовали. Тройкой московского военного трибунала осуждена на четыре года лагерей. Работала на лесоповале, на свиноферме Ухтосовхоза. В апреле 1940 года выпустили. Клавдия устояла уборщицей, работала кассиром в леспромхозе, портнихой, завхозом в детских садах Ухтинского комбината до выхода на пенсию. Прожив в Ухте 47 лет, в июне 1997 года ушла в мир

иной. Клавдия Давыдовна Кузнецова перед смертью узнаёт об участии братьев и сестры. 36 лет запрашивала.

"Кузнецов Андрей Давыдович, 1901 года рождения, уроженец станции Хинган, работал на шпалопропиточном заводе Оренбургской железной дороги. 20 марта 1936 года арестован органами НКВД как агент японской разведки. 14 октября приговорён тройкой НКВД к высшей мере наказания – расстрелу. Приговор приведён в исполнение 22 октября. Реабилитирован 14 января 1956 года.

Кузнецов Григорий Давыдович, 1907 года рождения, уроженец станции Бухэду, работал кладовщиком станции Оренбург. 6 октября 1937 года арестован органами НКВД как агент японской разведки. Приговорён 20 декабря 1937 года к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 28 декабря 1937 года. Реабилитирован 27 декабря 1957 года.

Гладилина Александра Давыдовна, 1904 года рождения, уроженка станции Бухэду, проживала в г. Оренбурге, домохозяйка. 29 апреля 1937 года арестована за участие в шпионско-диверсионной террористической группе. 10 декабря 1937 года приговорена к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 18 декабря 1937 года. Реабилитирована 21 января 1958 года.

Малолетний сын Олег пропал без вести.

Кузнецов Дмитрий Давыдович, 1909 года рождения, уроженец станции Маньчжурия, жил в г. Оренбурге, учился в ФЗО паровозоремонтного завода. 29 апреля 1937 года арестован органами НКВД за участие в шпионско-диверсионной группе. 10 декабря 1937 года приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 18 декабря 1937 года. Реабилитирован 31 января 1958 года.

Дочь старшего брата Кондрата сообщила: "Моего отца расстреляли в 1937 году".

Комментировать эти документы нет сил. Невозможно представить, какую боль испытывала Клавдия Давыдовна, узнав страшную правду о гибели родных, какое отчаяние несла она в своём сердце, и только смерть избавила её от этих страданий.

Анна Канева, канд. истор. наук, г. Ухта" (НСМ, № 58).

13

Ещё одна человеческая трагедия из многих десятков и сотен тысяч.

Леонтий Георгиевич Шадрин, 1872 года рождения, из крестьян Тобольской губернии, в 1900 году отправился на строительство КВЖД. Там и женился. В Харбине стал начальником Центральной библиотеки КВЖД. Родились дети – Нина, Зинаида, Любовь и Валентина. В 1919 году овдовел. От второго брака – сын Михаил, родился в 1921 году. В августе 1935 года, после продажи КВЖД, с семьёй вернулся на родину. В Мелекесе Ульяновской области работал счетоводом. Арестовали в октябре 1937 года. И 14 декабря 1937 года ОС НКВД по обвинению в КРД приговаривает к 10 годам ИТЛ. Доставили этапом в Карлаг. Жену, Веру Севастьяновну, тоже взяли, через день после ухода мужа. Сын Михаил остался беспризорным,

мыкался по вокзалам. Погиб на фронте. 21 апреля 1943 года освободили старшего Шадрина, ему более семидесяти, "списали" как инвалида. Устроился ночным сторожем в лагерный театр. Слава Богу, тогда выжили. Умер в 1953 году.

Его дочь Любовь Леонтьевна Шадрина, харбинка, 1910 года рождения. В 1928 году кончила Коммерческое училище. Училась на восточном отделении Юридического института и на курсах китайского языка. С 1932 года работала машинисткой и переводчицей в Управлении КВЖД. После продажи КВЖД летом 1935 года, со своей сестрой Зиной отправляется в СССР. В Уфе работает счетоводом эксплуатационного отдела Куйбышевской железной дороги, живут в коммуналке. Почувствовала за собой слежку, стало страшно оставаться одной дома. 11 сентября 1936 года арестовали по распоряжению Свердловского управления НКВД. Посадили в свердловскую тюрьму, мучили допросами. 22 мая 1937 года осуждена Особым совещанием НКВД на три года по подозрению в шпионаже. В Ухтпечлаге работала на лесоповале, на огородах и фермах Ухтосовхоза, машинисткой учётно-распределительного отдела лагеря. В сентябре 1938 года приехал в Ухтижемлаг гулаговский палач Е. Кашкетин-Скоморовский. Следственная группа рыскала по баракам заключённых в поисках новых жертв, хватили харбинцев. Л.Шадрина избежала истязаний, спас заключённый прораб. Молила Бога, что удалось избежать "встречи" с Кашкетиным. Освободили 11 ноября 1939 года. Подруги по бараку, артисты театра Ухтижемлага, собрали ей лагерное "приданое": полотенце, наволочку, простыню, чулки, юбку и даже фанерный чемоданчик. Вышла за зону – и тут забота подруг – встретил её Б.Ю.Козловский, бывший политзаключённый, инженер-геофизик. Устроил на временное жительство у себя в крохотной комнате дома барачного типа с общим коридором. Здесь встретила Бориса Купчикина, бывшего студента из Ленинграда, отбывшего срок по 58 статье. Вскоре поженились. Л.Шадрину по вольному найму приняли на работу машинисткой управления Ухтижемлага, работала и техником горно-строительного отдела лагеря. В Ухте прожила 60 лет. На 89 году жизни скончалась в Санкт-Петербурге (НСМ, № 61).

14

А вот фрагмент письма из публикации Татьяны Пешковой: "...Я плачу от счастья и одновременно от горя, что мама не дожила до этого события всего два года. Она искала брата и сестёр всю жизнь. После того, что пережила их семья, она и мысли не допускала, что кто-то может вернуться в СССР. Сама она прожила безумно трагическую жизнь. Мама была самой младшей в семье. Звали её Жней. Она уехала из дома в 18 лет в Японию. Некоторое время была без работы. Потом жила в Шанхае, где случайно устроилась в советское посольство. Здесь она вышла замуж за сотрудника посольства. Вскоре после свадьбы его вызвали в Москву. По дороге их арестовали. Это был 1937 год. Муж погиб почти сразу, а мама отсидела в лагерях ГУЛАГа как японская шпионка – 10 лет. Она была в самых

страшных местах заключения – на Колыме. После заключения она вторично вышла замуж за такого же бывшего заключённого из поволжских немцев. В 1951 году родились мы, двойняжки-девочки. До 1959 года жили на Севере. Потом переехали на родину отца. Мама так и была всегда под негласным надзором КГБ и, несмотря на то, что прекрасно знала английский, применить его ей не удалось – работала бухгалтером" (НСМ, № 63).

15

А вот статья Татьяны Медзыховской из Валги. Человек хранит семейную память. Завидная культура родословия, свойство души и одарённость. Родилась в Харбине, и жизнь родных связана с этим городом. Её дедушка, Афанасий Денисович Лозовой, приехал в Харбин с Киевщины. Ещё и города не было, только посёлок при железнодорожной станции. На КВЖД проработал более 40 лет. В Харбине в 1908 году родилась мать Татьяны. Вера Афанасьевна Лозовая окончила Коммерческое училище, затем Харбинскую зубоврачебную школу и, кроме того, получила диплом врача-лепролога. В 1929 году вышла замуж за Михаила Эмильевича Медзыховского, инженера-путейца на КВЖД. В 1930 году родилась Татьяна Медзыховская.

"После оккупации в 1932 году Маньчжурии японцами, отец с семьёй выехал в Советский Союз (в 1933 году). Дедушка с бабушкой оставались в Харбине до 1935 года, до продажи КВЖД, когда работники дороги с семьями выехали в СССР. Участь, которая постигла харбинцев первой волны, ужасна и трагична, и, видимо, в живых из них мало кто остался. Во всяком случае, моя мама, чудом уцелевшая от ареста, до самой смерти в 1985 году ни одного харбинца с КВЖД не встретила, так же, как и я".

"Дедушка попал в Оренбург, где был арестован в 1936 году, приговорён к 10 годам лагерей с конфискацией имущества и отправлен в магаданские лагеря, в бухту Нагаево, на каторжные работы в шахте. Приговор типичный для всех приехавших харбинцев. ...В 1944 году в магаданских лагерях было восстание, и заключённых давили танками и расстреливали из пулемётов. Так погиб мой любимый дедушка Афанасий Денисович Лозовой, честный труженик КВЖД и один из первых жителей Харбина".

"Теперь о судьбе моего отца, Михаила Эмильевича Медзыховского. По возвращении из Харбина в 1933 году отец был направлен в г. Новосибирск на Томскую железную дорогу – так тогда называлась теперешняя Западно-Сибирская. Работал он начальником производственного отдела службы пути. В 1936 году был арестован. Процесс по "делу" отца был одним из первых громких процессов, положивших начало уничтожению специалистов (тогдашним министром путей сообщения был Каганович). О ходе процесса сообщалось по радио, писали центральные газеты, судила прехавшая из Москвы "тройка". Приговор был опубликован в газете "Правда". ... После суда и полной конфискации имущества, нас в 24 часа выкинули из нашей квартиры на улицу. Жили мы в Новосибирске в

кооперативном доме, заселённом специалистами Управления дороги по улице Ленина, дом № 9". "Как я уже писала, мой дедушка с Украины, с Семигорода под Киевом – очень красивая, живописная холмистая местность, откуда и название произошло. Я ездила посмотреть родину своего деда. От некогда большого дома, мельницы, сада ничего не осталось, только когда-то прадедом сооружённое озеро ("ставок" по-украински) для разведения рыбы и сохранилось. Всё было уничтожено в 30-е годы раскулачивания, когда на Украине был организован сплошной голод, от которого по официальным данным умерло 5 – 6 миллионов, а по неофициальным ещё больше. Тогда погибли и родители моего дедушки, а три его брата с семьями были высланы в Соловецкие лагеря, где все и умерли. А ведь в 1935 году дедушка поехал в Советский Союз, а не в Канаду только из-за того, что престарелые родители и братья жили на Украине, не зная об их трагической судьбе и о том, что их уже нет в живых" (НСМ, № 67).

16

Леонид Маркизов из Сыктывкара вспоминает Владимира Михайловича Каплуна-Владимирского, главного дирижёра оперы в Железнодорожном собрании КВЖД в Харбине. "Трудно сложились его жизнь. Вернувшись в Союз после продажи КВЖД, Владимир Михайлович был признан "врагом народа" и с 16 сентября 1936 года по 6 октября 1944 года "прошёл" ГУЛАГ в Воркутинских краях, в Ухте. После освобождения ещё целых 12 лет он прожил в Ухте, вероятно, из-за того, что ему был запрещён выезд за пределы Коми АССР. А в 1956 году реабилитирован за отсутствием в его действиях состава преступления" (НСМ, № 27).

17

Вадим Перминов (Чита). Наш знаменитый земляк.

"В 1921 году, когда Олегу было всего пять лет, Леонид Францевич, в ту пору преподаватель физики в женской гимназии, получил приглашение от КВЖД и переехал в Харбин, где преподавал физику в Политехническом институте и был инспектором Коммерческого училища, куда поступили Олег и Игорь".

"В 1936 году, после продажи КВЖД и закрытия ХПИ, в поисках работы Лундстремы переехали в Шанхай. Вскоре вся "девятка" собралась вместе, и Шанхай ими был покорён". "Их отец Леонид Францевич в это время выехал в СССР, имея намерение потом перевезти и семью, но по известному приказу Ежова № 00593 от 20 сентября 1937 года (см. НСМ, № 6) в числе других харбинцев был арестован и сгинул в дебрях "Архипелага". После неоднократных обращений в Советское генеральное консульство оркестр полным составом (19 человек) с семьями 21 октября 1947 года на пароходе "Тоголь" отправляется на Родину в порт Находка" (НСМ, № 28).

18

Елена Таскина поздравляет с 85-летием Наталью Владимировну Пушину: "Старшее поколение харбинцев, несомненно, помнит её – Наталью

Пушину, обаятельную артистку балета, выпавшую в балетном ансамбле Желсоба в начале 30-х годов. Она родилась в Ижевске, в Харбин попала в пятилетнем возрасте, там же получила среднее образование. Училась балету в студии Серова и Манжелей, у Ратушенко и Торопова, с успехом выступала на харбинской сцене. А позже, вернувшись на родину в 1936 году, начала работать в Театре московской оперетты и в театре эстрады.

А 1937 году была арестована и пережила 8 лет лагерей. "Привезли в Ухту, – пишет Наталья Владимировна, – и на моё счастье взяли в театр, где был очень сильный состав, много харбинцев: Каплун-Владимирский, Рябых-Рябовский... Многих забыла...

После освобождения продолжала заниматься любимым делом – служила искусству танца, как могла. Жизнь не сломила её. Сейчас Наталья Владимировна живёт в г. Электросталь Московской области" (НСМ, № 69).

19

В следующем, декабрьском (1999 год), номере газеты публикуется письмо из Тюмени: "Я, Любовь Владимировна Исакова, являюсь внучкой Николая Борисовича (1912 – 1974) и Тамары Григорьевны (1916 – 1993) Кривченко-Костенко. Дедушка родился в Харбине. Его отец умер в 1919 году, оставив мать Харитину Федосеевну Кривченко-Костенко с тремя сыновьями. Николай был старшим из них. Бабушка родилась тоже в Харбине в семье служащего КВЖД Григория Яковлевича Худышкина. Свадьба состоялась в 1933 году, а в 1934-м у них родилась дочь Гертруда.

В 1937 году родители бабушки решают вернуться в СССР и осуществляют своё намерение. Их распределили в г. Балашов Саратовской области. В сентябре репрессировали прадеда – Григория Яковлевича Худышкина, а в октябре – деда, Николая Борисовича Кривченко-Костенко.

Боясь дальнейших репрессий, женщины, имея на руках двоих детей (Гертруде – 4 года, моей маме несколько месяцев), переезжают в Тюмень к родственникам.

К тому времени из Китая возвращается мать деда Харитина Федосеевна с сыном Семёном (1922 г. р.), которого оставляет на попечение бабушки на несколько лет. Во время войны она забирает Семёна и уезжает в неизвестном направлении. Очень хочу найти Семёна или его родственников. Думаю, по прилагаемой ниже фотографии кто-нибудь узнает моих родственников и откликнется.

На нижнем снимке слева направо изображены: бабушка Тамара Григорьевна, дедушка Николай Борисович Кривченко-Костенко, Семён – брат Николая Борисовича, прабабушка Харитина Федосеевна (у неё на руках моя тётя Гертруда).

Заранее всем благодарна. Исакова Л.Б." (НСМ, № 70).

20

"30 сентября 1999 года в г. Верхняя Пышма Свердловской области после продолжительной и тяжёлой болезни в возрасте 79 лет скончалась Наталия Арсеньевна МИТРОПОЛЬСКАЯ, дочь поэта Арсения Несмелова-

Митропольского. Наталия Арсеньевна родилась во Владивостоке 13 июля 1920 года, откуда была привезена родителями в Харбин. Мать Наташи, Екатерина Владимировна Худяковская, после продажи КВЖД в 1935 году выехала в СССР вместе с дочкой и в 1937 году была репрессирована и пробыла в заключении почти 10 лет. Так 17-летняя Наташа осталась без матери. Впоследствии переехала в Казань, где вышла замуж, её муж погиб на фронте в 1942 году. После смерти мужа Наталия Арсеньевна переехала в город Верхняя Пышма к освободившейся к тому времени матери. Там она и скончалась, не приходя в сознание после третьего инсульта. Пусть будет поухом ей уральская земля. И.Пасынков" (НСМ, № 75).

21

В следующем номере Иннокентий Пасынков сообщает подробности:

"В Харбине Екатерина Владимировна Худяковская, жена поэта, работала на КВЖД преподавательницей школы № 3 (напротив Желсоба), а затем школы № 4 на Казачьей улице, соответственно, и Наташа училась в них же. ... После продажи КВЖД Екатерина Владимировна решила вернуться в СССР вместе с дочкой, в то время как Арсений Иванович остался в Харбине. В 1937 году, в год великого террора коммунистов против своего народа и в соответствии со "знаменитым" указом Ежова о преследовании харбинцев, Екатерина Владимировна была репрессирована и пробыла в заключении почти десять лет. Побывала и в Коми АССР, где встретила с харбинским дирижёром Каплун-Владимирским (см. о нём НСМ, № 27). Из воспоминаний Н.А.Митропольской: "Мама встретила с Каплун-Владимирским в Москве в 1936 или 1937 году, а знала она его ещё по Харбину. В Москве он давал маме контрамарки для нас в Большой театр, в филиал, где он работал. И вновь они встретились в Коми, в Ухте. Он там маме очень помог, устроив её в лазарет медсестрой, где её выучили этому делу. Начальник лагеря, где был Каплун, оказался большим театралом". После пребывания в лагере Екатерина Владимировна оказалась в Свердловской области. Реабилитирована, как и большинство бывших "маньчжурцев" (НСМ, № 76).

22

В 1932 году из Харбина в Советский Союз приехала семья Митиных, 10 человек. В 1937 году арестовали восьмерых. Двое расстреляны сразу, трое погибли в лагерях, один пропал без вести. Отец умирает после освобождения в 1948 году. В живых осталась одна Валентина Георгиевна. Печальный итог. Она ведёт скорбные воспоминания, насыщенные разнообразными сведениями. Жизнь – запутасься в лабиринтах и коридорах.

"Прадед мой по материнской линии был украинец, жил на Украине, был крепостной. По какой причине – не знаю, но он пытался заколоть вилами помещика, за что был сослан в Сибирь. Его дочь (моя бабушка Ирина Ефимовна) в восьмидесятых годах 19-го столетия вышла замуж за моего деда-татарина Василия Типугина. И в 1892 году у них родилась в

Чите моя мать, Анна Васильевна Типугина. В 1900-х годах дед с семьёй переехал в Северную Маньчжурию на постройку КВЖД. Отец – уроженец Владимирской губернии, коренной крестьянин Георгий Васильевич Митин. ... В каком году – тоже не знаю, но отец был призван на военную службу в Маньчжурию. Так судьба свела моих мать и отца в Маньчжурии, там они и поженились. К тому времени мать была уже очень хорошей портнихой. У матери был очень сильный характер, а её отец сильно выпивал и бил мою бабушку. Мать, убедившись, что сама сможет прокормить семью, выгнала отца из дому. Так на её руках остались моя бабушка, Ирина Ефимовна, два брата (Михаил и Виктор) и сестра Конкордия. Вот с таким "приданым" в четыре человека моя мать вышла замуж за моего отца. Все мои дяди и тётя были ненамного старше нас. В 1916 году родилась сестра Лариса, потом я, брат Юра и младшая сестра Марина. Вот такая у нас была семья в десять человек. Работал отец на КВЖД, мать всех растила и воспитывала, а также шила на дому".

"Отец... в 1918 году вступил в коммунистическую партию (она на Дальнем Востоке называлась как-то по-другому), и вот так мы и стали советскими подданными".

В 1932 году перебираются в Союз...

"Годы учёбы в институте я считаю самыми счастливыми годами моей жизни в Союзе. Я любила, была любима. Он – Валентин Васильевич Якушев, был харбинцем, учился на курс старше меня в ТЭМИИТЕ. А в сентябре 1937 года его и всех харбинцев, переведённых из ХПИ, в том числе и профессора С.Н.Петрова, арестовали, почти всех расстреляли. В.В.Якушеву дали 10 лет ИТЛ, отправили в Магадан, где он умер.

В ноябре 1937 года арестовали меня и брата. Мне дали 10 лет ИТЛ, а брата в январе 1938 года расстреляли. А был он в то время 17-летним, ещё «нецелованным» мальчиком. О его расстреле я узнала только в 1955 году, когда по приезду в Томск приобрела книги "Боль людская", в четырёх томах которых перечислены тысячи фамилий томских репрессированных, в том числе и харбинцев".

"Кого я встретила, начиная со дня ареста, из харбинцев? Зою Сергеевну Рожкину (1914 г. р.). В Новосибирской пересылке – Марию Глушенко, жила она на Пристани, работала с папой в Управлении КВЖД на Большом проспекте. Лизу Курочкину (её вызывали из лагеря на передосмотр, в прошлом ей дали срок 5 лет, которые заканчивались, в 1937 добавили ещё 10). В Ивдельлаге встретила Ольгу Пекарскую – она работала в Управлении дороги (в 1962 году мы встретились в г. Рудном, в Казахстане), харбинскую драматическую актрису Веру Георгиевну Савицкую, Марию Смолову, Николая Трошина, Владимира Миронова, Юлию Мироновну Фурман, Сергея Какаulina. Если кому-нибудь эти фамилии что-то говорят – напишите, и я сообщу подробнее всё, что знаю о них" (НСМ, № 79).

В своё время газета оповестила, что 22 октября 1997 года в Москве, в Международном историко-просветительском, правозащитном и благотворительном обществе "Мемориал", состоялась встреча группы "Землячество КВЖД". Осталась малая горстка людей. Прошло 60 лет после введения в действие пресловутого "Оперативного приказа по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров – так называемых "харбинцев", – осевших на ж д транспорте и в промышленности Союза", № 00593 от 20 сентября 1937 года за подписью наркома НКВД Н.Ежова (См. НСМ, № 6.). В результате за год, с 1 октября 1937-го и до 15 ноября 1938-го, арестовано 49.470 кавэжединов. Из них 31.226 приговорены к расстрелу, более 63%. Эти потрясающие данные привёл руководитель Научно-информационного и просветительского центра Арсений Борисович Рогинский. Надо ли ещё как-то толковать подобное? Мы не хотим, чтобы историческая память народа оглохла (НСМ, № 48).

24

Вернёмся к статье Валентины Георгиевны Митиной. Там ещё такие слова, только бы прочувствовать и понять.

"1937-38 годы... Это были страшные годы, которые напоминали эпидемию чумы. Город Томск – студенческий город. До 1937 года утром улицы заполнялись нескончаемым потоком студентов (транспорта в городе не было). Эти людские реки текут и вливаются в двери многочисленных вузов. Их коридоры шумят от говора и смеха. А в 1937 году город вымер. Улицы почти пустые, в коридорах – ни шума, ни смеха. Ночью мечутся по городу "чёрные вороны". Тишина. За окнами и стенами с тревогой слушают: остановится машина или пройдёт дальше. И вот в один из сентябрьских дней "ворон" остановился около общежития ТЭМИИТа. Зашли в одну из комнат: "Кто харбинцы? Выходите!". Без предъявления ордера, каких-либо документов. Вывели и повели. Всё! Кто следующий? Забрали всех подряд: студентов, преподавателей, служащих, домохозяек, безработных, 70-80-летних стариков, парикмахеров, уборщиц, сапожников, сторожей, продавцов, колхозников и т.д. и т.д. Надо спешить, нужны бесплатные рабочие руки. План спущен. Выполнять!".

Рассказ обращён к нам. Он напоминает обличение, порой исповедь. Поразительна сила духа у женщины. Ей 82 года. Могло ли быть иначе?

"Мне очень неприятно вспоминать годы с 1937 до 1947. Годы непосильного каторжного труда, годы унижений, оскорблений, голода. Про лагерную жизнь уже много написано. Была поставлена правительством задача – истреблять! Вот и истребляли с различными вариантами.

Надежда умирает последней. И эта надежда, что нас вот-вот освободят, разберутся – мы же не совершили никакого преступления, нас не судили. Ведь вызвали на допрос всего два раза и сфабриковали немыслимое, неправдоподобное дело – шпионаж, диверсии, агитация. И эта надежда давала возможность выдержать эту лагерную жизнь.

Летом – гнус. Если оставить на несколько минут руки спокойными, то они становятся чёрными от гнуса. Зимой – мороз до 60, снег до пояса. Подъём в 6 утра. Завтрак – черпак жидкой каши. В 6.30 развод: всех собирают к вахте, считают и выводят на работу за зону. Летом на ноги – лапти, на голову накомарник. Зимой на ноги бахилы, несмотря ни на какой мороз, залатанный бушлат. До работы идти от 3 до 5 километров. Вся дорога по целине, снег выше колена. Летом конвой по своей прихоти может приказывать лечь в лужу с предупреждением: "Не вертухаться! Расстрел!".

Работа в лесу – валишь лес продольно-поперечной пилой. Обрубка, сжигание сучьев. Разделка древесины, трелёвка леса. Самая тяжёлая и опасная работа – штабелёвка. Большой тяжёлый валан надо поднять на высоту, в штабеля. А вдруг он сорвётся, не хватит сил его удержать – тогда покалечит или раздавит. Самое лёгкое было в лесу в жару разносить бригаде воду для питья.

На каких только ещё работах я не побывала. Месила ногами глину, штукатурила, белила, заготовляла "чурку" для тракторов, была прачкой в прачечной (самая отвратительная), починяла ночами рукавицы и бахилы (огромную кучу надо было успеть починить к разводу). Иногда перепадало на 2-3 дня поработать на кухне. Для этого вставать надо было в 5 утра, работы много и тяжёлая, но можно сытно поесть. А потом, после 5 лет, в основном работы в лесу, освоила курсы десятника по приёмке древесины – стало полегче. А когда знание английского языка дало мне возможность справиться с латынью – последние три года работала медсестрой.

Я хорошо вышивала и вязала. Знакомство в больнице с вольнонаёмными врачами, медсёстрами и с их знакомыми дало возможность принимать от них заказы. Появился "приварок" к пайке хлеба. Однако мой талант чуть не сгубил меня. Начальник ОЛТ, желая поднять свой престиж, к каким-то сталинским датам решил представить начальству вышитый моими руками портрет Сталина. Я наотрез отказалась. И был издан приказ (причину найти не трудно) – отправить меня на штрафной лагерный пункт, где в основном содержались бандиты. И только заступничество знакомых вольнонаёмных спасло меня – я была переведена на другой ОЛТ.

Так как характер у меня колючий, то мне очень часто приходилось сидеть в карцере, где, кроме холода зимой, ползал миллион клопов... Часто задумывалась: а стоит ли жить?... Воспоминания терзают мою душу... Не менее страшное ожидало нас и после освобождения. Брели расписку, что в случае разглашения сведений о лагерной жизни – срок 10 лет. Местожительство давали только на 101 километре от городов. Документы на руках – только справка об освобождении и 3-месячный паспорт. Каждые три месяца ты обязан являться в милицию за новым паспортом. Все документы, отобранные при аресте, даже метрика о рождении, не возвращались. Учиться нигде нельзя, на работу – только на "общие" работы.

Хозяева частных квартир, куда удавалось прописаться, вскоре выражали неудовольствие частой заменой паспорта.

Человек без специальности, без образования, без трудового стажа. Поэтому многие возвращались жить в места, где отбывали "срок" (в том числе и я). Немного обживались, как-то устраивали свою жизнь" (НСМ, № 79).

Жизнеописание Валентины Георгиевны Митиной названо "Мои университеты". Самому родоначальнику соцреализма такое не приснилось бы.

25

Янина Рубинова (г. Николаев). Все мы родом из детства.

"А для меня Маньчжурия – страна моего детства! Детства на далёком полустанке, где пассажирские поезда останавливались всего-то на одну минуту. И сберегла я на всю жизнь любовь к бескрайним и прекрасным маньчжурским степям – с трелями жаворонков на зорьке, курлыканием журавлей в поднебесье, степными ласточками, травами в лилиях и саранках... Так хочется проехать поездом от ст. Маньчжурия до Харбина, сойти на своей тихой, степной и родной станции Сарту! Знаю, что там уже давно вырос большой город Дацин, но всё равно, кажется, пробежала бы сейчас до семафора так, как мы любили в детстве встречать пробегающие поезда.

И как же не любить Маньчжурию! Она осталась в нашей жизни далёким светлым пятнышком. А скольких русских приютила она тогда! Помню, до самого нашего отъезда в СССР всё селились и селились на нашей станции рядом с китайскими фанзами те, которым удавалось благополучно переходить границу с помощью китайских проводников. Я даже помню фамилии этих поселенцев. Они приходили к нам домой и очень много рассказывали родителям о тогдашней России.

Мои родители – Черненко Лаврентий Петрович и Екатерина Ивановна Луцишко – венчались на ст. Маньчжурия в 1919 году. Мама служила у раввина, готовила пищу. А папа всегда брал нас с братом, когда по каким-либо делам ехал в Харбин, и я как бы становилась тогда маленькой горожанкой-харбинкой. Мне очень хотелось одеваться в красивые платья, какие я видела на улицах Харбина, но на своей станции я могла их видеть только на пассажирах, прогуливающихся по перрону. И в 12 лет я стала сама себе шить наряды. И так всю жизнь. Раньше всех была одета в новое и модное. Сейчас тоже получается неплохо, но только уже перешиваю из старого.

А тогда папа нам показывал торговые дома "Чурина" и "Тун Фалуна", возил на ипподром, катал на лодках по Сунгари, бывали мы с ним и в Советском консульстве. В Харбине жили наши с братом крёстные. И моя первая учительница Александра Матвеевна Плеханова тоже жила в Харбине. Мы навещали её. Она была очень доброй женщиной.

Впоследствии многое нам с братом пришлось пережить как детям "врага народа". И всё же в 1941-м мы добровольно ушли на фронт. Брат, рядовой бронебойщик, закончил войну в маньчжурских степях. Судьба привела его в 1945-м в родные края, немного не доехал до ст. Цицикар. А я – рядовая медсестра – прошла боевой путь от Сталинграда, немного не дойдя до Праги.

С 1964 года веду картотеку поиска неизвестных солдат. Первым открывает список погибших на фронте в годы войны земляков-маньчжурцев Владимир Маяков. Он убит 13 февраля 1942 года под Калугой, а старший его брат Валентин расстрелян в 1937-м в Свердловске. Имею документальные данные о братьях. Может, отзовутся родственники. Родители их мамы Анны Матвеевны жили в Харбине..." (Харб., 1994, № 1).

26

"Об авторе. Юрий Николаевич Абдашев.

23 января 1999 года на 76-ом году жизни скончался российский писатель, председатель Краснодарской организации Союза Российских писателей, участник боёв за освобождение Кубани, Почётный гражданин Краснодара, харбинец Юрий Абдашев.

В 30-е годы уехала семья из Харбина. Отцу говорили: "Не верьте им! Вас расстреляют!", а он своё: "Хватит по чужбинам скитаться! У Юрки должна быть родина". Арестовали и расстреляли не только отца, но и мать отправили в ГУЛАГ, а Юрку – в спецколонию. Защищать свою родину он пошёл добровольцем.

Много прекрасных книг написал за свою жизнь Юрий Николаевич, но не успел дописать "Моление о чаше" – книгу о нашей жизни. Почитайте хоть главу из неё "Хунхузы", присланную Южаниной – двойной землячкой Абдашева: по рождению в Китае и по долгим годам жизни на Кубани" (ОХ, № 11, 1999).

27

Отзовитесь. "Лебзина Галина Ивановна (отец Иван Степанович работал машинистом) хочет узнать о своих братьях Владимире и Борисе, они учились в ХПИ. В 1935 году всей семьёй выехали в Советский Союз, жили и учились в Ростове-на-Дону до ареста в 1937 году. Откликнитесь, кто с ними учился и знал их.

Также проживали в Харбине и выехали в Россию в 1935 году Твердохлебов Валерий, Герего Тамара, Хребтов Алексей, Смирновы Александр и Галина. А Квитко Екатерина в 1935-м оставалась ещё в Харбине. Где вы теперь? – Отзовитесь!"

28

"Кто знает адрес Александра Кузьмича Дьячкова 1922 года рождения, его супруги и дочери? У его родителей, Кузьмы Анфиногеновича и Татьяны Васильевны Дьячковых, он был младшим сыном. В Харбине семья проживала в Новом городе, на Бульварной улице.

После продажи КВЖД и возвращения в сентябре 1937 года на Родину его родители в октябре того же года были необоснованно арестованы, а сам Александр, как юноша, определён в детприёмник НКВД...

Разыскивает его родственница, адрес в редакции" (НСМ, 1994, № 14).

Такой вот венок печалования получается. Вместо равенства и братства разгул фашизма, лютое беззаконие и всевластие тьмы. Вся страна – лагерь.

29

Олег Брасов опубликует в 2001 году изумительные воспоминания – читаешь с восторгом, затаив дыхание – о Первом Харбинском коммерческом училище. С любовью скроено изыщное полотно статьи о талантливых педагогах и сплошь незаурядных соучениках своих, с чувством признательности и восхищения, немало удивительных дружеских слов и душевных интонаций, метких образов и живых зарисовок – поклон и честь такой школе, 1 ХОКУ, основанному в 1921 году. В числе его одноклассников, оказывается, был там тогда и Сема Ерухимович. О нём сказано так: "Немолчно былое. Громче, громче доносится из него барабанный бой. Училище в полном составе идёт на праздничный сбор, организованный китайским муниципалитетом города. Ещё до захвата Харбина японскими милитаристами. Впереди не чересчур стройных рядов – главный школьный барабанщик Ерухимович, мой соученик. Он и главный запевала в классе, когда мы импровизированным хором пели на перемене частушки, популярные песни, арии из оперетт. Ерухимович доброжелателен, отзывчив. Общителен. Притом – прирождённый математик. Неизменный пятёрочник. В будущем – высшей категории специалист по бухгалтерскому учёту. Эксперт. Он из семьи, крайне ограниченной в средствах. Пришлось ему перед выпускными экзаменами поступить на работу. Двойная нагрузка по сравнению с нами. Справился с нею. В аттестате сплошь отличные отметки.

В будущем, как гром среди ясного неба, тяжелейшее испытание – долгие годы ГУЛАГа. Беспощадно сочли без вины виноватым. Был в конце концов реабилитирован. В мирной жизни, живя в Петербурге, буквально опекал соученицу Сажину – больную, беспомощную" (НСМ, № 87).

Поучительна жизнь незаурядного человека. Много необычайно интересного. Документальная проза обогащает сведениями из закрытых областей знания о людоедстве и варварстве. Кажется, брали и связали не всех подряд, но самых породистых, кто выделялся на общем фоне и попал в поле зрения селекционеров. Действительно, был бы человек – статья найдётся. У профессионалов-нелюдей, занимавшихся социальной чисткой, были инструкции, критерии отбора и железная логика. В этом деле бесценны склонности и навыки подавления. Всё согласованно, как надо, крутится – система изоляции и машина уничтожения, в ней шестерёнки, подогнаны винтики и болтики, и маховик раскручен. Уже проверено на практике.

ОПЕРАТИВНЫЙ ПРИКАЗ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА СССР
гор. Москва 20 сентября 1937 года

№ 00593

Органами НКВД учтено до 25.000 человек, так называемых "харбинцев" (бывшие служащие Китайско-Восточной железной дороги и реэмигранты из Манчжоу-Го), осевших на железнодорожном транспорте и в промышленности Союза.

Учётные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве, состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т. п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки, которая на протяжении ряда лет направляла их в Советский Союз для террористической, диверсионной и шпионской деятельности.

Доказательством этого могут служить также и следственные материалы. Например, на железнодорожном транспорте и промышленности за последний год репрессировано за активную террористическую и диверсионно-шпионскую деятельность до 4.500 харбинцев. Следствие по их делам вскрывает тщательно подготовленную и планомерно выполнявшуюся работу японской разведки по организации на территории Советского Союза диверсионно-шпионских баз из числа харбинцев.

Рассылая при настоящем приказе закрытое письмо о террористической, диверсионной и шпионской деятельности японской агентуры из харбинцев, в целях разгрома насаждённых на транспорте и в промышленности СССР шпионских кадров из харбинцев

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. С 1-го октября 1937 г. приступить к широкой операции по ликвидации диверсионно-шпионских и террористических кадров харбинцев на транспорте и в промышленности.

2. Аресту подлежат все харбинцы:

а) избалованные и подозреваемые в террористической, диверсионной, шпионской и вредительской деятельности;

б) бывшие белые, реэмигранты, как эмигрировавшие в годы гражданской войны, так и военнотруженики разных белых формирований;

в) бывшие члены антисоветских политических партий (эсеры, меньшевики и др.);

г) участники троцкистских и правых формирований, а также все харбинцы, связанные с деятельностью этих антисоветских формирований;

д) участники разных эмигрантских фашистских организаций ("Русский общевойсковой союз", "Союз казачьих станиц", "Союз мушкетёров", "Жёлтый Союз", "Чёрное кольцо", "Христианский союз молодых людей", "Русское студенческое общество", "Братство русской правды", "Трудовая крестьянская партия" и т.п.);

- е) служившие в китайской полиции и войсках как до захвата Маньчжурии японцами, так и после образования Маньчжоу-Го;
 - ж) служившие в иностранных фирмах, прежде всего японских, а также белогвардейских (фирма ЧУРИНА и др.);
 - з) окончившие в Харбине известные курсы "Интернационал", "Славия", "Прага";
 - и) владельцы и совладельцы различных предприятий в Харбине (рестораны, гостиницы, гаражи и пр.);
 - к) нелегально въехавшие в СССР без установленных по закону советских документов;
 - л) принимавшие китайское подданство, а затем переходившие в советское гражданство;
 - м) бывшие контрабандисты, уголовники, торговцы опиумом, морфием и т. п.;
 - н) участники контрреволюционных сектантских группировок.
3. Аресты произвести в две очереди:
- а) в первую очередь арестовать всех харбинцев, работающих в НКВД, служащих в Красной армии, на железнодорожном и водном транспорте, в гражданском и воздушном флоте, на военных заводах, в оборонных цехах всех других заводов, в электросиловом хозяйстве всех промпредприятий, на газовых и нефтеперегонных заводах, в химической промышленности;
 - б) во вторую очередь – всех остальных харбинцев, работающих в советских учреждениях, совхозах, колхозах и проч.
4. Харбинцев, не подпавших под перечисленные в пункте втором категории, независимо от наличия компрометирующих данных, немедленно удалить из железнодорожного, водного и воздушного транспорта, а также из промышленных предприятий, приняв одновременно меры к недопущению впредь на эти объекты.
5. Следствие по делам арестованных харбинцев развернуть с таким расчётом, чтобы в кратчайший срок полностью разоблачить всех участников диверсионно-шпионских и террористических организаций и групп.
- Выявляемую в процессе следствия харбинцев новую сеть шпионов, вредителей и диверсантов – НЕМЕДЛЕННО АРЕСТОВЫВАТЬ.
6. Всех арестованных харбинцев разбить на две категории:
- а) к первой категории отнести всех харбинцев, изблечённых в диверсионно-шпионской, террористической, вредительской и антисоветской деятельности, которые подлежат расстрелу;
 - б) ко второй категории – всех остальных, менее активных харбинцев, подлежащих заключению в тюрьмы и лагеря, сроком от 8 до 10 лет.
7. На харбинцев, отнесённых в процессе следствия к первой и ко второй категории – ежедекадно составлять альбом (отдельная справка на каждого арестованного), с конкретным изложением следственных и агентурных материалов, определяющих степень виновности арестованных.

Альбом направлять в НКВД СССР на утверждение.

Отнесение арестованных харбинцев к 1-й и 2-й категориям производится на основании агентурных и следственных данных – Народным Комиссаром Внутренних Дел республики – начальником УНКВД, области или края, начальником ДТОГУГБ НКВД, совместно с соответствующим прокурором республики, области, края, дороги.

8. После утверждения списков НКВД СССР и прокурором Союза приговор приводить в исполнение – НЕМЕДЛЕННО.

9. Освобождение из тюрем и лагерей ранее осуждённых харбинцев, отбывающих наказание за шпионаж, диверсию и вредительство – прекратить.

На этих лиц представить материалы для рассмотрения на Особом совещании НКВД СССР.

10. Операцию по харбинцам использовать для приобретения квалифицированной агентуры, приняв меры к недопущению в секретный аппарат двойников.

11. Операцию закончить к 25 декабря 1937 года.

12. В отношении семей репрессированных харбинцев руководствоваться моим приказом № 00486 от 15 августа 1937 года.

13. О ходе операции доносить мне по телеграфу каждые пять дней (5, 10, 15, 20, 25 и 30 числа каждого месяца).

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР –

Генеральный Комиссар Государственной Безопасности ЕЖОВ
(НСМ, 1994, № 6).

Загодя (без формальностей) и так ясно, кому что и сколько полагается. 10 или 15, чтобы не мелочиться. Есть указание сверху, разнарядка, соцзаказ и сообразительство. Подготовлены, подкованы и подкормлены, кадры. Есть организация. Машина работала... Таков уж режим безбожной власти, диктатура партии ГБ. Демагогия страшной Мамая. И в ней всё кривда. ХСМЛ – фашистская организация. Чуринцы, работники торговой фирмы "Чурин", белогвардейцы и преступники. На кого рассчитана ложь? Покорному народу стоило миллионов жизней. Не хватило сил отстоять Истину и Достоинство.

ПРОТИВЛЕНЦЫ

Конечно, были люди... О них помним. И не харбинцы, не кавэжедины, не возвращенцы, – попали в ту же историю. Видели беду, понимали происхождение насилия, знали, что надо сопротивляться террору, подчас чувствовали своё бессилие и обречённость. Но шли наперекор злу и лжи, утверждая человеческое право на свободу совести и слова. Смертные, сумели осознать, от кого идёт великая смута в стране. Мафия и проходимцы у власти. И откуда же в смутное время берутся святые рыцари духа?

У Осипа Мандельштама вырываются криком роковые стихи, за которые он, не долго ждать, поплатится жизнью. Стихотворный завет и

вызов отозвались смертельной грозой. Поэтическая дерзость и теперь одним по нраву, другим нет:

Мы живём, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на подразговорца –
Там припомнят кремлёвского горца.
Его толстые пальцы, как черви, жирны
И слова, как пудовые гири, верны,
Тараканьи смеются глазища,
И сияют его голенища.
А вокруг него сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей,
Кто свистит, кто мяучит, кто хнычет –
Он один лишь бабачет и тычет.
Как подкову, дарит за указом указ –
Кому в пах, кому в лоб, кому в бровь, кому в глаз,
Что ни казнь у него – то малина
И широкая грудь осетина.

Ноябрь 1933 г.

Стихи о Сталине читаны друзьям, донесли Ежову. В мае 34-го года Мандельштама арестуют. Поэзия страшит тирана. Лубянка начнёт "дело". На первый раз спасёт чудо, стихотворец отделается ссылкой в Чердынь и Воронеж. Вместе с поэтом жена Надежда. Обрекая себя на изгойство и нищенство, в полной мере познают на себе, что означало сталинское "изолировать, но сохранить". Поэт проживёт три года и сгинет в 38-ом. Отверженная Надежда выдюжит, до конца сохранив убеждения и память. Позже в "Воспоминаниях" станет свидетельствовать о современниках и режиме, об испытаниях и переживаниях, о борении со злом и текущей истории жизни.

"Каково бы ни было качество этих стихов, можно ли их считать случайными для поэта, если они принесли ему страшную гибель? Стихи эти были актом, поступком, с моей точки зрения, они логически вытекают из всей жизни и работы О.М... Думаю, что он не хотел уйти из жизни, не оставив недвусмысленного высказывания о том, что происходило на наших глазах"¹.

Это точка зрения жены. И далее всё она же:

"О.М. властно вёл свою жизнь к той гибели, которая его подстерегала, к самой распространённой у нас форме смерти "с гурьбой и гуртом". Зимой 32/33 года, на вечере стихов О.М. в редакции "Литературной газеты", Маркиш вдруг всё понял и сказал: "Вы сами себя берёте за руку и ведёте на казнь" ...

Стихи были написаны в конце раскулачивания между "Старым Крымом" и "Квартирой". Был ли психологический импульс к написанию этих стихов? Импульсов было, наверное, несколько или множество, а не один. Каждый из них в какой-то пропорции участвовал в том, что на языке следователя называлось "акцией" и в начале следствия рассматривалось как террористический акт.

¹ Н.Я.Мандельштам. Воспоминания. – М.: Книга, 1989, с. 150.

Первый импульс можно назвать "не могу молчать". Поколение наших отцов часто произносило эту формулу. Мы не повторяли её за отцами, но, видно, есть капля, которая переполняет чашу. К 33 году мы сильно продвинулись в познании действительности. Сталинизм уже проявился в массовом предприятии – раскулачивании – и в частном – в организации на службу государству литературы, перед которой были поставлены чисто государственные цели.

Летом мы были в Старом Крыму, и в стихах впервые появились слова, указывающие, что О.М. видел свежие следы раскулачивания – страшные тени Украины и Кубани, голодные крестьяне... В первом варианте стихов Сталин назван душегубцем и мужикоборцем. Все об этом тогда думали и говорили – шепотом, конечно, и стихи не опередили своего времени. Они опередили только сознание правящих кругов и тех, кто им прислуживал.

Вторая предпосылка для написания этих стихов – сознание собственной обречённости. Прятаться "шапкой в рукав" было поздно. Стихи тридцатых годов уже ходили по рукам¹.

Гибель поэта – не случайность. В ней более общий смысл. Не испытав тех бед и горя, нам не дано видеть и ведать всё. Но всегда найдутся люди, которых не одурачить. Остаётся внимать и вникать в свидетельства страдальцев и очевидцев. Поступки, переживания и мысли останутся во веки веков.

ПРОТИВЛЕНИЕ ВСЕВЛАСТИЮ ТЬМЫ

В конце 1934 года, после убийства Кирова, Иван Петрович Павлов отправил правительству заявление. Самоотверженный порыв. Его не замолчать. Человек будет стоять до конца. Скажут, "телёнок бодается с дубом". Не всякий академик станет пререкаться с властью, чаще они покладасты и смиренны, живут в согласии с правящим режимом и получая для себя пользу от соглашательской позы. Власти не терпят строптивых умов.

"В Совет Народных Комиссаров СССР.

Революция застала меня почти в 70 лет. А в меня засело как-то твёрдое убеждение, что срок отдельной человеческой жизни именно 70 лет. И поэтому я смело и открыто критиковал революцию. Я говорил себе: "Чёрт с ними! Пусть расстреляют. Всё равно жизнь кончена, а я сделаю то, что требовало от меня моё достоинство". На меня поэтому не действовало ни приглашение в старую Чеку, правда кончившееся ничем, ни угрозы при Зиновьеве в здепней "Правде" по поводу одного моего публичного чтения: "Можно ведь и ушибить...". Теперь дело показало, что я неверно судил о моей работоспособности. И сейчас, хотя раньше часто о выезде из отечества подумывал и даже иногда заявлял, я решительно не могу расстаться с родиной и прервать здепнюю работу, которую считаю очень важной, способной не только хорошо послужить репутации русской науки, но и толкнуть вперёд человеческую мысль вообще. – Но мне тяжело, по временам очень тяжело жить здесь – и это есть причина моего письма в Совет.

Вы напрасно верите в мировую революцию. Я не могу без улыбки смотреть на плакаты: "Да здравствует мировая социалистическая революция, да здравствует мировой Октябрь!". Вы сеете по культурному миру не революцию, а с огромным

¹ Там же, сс.147-8.

успехом фашизм. До Вапшей революции фашизма не было. Ведь только политическим младенцам Временного правительства было мало даже двух Вапших репетиций перед Вашим Октябрьским торжеством. Все остальные правительства вовсе не желают видеть у себя то, что было и есть у нас, и, конечно, вовремя догадываются применить для предупреждения этого то, чем пользовались и пользуетесь Вы – террор и насилие. Разве это не видно всякому зрячему? Сколько раз в Ваших газетах о других странах писалось: "Час настал, час пробил", а дело кончалось лишь новым фашизмом то там, то сям. Да, под Вашим косвенным влиянием фашизм постепенно охватит весь культурный мир, исключая могучий англо-саксонский отдел (Англию, наверное, американские Соединённые Штаты, вероятно), который воплотит-таки в жизнь ядро социализма: лозунг – труд как первую обязанность и главное достоинство человека и как основу человеческих отношений, обеспечивающую соответствующее существование каждого – и достигнет этого с сохранением всех дорогих, стоивших больших жертв и большого времени, приобретений культурного человечества. Но мне тяжело не оттого, что мировой фашизм попрдидержит на известный срок темп естественного человеческого прогресса, а оттого, что делается у нас и что, по моему мнению, грозит серьёзной опасностью моей родине.

Во-первых, то, что Вы делаете, есть, конечно, только эксперимент и пусть даже грандиозный по отваге, как я уже и сказал, но не осуществление бесспорной насквозь жизненной правды – и, как всякий эксперимент, с неизвестным пока окончательным результатом. Во-вторых, эксперимент страшно дорогой (и в этом суть дела), с уничтожением всего культурного покоя и всей культурной красоты жизни.

Мы жили и живём под неослабевающим режимом террора и насилия. Если бы нашу обывательскую действительность воспроизвести целиком без пропусков, со всеми ежедневными подробностями – это была бы ужасающая картина, потрясающее впечатление от которой на настоящих людей едва ли бы значительно смягчилось, если рядом с ней поставить и другую нашу картину с чудесно как бы вновь вырастающими городами, днепростроями, гигантами-заводами и бесчисленными учёными и учебными заведениями. Когда первая картина заполняет моё внимание, я всего более вижу сходства нашей жизни с жизнью древних азиатских деспотий. А у нас это называется республиками. Как это понимать? Пусть, может быть, это временно. Но надо помнить, что человеку, происшедшему из зверя, легко падать, но трудно подниматься. Тем, которые злобно приговаривают к смерти массы себе подобных и с удовлетворением приводят это в исполнение, как и тем, насильственно приучаемым участвовать в этом, едва ли возможно остаться существами, чувствующими и думающими человечно. И с другой стороны. Тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного человеческого достоинства.

Когда я встречаюсь с новыми случаями из отрицательной полосы нашей жизни (а их legion), я теряюсь ядовитым укором, что оставался и остаюсь среди нея.

Не один же я так думаю и чувствую? Попадайте же родину и нас. Академик Иван Павлов. Ленинград, 21 декабря 1934 г.¹.

2 января 1935 года готов ответ В.М.Молотова. Не удивительно, что Предсовнарком иначе рассуждает о праве и правде. Партийный чин первого

¹ Своевременные мысли, или пророки в своём отечестве. – Л.: Лениздат, 1989, с.95.

эшелона власти, ответственный за уничтожение и унижение людей, за крушение нравов, не примет на свой счёт обвинения в насилии над здравым смыслом жизни. Демагог не услышит крика души, боли и отчаяния в обращении учёного, прикроется пустословием, в те годы более чем опасным. Но ответит по правилу.

"Ваше письмо от 21 декабря Совет Народных Комиссаров получил. Должен при этом выразить Вам своё откровенное мнение о полной неубедительности и несостоятельности высказанных в Вашем письме политических положений. Чего стоит, например, одно противопоставление таких представительниц "культурного мира", как империалистические державы – Англия и Соединённые Штаты, огнём и мечом прокладывающих себе путь к мировому господству и загубивших миллионы людей в Индии и Америке, также и теперь ни перед чем не останавливающихся, чтобы охранять интересы эксплуататорских классов, – противопоставление этих капиталистических государств нашему Советскому Союзу, спасшему от гибели миллионы людей путём быстрого выхода из войны в 1917 году и провозглашения мира и успешно строящему бесклассовое социалистическое общество, общество подлинно высокой культуры и освобождённого труда, несмотря на все трудности борьбы с врагами этого нового мира.

Можно только удивляться, что Вы берётесь делать категорические выводы в отношении принципиально-политических вопросов, научная основа которых Вам, как видно, совершенно неизвестна. Могу лишь добавить, что политические руководители СССР ни в коем случае не позволили бы себе проявить подобную ретивость в отношении вопросов физиологии, где Ваш научный авторитет бесспорен.

Позволю себе на этом закончить свой ответ на Ваше письмо.

Председатель СНК Союза ССР В.Молотов.

Копии Вашего письма и моего ответа мною посланы президенту Академии наук А.П.Карпинскому"².

Коротко и ясно. Начальству виднее. Нечего соваться не в своё дело. Партия – руководящая сила. Её следует слушать и слушаться.

25 сентября 1923 года, читая обзорную лекцию в Военно-медицинской академии, И.П.Павлов откровенно сказал слушателям важное: "Наука и свободная критика, вот синонимы. И если вы к науке будете относиться как следует, если вы познакомитесь с ней основательно, когда несмотря на то, что вы коммунисты, рабфаки и т. д., тем не менее вы признаете, что марксизм и коммунизм – это вовсе не есть абсолютная истина, это одна из теорий, в которой, может быть, есть часть правды, а может быть, и нет правды, и вы на всю жизнь посмотрите со свободной точки зрения, а не с такой закабалённой"³.

В письме от 17 октября 1928 года в Совнаркоме И.П.Павлов заявлял: "В каком резком противоречии при нашей республике стоит прилагательное "советская", не в его официальном, а в общепотребительном смысле! Образованные люди превращены в безмолвных зрителей и исполнителей. Они видят, как беспощадно и большею частью неудачно перекраивается вся жизнь до дна, как громоздится ошибка на ошибке, но они должны молчать и делать только то, что приказано. Даже мы, люди науки, признаны некомпетентными в нашем

² Там же, с. 95-6.

³ Там же, с. 99.

собственном деле и нам приказывают в члены Высшего учёного Учреждения избирать людей, которых мы по совести не можем признать как учёных. Можно без преувеличения сказать, что прежняя интеллигенция частью истребляется, частью и развращается.

Но не суровый ли ответ жизни на всё это, что на одиннадцатом году режима в республике, именуемой также и трудовой, её граждане, в миллионных массах, ежедневно значительную часть дня, а иногда и ночью, проводят в очередях за предметами первой необходимости и иногда совсем или почти попусту, когда старая Россия была так богата ими"¹.

Академик с мировым именем, первый русский нобелиат, рыцарь науки, приверженный чести гражданина и совести христианина, пишет в октябре 1935 года письмо Н.И.Бухарину, прося вступитьсь за родственницу.

"Глубокоуважаемый Николай Иванович, обращаюсь к Вам глубоко взволнованный. В Ростове-на-Дону живут две сестры моей жены, вдовы, старушки (83 и 81 г.). Одна – бывшая мелкая помещица (50 десятин земли), другая – жена бывшего городского головы этого города, Евгения Васильевна Сикорская и Раиса Васильевна Хмельницкая. Обе революцией лишены всего их достоинства. Первая – иждивенка, вторая – лишенка. Их содержат дочери первой из них: вдова отставного армейского генерала, ничего не имевшего и которого она содержала до недавней смерти своим трудом, – Наталья Николаевна Эльш и другая за простым казаком, сохранившая свою девичью фамилию, – Мария Николаевна Сикорская. Обе эти женщины работают до истощения, чтобы при теперешних условиях прокормить себя и их старушек. Мы с женой ежемесячно, сколько можем, посылаем денег и провизии для поддержки их.

Всех этих лиц и их жизнь я знаю как самого себя и свою жизнь. Обездоленные без вины, честные, работавшие до последнего времени, сколько позволили силы (старшая давала уроки по музыке, 30 коп. за час, младшая старушка брала починку), теперь обрекаются на голодную смерть, потому что одну из их кормилиц, Наталью Николаевну Эльш, десять дней назад арестовало ГПУ. Почему?

Ручаюсь головой, пусть арестуют меня самого, если я оказался бы не прав, – за ничто. Это или низкий донос какого-либо шкурника, или теперь применяемое государственное вымогательство ценностей, которых в данном случае нет и нет. – Помогите, если можете. В отрицательном случае сообщите об этом. Я напишу в Совнарком. – Боже мой, как тяжело теперь сколько-нибудь порядочному человеку жить в Вашем Социалистическом Раю. Тут не родственные связи, а обязательность порядочности вмешаться, раз в этом случае знаешь все доподлинно, как оно есть – вопиющее попрание человеческого достоинства и издевательство над человеческой судьбой?"².

Н.И.Бухарин, сам на волоске от падения в пропасть, ещё сумел услужить учёному, и родственницу Ивана Петровича вызволили из-под ареста. Академик до самой смерти продолжает решительно отстаивать права людей на свободу, обращаясь напрямую к власти. На таких святых праведниках – личностях – держится душа в теле света. Кто хотел, тот видел и ведал. Не так просто человеку сознаваться в слабости и

¹ Там же, с.99-100.

² Там же, с. 92-3.

слабоумии. Не знаю, насколько страшен грех испытания страха и трусости...

ПОДВИГ НАДЕЖДЫ ЯКОВЛЕВНЫ

Чтобы написать о пережитом, схватить и обуздать дикое время, нужны недюжинные силы, дерзость и способности, не у всех найдутся. Но вот у Н.Я.Мандельштам можно учиться этому. Она умеет рассказать правду.

"...все пристани и вокзалы были забиты чёрной и мрачной толпой, по неделям дежурившей у билетных касс. Дикая толпа, как во времена переселения народов или эвакуации... Пристань в Перми. На мешках, на тряпье, около деревянных сундуков с грубым лакированным рисунком расположились целыми семьями, а то и родами, изнеможенные, оборванные люди с почерневшими лицами. На берегу в вырытых в песке ямах тлели угли: здесь варили детям похлёбку. Взрослые жевали корки. Их везли мешками про запас – хлеб ещё выдавали по карточкам. Это раскулачиванье столкнуло с места огромные толпы, и они метались по стране в поисках, где лучше, и ещё вздыхали по своим заколоченным измам.

Раскулаченных в полном смысле слова здесь не было. Те давно уже были высланы и доставлены по месту назначения. А эти – периферийные волны – снялись с места в момент испуга и заколобродили по всей стране – куда угодно, только прочь из родной деревни... Мы пережили много насильственных и несколько добровольных переселений народов: гражданская война, голод в Поволжье и на Украине, раскулачиванье, эвакуация. Вплоть до войны вокзалы были ещё забиты снявшимися с места крестьянами. После войны опять потянулись люди, но уже не в таких количествах, в поисках хлеба и работы. Всякая семья, где сохранился мужчина, рвался туда, где, по слухам, был хлеб и спрос на рабочие руки. Иногда переселялись организованно, то есть предварительно завербовавшись. Узнав на опыте, что хрен редьки не слаще, бросались обратно или искали нового прибежища. Всякое насильственное переселение – классов и национальностей – вызывало волны добровольных беженцев. Дети и старики мерли, как мухи.

Насильственное переселение это нечто абсолютно новое, принесённое нам двадцатым веком. А может, египетскими или ассирийскими завоевателями? Я видела поезда с бородачами с Украины и с Кубани, а потом запертые теплушки "зеков", отправляемых на Дальний Восток. А потом поезда с немцами Поволжья, татарами, поляками, эстонцами. И снова теплушки с ээками. Они шли всегда – иногда гуще, иногда реже. Как-то иначе уезжали дворяне из Ленинграда. Это было второе по счёту массовое переселение, следующее после раскулачивания. В 35 году мы поехали с Анной Андреевной на Павелецкий вокзал проводить тщедушную женщину с тремя крошечными мальчиками, направлявшихся на постоянное жительство в Саратов. Прописали их, конечно, не в городе – такие беспомощные и в районе проживут! На вокзале нас встретила обычная картина – ступить некуда, всё забито до отказа, но люди сидели не на мешках, а на довольно приличных чемоданах и сундучках, ещё пестревших старыми заграничными наклейками. Пока мы пробивались на платформу, нас всё время останавливали какие-то знакомые старухи – внучки декабристов, бывшие дамы, просто женщины"¹.

"16 мая 1937 года мы пошли в комендантскую МГБ к тому самому окопшу, куда три года назад О.М. сдал сопроводительную бумажку из Чердыни и через

¹ Н.Я.Мандельштам Воспоминания.– М.: "Книга", 1989, с.92.

которое ему надлежало вести переговоры с государством о своей судьбе. Сюда приходили регистрироваться "прикреплённые" – кто раз в месяц, а кто каждые три дня. Нас было много – человеческой мелюзги. Взятой на мушку государством, и поэтому у окошка всегда топталась большая очередь, но мы даже не подозревали, что эти толпы – признак устойчивости и благополучия, потому что продолжается эпоха, которую Ахматова назвала "сравнительно вегетарианской". Все постигается в сравнении. Вскоре мы прочли в газетах, что каторжники при Ягоде жили в лагерях, как на курортах. Все газеты хором обвиняли Ягоду в попустительстве лагерному и ссыльному сброду. "Оказывается, – сказали мы друг другу, – мы были в лапах у гуманистов. Кто бы мог подумать!"

В середине мая 37 года очередь к окошку стояла крохотная – с десятков или полтора мрачных, ободранных интеллигентов. "Разъехались из Воронежа", – шепнул мне О.М. Несмотря на изоляцию, мы тотчас поняли, в чём дело: большинство прикреплённых уже сидели повторно, а новых не присылали. С "вегетарианством" покончили – никаких "минусов" и "прикреплений" больше не давали. Из тюрьмы открывались только две дороги: в лагерь или на тот свет. Кое-кто удостоивался и тюремного заключения. Даже жён и детей почти перестали высылать на поселение, их тоже предпочитали интернировать в специальные лагеря. Для детей, даже маленьких, завели особые детские дома. В них видели будущих мстителей за отцов. "У Гумилёва, наверное, есть какое-нибудь дело, – сказал мне в 56 году Сурков. – Такого отца расстреляли! Он, должно быть, хотел за него отомстить"... Любопытно, что Сурков сказал это мне: проникнувшись кавказской психологией, он считал, что кровная месть дело мужчин, а не женщин... А до 1937 года потенциальные мстители ещё высылались и заполняли очереди у окошек провинциальных комендантских. Приехав в Воронеж, мы застали там юношу Столетова, одинокого и полубезумного. Он бродил по улицам и жаловался на своего отца, который оказался "вредителем". В 37 году сын расстрелянного попал бы не в Воронеж, а прямо за колочую проволоку".

"К концу двадцатых и в тридцатых годах власти уже научились "повышать уровень жизни" тех, кто оказался полезным, и не допускать в этом никакой "уравниловки". Расслоение стало очень заметным, и каждому хотелось сохранить своё с трудом добытое благополучие. За него держались особенно цепко, потому что позади осталась жестокая нищета начала революции. Этого опыта никто повторять не хотел, и незаметно образовались привилегированные, очень тонкие слои с "пакетами", дачами и машинами. Эфемерность этого благополучия они осознали значительно позже – в периоды массового террора, когда выяснилось, что всё можно отнять в один миг и без всякого повода... А пока что люди, допущенные к пирогу, старались выполнять всё, что от них требовали. Однажды в Воронеже О.М. показал мне газету с заявлением академика Баха по поводу выхода "Краткого курса". "Посмотри, что он умудрился написать: "Краткий курс" – эпоха в моей жизни"... И он ещё краткий". "Не написать, а подписать", – сказала я. Такие документы приносились готовые на дом, и оставалось только поставить под ними свою подпись... "Тем хуже", – ответил О.М. А что, собственно, должен был сделать академик Бах? Исправить текст, написать поприличнее, чтобы не ставить своё имя под явно казённой бумажкой? Я в этом не уверена. Или выгнать журналиста, который явился за его подписью? Можно ли требовать такого от людей, зная, какие им угрожали за это последствия? Думаю, что нет. Как же быть? Не знаю. Террор тем и отличается, что все связаны по рукам и ногам, и никто не может шевельнуть пальцем". "В начале XX века возникло, как я понимаю это сейчас, убеждение, что

пора создать такие совершенные, вернее, идеальные формы социальной жизни, которые должны, обязаны, не посмеют не обеспечить всеобщего благоденствия и счастья. Эта идея была порождена гуманизмом и демократическими тенденциями XIX века, но именно они-то оказались препятствием к осуществлению царства социальной справедливости: ведь XIX век был разоблачён как век высоких слов и компромиссных действий, лавирования и общей неустойчивости. По контрасту XX искал спасения и свершения своих идей в прямолинейности, железном социальном порядке и дисциплине, основанной на повиновении авторитету. Все строилось наперекор прошлому. Жажда органического строя и одной идеи, которая лежала бы в основе миропонимания и всей деятельности, терзала людей в конце прошлого и в начале этого века. Любимое детище гуманизма – свободная мысль – распатывала авторитеты и была принесена в жертву новым идеалам. Рационалистическая программа социальных преобразований требовала слепой веры и подчинения авторитету. Так был восстановлен авторитет и возникла идея диктатуры. Энтузиазм – не пустое слово. Он реально существовал. Диктатор силен только тогда, когда располагает кадрами слепо верующих исполнителей. Купить их нельзя – это было бы слишком просто, и вот, когда они уже есть, можно добавить и прикупить – особенно, если куда податься. Но всякая идея имеет начало, кульминацию и спад".

"Жители нового дома с мраморным, из лабрадора, подъездом понимали значение 37 года лучше, чем мы, потому что видели обе стороны процесса. Происходило нечто похожее на Страшный суд, когда одних топчут черти, а другим поют хвалу. Вкусивший райского питья не захочет в преисподню. Да и кому туда хочется? Поэтому они постановили на семейных и дружественных собраниях, что к 37-му надо приспособливаться. "Валя – настоящий сталинский человек", – говорила новая жена Катаева, Эстер, которая в родительском доме успела испробовать, как живётся отверженным. И сам Катаев, тоже умудрённый ранним опытом, уже давно повторял: "Не хочу неприятностей... Лишь бы не рассердить начальство".

...Новая Москва обстраивалась, выходила в люди, брала первые рекорды и открывала первые счета в банках, покупала мебель и писала романы... Все были потенциальными выдвиженцами, потому что каждый день кто-нибудь выбывал из жизни и на его место выдвигался другой. Каждый был, конечно, кандидатом и на гибель, но днём об этом не думали – для подобных страхов достаточно ночи. О выбывших забывали сразу, а перед их жёнами, если им удавалось закрепиться на части жилплощади, сразу захопывались все благополучные двери. Впрочем, жён оставалось всё меньше – в 37-м уже начали не только рубить под корень, но и выкорчёвывать".

"Сейчас моя выдержка и самодисциплина ослабели, и я пишу эти страницы, хотя нам объяснили, что вспоминать те годы надо умеючи. Единственная разрешённая форма подобных воспоминаний – показ того, что человек в любых условиях остаётся верным строителем коммунизма и умеет отличать главное – нашу цель – от второстепенного – своей собственной искалеченной и растоптанной жизни".

"Люди, просто молчавшие или закрывавшие глаза на то, что происходит, тоже стараются как-то оправдать прошлое. Эти обычно обвиняют меня в субъективизме: вы затрагиваете только одну сторону, а ведь было ещё многое другое: строительство, постановки Мейерхольда, челоскинцы – мало ли что... Я могла бы прибавить, что ещё существовало и небо, и звёзды, но всё же надо извлечь смысл из того, что совершилось. Мы пережили тяжкий кризис гуманизма XIX века, когда рухнули все его этические ценности, потому что они были обоснованы только

нуждами и желаниями человека, или попросту его стремлением к счастью. Зато XX век продемонстрировал нам со школьной наглядностью и то, что зло обладает огромной силой самоуничтожения. В своём развитии оно неизбежно доходит до абсурда и самоубийства. К несчастью, мы ещё не поняли, что зло, самоуничтожаясь, может уничтожить всякую жизнь на земле, и об этом не следовало бы забывать. Впрочем, сколько бы ни кричали люди об этих простых истинах, их услышат только те, кто сами не хотят зла. Ведь всё уже было, и кончалось, и начиналось снова, но всегда с новой силой...".

"Когда в 37 году начались повторные аресты, скопления людей с судимостью в определённых местах оказались на руку органам: вместо того, чтобы вылавливать их поодиночке, они сразу подвергали разгрому целые города. Так как такие мероприятия производились по плану и контролировались цифрами, чекисты, наверное, получили немало наград за самоотверженный труд и выполнение плана. А опустошённые городки опять заполнялись потоками стовёрстников, которых в свою очередь, ожидал разгром. Кто мог поверить, что городки, вроде Александрова были просто западнёй? Ни у кого из нас не вмещалось в голову, что происходит систематическое уничтожение определённых категорий людей, то есть тех, кто однажды подвергся репрессиям. Ведь каждый верил, что у него индивидуальное дело, и считал рассказы про "заколдованное место" обывательской болтовнёй".

"В 1948-53 годах я снова наблюдала "стовёрстную драму", крохотную драму без содранной кожи, общего рва, без свинца и пыток, которыми так избаловала нас наша эпоха. Я жила в Ульяновске и видела, как его аккуратно очищают от всех, кто получил "судимость". Часть из них забрали сразу, остальных лишили прописки, и они хлынули в стовёрстную зону. Там пользовался популярностью город Мелекесс. Туда отправился и мой знакомый скрипач, бывший рапмовец и бывший партизек, человек возраста О.М., делавший когда-то музыкальную политику с сестрой Брюсова. В 37 году он попал в лагерь и, отсидев восемь или десять лет, попал в конце сороковых годов в Ульяновск. Обезумев от счастья и думая, что всё плохое уже позади, – сколько раз все мы попадались на эту удочку! – скрипач решил начать новую жизнь, женился – прежняя жена и дети успели от него "отмежеваться" – на моей сослуживице, хорошей женщине, и пристроился в музыкальной школе. Новый сын – лобастый мальчишка – уже тянулся к скрипке, и счастливый отец мечтал сделать из него скрипача. Он убеждал меня, что нет большего счастья, чем жить искусством и ради искусства, и цитировал по этому поводу классиков марксизма. Сыну было года три, когда отца вызвали в милицию, лишили прописки и предложили покинуть город в двадцать четыре часа. Я случайно зашла к ним в этот день, сразу всё поняла по их лицам и так и осталась их конфиденткой: подобные истории всегда хранились в тайне, иначе могла пострадать вся семья.

В ту же ночь скрипач выехал в Мелекесс. Там он снял угол и даже достал несколько уроков скрипки и рояля. Вскоре среди хлынувшей в Мелекесс толпы бывших лагерников начались аресты. В маленьких городках такие вести распространяются мгновенно: квартирная хозяйка не применит сказать соседке, что у неё ночью увели квартиранта. Аресты означали, что в Мелекессе образовалось скопление подозрительных элементов и местным органам спущен план очистки города. Все бросились в милицию выписываться, и вокзал переполнился беженцами. Скрипач тоже умудрился вовремя убежать из опасного города. С тех пор, до самой смерти Сталина, то есть два с лишним года, он метался вниз и вверх по Волге – вплоть до Сызрани и по всем железнодорожным веткам, кочуя из города в город".

"В детстве, читая про французскую революцию, я часто задавалась вопросом, можно ли уцелеть при терроре. Теперь я твердо знаю, что нельзя. Кто дышал этим воздухом, тот погиб, даже если случайно сохранил жизнь. Мёртвые есть мёртвые, но все остальные – палачи, идеологи, пособники, восхвалители, закрывавшие глаза и умывавшие руки, и даже те, кто по ночам скрежетал зубами, все они тоже жертвы террора. Каждый слой населения, в зависимости от того, как на него направлен удар, переболел своей формой страшной болезни, вызываемой террором, и до сих пор ещё не оправился, ещё болен, ещё негоден для нормальной гражданской жизни. Болезнь передаётся по наследству, сыновья расплачиваются за отцов и только, пожалуй, внуки начинают выздоравливать, или, вернее, болезнь принимает у них другую форму".

"В тот период, который называется "ежовщиной", аресты шли волнами со спадами и нарастаниями: быть может, в тюрьмах, забитых до отказа, просто не хватало места, а нам, ещё находившимся на воле, иногда казалось, что девятый вал уже прошёл и всё идёт на убыль. После каждого процесса люди облегчённо вздыхали: ну, теперь конец! А это значило: слава Богу, я, кажется, уцелел... Но затем поднималась новая волна, и те же люди бросались писать статьи с проклятиями "врагам народа". Чего они только не писали про тех, кого уже расстреляли, чтобы потом быть самим расстрелянными... "Сталину не нужно рубить головы, – говорил О.М., – они сами слетают, как одуванчики"... Кажется, он сказал это первый раз, прочтя статью Коссиора и узнав, что, несмотря на все свои статьи он тоже арестован.

Летом 37 года мы были "дачниками", а "летом всего легче", как говорил О.М. В Москву мы ездили довольно часто, иногда даже бывали на дачах у своих знакомых. Были у Пастернака в Переделкине. Он сказал: "Зина, кажется, печёт пироги", – и пошёл справиться вниз, но вернулся печальный – к Зине нас не допустили... Через несколько лет она мне сказала по телефону, когда, приехав из Ташкента, я позвонила Борису Леонидовичу: "Только, пожалуйста, не приезжайте в Переделкино"... С тех пор я никогда не звонила, а он иногда, встретив меня возле дома на Лаврушенском, где я подолгу жила у Василисы Шкловской, забегал ко мне. Он – единственный человек, который пришёл ко мне, узнав о смерти О.М."

"Шкловский в те годы понимал всё, но надеялся, что аресты ограничатся "их собственными счётами". Он так и разграничивал: когда взяли Кольцова, он сказал, что это нас не касается, но тяжело реагировал, если арестовывали просто интеллигентов. Он хотел сохраниться "свидетелем", но когда эпоха кончилась, мы уже все успели состариться и растерять то, что делает человека "свидетелем", то есть понимания вещей и точку зрения. Так и случилось со Шкловским".

"И, наконец, люди боялись нас: мы были не только нищими, но и зачумленными. Все боялись друг друга – ведь ночью могли явиться за самым благополучным человеком, только что напечатавшим в "Правде" статью против "врагов народа". За одним арестом цепочкой шли другие – родственники, знакомые, те, чей телефон записан в записной книжке арестованного, с кем в прошлом году он встречал Новый год, и тот, кто обещал, но, испугавшись, не пришёл на эту встречу... Люди боялись каждой встречи и каждого разговора, и тем более они парохались от нас, которых уже коснулась чума. И нам самим казалось, что мы разносим чуму".

Лучше, чем Надежда Яковлевна, не скажешь. Да, никто не хотел умирать. Но обречены и гибнут миллионы. От страха парализована воля. Аппаратная "Правда" глушит свободную мысль, народ не слышит голосов

совестливых и трезвых людей, выступавших против безудержного своеволия кремлёвского горца и тонкошеих вождей. Не осталось противовесов.

"– В Японии есть такой закон, что человека можно судить за образ его невысказанных мыслей. – В Японии! Но ведь у нас такого закона нет? – У нас-то он как раз и есть и называется пятьдесят восемь – десять"

(А.Солженицын. В круге первом).

ХАРБИНСТВО В ЗОНЕ

Пронзительная книга воспоминаний и размышлений о безжалостности рока. **Т.В.Петкевич. Жизнь – сапожок непарный. – СПб.: Астра-Люкс, 1993.** В 1937 году репрессирован отец, Тамаре 17 лет. Через пять лет и её заодно с мужем арестовывают и отправляют в лагерь. В блокадном Ленинграде гибнут мать и сестра. В войну и после неё всю раскручивается маховик государственного беспредела. От режима, сатанизма и самодержавия уголовников нет спасения. На одной шестой Земли с успехом проводится, планомерно и долго, гулагизация Страны Советов. Как оказалось, в неволе случаются, помимо трагедии, спасительные встречи с незаурядными и талантливыми людьми. Автор возвращает нам их имена.

"Эти люди мучились, страдали и погибли, не реализовав своих богатейших возможностей". Нельзя не признать, что именно их мужество, человечность и дружелюбие спасли страдальцу. Спасение казалось невозможным. Впечатляют и захватывают подлинность, обнажённость, искренность, одержимость и, конечно, выразительность и стиль рассуждений, соответственно природе, характеру и личности. Перед нами выдающееся явление страсти, рассудка и литературы высокой пробы. В ней и сочувствие жертвам, и знание случившегося.

Никто не объяснил жестокости XX века. Человеконенавистничество и озлобленность раскалывают мир и правят бал. Читая автобиографический роман, что-то начинаешь понимать в жизни. Связываешь, проникаешь, переживаешь и учишься. Умная книга и вместе с тем влиятельная. Вся жизнь в повествовании из тринадцати глав на пятистах страницах. Искусство это.

Тамара Владиславовна родилась в Петрограде, было детство, вполне благополучная семья, училась в школе, вокруг друзья, оптимистический взгляд в будущее, мечты и планы. И вдруг неожиданное первое крушение в её семейной жизни: четыре женщины в одночасье остались в доме без кормильца, три сестры стали дочерьми "врага народа". Надо ли говорить, что это для них значило тогда.

В мае 1943 года, едва исполнилось 23 года, Т.В.Петкевич по статье 58-10 приговаривается к семи годам лишения свободы, трём годам поражения в гражданских правах и конфискации имущества. Не описать крестный

путь, испытания лагерной жизни, не передать терзаний духа и сомнений в том пекле, мучения и страдания.

Автор вспоминает тех, с кем связала судьба, пересеклись пути-дороги. Что может быть достоверней свидетельств воспоминаний, отвечающих признательностью за поддержку и выживание, если то без предвзятости? Эти люди существовали. Их знали, любили, им верили. Они были необходимы. У каждого предназначение. Зачем-то явился в этот мир и жил в поиске доли. Имена остаются в памяти. И в самом деле "рукописи не горят"?

В книге немало встреч с харбинцами-кавэжединцами. Сплошь узники ГУЛАГа. Подходили к концу их первые сроки, схлопотали единственно за возвращение домой. Далее приводим выдержки из книги, относящиеся к теме харбинства.

Из главы VI, начиная со страницы 246 и далее, читаем:

"На колонне усиленно поговаривали о скором приезде агитбригады, ТЭК. Называли фамилии отдельных артистов. "Да вот приедут, сами увидите и услышите". Я никак не могла взять в толк: лагерь ведь, при чём же тут артисты? Что такое агитбригада, ТЭК?

Они приехали поздно вечером в такой лютый мороз, что из барака в барак перемахивать надо было одним духом. Я дежурила. Был один из самых спокойных лазаретных вечеров, и в душе – откуда-то взявшийся мир, тишина. Я вымыла руки, заглянула в осколок висевшего зеркала и не сразу отошла от него. Сама за собой я искренне не числила ни талантов, ни красоты, о чём говорили окружающие. А тут впервые в жизни (от переизбытка жизненных сил, наверное) себе вдруг понравилась. Мне двадцать четыре года. Я молода! И хороша, кажется?".

"Вечером следующего дня ТЭК давал представление.

Торопили с ужином. Столовую надо было превратить в клуб. Отовсюду сносили скамейки, ставили их в ряды. Оставшуюся часть оборудовали под сцену. "Ах, Аллилуев – тенор! Как он поёт! А Сланская – сопрано! Есть и баритон – Головин! Ерухимович, конечно же, что-то новенькое приготовил" – слышалось отовсюду".

"В экзотических костюмах на сцене появились персонажи оперетты "Роз-Мари". Наваждением показалась знакомая ария Джима: "Цветок душистых прерий". Опереточный сюжет заволновал, выбрав из сложной архитектоники чувств самое немудрящее и мелодраматическое.

Второе отделение состояло из концертных номеров: акробатическая пара, танзоры. Солисты Аллилуев, Головин и Сланская действительно впечатлили более всего, как и юморески в исполнении Ерухимовича. Позабыв всё на свете, потеряв представление о месте и времени, мы слушали и, не стесняясь друг друга, то смеялись, то плакали, проживая слаженную гармонией мысль, тоску, желания и отчаяние".

"На следующий день мне сказали, что директор ТЭК хочет со мной поговорить. Сердце отчаянно заколотилось.

– Говорят, вы хорошо читали здесь со сцены рассказ Е.Кононенко "Жена". Как смотрите на то, чтобы работать с нами? Нам нужна чтица. Мне кажется, вы не пожалеете, если согласитесь. Порядок у нас такой: я докладываю начальнику политотдела, там смотрят ваше дело, и, если статья не очень страшная, спустят наряд. Ну, как? – ждал ответа Семён Владимирович Ерухимович...

– Дайте мне подумать.

– Подумайте! Хотя обычно никто этого не просит.

Молодой директор с располагающей улыбкой был нетороплив, обстоятелен и дипломатичен. Он ещё пораспрашивал обо мне. Перед уходом повторил:

– Решайтесь! У нас хорошо!".

Тамара попала в Театрально-эстрадный коллектив, приживается, завоевывает право на своё место в нём, работает.

"Севернее нашего кучно располагались другие лагеря: Устьвымский, Ухтинский, Абезьский, Интинский, Воркутинский. Лес, месторождение нефти, угля определяли их производственный профиль. В каждом из этих лагерей имелась либо своя агитбригада, либо театральный коллектив.

Вообще у начальников северных лагерей иметь у себя талантливую труппу считалось "хорошим тоном". Начальник Воркутинского лагеря Барабанов, к примеру, славился тем, что "крал" интересных актёров из ближайших лагерей, оформлял на них наряды через ГУЛАГ. Про Воркутинский лагерь говорили: "Ну, там настоящий театр, там известная Токарская!".

Ухтинская концертная бригада тоже имела славу высокохудожественной. В целом процентов на восемьдесят она действительно состояла из профессионалов. Руководил бригадой Эгерт, которого многие знали по фильму "Медвежья свадьба". Было много артистов кавэжединцев, или, как их называли, "харбинцев": Гроздов, Савицкая, Рябых-Рябовский и другие.

Наш директор Сенечка Ерухимович – кавэжедонец, как и они, с детской гордостью вещал: "Так я ж еще папаном видел их на сцене в Харбине. Это ж не артисты, а блеск". Сенечке мы, кстати, обязаны и рассказом о появлении харбинцев-кавэжединцев на Севере.

Прихоть одного из начальников СЖДЛ увидеть ухтинских артистов привела к тому, что театр затребовали в Княж-Погост, а нас отправили обслуживать колонны Ухтинского лагеря. Хотя и с трудом, нам также удалось посмотреть концерт ухтинцев "из-за кулис".

Это был великолепный парад. Свет, костюмы, оркестр – решительно всё было отмечено культурой, вкусом, выдумкой. Пели Зина Корнева, Глазов, обаятельная балерина харбинка Наташа Пупина покорила "танцем с мячом", играл на виолончели мастер Крейн, исполнялись песенки Берамже".

Из "Примечаний" к главе VII:

"Когда японцы вошли в Маньчжурию, образовав Маньчжоу-Го, и поставили во главе правительства сына последнего императора – Пу И, со стороны Японии начались провокации. Юридически они не могли вытеснить советское представительство. Прибегали к диверсиям. В конце концов было выдвинуто предложение: откупить долю Советского Союза. СССР пошёл на переговоры. В 1935 году Япония оформила эту покупку. Наше консульство в Харбине обратилось к советским гражданам с предложением возвратиться на Родину. Из пятидесяти тысяч пожелали уехать сорок восемь!"

Возвратившихся кавэжединцев на всём пути следования по России встречали с лозунгами, плакатами со словами приветствия, цветами и столами, накрытыми едой.

В 1937 году в специально разработанном реестре для ареста граждан появился и такой пункт: "...лица, которые когда-то были за границей, подлежат изоляции".

Так и появились в лагерях представители сорока восьми тысяч устремившихся и родному очагу людей. Арестованным предъявлялось обвинение в том, что они перед выездом в Советский Союз были якобы завербованы японской разведкой. На

следствии большинству внушали: достаточно признать только факт вербовки. Они, мол, понимают: что-либо совершить завербованные и по времени ещё не успели. Значит – не за что будет наказывать.

Были и образцы версий. Арестованным они предлагались готовенькими с небольшими поправками на индивидуальность. Говорили: "Напишите так: однажды ко мне на квартиру пришёл человек. Он попросил меня собирать сведения о Красной Армии. При этом обзывал меня поступить в институт (это если возвращавшийся был молодой и действительно успел подать заявление о поступлении в вуз). Через некоторое время ко мне должен был прийти связной и сказать пароль: "Ну, как идут занятия в институте?".

Не пожелавшие подписаться, равно как и поставившие свои подписи под заготовленным для быстроты и удобства текстом, в конце следствия одинаковым образом подводились под статью КРД – контрреволюционная деятельность и со сроком десять лет столыпинскими вагонами следовали на Север в лагерь".

И в следующей главе опять встретятся харбинцы, всюду там, значительный контингент заключённых советских лагерей, видно:

"В большинстве своём медсестрами в межокском лазарете были харбинки двадцати пяти – тридцати лет. Как на подбор рослые, красивые, со стройными ногами, подвижным телом. Свои медицинские халаты летом они надевали прямо на голое тело, умело подпоясывались, ходили с вызовом, ловко справлялись с лазаретными обязанностями.

После дежурства я зашла как-то в одну из дежурок ОП. Застала там человек пять. Тесно усевшись на медицинский топчан, молодые женщины сумерничали. Рассказывали друг другу щекочущие нервы анекдоты, приглушённо хохотали, пылко судили мужчин. "А я заставаю его мыть мне ноги! – смеясь, говорила одна. – И, как миленький, моет, вытирает, целует".

Они не скупились на меткие, неканонические характеристики окружающих. Легкомысленный, непринуждённый тон казался привлекательным, угодным жизни, тепло-земным. Хотелось поддержать беседу, "соответствовать" ей. И – не получалось! Словно была во мне какая-то запруда или суеверие. Я чувствовала, что сковывала их, стесняла, и, когда поднялась, чтобы уйти, меня никто не задержал, не спросил: "Куда ты? Посиди". Было обидно, но я видела, что чем-то не подхожу им".

В следующей главе встречаются имена земляков, увы, зеков:

"Я написала директору ТЭК Ерухимовичу и его заместителю Георгию Львовичу Невельскому. Они ответили, что будут рады моему возвращению и намерены выслать наряд".

"Забегавшая в дежурку харбинка Лиля Гросс сияла:

– Только что в контору по селектору передали, чтобы встречали ТЭК. Едут!".

Листаем книгу дальше. Глава X. Уже конец долгожданного 47-го.

"Сеня Ерухимович и Дмитрий Караяниди, закончив свой срок, были освобождены. Из-за той же пресловутой 39-ой статьи оба остались на Севере работать по вольному найму: Сеня – директором ТЭК, Дмитрий – дирижёром и пианистом.

К Сене после освобождения приехала из Ленинграда старенькая мама с младшей сестрой Фирой. Они осмотрелись, после десятилетней разлуки не пожелали больше расставаться и перебрались на жительство в Княж-Погост.

Мать Сени привезла сыну вещи, сохранившиеся со времён их харбинской жизни. Он сменил бушлат на добротное пальто с бобровым воротником и бобровую шапку, которые вызвали пристальный интерес у лагерного начальства. Воля как-то

особенно красила Сенечку. И до того всегда приветливый и улыбчивый, он, став свободным, пребывал в состоянии стабильной окрылённости, наивно полагая, что отныне жизнь ему будет дарить только радости...

Обаяние Сени, миролюбивый нрав и неизменная доброжелательность во многом облегчали существование ТЭК".

"Ближе к освобождению навалилась уйма дел. То и дело, уклоняясь от дозволенного пропуском маршрута, я бегала по всем возможным пунктам и разузнавала, где могу устроиться на работу. Нет ли места в управлении? Нет ли в поликлинике? Не раздумал ли Сенечка Ерухимович взять меня в филиал Сыктывкарского театра, если не устроюсь нигде? (Он перешёл туда на работу в качестве администратора). Надо было подыскать и жильё".

Глава XI. Пасмурное утро 30 января 1950 года. Ровно семь лет со дня ареста во Фрунзе. Освобождение, первые минуты воли, поиски себя. "Как выяснилось, в данный момент вышло секретное предписание, запрещающее брать на службу бывших заключённых. Без ссылок на этот циркуляр отделы кадров продублировали один ответ: "Не надо! Мест нет!". Приказная сила новоиспеченного документа была действеннее мифического посула конституции о "праве на труд".

Отказы взять на работу повергли в шок.

Оставалось единственное: обещание Сени Ерухимовича устроить мне просмотр во вновь организованном филиале Сыктывкарского театра.

Мне вручили роль Мари Клер в пьесе Собко "За вторым фронтом", прослушали и дали "добро" на зачисление в труппу. На размышление отпустили пару часов. В случае, если решусь, следовало уже к двенадцати часам ночи быть готовой к отъезду театра на гастроли в Ухту.

...Таким образом, к вечеру я оказалась зачисленной в штат вольного театра.

Всё произошло стремительно, в обход желаний; казалось, здесь присутствует тот же лагерный дух произвола. Менее чем за двенадцать часов судьба определилась неожиданным образом. Даже не переночевав у Клары, я снова очутилась в поезде. Теперь в пассажирском: Москва – Воркута. Собственное плацкартное место. Вокруг мирно спящие люди. А на душе – взбаламученно, смутно: опять на колёсах? Когда же свой дом, сын? Одно утешение: направление гастролей – Север. Мы ехали туда же, куда недавно отправился ТЭК.

В репертуаре театра было два спектакля: "Коварство и любовь" Шиллера и "За вторым фронтом" Собко.

Труппа разношерстная. Около половины – освободившиеся из лагерей харбинцы. Двое актёров из Москвы, человека четыре из провинциальных российских театров".

"Мне как воздух нужен был дом и приличный оклад, чтобы забрать сына.

Сочувствия, однако, я ни в ком не встретила, даже в Сене Ерухимовиче.

– А для меня другого назначения ты не предполагаешь? – с укором спросил он. – Моё место, считаешь, здесь? Потерпи полтора месяца. Приедем в Княж-Погост, поищем другую работу, коль веришь, что найдёшь её.

Верила не очень. Но всё же казалось, что какие-то возможности должны быть ещё, а я их не использовала".

"Время двигалось к весне. Гастроли нашего театра были, наконец, завершены. С остановками мы возвращались на базу в Княж-Погост.

С одним из встреченных в поезде знакомых Сения Ерухимович подошёл ко мне:

– Доктор III. хочет с тобой познакомиться".

"О судьбе нашего театра толковали всякое: вовсе расформируют, лучших актёров сольют с основной труппой Сыктывкарского театра, ещё сократят штат, но всё-таки оставят как филиал..."

Замкнувшись на своих проблемах, я была слепа и глуха к окружающим; из-за моих отлучек "не туда, куда положено", против меня в труппе накопилось немало раздражения; творчески я себя никак не зарекомендовала; молниеносно вспыхнувшая у начальницы неприязнь сложила всё "в итог": я была "уволена по сокращению штатов". Труппу в усечённом виде сохранили и вновь отправили на гастроли. Уехал и Сенья Ерухимович".

"В поисках работы я снова методически обходила всё подряд. Ответ был прежним: "Мест нет". Клава в своей хибаре поставила для меня топчан. Дала что-то, заменившее одеяло. Приходя из больницы, где работала медсестрой, она глушила водку, пела жалостливые песни, заплетающимся языком убеждала: "Говорю тебе: не найдешь ничего!" – и задавала "весёлые" вопросы: "А ты понимаешь, зачем мы живём?". (Она взяла свою дочь из детдома; будучи добрым человеком, била её. А затем взяла и отравилась).

Я уходила вечерами к родным Сени Ерухимовича. Его сестра Фири работала в управлении.

– Научи меня печатать на машинке, Фири! Может, устроюсь где-нибудь машинисткой.

– Давай. Начинай, – ставила машинку она".

Напомню, это 1950-ый год.

"В Княж-Погост на несколько спектаклей прибыла основная труппа Сыктывкарского театра. Привезли спектакль по повести Бабаевского "Кавалер Золотой Звезды".

Сенья Ерухимович, только что вернувшийся из гастрольной поездки, звал посмотреть. В конце концов это было лучше, чем видеть, как Клава сидит за бутылкой. Но спектакль был скучен, настроение – тяжёлое. Пообещав, что утром зайду к Сене, я после первого акта ушла. Сенья остался досматривать спектакль.

А утром, подходя к центру посёлка, где жила Сенина семья, я увидела несущуюся по деревянным панелям растрёпанную, с опухшим от слез лицом Фиру. Она изменила направление, побежала ко мне:

– Идём скорее к нам! Сёму арестовали!

– Опомнись, Фири, что ты говоришь? Скажи вразумительно.

– Сёму после спектакля уже ждали двое. Арестовали на улице. Невероятно. Немыслимо.

И у меня вырвался тот же сакраментальный вопрос: "За что?".

Обезумевшая Сенина мать кричала: "Сыночек мой! Сыночек! Иди скорее домой!".

На квартиру к ним из управления лагеря прибежали за мной:

– Вас просят зайти к Шустову. Сейчас же, если можно.

Закрыв дверь, там меня обступили со всех сторон. Бывшие зеки, освободившиеся в сорок седьмом, пытались уцепиться за какое-то логическое звено, разрывали меня на части:

– Вы с ним ездили на гастроли. Может, он там совершал какие-нибудь махинации с билетами?

– Да что вы! Нет!

– Может, он говорил то, что не следует?

– Ничего не говорил.

– Припомните! Может, что-то замечали сами?

Я ничем не могла утешить переполопившихся, взбудораженных арестом Сени людей. Лица у всех были серые, вытянувшиеся. Спрашивали друг у друга.

– Понимаешь что-нибудь?

– А что тут понимать? – тяжело и весомо произнёс наконец один из них. – Начался второй тридцать седьмой! И начали его с евреев.

"При чём тут евреи?" – не удивившись тому, что "начался второй тридцать седьмой год", подумала я.

Фира добивалась свидания с братом. Захватив для Сени свою бывшую лагерную телогрейку, я пошла вместе с нею. Сенины объяснения подтвердили то, что могло именоваться только сатанинским психозом власти.

– Обвинений новых никаких, – сказал он. – Все те же, что были при первом аресте. Увозят для допросов в Сыктывкар. Из другой камеры получил записку от Толубенко. Пишет, что новых обвинений тоже не предъявили. Сказали: вышлют в Сибирь на пожизненное поселение.

"Обвинения те же. Новых не предъявляют!". И человек опять в тюрьме. Таких, которые отказались бы верить в то, что отсидевших по приговору десять лет арестовывают вторично, всё за то же – "ни за что", не было. Опытном своим поверили: "Так было, так есть и будет".

В Сыктывкаре арестовали Миру Гальперн. Следом за ней – её мужа Алексея Линкевича. В Курске отыскивали и вторично арестовали Тамару Цулукидзе. Страх ареста и ссылки снова повис над нами на все двадцать четыре часа в сутки. Заготавливали сухари. Ждали.

Нет, то был не тридцать седьмой год! Шёл пятидесятый! Было чуть тише. Добивали уже не таких в расцвете сил, какими были в тридцать седьмом, а недобитых".

Кто видел и не верил, кто верил и не видел – разберись в безумстве. "Что же касается до сталинского террора, то мы всегда понимали, что он может ослабеть или усилиться, но кончиться не может. Зачем ему было кончаться? С какой стати? Все люди заняты, все делают своё дело, все улыбаются, все беспрекословно исполняют приказания и снова улыбаются. Отсутствие улыбки означает страх или неудовольствие, а в этом никто не смел признаться: если человек боится, значит, за ним что-то есть – совесть нечиста... Многие так приспособились к террору, что научились извлекать из него выгоду: спихнуть соседа и занять его площадь или служебный стол – дело вполне естественное"¹. С горькой иронией скажет мудрая женщина.

Из главы XII:

"В поездках на отрезке Микунь – Княж-Погост я встречала "прекрасных дам тридцать седьмого года", скинувших башлаты три года назад. Мы перекидывались вопросами: "Целы пока? Кого ещё взяли? Известно ли что-нибудь о Тамаре Цулукидзе, про Ерухимовича?".

Княж-погостское кладбище оставалось для меня местом постоянного притяжения. Каждый выходной день я ездила к Колпошке на могилу. Поставила оградку, крест. Высадила цветы. Уместила скамеечку. Подолгу сидела там, говорила с ним обо всём.

¹ Н.Я.Мандельштам. Воспоминания. – М.: "Книга", 1989, с. 291-2.

Был момент, когда я предлагала Коллошке вместе покончить счёты с жизнью. Он отговорил. Его самого не стало, а я – жила. Винилась теперь перед ним за это. Мысли о его тайном помысле бежать, о том, как его сердце сгорело, гнала прочь.

После кладбища я заходила в Княж-Погост к знакомым. Непременно к Фире.

– Есть что-нибудь от Сени?

– Есть. Представляешь, куда его загнали? В Новосибирский край. Двести вёрст от железной дороги. Работает плотником в колхозе.

– Что же вы решили делать?

– Что тут решать? Пишет: как только займёт крышу над головой, так вызовет нас с мамой. Поедем. Не пропадать же ему одному.

Для нас, теснимых официальной жизнью к некой резервации, весь мир с его сдвигами был опрокинут в отношениях друг с другом".

Из главы XII:

"В день рождения Сени Ерухимовича я на почте отправляла ему телеграмму.

– Кому пишете? – шепотом спросила меня соседка по дому, оказавшаяся рядом.

Вход в квартиры у нас с ней был разный, а стена между комнатами – общая. Я считала её вполне "своей".

– Своему товарищу. В ссылку.

Поджав губы, она выразительно опустила глаза, но тут же подняла их и указала мне взглядом на дверь. Обождав, я вышла за ней на крыльцо поселковой почты.

– Прекратите переписку с ссылными друзьями!

– Почему?

– Вы же умный человек. Немедленно порвите с ними. Послушайте меня.

С чувством исполненного долга она сошла с крыльца.

Дописав и отправив телеграмму в далекую новосибирскую деревню, я ещё долго сидела на почте. Не хотелось никуда идти. Домой – тоже.

Это было унылым предупреждением. Чему? Чего? Душа наполнилась изведенной мутой дурного предчувствия".

Все наблюдали и замечали происходящее. И другое дело – обозреть и объяснить по сути жизнь. "Принципы и цели массового террора коренным образом отличаются от обычных задач охранительных органов. Террор – это устрашение. Чтобы погрузить страну в состояние непрерывного страха, нужно довести количество жертв до астрономической цифры и на каждой лестнице очистить несколько квартир. Остальные жильцы дома, улицы, города, где прошла метла, будут до конца жизни образцовыми гражданами. Не следует только забывать новых поколений, которые не верят своим отцам, и планомерно возобновлять чистки. Сталин прожил долгую жизнь и следил, чтобы волны террора время от времени увеличивали силу и размах. Но у сторонников террора всегда остаётся один просчёт: всех убить нельзя и среди притаившейся, полубезумной толпы, отыщется свидетель"¹.

И вот уже последние слова о замечательном харбинце из воспоминаний ленинградки. Вместо эпилога:

"Одолел все невзгоды одарённый Семён Владимирович Ерухимович. После лагеря и ссылки он в Ленинграде блестяще закончил Финансово-экономический институт, но самые большие радости ему, по-моему, принесла семья: жена Мэри и двое сыновей – Марик и Вова".

Там же о другом, хотя тема близка нашей:

¹ Н.Я.Мандельштам. Указ. соч., с. 303.

"Ещё в 1952 году от Шаня пришло ошеломившее письмо:

"Дорогая Тamarочка! Сегодня, 16 декабря, в 11 часов утра я получил извещение о том, что могу ехать на родину. И я снова родился. Делюсь с Вами этой радостью. Очень хотелось бы увидеть Вас в последний раз. Пишите или телеграфируйте. Целую вашу руку. 16.XII.52 г. Ваш Шань".

Шань просил разузнать, идёт ли поезд на Пекин мимо моего тогдашнего уральского пристанища. Увы, магистраль, ведущая в Китай, отстояла на сотни вёрст к югу. На родине он был назначен главным редактором иллюстрированного журнала "Китай". Много ездил по стране. От него приходили счастливые письма. Во время "культурной революции" переписка прервалась".

В Княж-Погост Тамара Владиславовна Петкевич приехала в августе 1972 года. Отсутствовала двадцать два года. И вот произошла встреча с прошлым.

"Попла к месту, где когда-то располагался ЦОЛП. Выпек не было. Заборы свалены. Лишь пустующая вахта обозначала границы бывшего квадрата зоны. Рядом с полуразвалившимися почерневшими бараками, наполовину ушедшими в землю, были построены новые коттеджи. Между постройками и остатками бараков бродили свиньи и квохтали куры. Похожая на бред уродливая бестолочь жизни.

Я поймала себя на немилосердном воспоминании о том, что здесь, за проволокой, когда-то находился "мозговой центр". Здесь исхаживали тропинки значительные и прекрасные люди: Александр Осипович, Кагнер, Шварц, Финк, Белоненко, Шустов, Контарович. Тот трагический материк затонул. Всплыл этот, не осознавший своего убожества, недоброты и грязи.

К Кириному дому брела через посёлок.

Облокотившись о низкий забор, у ветхого дома стояла сухонькая женщина. Чем-то ее лицо показалось знакомым. Я задержалась:

– Здравствуйте!

– Здравствуйте, Тамара! – ответила она тусклым, равнодушным тоном.

В старой женщине я узнала когда-то привлекательную кавэжединку Веру Бусыгину.

– На могилу к Коле приехали? – она спросила это так, словно видела меня не двадцать два года спустя, а неделю назад, как обычно приезжавшую на кладбище из Микуни.

И вот тут открылись все шлозы. Я проломила наконец к чувствам, к которым с такой тоской рвалась. Прошлое подцепило и потащило меня, начало втягивать, всасывать в себя.

Но в прошлом не оказалось добрых зеркал, не было отражений зенита чувств. Зеркала гримасничали и пугали.

Раскрутившаяся энергия, до которой я посмела дотронуться, возжелав выпручить у прошлого отрадные воспоминания и успокоение, стала бить наотмашь, требуя, чтоб я посторонилась, если хочу уцелеть. Эта энергия била, казалось, только по мне, не касаясь Веры Бусыгиной. Я упрячилась. Всё еще расспрашивала старую знакомую.

– Муха? Жива, – отвечала Вера. – Ш. Он повесился. Броня? Та отравилась. И.М.? Он в Нальчике. Хорошо устроен. Кто-кто? А-а, нет, она умерла ещё десять лет назад...".

Вот так мемуаристка рассказывает о безжалостном времени и о людях нелёгкой судьбы, с которыми её познакомила и сроднила лагерная жизнь. По большому счёту, мы все на Земле связаны друг с другом планетарно и космически, где б и кем бы ты ни был рождён тут, евреем, поляком,

русским, китайцем или немцем, не в том суть, в Питере или Харбине, Одессе, Праге или Пекине, это тоже частность. Жизнь – место общей встречи, на пересечении наших судеб, испытательный полигон, хватает и мерзостей и подвигов. Здесь каждый ответствен, совершая поступки и проступки, отвечаем сполна за себя и за других. Без чувства всеобщей зависимости и породнённости человечества – противоречия разрывают мир.

В непримиримой вражде, не сосуществование и не дружество, жизнь становится непродуктивной и приходит в упадок. Падение нравов ведёт к провалу. Рано или поздно крах. Одно тянется за другим. В жизни разное как-то связано. И надо же такому случиться: из Чикаго получаю статью – никак не ожидал встречи! – самого героя очерка. Читайте – всё поймёте.

Сема Ерухимович

Воспоминания

Нашему Харбину 100 лет (1898 – 1998)

Когда я родился в Харбине в 1916 году, нашему незабываемому городу, в котором прошли мои лучшие годы, "посёлку Харбин", где поселились русские, евреи, татары, грузины – было всего 18 лет! Но и в течение многих лет нашей жизни в Харбине мы не задумывались о возрасте нашего города, мы радовались этому городу, где всё было *русское*, городу, где его культура и образованность были настолько высоки, что многие этот китайский город называли "русским Парижем".

Мы, абитуриенты еврейской школы "Талмуд-Тора", а затем русской школы – Харбинского Общественного Коммерческого Училища, уже после того, как покинули Харбин и нас жизнь разбросала по всем уголкам земного шара, мы вдруг осознали, какие это были удивительные, незабываемые наши школы...

И сейчас невольно вспоминаются яркие эпизоды из моей жизни в Харбине.

...В театре "Модерн" в снежную февральскую ночь был блестящий бал-маскарад под девизом "За милых женщин", и на нём по конкурсу была избрана с почётным званием "Мисс Харбин" знакомая всем харбинцам красавица Ната Бент. Её фотографии были опубликованы во всех харбинских газетах. И мне, тогда ученику Коммерческого Училища, и не снилось в самых красочных снах, что я когда-нибудь познакомлюсь с "Мисс Харбин" Натой Бент и буду жить с ней в одной квартире.

В 1933 году, после окончания Коммерческого училища, я поступил на службу в магазин "Бр. Бент и Ко.". И вскоре меня перевели в город Синцзин (б. Чаньчунь), где открылся магазин-филиал этой фирмы. Директором этого филиала был Эдик Герингер, муж Наты Бент. По настоянию Якова Марковича Бента Ната Бент с сыном переселилась в Синцзин.

Весь коллектив магазина жил в одном доме: на втором этаже семья Герингер, а на первом этаже все остальные. Когда вечером закрывали магазин, Эдик с другом уходил в ресторан, а меня просил развлекать дома Нату, чтобы она не скучала. И я с удовольствием все вечера проводил с "Мисс Харбин". А уезжать Нате из Синцзина отец не разрешал. Но весной 1935 года, в связи с продажей КВЖД японцам, магазин в Синцзине был закрыт, мы все вернулись в Харбин, а Ната Бент с сыном переехала в Шанхай. Так и закончилась моя чудесная командировка.

...Вспоминается в 1935 году бал-маскарад в Коммерческом собрании. Под конец вечера в зале появился Александр Вертинский в сопровождении дам и редактора газеты "Рупор" Кауфмана.

Вертинского встретили аплодисментами и стали просить его, чтобы он спел. В круг, образованный публикой, вошёл Вертинский и сказал, что он сегодня петь не будет, но прочтёт свои стихи. Запомнились мне слова стихотворения, посвящённого его собаке (в эти дни, пока он был в Харбине, его собака, оставшаяся в Шанхае, сдохла): "Я вспоминаю, что ты была человеком, а собакой был я".

...Какие прекрасные воспоминания харбинца-скрипача Георгия Сидорова "Музыкальный Харбин" опубликованы в "Бюллетене"! Как прекрасен был наш музыкально-театральный Харбин!

Несмотря на то, что наша семья после смерти отца жила в трудных материальных условиях, а я зарабатывал "гоби" своим репетиторским трудом, мама, зная, что я был любителем кино и театра, выделяла мне часть заработка на кино и театр. Слава Богу, что в Харбине стоимость билетов в кино, на концерты и спектакли была незначительной – я посещал все кинокартины в "Капитоле", "Модерне", "Паласе" и опереточные спектакли в "Атлантике" – "Сильву", "Марицу", "Весёлую вдову", "Принцессу цирка" и др.

Я очень люблю артистов Валина, Орловскую, Рябых-Рябовского, Рубэна. Но за свою любовь к оперетте я был наказан. На одном из спектаклей я, взглянув на публику в зале, к ужасу увидел сидящего в следующем ряду нашего преподавателя истории Селеникова. Я же одновременно совершил два проступка: во-первых, был на оперетте (в моём возрасте оперетта была противопоказана) и, во-вторых, был на спектакле не в школьной форме.

На следующий день меня вызвали к директору, который был очень добрым человеком и меня по-своему любил, но очень сердитым тоном сказал: "Пусть придёт мама". Как мне было стыдно сказать маме, что её вызывают к директору (она, конечно, толком не поняла, что за грубое нарушение я совершил)...

После продажи КВЖД коллектив оперетты распался. Валин и Орловская переехали в Шанхай. Многие ведущие артисты уехали в Советский Союз, где их, к несчастью, посетила та же участь, что и всех харбинцев, – все они были арестованы.

В 1944 году – я к этому времени был уже руководителем театрального коллектива в одном из лагерей Коми АССР – я приехал со своим коллективом в другой лагерь, в Ухту, и на первом же спектакле оперетты лагерного театра с радостью увидел наших дорогих харбинцев – Рябых-Рябовского, Василия Гроздова, Веру Савицкую, балерину Наташу Пушкину. Дирижёром оркестра был хорошо известный харбинцам Владимир Михайлович Калун–Владимирский. К ним присоединились лагерные артисты из Москвы, Ленинграда, Минска, и этот коллектив пользовался большим успехом. Потом они были на гастролях в нашем лагере, и я подружился с земляками.

...Мне удалось побывать в Харбине, в "Модерне", на концерте всемирно известного скрипача Ефрема Цимбалиста. Это был настоящий праздник музыки. А в

1936 году, накануне моего "счастливого отъезда" в Советский Союз, я был в "Атлантике" на концерте великого Фёдора Ивановича Шаляпина. Он вышел на авансцену и до начала концерта сказал, что он очень рад приезду в Харбин, в "русский" город, и что он вдвойне рад тому, что сегодняшней публике ему не придётся переводить текстов своих песен на иностранный язык. Несмотря на то, что автор воспоминаний о "музыкальном Харбине" написал, что в этом концерте "Шаляпин был уже не тот", – я не собираюсь спорить с господином Сидоровым; видимо, он был прав, – но мы, которым посчастливилось услышать Фёдора Ивановича Шаляпина впервые, счастливы и запомнили до конца жизни его "харбинский" концерт.

...Мои "музыкально-театральные университеты" Харбина в полном смысле слова спасли мою жизнь. Когда в октябре 1937 года меня арестовали в Ленинграде и вскоре осудили (странное это слово без самого существа – суда!) Особым совещанием НКВД на десять лет лагерей (ИТР) за "контрреволюционную деятельность", я попал в лагерный театральный коллектив – это было чудо! Я проработал в этом коллективе восемь лет, а затем после освобождения ещё два года "по вольному найму" – я был впоследствии директором и художественным руководителем коллектива.

Вначале я в коллективе только пел (ведь не зря же я пел в Харбине в хоре Новой синагоги!), а потом был и актёром (не зря же участвовал в постановках Л.И.Наделя в "Талмуд-Торе!"), потом музыкантом-ударником в джазе (не зря же я был барабанщиком в "Бетаре!"), а потом художественным руководителем коллектива.

Но первая песня, которую я спел в лагерном концерте, была харбинская – "Часы считать" – помните, друзья, эту популярную песню? Припев у неё был такой:

"Часы считать, часами мерить.

Я научусь в разлуке жить,

Я буду ждать, я буду верить,

Я буду помнить, помнить и любить".

Это была эмигрантская песня, возможно, Петра Лещенко, но не догадываясь, что это за песня, лагерные цензоры этого ничего не знали, а зрители (заклочённые и вольнонаёмные) принимали эту песню очень хорошо, очевидно, и потому, что текст песни "совпал" с нашим положением в лагере – и я всегда пел её на бис. А те харбинцы, которые сидели на этих концертах, узнавали "свою" песню и плакали.

В 1950 году я был в том же посёлке, где до этого работал по "вольному найму". Я вторично был арестован (за что?) и вторично меня "осудили" (за то же самое, что и в 1937 году), но на сей раз не в лагерь, а в ссылку, в село Северное Новосибирской области "на вечные времена". И вот однажды, проходя по улице вместе с харбинцем Николаем Ковтуном (он был в 1937 году чемпионом СССР по прыжкам в высоту с разбега с результатом 2,03 м), встретился нам полненький мужичок, остановился с нами, спросил: "Вы откуда, ребята?". Мы с Колей для смеха сказали ему: "Мы из Китая, из Харбина". Мужичок оказался "грамотным" и не задумываясь сказал нам: "А, это я знаю. Это вы продали японцам КВЖД и за это вас посадили". С пьяным спорить, конечно, не надо было, а то, что он напомнил нам о Харбине, о КВЖД, очень нас обрадовало. И тому, что не мы продали КВЖД¹.

Автору статьи 82 года. Он оставил Союз нерушимый республик свободных. С завидной живостью, достоинством и трезвостью написаны

¹ Бюллетень Игуд Иоцей Син, 1998, № 355, сс. 77-79.

воспоминания – врождённый такт, ясная память. Их отличают лёгкий и непритязательный слог, редкий дар дружбы, жизнелюбие и полнокровие. Богатая личность излучает благородства свет. Тепло и уютно, хочется быть рядом. Воспитание, характер, выносливость – харбинская закуска, чувствуется ещё та школа. Своя рубашка к телу – тёплый дух живого человека.

Среди тех, кто после продажи КВЖД вернулся в советскую Россию, была моя тётя Саня (Александра Ивановна Левитская) с сыном, Николаем Клементьевым. Год жили в Иркутске – и навеки пропали бесследно.

АВГУСТ 1945 ГОДА

6 августа 1945 г. американцы взорвали атомную бомбу над городом Хиросима. Через два дня советское правительство заявит о присоединении к Потсдамской декларации от 26 июля, требовавшей капитуляции Японии. Японскому послу в Москве вручат заявление. Советский Союз разрывает пакт о ненападении. В ночь на 9 августа войска Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов вторглись в Маньчжурию с востока, севера и запада. Японский премьер-министр Судзуки скажет: "Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным продолжение войны"¹.

Ослабленная на Тихом океане, потрясённая Хиросимой и Нагасаки, Япония капитулирует. "Военная кампания Вооружённых Сил СССР на Дальнем Востоке увенчалась блестящей победой. Её итоги трудно переоценить. Официально кампания длилась 24 дня. Были наголову разбиты ударные силы врага. Японские милитаристы лишились плацдармов для агрессии и основных своих баз снабжения сырьём и оружием в Китае, Корее и на Южном Сахалине. Крах Квантунской армии ускорил капитуляцию Японии в целом"². Победа блестящая, силы ударные, разбиты наголову, переоценить трудно – такой вот слог маршала.

Что представляла собой Квантунская армия, сокрушённая Советской армией? Она делится на три фронта (1-й, 3-й и 17-й) и две отдельные армии. В ней – 24 пехотных дивизии, 9 смешанных бригад, 2 танковых бригады, бригада смертников, или спецназ, воздушная армия, Сунгарийская военная флотилия. В целом группировка, включая воинские части Маньчжоу-Го, князя де Вана и сателлитов, превышала миллион солдат, из них 600 тысяч хорошо обученных и дисциплинированных японцев, воспитанных в духе самурайской воинственности. 450 тысяч в Маньчжурии, 150 тысяч в составе 17-ого фронта, прикрывавшего Корею. На вооружении у Квантунской армии – 6640 орудий и миномётов, 1215 танков, 1907 самолётов. Командующий армией – генерал Ямада Отодзо, начальник штаба – генерал-лейтенант Хата Хипосабуро. Штаб в Синцзине (Чаньчунь).

Название Квантунской армии от Гуаньдуна. Гуаньдунский полуостров арендован Россией в 1898 году сроком на 25 лет. В 1905 году Япония по Портсмутскому миру отняла у России Ляодун, там находится Порт-Артур и Дальний. Срок аренды истёк в 1923 году, но Япония не вернула Квантунскую область. В 1931 году японцы захватили остальную Маньчжурию, и все оккупационные войска составили Квантунскую армию.

¹ Иноуэ Киёси и др. История современной Японии. М., 1955, с. 264.

² А.М.Василевский. Дело всей жизни. Кн.2.-М.:Политиздат, 1989, с.269.

А что же летом 1945 года происходит на левом берегу Амура? После разгрома Германии Советский Союз наращивает военную мощь на границе с Маньчжурией. Там сосредоточены одиннадцать общевойсковых армий, две оперативные группы, танковая армия, три воздушные армии, три армии ПВО, четыре отдельных авиационных корпуса. Под рукой Тихоокеанский флот, Северная Тихоокеанская флотилия, Амурская речная флотилия и пограничные отряды НКВД. Общее руководство силами, развёрнутыми против Квантунской армии, возложено на Главное командование советскими войсками на Дальнем Востоке. Главком – маршал А.М.Василевский.

Три фронта превосходят в мощи квантунскую армию и наносят по ней сокрушительный удар. С запада Забайкальский фронт под началом маршала Малиновского, с севера – 2-й Дальневосточный фронт генерала армии Пуркаева и с востока – 1-й Дальневосточный фронт маршала Мерецкова. Забайкальский и 1-й Дальневосточный фронты составляют главную ударную силу, первый из района Тамдаг-Булакского выступа через пустыни и горы, второй из Приморья через укрепрайоны, тайгу, горные хребты в направлении к Гирину, – встретятся в районе Чаньчуня. Квантунская армия рассечена надвое. Забайкальцы идут на юг, в сторону Ляодунского полуострова.

"Наступление советских войск проходило в условиях упорного сопротивления врага. Тем не менее на всех основных направлениях советские войска отлично справлялись с выполнением поставленных задач. Передовые части Забайкальского фронта уже к 11 августа подошли к западным склонам Большого Хингана, а подвижные войска главной группировки преодолели его и вышли на Центрально-Маньчжурскую равнину. Форсирование Хинганского хребта явилось подвигом, не имевшим себе равных в современной войне. К исходу 14 августа войска Забайкальского фронта, пройдя расстояние от 250 до 400 км, вышли в центральные районы Маньчжурии и продолжали продвигаться к её столице Чаньчуню и крупному промышленному центру Мукдену. За это же время войска 1-го Дальневосточного фронта в условиях труднопроходимой горно-таёжной местности, прорвав сильную полосу обороны, напоминавшую "линию Маннергейма" только в больших масштабах, и овладев семью мощными укреплёнными районами, продвинулись в глубь Маньчжурии на 120–150 км и завязали бой за город Муданьцзян. Войска 2-го Дальневосточного фронта вели бои на подступах к Цицикару и Цзямусы. Таким образом, уже к исходу шестых суток нашего наступления Квантунская армия оказалась расчленённой на части"¹.

Советские историографы утверждали, якобы японцы ошиблись в определении места и времени выступления советских войск, будто бы не предполагая вообще, что вражеская армия способна перевалить через укреплённый Большой Хинган. 14 августа японское правительство приняло решение о капитуляции. Японские войска ослабили военные действия против американско-британских войск, в Маньчжурии продолжая оказывать сопротивление советским с целью усиления положения в переговорах о капитуляции Квантунской армии. Японцы предлагали прекратить военные действия на рубежах, которые занимали войска к 16 августа. Большие города Маньчжурии и Корея оставались в их руках. Это устраивало союзников, которые остерегались продвижения советских войск в глубь Китая и Кореи. Победители соперничали в борьбе за зоны влияния после окончания войны.

¹ А.М.Василевский. Указ. соч., с. 261.

17 августа главнокомандующий Квантунской армией генерал Ямада обратился к советскому командованию с предложением остановить сражения. Он отдал приказ своим войскам о прекращении боевых действий. Василевский извещил об этом Центр, добавив, что японские войска продолжают оказывать сопротивление. 18 августа японское командование принимает условия капитуляции. На следующий день на командный пункт 1-го Дальневосточного фронта прибыл начальник штаба Квантунской армии Хата. На переговорах с Василевским и Мерецковым бритоголовый японец с тяжёлым взглядом, обрюзгшее лицо выражает усталость, брови содрогаются в нервном тике, ворот рубашки расстёгнут, будто ему трудно дышать, сетовал на то, что приказ о капитуляции не удалось своевременно довести до частей. Нарушена связь штаба с соединениями, и Квантунская армия потеряла управление. Сообщили условия сдачи в плен, назвали пункты, маршруты и время движения к ним. Японцы должны сдаваться организованно, с запасами продовольствия. В первые дни забота о питании пленных ложится на японское командование. Хата принял условия и просил до прихода Красной Армии оставить у японских солдат оружие – для защиты от населения. Оно ненавидело оккупантов, власть которых держалась на птыках. Японское правление было жестоким и причинило местным жителям немало зла. За унижение каждая семья могла предъявить счёт оккупантам. Китайцы встречали освободителей, выражая готовность в содействии советским воинам.

Тогда же А.М.Василевский послал генералу Ямада ультиматум такого содержания: "Главномкомандующему Квантунской армией генералу Ямада. Начальник штаба Квантунской армии ген.-л. Хата получил 19.8.1945 года от меня следующие указания о порядке капитуляции Квантунской армии и её разоружения. 1. Немедленно прекратить боевые действия частей Квантунской армии повсюду, а там, где это окажется невозможным, быстро довести до сведения войск приказ о немедленном прекращении боевых действий и прекратить боевые действия не позднее 12 часов дня 20.8.45 года. 2. Немедленно прекратить перегруппировки войск Квантунской армии. Все передвижения, необходимые для обеспечения выполнения условий капитуляции, производить каждый раз по моему указанию. 3. Дать командующему 1-м фронтом и командующим 3-й, 5-й и 34-й армиями следующие указания: а) немедленно связаться с командованием советских войск на местах через своих делегатов, выслав их в пункты встречи: Яньцзи, Нингуша, Муданьцзян; б) войскам, дислоцирующимся в Северной Корее, сосредоточиться по указанию представителя командования 1-м Дальневосточным фронтом, для чего командующему 34-й армией прибыть к утру 22.8.45 года в Яньцзи; в) командующему 1-м фронтом за получением указаний по выполнению условий капитуляции прибыть в 20.00 20.8.45 года в Нингушу; г) предписать соединениям и частям сдать оружие в районах: Боли, Муданьцзян, Нингуша, Вандин, Дуньхуа, Яньцзи, Кайней, Сейсин, Харбин, Гирин"¹. На другой день началась капитуляция японских войск.

28 августа командный пункт 1-го Дальневосточного фронта переведён в Муданьцзян. В начале сентября Харбин стал центром фронтовой военной администрации в Маньчжурии. Мерецков вспомнит. "Замечу, что серьёзное содействие оказали нам русские жители этих городов. Например, в Харбине они наводили наших десантников на вражеские штабы и казармы, захватывали узлы связи, пленных и т. п. В основном это были рабочие и служащие бывшей Китайско-

¹ К.А.Мерецков. На службе народу. – М.: Политиздат, 1988, с.424-6.

Восточной железной дороги. Благодаря этому неожиданно-негаданно для себя оказались внезапно в советском плену некоторые высшие чины Квантунской армии. Миссия по организации порядка в Харбине и Гирине была возложена нами на особоуполномоченных генерал-майора Г.А.Шелахова и гвардии полковника Лебедева, сопровождавших наши десанты.

Каковы были настроения местного населения, я убедился лично вскоре после освобождения Харбина. Донесение о высадке в нём нашего десанта во главе с подполковником Забелиным застало меня в Полевом управлении фронта, находившемся в 8 километрах юго-западнее селения Духовская, в лесу. В этом донесении сообщалось, что харбинская молодёжь активно помогала советским войскам. Вооружившись, она взяла под охрану к нашему прибытию средства связи и другие государственные учреждения. Конечно, 120 наших десантников в огромном городе не могли много сделать. Когда позднее, сев в самолёт, я часа через два приземлился на Харбинском аэродроме, то узнал, что командный пункт уже оборудован в городской гостинице. Пока мы ехали к ней, встречавшиеся на улицах патрули вооружённых гимназистов-старшеклассников отдавали нам честь. Такой же патруль стоял и возле гостиницы. Остановив машину возле одной из гимназических групп, я стал спрашивать о том, как она вооружилась. Оказалось, что русская молодёжь разоружила воинские части Маньчжоу-Го и поставила перед собой задачу сохранить в неприкосновенности все городские жизненные коммуникации и сооружения, пока их не займёт наша армия. Благодарность они восприняли с энтузиазмом и пообещали и впредь помогать всем, чем только сумеют.

Едва успел я приехать на свой новый командный пункт в гостиницу, как явились духовные лица православной церкви. Они пожаловались на то, что японцы и маньчжуры запрещали им нести службу. Я посоветовал связаться с патриаршеством в Москве, сказав, что в церковных делах не компетентен, но что со своей стороны отдам распоряжение церковной службе не препятствовать.

В начале нашего появления почти все русские эмигранты, жившие здесь ещё со времени гражданской войны, с опаской поглядывали на нас. Однако, убедившись в хорошем отношении к ним Красной Армии, большинство вздохнуло с явным облегчением. Затем началось паломничество в наши штабы по самым разнообразным вопросам. А когда на сценах местных городских театров стала выступать красноармейская самодеятельность, от желающих попасть на представление буквально отбою не было. Мы наблюдали, как многие зрители рыдали, слушая старинные русские песни, и бурно аплодировали лихому солдатскому переплясу"¹. Мой друг Кирилл, не говори красиво! Зарыдаю... Человек в маршальском мундире помнит, что ему нужно, не скажет лишнего, умолчит о важном.

“Незабываемое впечатление произвёл на меня митинг в Харбине по случаю победы. 3 сентября я прилетел в этот город, чтобы на месте решить ряд вопросов, связанных с экономическими и административными проблемами, вставшими теперь перед нами. Вслед за мной вторым самолётом сюда прибыли А.М.Василевский, Главный маршал авиации А.А.Новиков, маршал авиации С.А.Худяков, маршал артиллерии М.Н.Чистяков и другие военачальники. Нас встретил А.П.Белобородов, войска которого отвечали за порядок в районе Харбина. Мы отправились на ипподром смотреть трофеи, захваченные у Квантунской армии. Особое внимание

¹ К.А.Мерецков. Указ. соч., сс.423-4.

привлекли длинноствольные дальнобойные пушки. Из них японцы собирались обстреливать Владивосток, Хабаровск, Благовещенск и другие советские города.

Митинг состоялся на следующий день. Площадь Харбин-зинзя, украшенная флагами, была переполнена. Здесь находилось около 20 тысяч русских жителей города, а также много маньчжур и китайцев. Открывавший митинг Т.Ф.Штыков предоставил слово представителю советских войск генерал-майору К.Я.Остроглазову, который рассказал о крахе Квантунской армии и о той великой роли, какую сыграл во второй мировой войне Советский Союз и его народы. Ведь то, что всем нам давно было известно, для них являлось, пожалуй, откровением. Немного, очень немного правдивых вестей доходило до харбинцев в годы войны. Японская пропаганда преподносила всё в искажённом свете. А теперь они собственными ушами слышали то, что ранее попадало к ним в виде туманных сообщений. Свои мысли и чаяния местные жители излили в речах, горячих и взволнованных до предела. От интеллигенции города выступил юрист Бердяков, от молодёжи – Людмила Захарова-Пенжукова, от духовенства – архиепископ Нестор. Затем речи произносили представители научных работников, студенчества, деятелей искусства, торговцев. В заключение состоялся большой концерт силами местных артистов и нашего Красноармейского ансамбля песни и пляски 1-го Дальневосточного фронта. Концерт с огромным успехом был

повторён в расширенном виде вечером в помещении Харбинского русского театра"¹.

А что же происходило сразу после концерта, товарищ маршал Советского Союза? ...Слова изречённые есть ложь. И умолчание тоже. О случившемся – всю травмирующую историю – расскажут потом другие действующие лица.

К концу августа освобождены Северо-Восточный Китай, Ляодунский полуостров, Южный Сахалин, Курильские острова и Северная Корея. После капитуляции в ходе разоружения Квантунской армии сдались в плен 594 тыс. солдат и офицеров, в том числе 148 японских генералов. Проблема пленных оказалась для советского командования сложной. Да захвачены большие трофеи. И в скором времени "старший брат" отдаст Народно-освободительной армии Китая арсенал японского оружия. "Только два наших фронта захватили у бывшей Квантунской армии и передали представителям НОА 3,7 тыс. орудий, миномётов, гранатомётов, 600 танков, 861 самолёт, около 1,2 тыс. пулемётов, почти 680 различных воинских складов, а также корабли Сунгарийской военной речной флотилии. Позднее была передана значительная часть советского оружия"².

Советские военачальники, вспоминая ратные подвиги августа 45-го года, редко обойдут вниманием маньчжурского императора, в своих мемуарах используя шаблонный образ последнего. Не стал исключением и А.М.Василевский. Он напишет: "Среди пленных оказался и маньчжурский император Генри Пу И. В 1933 году в возрасте 27 лет этот представитель Цинской династии был произведён японскими хозяевами в императоры Маньчжурии, став на самом деле их марионеткой. Его неотлучным спутником и постоянным советником стал японский генерал Иосиока. При императоре имелось японское посольство, которое возглавлял командующий Квантунской армией. Когда 19 августа 1945 года наше воздушно-десантное подразделение приземлилось на Мукденском аэродроме,

¹ К.А.Мерецков. Указ. соч., сс 436-7.

² А.М.Василевский. Указ. соч., с. 269.

Пу И со свитой, включая его советников, уже готовился улететь в Японию, но вместо этого вынужден был сдаться в плен советским военнопленным³.

Маршалы вспоминают, как отличились в войне, о боевых заслугах, героизме и подвигах своих. Не захотят рассказать всей правды о той эпохе, скроют от читателя "лишние мелочи", умолчат об издержках военно-политического руководства. Не всё было и там гладко, как потом затвердят и издадут в книгах для массового потребления. Говоря об августовских событиях 45-го года, трудно избавиться от лжепатриотической предубеждённости. Тем паче если довериться утверждениям лишь советских рассказчиков и военачальников. До сих пор стесняются раскрыть "военную" тайну. На мой взгляд, то была всё же несколько странная восточная кампания.

"Болезнь передаётся по наследству,
сыновья расплачиваются за отцов..."
(Н.Мандельштам. Воспоминания).

УВЕЗЁННЫЕ

Делим сообщения по жизненности, убедительности, основательности и пр. В первую очередь слушаем "бывалых" людей. Участники событий 45-го и последующих лет в состоянии сообщить, что же случилось с нами. Испытали на собственной шкуре и видели. Не переоценить значение сведений из первых рук.

1

Н.И.Заерко (Орёл). Увезённые. Мощная статья. Ясен ум, точны суждения. Сколько здравого смысла в оценках. И характеристики не в бровь, а в глаз. Завидная память. Бесценное свидетельство. Словам тесно – мыслям просторно. Разбудит совесть, у кого спит. Снимаю шапку – молось вместе.

"Я был среди тех, кто доверился своей судьбе, кому надоело оставаться неприкаянным скитальцем. В те дни мы с братом Ильёй (он в последнее время работал диктором на харбинской радиостанции) решили: пусть дорогой ценой, но мы вернёмся на Родину. И мы эту цену заплатили. Я – десятью годами, проведёнными за колючей проволокой, брат (теперь уже покойный) – немного больше.

Мы были в тех эшелонах, которыми отправляли первые тысячи харбинцев. Нас из подвалов и камер харбинской тюрьмы октябрьской ночью вывозили по мёртвым ночным улицам затаившегося в тревоге города куда-то за его пределы. Вели на товарный двор железнодорожного узла. Думалось: вот вывезут за город и там сведут с нами счёты. Хотя конвойные успокаивали: "Не бойтесь, не расстреливать вас везём"... Погрузка в "телячьи" вагоны – и долгий путь до нынешнего Уссурийска. Здесь, за колючей проволокой, хмурой осенью 45-го на голом земляном полу мы ждали решения своей судьбы. Мы вернулись на Родину...

³ Там же, сс. 266-7.

Уже уходят из памяти имена. Но помнится наша группа, обосновавшаяся в углу барака: братья Скидельские – Семён и Соломон, грузные, похожие на старых львов, не потерявших своего достоинства и в клетке. Наши харбинцы – журналист Н.П. Веселовский, читавший нам по памяти свои рассказы, Д.И.Поздняков – старый эсер, знакомый всем по книжному магазину "Пламя", мой гимназический преподаватель С.В.Кедров, служащий ХСМЛ Григорьев, утверждавший, что он работал в американской организации, не сотрудничал с японцами. Управляющий отделом "Модерн" Зимин говорил: "Я знаю, что моя жизнь кончена, но я благодарю Бога, что он дал мне несколько лет человеческой жизни". Сотрудник БРЭМ Н.А.Скованов по утрам делил приносимые нам пайки хлеба. Мой товарищ Жора Кожевников, когда-то руководивший джазом "Колледжиан", помогал рабочим на кухне и приносил нам то луковичу, то ещё что-нибудь съестное. В стороне расположился доктор Колобов, в своё время подчёркивавший свою близость к "атаману". Слышал, что по каким-то причинам его освободили, и он вернулся в Харбин. Увели в тюремную больницу с признаками тифа бывшего начальника спортивного отдела БРЭМ К.Люстрицкого, кажется, из больницы он не вышел.

Время от времени нас возили на допросы. Так тянулось до декабря. А затем – ночной подъём и вызовы по спискам. Говорили, что на железнодорожных путях стоят "пульманы" для харбинцев. По спискам вызывали и увозили. Увели не всех. Малая часть осталась, в том числе и я.

Брат Илья, попавший в эти эшелоны, потом рассказывал, что из вагонов, катившихся в декабрьско-январские морозы через всю Сибирь, на каждой остановке выносили трупы наших харбинцев. Помнится имя Арсения Несмелова. Потом о нём Наталия Ильина, ссылаясь на какой-то дальневосточный журнал, напишет: умер на пути возвращения на Родину... Немало харбинцев вернулось этим путём. "Имена их Ты, Господи, веши..."

А нас, оставленных в Уссурийске, ждал суд. Меня судили 31 декабря. Новгодним подарком военного трибунала было 10 лет лишения свободы с отбыванием в ИТЛ. После суда – в тюрьму. Перешагнув порог камеры, я попал в муравейник. Двухярусные нары были заполнены харбинцами. На верхних нарах обросший щетиной человек продолжал рассказывать негритянские анекдоты – это был профессор Н.И.Никифоров. Ко мне подошёл директор "Русского дома" К.И.Подольский. Как всегда, интересовались, сколько дали? Меньше десяти не было ни у кого. А у ребят из отряда капитана Тырсина было по 25. Во время вывода в туалет по надписям на стенах узнавали о других харбинцах. Расстреляны фельдшер М.А.Вахрушев, выпускник харбинского юрфака Н.Кипкаев, журналист Ю.Ф.Фонзиберг.

Наше сидение закончилось в феврале 46-го. Пришла комиссия, по возрастным признакам сформировала партию для отправки на Колыму. Нас, ослабленных и пожилых, через несколько дней – "стольпинскими" вагонами в Красноярский край. Доехали. Выгрузили на ст. Решоты,

недалеко от Канска. Нас принял Краслаг, где нам было суждено пробыть 5 лет. По-лагерному не самых плохих, впереди пришлось испытать похуже.

Мне суждено было провести эти годы на инвалидном лагпункте, где не было самых тяжёлых – лесоповальных – работ. Харбинцев со мной было немного. Н.И.Никифоров подрабатывал сторожем на парниках, потом был списан как инвалид. В 1951 году во время предэтапного обыска с ним случился инфаркт, его отправили в больницу, откуда он уже не вышел. Из харбинцев здесь ещё оказался В.В.Голицын, привезённый из тайги в беспомощном состоянии. Бодро, не теряя выправки, держался полковник Я.Я. Смирнов. Стихами писал просьбу об улучшении питания популярный в Харбине Поперёк-Маманди. Здесь я встретился с моим товарищем юности Н.Горловым. Его тоже привезли из тайги, как отработанный материал. Работал в бухгалтерии директор гимназии на ст. Пограничная Лукин. Умер бывший начальник церковного отдела БРЭМ Чистосердов. Когда пребывание в Краслаге кончилось, мы с последним этапом попали в Степлаг – лагерь на берегу озера Балхаш, у города с тем же названием. И здесь встретили харбинцев. Наш известный журналист М.А.Талызин оказался здесь с 25-летним сроком. Попал сюда и А.В.Голицын. Ходил старичок, которого мы называли не по имени – просто батюшка. Это был келейник епископа Ювеналия. Приехал сюда с епископом, а дальше их разлучили. Н.И.Чепурин, имевший свои мастерские в Цицикаре, здесь показал себя универсальным специалистом. Одно время ему даже давали работу в котельной, отапливающей дома вольнонаёмного состава. Выпускник Харбинского политехнического института Н.И.Майшев тоже ценился как высококвалифицированный специалист.

Каждый тянул лагерную лямку, как мог. Суровый режим прижимал всех. Но события 53-го изменили нашу судьбу. Вместо того, чтобы после отбытия срока быть отправленными в северные края, нам было позволено выбирать место жительства преимущественно в зоне Казахстана.

Нас, харбинцев, никто нигде не ждал. Попали в приют для престарелых М.А.Талызин, В.В.Голицын. Доживал свои дни в доме престарелых присяжный поверенный И.А.Гусельников.

Навеки остались в балхашской земле Н.И.Чепурин, харбинский типограф Н.Мызников. Майшев уехал из Балхаша в Череповец, где и закончил свой жизненный путь. Одно время по набережной озера размеренной походкой прогуливался Альфред Хейдок, друг и последователь Рериха. Он отбывал свой срок где-то в другом месте и приехал к своему сыну Валентину, освободившемуся из балхашского лагеря. Валентин умер в Балхаше, а Альфред Хейдок уехал куда-то на Алтай к своим единомышленникам. Ко мне приехал из мордовских лагерей освобождённый по амнистии брат. Проработал несколько лет на Балхашском горно-металлургическом комбинате и навеки остался в земле Казахстана. Там же работал и считался знающим химиком-исследователем

В.В.Родзаевский. Но ему припомнили, что он – брат К.В.Родзаевского, и Владимиру Владимировичу пришлось уехать в Узбекистан, в Алмалык.

Вот те немногие харбинцы, встречи с которыми сохранились в моей памяти. Долгие годы, выйдя за колючую проволоку, мы не чувствовали себя полноценными людьми. Мы не сделали карьеры, не стали состоятельными людьми. Были довольны тем, что нам позволили трудиться, зарабатывать на кусок хлеба. И доживать, вспоминая прошлое. Вспоминать Харбин, о котором сейчас с болью напомнила ваша газета. Наше прошлое довлеет над нами. Даже некоторые харбинцы "вольной" волны сторонились нас. О многом напомнила мне ваша газета. Доживая свой восьмой десяток (мне 78), имея трудовую пенсию чуть выше минимальной, я с ужасом смотрю, что происходит с нашей Родиной, которая представлялась нам такой чудесной из нашего прекрасного далёка..." (Хрб., 1995, № 1).

Читаю и восхищаюсь стилем, ясностью мысли и памятью человека.

2

Гавриил Никанорович Коршунов из Анжеро-Судженска Кемеровской обл. Поучительна его автография, истории жизни собственной рукой:

"Я – уроженец Приморья (Бухта Св. Ольги) 1917 года. В 1920 году был привезён отцом в Маньчжурию через ст. Пограничная и далее на западную линию КВЖД, на ст. Маньчжурия, где отец устроился в железнодорожную полицию. Отец был человек с мягким характером, калужский крестьянин, глубоковерующий, с образованием четырёх классов церковно-приходской сельской школы.

Город Маньчжурия в 1920 – 29 годах представлял собой бурлящий котёл, этакий восточный Вавилон. В этот город стекались солдаты участников "Ледяного похода" армии генерала Каппеля, казаки ОМО (Особого Маньчжурского отряда) атамана Семёнова, множество толстосумов, простых людей, солдат бывшей белой армии, голодных, оборванных, завшивевших, у которых была одна профессия – убивать, и они охотно становились конквистадорами, вступая в китайскую "белую" армию генерала Чжан Цзо-лина, затем генералов Фын Юй-сяня и У Пэй-фу.

В городе было два храма: в черте города – Св. Иннокентьевский Собор, настоятелем которого был святитель (в подлинном значении этого слова) епископ Иона Ханькоуский, и на половине посёлка служащих КВЖД (китайской стороне) – храм в честь Преподобного чудотворца Серафима Саровского. В центре города высилась трёхэтажная классическая русская гимназия, гимназия им. И.А.Крылова, ремесленное училище им. епископа Ионы и приют для сирот его же имени. При училище были основаны мастерские: парчёво-ткацкая, столярная, сапожная, гончарная и др.

В 20-х годах город веселился и развлекался беспшабашно, стараясь как можно скорее пропить, прокутить, проиграть деньги. Для этого были созданы все условия – город кишел ресторанами, кафешантанами, рулетками, игорными домами, домами терпимости. Был неплохой

ипподром. Вот в такой обстановке началась наша с отцом (мама умерла в 1918 году, когда мне было 11 месяцев от роду) жизнь в Маньчжурии.

В 1924-25 учебном году началось моё среднее образование (поступлением в училище им. еп. Ионы) и закончилось в 1935 году в I Русском реальном училище. Далее полтора года я проучился на электромеханическом факультете Института Св. Владимира (на дальнейшее обучение не хватило средств отца). Начались поиски работы, случайные заработки, наконец, в 1939 году – служба в государственном учреждении до 30 августа 1945 г., когда был на улице схвачен чинами СМЕРШа. Затем 5 сентября был этапирован в скотских вагонах с очередной партией молодёжи на Северный Урал. Начался "крестный путь" наш на гулаговской страшной каторге. Много земляков погибло и закопано в ямах с биркой на ноге, голых, без отпевания. В лагерях мы имели сроки 20-25 лет. Это говорило о нашей безнадёжности ожидания свободы. Но какая же радость была, когда через 11 лет каторги, в 1956 году, прибыла комиссия ВС СССР и объявила нам об освобождении и о нашей реабилитации. Не знаю, сколько осталось в живых нас из 40 тысяч маньчжурцев, вывезенных в ГУЛАГ СССР, умерших от голода, болезней и несчастных случаев.

Нужно было немедленно искать работу, что было трудно, не имея соответствующего диплома. Работа нашлась в Анжеро-Судженске, на лесном складе одной из угольных шахт, где я проработал 25 лет и в 1979 г. вышел на пенсию. В 1988 г. пребывание в ГУЛАГе дало о себе знать: вдруг открылась травма левой ноги, полученная при погрузке леса в вагоны и кое-как залеченная в лагерной санчасти, вместе с заболеванием сахарным диабетом. Всё это привело к тому, что мне отняли левую ногу выше колена. Сейчас я – инвалид второй группы, плохо вижу, "питаюсь" медикаментами. ...Но память хранит много прошлого о детстве, юности и зрелых годах из истории дорогой мне Маньчжурии" (НСМ, № 21).

В 45-м году Г.Н. 18 лет. Один из 40 тысяч харбинцев, откайлит 11 лет каторги на диком Севере. На статью откликнулась Галина Всеволодовна Логинова: "Очень меня заинтересовало всё написанное Гавриилом Никаноровичем Коршуновым. Вот ещё один харбинец в нашем Кузбассе. Он был взят в одно время с моим мужем, и очень похоже, что в ГУЛАГе они были в одном и том же. Свидетельство о смерти мужа "сообщает": "умер от остановки деятельности сердца". Был сентябрь 1948 года. Полтора месяцев не хватило мужу до 40 лет..." (НСМ, № 22-23).

3

Леонид Маркизов (Сыктывкар). В Харбине полвека тому назад. "Но вот прибыл в Харбин СМЕРШ Приморского военного округа и сразу же начал свою активную репрессивную деятельность, "охватив" огромное количество людей, в том числе и автора этих строк. Каково было "качество" работы СМЕРШа – видно по результатам: подавляющее большинство "увезённых" лет через 10 были реабилитированы "за отсутствием в их действиях состава преступления", кое-кто посмертно. В период войны

русские эмигранты оказались в Харбине между двух огней. Нам не доверяли японцы, считая по духу советскими, и, как видим, не доверял и СМЕРШ, считая нас врагами Советского Союза". "Группа русских харбинцев, являвшихся десятскими и квартальными "тонари-гуми", пришли приветствовать советское командование от имени эмигрантской колонии. Но их не приняли, сказав, чтобы они шли в здание бывшего японского консульства, расположенного на той же улице, где разместился СМЕРШ. Делегация вошла в здание и оттуда уже не вышла – делегатов провели в арестантские камеры в подвале. Не обошлось и без горьких казусов. Подрядчик строительных работ Тимофей Иванович Перетятко рассказывал позднее, что он должен был войти в состав делегации, направлявшейся приветствовать советское командование, но опоздал – приехал, когда все уже вошли в бывшее японское консульство и за ними закрылась дверь. Солдат, стоявший на карауле, не пропустил Перетятко в здание и посоветовал уйти. Они долго препирались. Но как часовой ни уговаривал Тимофея Ивановича уйти ("Ну ничего, что вы опоздали, лучше поскорее уходите отсюда"), Перетятко настоял на своём. В конце концов в здание он вошёл, а на свободу вышел лишь через 9 лет, но уже в Потьме, побывав до этого на Урале и в Воркуте" (НСМ № 22).

4

Леонид Павлович Маркизов: "Свидетели событий тех лет не имеют права скрывать их, какими бы жуткими они не были. Сколько было мародёрства, безобразий! Например, на ст. Маоэршань солдаты сожгли у русских пчеловодов пасеку с живыми пчёлами. Владельцы пасеки уехали в Австралию, а не в Союз, хотя до сих пор интересуются жизнью в России и болеют за происходящее в стране. Не надо умалять значение победы, но и нельзя скрывать те безобразия, которые были допущены. Правда нужна полная. Иначе будет не патриотизм, а шовинизм" (НСМ, № 28).

5

Леонид Кожевников (г. Черемхово Иркутской обл.). Тоогенский район.

"По прибытии в Цзямусы нас разместили в большом зале не то бывшей жандармерии, не то полицейского управления. Пообещав нас переобмундировать и перевооружить советским оружием, наши "арисаки" предложили сдать. После сдачи оружия последовали вызовы, якобы на регистрацию. Один за другим уходили парни, не возвращаясь.

Когда я зашёл в кабинет, куда меня вызвали, я увидел трёх советских офицеров, сидящих за столами. Один из них поднялся и, идя мне навстречу, произнёс: "Ну, что, довоевался? Белобандит! Вас, белобандитов, нужно истребить в пятом поколении. Ты находишься в контрразведке СМЕРШ, что означает – смерть шпионам!". С этими словами он подошёл ко мне вплотную, вывернул карманы, срезал пуговицы с кителя и брюк. Записав необходимые им сведения, меня отвели в камеру, в которой находились ранее вызванные и некоторые из тех, кого мы конвоировали" (НСМ, № 22).

Встреча с Отчизной. "Помещение, куда меня завели, было похоже на зверинец: на цементном полу за решётками из толстых прутьев, по-азиатски поджав ноги, сидели люди разных национальностей – русские, китайцы, корейцы, японцы. Советский солдат, такой же, как те, с которыми ещё вчера у костра пили чай из одного котелка, пели песни, смеялись, радовались скорой победе, встрече с родной Отчизной, с грохотом открыв проём в решётке, толкнул меня в камеру. ...Через несколько дней, сделав поименную переключку, погрузив в кузова "студебеккеров", куда-то повезли под дулами автоматов. И опять гнетущие мысли задавили сердце. Но вот приехали в речной порт на Сунгари. Разгрузка из машин, посадка в трюм парохода. Плавание длилось недолго. Закончилось оно на левом берегу Амура.

Сошли с парохода на большую поляну недалеко от посёлка Ленинск. Вскоре оказались в окружении зевак из местного населения. Больше других их внимание привлекали русские. "А с этими белобандитами чего возиться? Расстрелять их!" – кричали они. Конвой оттеснял настойчиво налегавших на арестантов. До следующего утра пришлось дрожать на поляне от холода в окружении сидящих у костров конвоиров, на всякий случай предупредивших: "В случае попытки к побегу, стреляем на поражение без предупреждения!". Так неожиданно и нерадостно произошла моя встреча с Отчизной" (НСМ, № 24-25).

6

Гавриил Коршунов (Анжеро-Судженск). Маньчжурцы – гулаговцы.

"И события наступили 9 августа. Война! Город замер, жизнь парализована на несколько дней... На харбинском аэродроме приземляется советский "Дуглас", заполненный чинами СМЕРШа из Хабаровска. На Сунгари появились советские мониторы со штабом. Против китайского Фудздяна поставили большой пассажирский пароход "Харбин" для приёма "белобандитов". И чистка началась. Те помещения по всему городу, где были расквартированы японские отделения жандармерии, японского консульства, городская тюрьма – теперь заполнялись "контриками". По спискам совконсульства и разведки аресты проводил офицер с конвоем, вооруженным ППШ. На квартире: "Без вещей и на 10 минут! ". А оказалось, что не на 10, а на 11, и не минут, а лет (для тех, кто выжил). А по улицам города сновали одетые в штатское люди с отдувающимися карманами, с военной выправкой, пронзительным взглядом – чины СМЕРШ – в сопровождении осведомителя, покупающего себе жизнь предательством близких, друзей, сослуживцев, случайных знакомых. По его указке "чин" подходил к человеку и, ткнув пистолетом в бок, велел следовать вперёд. По ночам в глухой тишине заснувшего города раздавалось урчание грузовиков, везущих на товарный двор "контру". Там же ждал приготовленный товарняк из телячьих вагонов, в которые запихивали привезённых. С рассветом поезд под горестный женский плач и крики: "Отдайте нам наших детей, мужей, братьев, кормильцев" и под ответный дикий мат пьяного воинства поезд

тронулся по восточной ветке КВЖД на станцию Пограничная, а оттуда – на запасные пути станции Гродеково.

После выгрузки конвой расселил будущих з/к по пустым комнатам и кабинетам какого-то учреждения на целых два месяца, после которых и начался наш путь, крестный путь русской эмигрантской молодёжи, виноватой лишь в том, что она верила в Бога, любила Россию, а не Сталина.

В конце ноября нас кое-как экипировали в рваное тряпье и, "под завязку" напихав в скотские "оборудованные" (буржуйка, нары, угольная пыль) вагоны, отправили в тяжкий путь в империю ГУЛАГ.

Накрепко задвинутые двери. Параша. Люди голодные, грязные (воды не давали ни для умывания, ни для питья). Утром и вечером поверка. Два здоровенных конвоира, скомандовав: "З/к! Внимание! Перейти всем в одну сторону", отодвинув сначала двери, появлялись в вагонном проёме и, став по обе стороны, начинали "счёт", пропуская каждого ударом деревянного молотка, насаженного на длинную деревянную палку. Удары по спине сыпались увесистые, и, если "счёт" у конвоиров не сходился, процедура повторялась дважды и трижды, пока верные сыны Сталина не насладятся своей властью над "контриками".

Две недели путешествия в скотских вагонах были сущим адом для людей голодных, грязных, завшивевших. Эти насекомые полчищами атакывали человека, вызывая страшный зуд. Поэтому ежедневно, как только забрезжит дневной свет в двух зарешёченных окошках вагона, его обитатели с яростью бросались бить зловредную тварь – только треск и проклятья раздавались со всех сторон. В эшелоне люди были распределены "по нациям" – русские, китайцы, японцы, корейцы, немцы, отдельно – женщины. Люди болели, умирали. Скончавшихся на ближайшей остановке озверелый канвой выбрасывал из вагона, вычёркивая их из своего списка. Советских медработников в эшелоне не было, медикаментов, конечно, никаких. В нашем "пульмане" умер на остановке в Иркутске адвокат-грузин Мачадзе и ещё имена их же Ты, Господи, веши!

Наш крестный путь закончился на 15-е сутки на ст. Азанка Северо-Уральской ж. д. Разместили нас в пустующем лагере в нетопленных бараках, на голых нарах. Начался голод, люди от него пухли. В день выдавали 300 г. хлеба из отходов муки и три раза в день по черпаку баланды из гороховой муки. Постоянное ощущение голода приводило к галлюцинациям в дневное время и кошмарным голодным снам ночью.

Контингент нашего лагеря в Азанке стали гонять на работу в недалеко находящуюся лесобазу в ожидании вызова и отправки на следствие, которое началось с первых чисел марта 1947 года. Находясь уже под следствием, люди продолжали работать на лесобазе. Многие стали приходить в отчаяние, начались потери. Первым был отчаявшийся в жизни бывший управляющий кабарэ "Бомонд" Иосиф Бассехес. Вторым был славный парень – тихий, скромный, верующий, сын соборного священника Алёша Светлов. Он, будучи на работе на лесобазе, в порыве отчаяния выполз по

густой траве к забору оцепления и совершил побег. Куда? Куда глаза глядят. Обнаружившие пропажу человека при съёмке с работы озверелые конвоиры вызвали спецконвой с овчаркой. Недалеко ушёл Алёша: вечером его окровавленного, избитого прикладами, приволокли в лагерь. А на другой и в последующие дни Алёшу, больного, израненного (при погоне за ним конвоир, бежавший сбоку, выстрелил, Алёша в это время повернул голову с открытым ртом – он задыхался, и пуля по необыкновенной случайности, попав в одну щеку, вышла в другую, и Алёша остался жив), конвоировали на работу.

И далее пошло наше "хождение по мукам": общая "Екатерининская" тюрьма в Свердловске, перевод там же во внутреннюю тюрьму на следствие, которое длилось в течение двух недель исключительно по ночам (а днём в камере не давали спать). По окончании следствия – снова тюрьма, объявление постановления ОСО о статье и сроке заключения. С этого момента мы стали "гражданами империи ГУЛАГ". Началась растасовка нас по лагерям в "столыпинских" вагонах, где "врагов народа" набивали так, что ни сесть ни встать. Люди страдали, мучились, что приводило "верных стражей партии Ленина" в неописуемый восторг. На оправку не водили. Когда в нашем купе, набитом, вместо 4 человек, 16-ю, Володя Абламский, несмотря на дикий мат чекистов, стал настойчиво проситься в туалет, озверелые "стражи", открыли решётчатую дверь купе и, вырвав несчастного в коридор, дико, зверски, бесчеловечно избивали Володю в течение часа. Потом на него глядеть было страшно.

Привезли нас сначала в г. Сосьву, а там пошли тасовать, как карты. С уголовниками – ворами, убийцами, рецидивистами. Начался крошечный каторжный ад, содержание рабов на уничтожение: конвой мог просто так пристрелить подошедшего близко к запретной зоне – убитого спишут. "Хозяева" лагеря – блатные – могли избить, даже убить. Ничего им за это не будет – спишут. Люди голодали, болели, умирали. Хоронили мёртвых голыми, привязав на большой палец правой ноги бирку с лагерным номером з/к. На вахте при выезде из лагеря убитого или умершего ударяли по лбу деревянным молотком во избежание побега з/к.

Я вспоминаю своих близких друзей, с кем хлебал лагерную баланду, валил лес, разбирал каменную скалу, а потом десятикилограммовой кувалдой разбивал каменные глыбы на мелкие куски и складывал их в строго правильные штабеля, выполняя норму за черпак баланды и 450 граммов хлеба. Я вспоминаю тех, с кем добывал уголь в Воркуте, Караганде, с кем работал на медных рудниках Экибастуза, по всей империи ГУЛАГа, где прошли з/к из Маньчжурии". Далее список из 59 фамилий. Среди них поэт Ачаир Алексей, Лавров Виктор, о них речь особо, и Подзява (о. Фома) – монах из Лицея Св. Николая, о нём пойдёт впереди. И уже в самом конце: "Это – мой привет-веночек к построенному в Омске памятнику невинно осуждённым жертвам ГУЛАГа – расстрелянным, умершим от голода и каторжного труда, ещё живым, но больным" (НСМ, № 22-23).

Гавриил Коршунов. (Анжеро-Судженск). (НСМ, № 31).

"В дни, когда страна вспоминает о жертвах, понесённых в Великой отечественной войне, нельзя не вспомнить и о жертвах голода, каторжного непосильного труда в Империи ГУЛАГ. Нельзя не вспомнить о тысячах ни в чём не повинных молодых и пожилых маньчжурцев, которых хватало средь бела дня, грузили в скотские вагоны и ими пополняли ГУЛАГ. Голодные люди не выдерживали чекистской каторги и умирали. Их хоронили ещё затемно, голых, с привязанной к большому пальцу ноги биркой. На выезде у ворот выходил караульный и крепко "благословлял" ударом деревянного молотка по лбу мертвеца, которого затем наспех засыпали землёй в специальных местах без отпевания и напутствия священника.

Дорогие земляки! К 40-летнему юбилею массового освобождения ("демобилизации") и реабилитации (прекращения действия ст. 58 УК Академии ГУЛАГа) моя угасающая память выхватила из реки забвения и выдала "на гора" ещё четыре десятка фамилий и имён моих друзей-солагерников. Не обессудьте, если некоторые повторяются (см. НСМ, № 22-23) – это дважды встреченные на тяжком лагерно-каторжном пути.

Знаменательное событие – свобода – пришло к нам в августе 1956 года. Заблаговременно обращаюсь к вам, дорогие земляки-гулаговцы, оставшиеся в живых, и их родственники! Призываю вас в местных храмах отслужить панихиду о погибших! Вечная им память! А в честь оставшихся в живых – отслужить молебен. И сделать это надо 20 августа 1996 года".

Иннокентий Пасынков. Кое-что о молебнах.

"... Ибо после первых дней эйфории стали служить молебны по другому поводу, а именно – о здравии и спасении плененных, а потом уж стали служить и панихиды по друзьям и родственникам своих земляков, что были схвачены органами СМЕРШа дома, на работе или прямо на улице и исчезли неизвестно куда. И только потом постепенно выяснилось, что они были вывезены на территорию СССР, где были брошены с тюрьмы и лагеря без суда и следствия, в невыносимо тяжёлые условия. А увезены были таким образом тысячи людей, что фактически являлось людоедством, тем более, что большинство были бесподанные. Соответствует ли это международному праву? Теперь, по прошествии полувека, многое тайное стало явным, кто и где погиб из харбинцев. Осенью 45-го года в Гродеково, на тюремном полу без всякой медицинской помощи погиб замечательный поэт русского зарубежья Арсений Несмелов (Митропольский). В конце декабря 1945 года во время 29-дневного этапа из Гродеково на Урал в вагонах для скота (но в более плохих условиях, чем перевозился скот) только в одном из вагонов умерли три харбинца – тоже без всякой медицинской помощи: Иван Николаевич Отланов, бывший директор электростанции в Имяньпо Иноземцев и престарелый присяжный

поверенный Дандуров, у которого начались психические нарушения. Как и где выгружались трупы, где погребены эти несчастные – установить невозможно. В 1946 году в сангородке Азанки (Свердловская область) от дистрофии умерли известные харбинские спортсмены Анатолий Карбовский и Павел Ширяев.

В 1953 году в больнице Озерлага на ст. Новочунка (Иркутская обл.) в туберкулёзном корпусе умер престарелый харбинец Елисей Григорьевич Наглюк. В 1955 году тоже в Озерлаге скоропостижно скончался на инвалидной колонне во время непосильной работы священник харбинского Свято-Николаевского собора о. Владимир Светлов, а сын его ещё в 1946 году бежал из лагеря на Урале, был ранен в голову и только чудом остался жив (сейчас он живёт с семьёй в Сиднее). Забыл фамилию земляка, который был убит охранником в лагере на Урале (провокация попытки к побегу). Перечисленные фамилии – только малая, тысячная доля погибших наших земляков. ...Те из земляков, которым удалось выжить в немилосердной той войне коммунистического режима против своего народа, были почти все реабилитированы, а следовательно, пострадали ни за что...

...И вечная память сотням и тысячам наших земляков, умерших и в те годы, и после освобождения. Вот им на могилы и хочется нести цветы поминания, хотя бы и на могилы символические" (НСМ, № 22-23).

9

Георгий Бянкин: "Спасибо Г.Н.Коршунову за очерк "Маньчжурцы – гулаговцы" в № 22-23. Страшный многонедельный, без преувеличения можно назвать легендарным, мученический этап в холодных телятниках при сорокаградусных морозах из Ворошиловска (Дальний Восток) в Верхнюю Тавду (север Свердловской области) не поддается никакому описанию. Сам вместе с отцом в одном вагоне пережил этот кошмар. Брат, с 25-летним сроком, был отправлен на Колыму. Список Г.Н.Коршунова наших великомучеников, начало длинного списка, который будет пополняться в каждом номере НСМ. Затем прекрасно было бы отпечатать его специальным отдельным приложением к НСМ. Хотя бы так! Не мечтая уж о чём-то более достойном. Очень желательно увидеть на страницах НСМ отдельную рубрику "Маньчжурцы – гулаговцы". Многим есть что вспомнить, о чём поведать. Дело нужное, дело срочное! Сколько нас осталось? Да и каких уже?" (НСМ, №51). Г.Бянкина надо бы всенепременно поддерживать.

10

Иннокентий Николаевич Пасынков (Москва).

"Очерк Г.Коршунова "Маньчжурцы – гулаговцы" – нужная и ценная публикация, тем более пока не все "академики" ушли из мира сего.

Отдельные замечания. Интересно всё же хоть теперь было бы узнать фамилии осведомителей, по указке которых воровали чекисты эмигрантов повсюду, в том числе и на улице. Уворованных людей не сразу увозили на товарный двор, а предварительные опросы, допросы проводились в местах,

указанных в очерке. В Гродеково наш этап, например, помещён в какую-то бывшую школу. О поверках в вагонах, в которых везли на Урал, в памяти остался отвратительный облик начальника конвоя – малорослого, кривого и кривονогого инородца, который, перегоняя зеков с одной половины вагона на другую, командовал: "первая", "вторая" и т.д. – этим подчёркивая, видимо, лишний раз элемент издевательства, как бы "первая голова", "вторая голова" и т.д., подобно скоту. Может быть, странно, но такие моменты на всю жизнь сохранились в памяти.

Не знаю, в каком именно этапе был автор очерка, но наш этап шёл из Гродеково на Урал не две недели, а 29 дней, и прибыли мы в Азанку 17 января 1946 года. По прибытии в лагерь Азанки, пустовавший к этому времени, нетопленный и грязный, запомнилась сразу же вода из колодца с трупным запахом. И всё же лагерь после 29-дневного этапа показался чуть ли не "раем"... Горькая ирония сравнения! Гоняли на работу не на лесобазу, а на шпалозаводы, причём было правило "в зоне обеда нет", а только на производстве. Этим "стимулировался" выход несчастных голодных больных людей на место работы. К сожалению, нарядчиком сразу же стал наш земляк-маньчжурец, он и оперировал лозунгом, что "в зоне обеда нет".

Упомянутый в очерке Алёша Светлов – мой близкий друг с детских лет, а о его побеге недавно в сиднейской газете был большой – на три номера – очерк, он так и назывался "Побег". Сейчас Алёша с семьёй живёт в Сиднее, уже дедушка, а как ему удалось вырваться за границу – это уже другая, тоже интересная, тема. Всё остальное автором написано "кровью сердца", всё правильно, и каждый из нас, ещё живых, мог бы написать книгу в стиле "Россия в концлагере" И.Л.Солоневича. Так что восторги от встречи советских войск в Харбине в 45-м ну никак не по нутру пережившим "академию Сталина-Берии" – причём не только за себя, но и за свои несчастные семьи...

По поводу списка фамилий. Где и когда за что именно был расстрелян ветеринарный фельдшер Вахрушев? Были и другие расстрелянные во Владивостоке в начале 46 года. Знал Васинского Владимира Сергеевича, умер несколько лет тому назад в Новосибирске. Веселовского знал Николай Павловича, журналиста – вместе были в сангородке в Азанке в 46 году. Хотелось бы знать конечную судьбу Дунаева Ильи Николаевича, одно время были с ним в тюрьме в Нижней Туре. Очень хотелось бы знать судьбу Васи Зырянова. По моим данным, Юрий фон Зиберг был расстрелян, так ли это? Николай Крамник умер в Иркутске (одно время были вместе в Краслаге). Кауфман – хирург? Был такой детский врач – одно время он был в сангородке в Азанке. Интересно было бы узнать о судьбе супругов Охотиных. Валя Опрокиднева была замужем за В.С.Васинским, умерла несколько лет тому назад в Новосибирске. В.В.Пономарёв и В.В.Родзаевский умерли. То же о. Серафим Труфанов и Аркадий Тимохин (в Тайшете). Всеволод Чеусов живёт и преуспевает в Вихоревке, Иркутской

области. Георгий Шехерев потом оказался в Польше, умер. С Шабельником был одно время в Азанке, где он, что он? Пепеляев – это сын генерала?

Возможно, для автора очерка это интересно будет знать, и он ответит на кое-какие заданные вопросы" (НСМ, № 26).

Завидная память. Опыт жизни и удивительные отношения и связи, видение и осмысление противоречий в мире. Устоялись убеждения. Характер отличают достоинство, смелость суждений и культура. Без возвышенности и яркости, при основательности высказывания и уравновешенности слога, в сдержанности и умеренности интонаций, убедителен в воспоминаниях и замечаниях. "Академик" и авторитет в самом деле. И тут же отклик.

11

Нина Медовщикова (Сан-Матео, США): "В № 26 я прочитала статью Иннокентия Николаевича Пасынкова, в которой он интересуется судьбой моего брата Васи Зырянова. Мой брат забран был в 1945 году, как и все ГУЛАГовцы, и прошёл десятилетний тернистый путь, оказавшись в Казахстане, в г.Сарань. После всех терзаний, больным, он стал работать преподавателем в школе и инструктором спорта. Проработав шесть лет, скоропостижно скончался в 38-летнем возрасте 18 февраля 1961 года.

Его и моя мама живёт со мной. Ей исполнилось 100 лет, а наш отец был забран также в 45-м и, по словам Подгорецкого и Пастернака, которые были с ним в лагере, скончался через год в Тавде от сердечного приступа. Обоих – Подгорецкого и Пастернака – мы встречали в Сан-Франциско после освобождения. Буду очень благодарна Иннокентию Николаевичу Пасынкову, если он напишет мне, что знает о моём брате за то время, когда они шли по этапу. Мы переписывались с Васей этот короткий срок после его каторги, но он писал очень сдержанно, так как, по-видимому, боялся быть откровенным. Наша надежда на встречу (а мы хотели хлопотать о его выезде к нам) оборвалась с его смертью" (НСМ, № 30).

12

Иннокентий Пасынков (Москва). Два стихотворения.

"Харбин, тридцатые годы...Вот с тех далёких времён и идёт наша дружба с Серёжей Серёдкиным. Я часто общался с ним в Харбине, знал его родителей, бывал у него в гостях, разделили мы с ним и горькую участь сталинских лагерей, но были в разных местах.

Серёжа окончил в Харбине 1-ю Правительственную гимназию, затем два года работал скрипачом в молодёжном японском оркестре, а в 1938 г. был принят через ряд конкурсных экзаменов во вновь учреждённый государственный университет "Кэнкоку Дайгаку" в Синцзине (нынешнем Чаньчуне). Из русских было принято пять человек (по числу вакансий для русских), а всего на каждом курсе (их было восемь) обучалось 150 студентов (китайцев, японцев, монголов, корейцев, тайваньцев и русских). Кроме основных дисциплин, в университете придавалось большое значение физическому и духовному воспитанию – борьба дзюдо, айкидо, кэндо

(фехтование), конный спорт, планеризм и др. Серёжа окончил экономический факультет. Вся шестилетняя программа шла на японском языке, но преподавались также (по желанию) английский, немецкий, французский, русский".

"С приходом Красной Армии некоторое время работал на КВЖД, а затем был переводчиком с японского языка при одном из армейских подразделений. Несмотря на это, в ноябре 1945 года был неожиданно арестован и вывезен в СССР вместе с другими задержанными эмигрантами. (Но вот неожиданно ли? Дело в том, что аналогичная судьба постигла и ряд других переводчиков из числа наших земляков: сначала использовали их специальность, и потом препроводили в недра архипелага ГУЛАГ).

Сергей попал с этапом в Северураллаг Свердловской области, где, не будучи осуждён, т.е. без следствия и суда, работал на лесоповале в уральской тайге. Что это такое – можно понять, лишь поработав в те годы именно на лесоповале: все операции по валке леса проводились только вручную, бензопил не было, погодные условия во внимание не принимались, питание было на уровне голодного пайка".

"Итак, спустя два года или немного больше после работы в нечеловеческих условиях (а сколько за это время или поумирало народа или заболело тяжёлыми недугами, особенно дистрофией) в лагеря понаехали комиссии КГБ, которые стали "разбирать дела задержанных". При этом часть "маньчжурцев" увозили в разные города, чаще в областной центр, во "внутренние тюрьмы", где и проводили "следствие". Те же, кто оставался в лагерях, эту процедуру проходили на местах, т.е. "без отрыва от производства" – днём работа, а по ночам допоздна – допросы...

Далее, через какое-то время приходили приговоры Особого совещания, которые и объявлялись так называемой спецчастью лагерей. Большинству инкриминировался шпионаж, а сроки были от 10 до 25 лет ИТЛ (заклѳчѳнные правильно иронизировали над этим термином: "истребительно-трудовые лагеря", а отнюдь не "исправительные"). Таким образом, никакого суда не было, защищать себя было невозможно (хотя бы формально), и так называемая статья 58 была чисто политической, которая в дальнейшем отражалась на судьбе не только в заключении, но и после освобождения... В 1954 году, в связи с хрущёвской "оттепелью", дела стали пересматривать: опять-таки понаехали комиссии КГБ, видимо, с соответствующими инструкциями. И после кратких собеседований, чисто формальных, абсолютное большинство земляков досрочно освобождались "со снятием судимости"...

С одним земляком-приятелем Сергей попал в Кемерово, но устроиться в течение почти трёх месяцев никуда не мог, так как на руках были только справки об освобождении, а с таким документом старались на работу не принимать (как же: "бывшие враги народа"). С трудом ему в конце концов удалось устроиться" (НСМ, № 45).

Иннокентий Пасынков (Москва). Жизнь трудная, но достойная.

"В апреле 1997 года в Одессе после продолжительной и тяжёлой болезни скончался наш земляк Евгений Фёдорович Сенкевич. Это был великий труженик, японист, переживший, как и многие из харбинцев, мучительные скитания по островам "Архипелага ГУЛАГ". Вся жизнь усопшего – то калейдоскоп нелёгких событий, переездов, перемен.

В Харбин он попал пятилетним ребёнком вместе с матерью (отец, поручик армии А.В.Колчака, оказался в Харбине ещё ранее). В Харбине он окончил с золотой медалью гимназию им. Пушкина, затем Педагогический институт и ещё три курса Богословского факультета. Преподавал историю и русскую литературу в Лицее Св. Николая. Далее окончил курсы японского языка в Харбине и устроился на КВЖД. Там проработал недолго – устроился на более выгодные условия в село Николаевку (около ст. Цзямусы) директором начальной школы. Сюда переехала и вся семья, так как материальные условия были лучше, чем в Харбине – завели своё хозяйство, огород. Мирную жизнь нарушила II мировая война, а после начала войны между СССР и Японией всей семье пришлось спасаться в сопках от японцев – тут очень помогли вошедшие войска и местные китайцы-проводники.

Таким образом, все Сенкевичи оказались уже в освобождённом Харбине, но без средств к существованию, так как всё пришлось бросить в Николаевке. Из Харбина в 1946 году Евгений с сестрой Татьяной и матерью выехали в СССР в Хабаровск, а затем брата с сестрой по распределению направили в Комсомольск-на-Амуре. Вот здесь через три с половиной года Евгения арестовали органы НКВД, хотя он и работал переводчиком японского языка в лагере для военнопленных японцев (сестра Татьяна в это время снова жила в Хабаровске с матерью). Затем для Евгения – обычный путь россиян, вывезенных из Маньчжурии: следствие, суд в Хабаровске, этапирование в Озерлаг. Именно этот период своей жизни – арест, суд, этапирование – Евгений пережил особенно тяжело, что в дальнейшем отразилось на его нервной системе. В 1953 году Евгений был досрочно освобождён, а затем реабилитирован... Ну, как тут не вспомнить слова Конфуция о том, что "истинная доблесть состоит не в том, чтобы никогда не падать, но чтобы подниматься всякий раз, когда падаешь" (НСМ, № 57).

14

Татьяна Каплун (Сенкевич) (г. Одесса): (НСМ, № 59).

"В 1946 году мы вместе с братом Евгением Сенкевичем уехали в качестве переводчиков японского языка на работу на родину, о чём вся русская молодёжь тогда мечтала. А Хабаровск ехала группа из 19 человек, в которую мы и попали. С нами была Нина Руденко, Аня Бобылева (из СМУ), ещё Сама Березовский остальных не помню. В Хабаровске нас всех распределили по разным местам. Я и брат были назначены в Комсомольск-на-Амуре, в молодой тогда 15-летний город. Там я и брат проработали в качестве переводчиков при лагерях военнопленных японцев. Через два с

половиной года я уехала оттуда опять в Хабаровск, а брат остался. В 1949 году его постигла беда – арестовали и отправили в Хабаровск, затем в Сибирь, в Тайшет. Как и почти всех харбинцев, его обвинили по знаменитой ст. 58. Жизнь его там проходила в ужасных условиях. Освободили и реабилитировали его только в 1957 году. Скончался брат в 1997 году в Одессе".

15

Иннокентий Пасынков (Москва). Рукописи не горят. (НСМ, № 76).

"В № 75 НСМ был опубликован некролог о Наталии Арсеньевне Митропольской, дочери видного дальневосточного поэта Арсения Несмелова-Митропольского... Уточним ещё раз родственные связи умершей с Арсением Ивановичем Митропольским. Из письма Наталии Арсеньевны (переписывался я с ней более десяти лет): "Мой отец был женат ещё к началу войны, а встретились мои родители в 17-м году, брак был гражданский, поэтому и разные фамилии (Худяковская – Митропольская. – И.П.). Отец отправил маму (вероятно, из Омска) во Владивосток, а сам в ходе отступления Белой армии попал во Владивосток уже через Харбин, нашёл во Владивостоке маму, ожидавшую моего рождения". Ужасные условия эвакуации жён офицеров описаны в стихотворении "Беженки" ("Без Москвы, без России"). "Моя бедная мама носила меня в своём чреве в ужасных условиях, в состоянии стресса", – объясняет в письме Наталия Арсеньевна причину своего последующего нездоровья с детских лет. Фамилию "Худяковская" на "Митропольская" Н.А. выправила в 1977 году во время всеобщей замены паспортов. Проживая в Свердловской области, Н.А. вела активную переписку с литераторами, издателями журналов и книг, со многими земляками, в том числе со знавшими её покойного отца. Мечтала побывать в Гродеково на месте хотя бы символической могилы отца (умер отец в начале декабря 1945 года на полу "приспособленной" тюрьмы в Гродеково Приморского края). Было намерение поехать во Владивосток на вечера поэзии, посвящённые Арсению Несмелову, на презентацию книги стихов отца "Без Москвы, без России", но эти мечты осуществить ей не удалось, в основном, из-за состояния здоровья.

17 февраля 1999 года в Верхней Пышме, где жила покойная, состоялся вечер, посвящённый памяти её отца. На вечере читались стихи... Выступавшие, в частности, отметили, что Арсения Несмелова ценили Борис Пастернак, Марина Цветаева, и что сейчас в США начато двухтомное издание творчества поэта. Отмечено было также, что псевдоним "Несмелов" был взят покойным поэтом в память о его друге офицере, погибшем под Тюменью в гражданскую войну.

Интересна была переписка Н.А. Митропольской с талантливым поэтом Валерием Перелешиним (Валерий Францевич Салатко-Петрище), жившим в Харбине, а затем уехавшим в Бразилию, в Сан-Пауло, и там скончавшимся. Он прислал ей в 1990 году свою "Поэму без предмета", написанную строкой и размером "Евгения Онегина". По сведениям от

Н.А.Митропольской, эта "Поэма" была издана в 1989 году в г. Холиоке, под редакцией Семёна Карлинского, тиражом всего в 600 экземпляров, причём автор характеризовал поэму, как "410 строк онегинской строкой"... Есть в "Поэме без предмета" и строки, посвящённые Арсению Несмелову.

"Несмелов... Был он офицером
Фанагорийского полка –
Высокой доблести примером,
Потом служил у Колчака.
Ещё в окопах, по привычке
Писал "Военные странички",
А позже, в русском Харбине
Издal рассказы о войне".

Трагической смерти Арсения Несмелова автор посвятил такие строчки (ошибившись только в месте и обстоятельствах смерти):

"На безымянном полустанке
Окоченевшие останки
В халате белом человек
Поднимет, вынесет на снег,
Пожёвывая, закопает
В каких-нибудь пяти шагах,
И где искать священный прах,
Россия наша не узнает".

Узнать о могиле поэта, как было сказано выше, Наталия Арсеньевна не смогла по состоянию здоровья. Да и вряд ли чекисты по-человечески хоронили "врагов народа" в декабре 1945 года (хотя А.Несмелов ещё не был осуждён), так что место его захоронения и установить вряд ли удалось бы".

16

Борис Александрович Кириллов (г.Кропоткин Краснодарского края):

"В феврале 1944 года меня забрали на Сунгари II-ю, в Сунгарийский русский кавалерийский отряд "Асано", где промучился до конца 1945 года. Со II-й Сунгари поехал в Тооген, где жили мои родители (в 1944 году в Харбине стало невыносимо жить, и они отправились туда на поселение). В сентябре 1945 года в станицу Покровскую пришёл взвод СМЕРШа и всё мужское население под конвоем направили на ст. Нанса, где после предварительной сортировки нас "рабов божьих" человек сорок повезли в г. Цзямусы, где я пробыл почти два месяца и затем был отпущен с резолюцией: "не виновен перед СССР". На этом первый этап моей жизни в Маньчжурии был окончен. Второй этап – это работа, работа и ещё работа, а в декабре 1948 года как "врага народа" меня осудили и посадили на 25 лет за те деяния, в которых сами же признали меня невиновным" (НСМ, № 28).

17

Из письма: "Посылаю вам копию справки о моей реабилитации.
Справка о реабилитации.

Настоящим документом подтверждается, что гр-н Кириллов Борис Александрович, 1925 года рождения, уроженец г. Харбин (Маньчжурия), арестован 6 декабря 1948 года по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 58-4, 58-6 ч.1 и 58-11 УК РСФСР, и 22 декабря 1948 года военным трибуналом войсковая часть 16651 необоснованно осуждён к 25 годам лишения свободы, с поражением прав на 5 лет и конфискацией имущества. Определением военного трибунала ДВО от 11 января 1956 года из обвинения исключены ст. ст. 58-6 ч.1 и 58-11 УК АСФСА и наказание по ст. 58-4 УК РСФСР ему снижено до 7 лет лишения свободы, с поражением прав на 2 года.

В соответствии с п. "а" ст. 3 Закона РФ от 18 октября 1991 года "О реабилитации жертв политических репрессий" в части осуждения по ст. 58-4 УК РСФСР он признан также реабилитированным.

Военный прокурор отдела ВП ДВО Н.Кузнецов" (НСМ, № 79).

18

Георгий Сергеевич Кожевников (Казань): (НСМ, № 28).

"№ 22-23 НСМ исключительно интересный. Особенно замечательны статьи Л.Маркизова и А.Кайгородова. Прекрасное впечатление от стихотворения "Катюша огневая" О.Брасова. Статьи Г.Коршунова и И.Пасынкова тяжело читать, так как многое пережито лично... Прилагаю несколько фамилий тех харбинцев, с которыми меня свела судьба в ГУЛАГе, но я их знал и со многими дружил ещё в Харбине". Вспомнил 21 фамилию.

19

Всеволод Чеусов (Вихоревка Иркут. обл.). Три жизни Севы Чеусова.

"Но вот и мне, как и многим лосянам, выпало тоже отметить свои сразу три юбилея. Во-первых, мне исполнилось 75 лет – значит, юбилей семидесятипятилетия, а так как я ещё "прыгаю и бегаю" – то быть ему трубадурным! Затем 50 лет назад, на всю оставшуюся жизнь в памятный день –6 октября 1945 года – меня, бессовестно обманув, арестовали и по конвейеру превратили в крепостного раба – значит, нынче пятидесятилетие обращения в рабство – это второй юбилей, печальный! И, наконец, 19 ноября 1945 года в крытом грузовом вагоне, под бдительной охраной "вологодского конвоя, который шутить не любит" (так они "шутили" ежедневно при пересчётах-проверках, с дубинками в руках перегоняя нас из одной половины вагона в другую, и горе тому, кто замешкался, а было нас под сотню, в каждом вагоне), я пересёк границу Родины – это пятидесятилетие прибытия на Родину, это третий юбилей, слёзно-пронзительный! Ну, на подарки к своим юбилеям я не рассчитывал, но рюмку-другую себе позволил – за себя и друзей-однополчан, не доживших до таких же юбилеев, ибо все мы, "увезённые лосяне" повязаны одной судьбой, хотя сроки жизни она каждому отпустила свои.

...Я родился в Харбине, в Успеньев день (28 августа) в 1920 году. Отец мой, Василий Иванович Чеусов, служил на КВЖД счетоводом 8-го околотка пути, что у моста через Сунгари, где не遠далеке мы и жили.

На Пятой линии из машины вышел лейтенант и, козырнув, обратился ко мне с просьбой помочь с переводом на допросе японского генерала. Я спокойно согласился, сел в машину и, заехав домой (Владимирская, 91) и отдав брату купленное, проехал к зданию жандармерии на Диагональной, вошёл в предложенный кабинет и шагнул в рабство на 11 лет"(НСМ, № 62).

Последуют отклики. В.Иванов напишет: "Статья В.Чеусова интересна прежде всего тем, что в ней автор рассказывает о тех сторонах харбинской жизни, о которых известно не слишком много – "Русский Дом" 30-х годов и университет "Кенкоку" в Синцзине" (НСМ, № 65).

В трёх номерах газеты (НСМ, №№ 62, 63, 66) подробное описание одиссеи, род автографии, образное мировидение, странствие, подъёмы и ухабы, мытарства и переживания, люди и судьбы, страстная манера изложения, мысли, связи и ассоциации, необычный стиль, скорости и ритмы, пульс века. Удивительная по напряжённости и насыщенности биография. Чтобы понять смысл хождений по мукам, требуется разбор подтекста и интонаций симфонически многомерного произведения этого своеобразного автора. Содержание вынимать из души и пересказывать крик словами бесполезно. Художественный образ – руками не трогать! – требует осторожности, лада и проницательности. Надо настроиться на волну. Не случайно же самобытное жизнеописание не вмещалось в рамки газеты, по дерзкой широте и своеволию жанра. Речь идёт о серьёзных вещах.

"В 1935 году, после продажи дороги, отец долго колебался – ехать или не ехать на родину, но всё же решил остаться и стать эмигрантом. Какой страшной участи мы тогда избежали...

...Заканчивая седьмой класс, я, естественно, хотел учиться дальше. И вот, где-то в ноябре (тогда учебный год кончался в декабре) появилось предложение учиться на японском языке в создаваемом Государственном университете в столице страны Синцзине (ныне Чаньчунь), на полном государственном обеспечении. Северо-Маньчжурского Университета ещё не было. Институт Св. Владимира закрывался, отец мой пробавлялся случайными концертами и церковным хором, и я решил держать экзамены на поступление. Желавших было уйма, но я легко прошёл первый круг. Отобрали 12 человек на второй тур уже в Синцзине (там главным был медосмотр), и потом простое собеседование со знающим русский язык будущим преподавателем. Отобрали пять человек, с марта началась учёба в университете.

В основу политики нового государства Маньчжудиго был заложен принцип равноправия, содружества и гармонического развития всех народностей, населяющих страну, и потому в главный университет страны, в котором почётным ректором был премьер-министр, а на торжественном открытии присутствовал сам Его Величество Император, принимались

представители всех народов. Китайцы, монголы, японцы, корейцы и мы, русские, жили, учились, питались, одевались, занимались спортом и разными видами физического и духовного совершенствования, вплоть до полётов на планерах и работы в поле, чтобы стать в будущем руководителями в молодом государстве, чтобы дружбу, возникшую в стенах университета, развивать среди народов страны. Прекрасный принцип, замечательная задумка, но история решила иначе – пришли варвары с севера и уничтожили всё созданное, и наш университет "Кэнкоку", что в переводе означает "строительство государства", прожив 8 лет, перестал существовать, как и само государство.

Вместе со мной учились Сергей Серёдкин, Роман Северюков, Евгений Цвилов, Святослав Маштаков. Потом каждый год поступали по 3 – 5 человек, и всего было принято русских 31 человек, из них уже 11 в разное время ушли в мир иной. Первые три года мы усиленно овладевали японским языком, чтобы в последующие годы свободно читать научную литературу и прослушивать лекции. До обеда мы занимались науками, а после овладевали всякими прикладными знаниями – обучались борьбе дзюдо, фехтованию кэндо, верховой езде, планеризму, проводили военные занятия и полевые работы, словом, из нас готовили будущих руководителей страны так, чтобы мы знали всё.

...Привольно же мы жили, учились и веселились...

В начале 1943 года дали нам два месяца для дипломной работы на свободную тему. Я кончал экономический факультет и потому решил написать исследование на тему "Роль КВЖД в развитии края", поехал в Харбин и в Управлении дороги дали мне покопаться в архивах. Когда Советы продали дорогу, чинуши побросали все архивы, и я там разыскал столько материала, что хватило бы ещё не на одну диссертацию. Так что работа моя получила высокую оценку и диплом. Потом нас всех послали в институт повышения "Дайдо гакуин", чтоб получить разряд для будущей службы, и через шесть месяцев нам присвоили довольно-таки высокий 14 разряд и направили по местам.

Я получил направление в русское отделение общества Кёвакай (Общество содружества и гармонии), поработал для стажировки около года, параллельно преподавал японский язык в Северо-Маньчжурском университете – это весь 1944 год. А в начале 45-го получил назначение в Хайлар, в тамошний русский отдел Кёвакай. Объездил весь большой край Трёхречья, разъясняя политику государства, собирая пожелания и замечания казаков-хлеборобов для передачи органам управления, в чём собственно и заключалась, главным образом, работа Кёвакай, организации, претворявшей в жизнь основные принципы государства – содружества и гармонии всех народов" (НСМ, № 62). Понятно, почему "взяли". Было за что. Тут же Кёвакай, Дайдо гакуин, Кэнкоку, разные кэндо и айкиндо...

20

Людмила Дземешкевич:

"Всеволод Васильевич Чеусов ещё в августе 94-го вошёл на трибуну омского съезда русского Харбина, когда мы праздновали 40 лет нашего возвращения на родину, и рассказал о том, своём, гораздо более раннем возвращении: "...в Токио был задуман Университет, который готовил бы кадры для строительства Империи на основе великой идеи содружества народов, и назван Кэнкоку Дайгаку (университет строительства государства). Учредительный комитет заседал 15-17 июля 1937 года в Синцзине – министры, вице-министры и учёные Императорских университетов Японии. Подписаны были принципы, программа и генплан строительства на окраине Токио шести одноэтажных пансионатов на 30 человек каждый, трёхэтажного лектория, столовой и огромного зала для занятий дзюдо, кэндо, айкиндо, кюдо. Основные принципы звучали так: "Пансион является базисом, на котором постигается суть идеи и духа основания государства, воспитание высокой сознательности и убеждённости. Через совместную жизнь студенты становятся единомышленниками и активными проводниками идеи согласия и единения народов. В пансионе, на основе главной цели – отличного образования – студентам обеспечивается рост общего развития, укрепления здоровья, расцвет интеллекта и закалка характера путём неустанной работы над собой".

150 человек было принято в этот Университет – половина японцев, одна треть китайцев, 10 корейцев, 7 монголов, 5 русских и 3 тайванца, то есть русские были приняты как жители страны, её национальное меньшинство, и главный принцип – содружество народов – был таким образом выполнен. Для отбора русских юношей комиссия прибыла в Харбин, где работала вместе с отделом образования Городского управления: тщательный медицинский осмотр в военном госпитале, письменная работа и собеседование.

В апреле 38-го года в необыкновенной, как мы вскоре поняли, Университет, отправилась первая пятёрка русских... На торжественной церемонии открытия присутствовал Император Маньчжурии, премьер-министр, министры, профессора, родители, гости, пресса. Первый приказ по университету гласил: "Цель – готовить кадры передовых руководителей, постигших суть и дух основания государства и овладевших глубокими научными и практическими знаниями для построения общества на принципах морали". На каждом тридцать человек – две большие комнаты, спальня и учебная, между которыми – четыре небольших: для воспитателя, туалетная, сушилка и кладовая личных вещей. Вся одежда для жизни и спорта, питание (японская и китайская кухня и русские щи-борщи). Письменные принадлежности, книги – за счёт Университета, и 5 гоби на мелкие расходы. В комнате для занятий у каждого – письменный стол, стул, полка для книг, настольная лампа. Учёба делилась на две ступени (по три года в каждой): изучение японского языка с кратким повторением курса средней школы, и во второй – выбор факультета: экономический,

политический или филологический. Первая половина дня – лекции, вторая – физическое воспитание (дзюдо, кэндо, айкидо, кюдо, дзюкэндзицу, верховая езда, полёты на планерах) и сельскохозяйственные работы, ибо руководители государства должны своими руками испытать труд основного населения страны. И к этому ещё – трудовое служение стране: две-три недели на строительстве шоссейных дорог, укрепление дамб, подготовка площадей для строения, озеленение. Летом – военные игры, трёхдневные походы с полной выкладкой и оружием, но без стрельбы и, наконец, после первого курса – тур по стране, а после первой ступени – трёхнедельное путешествие по Японии.

Стали мы жить вместе – питаться, трудиться, дружить – всегда вместе, представители всех народов страны. Теперь надо идти дальше: искать гармонию. А как этого достичь – не то что мы, а и профессора, и великие мыслители, и философы всех времён и народов – знали ли? Японцы и китайцы уже на первой ступени изучали работы Конфуция и Лао-цзы, искали у них смысл принципов, на которых возвести государство. На склоне лет наш вице-ректор Сакуда Соичи написал, теперь знаменитый в Японии, трактат "Слово о Доо (правый и справедливый путь, мораль, этика, совесть, гуманность)"

Атмосфера в пансионе была удивительно приятной: японцы услужливо помогали освоить язык, учили приёмам, с китайцами мы лопотали, мешая наши языки, а монголы знали русский, и дружить с ними было совсем просто. С тех дней и завязалась та дружба, которая и поныне связывает нас.

Летом наш курс отправился на курорт Какагаси невдалеке от Порт-Артура. Наш военрук генерал Цудзи Гонсаку, участник Русско-японской войны, повёл нас по местам боёв, рассказывая об упорстве и храбрости русских солдат, а когда подошли к обелиску павшим русским воинам, воздвигнутому японцами, объявил минуту молчания и вместе с нами встал в стойку "смирно", отдавая честь негнувшейся рукой после ранения тех лет – честь своим бывшим противникам¹.

Ко второму году нашей жизни в университете стало уже нас, русских, десять – все знакомые, тоже из харбинских школ. А в мае загремел Номонханский инцидент – Халкин Гол. И в июле нас отправили в Хэй-хэ на жертвенные работы, строить дорогу напротив Благовещенска. Вот когда я увидел родину в первый раз!..

¹ Здесь уместна выписка из старой статьи "Артурские тени": "Дорога ...ведёт к русскому кладбищу под Сапёрной горой... В юго-восточном углу кладбища японцы строят монумент, вокруг которого собрали и погребли они останки русских воинов, храбро сражавшихся в Артуре. Памятник этот, состоящий из высокого портика на колоннах, сложен из больших глыб белого гранита, вывезенного из Японии, будет иметь надписи, гласящие о подвигах той или иной из русских воинских частей. Мужественное исполнение долга службы нашими солдатами нашло себе беспристрастную оценку в стане врагов наших и побудило их создать монумент нашим доблестно павшим героям прежде, чем о том могла позаботиться сама Россия". (Китайский благовестник. Вып. 14 - 15. 1908, с. 11).

В 1940 году, закончив первую ступень, мы отправились в длительный вояж по Японии: порт Пусан, Симоносеки, Осака, Нара, Киото, Иокогама, Токио, Ниигата, затем через Японское море – Сэйсин и Синцзин. А в 1941 году перешли уже на факультетное образование. Ещё два года – и защита. Еду в Харбин, в архив Управления дороги, так как моя дипломная тема – "Роль КВЖД в экономическом развитии края", за которую я получаю высокий балл и успешно защищаю диплом. Ещё полгода в Институте совершенствования "Дайдо гакуин", и в конце 1943-го года – распределение в харбинское отделение Киовакай (Общество согласия), а один из нас, Серёдкин, остаётся в университете воспитателем. Дали мне в нагрузку и преподавание японского языка в Северо-Маньчжурском университете.

А потом наступил этот страшный сорок пятый год, который вместе с победами нёс людям неисчислимые страдания... СМЕРШ унёс и нас, без суда и следствия, и даже без допроса, шестерых русских, только что с токийской университетской скамьи... Наши однокашники-японцы были призваны на войну, человек пятьдесят попали в плен, и после четырёх лет работы в СССР они вернулись на родину, заняли высокие должности в правительстве и бизнесе, создали Общество, которое проводит собрания в разных городах, выпускают бюллетень, и в четыре года раз издают обновлённый список всех кэндаевцев. Выпустили и несколько сборников воспоминаний и статей к разным датам. Репрессированы были и китайцы, и монголы в "культурную революцию", а корейцы на севере по сей день пропали без вести. Здания университета все в развалинах. Председатель университета повешен в Токио, остальные умерли в тюрьмах Союза и Китая. Один Сакуда Соичи прожил долгую и славную жизнь до 94-х лет. В своём труде "Слово о Доо" говорит: "Древние греки провозглашали: "Жизнь коротка, но искусствоечно", а я поверну эту мысль на восточный лад: "Жизнь коротка, но принципы вечны". Эти слова я хочу положить на алтарь короткой восьмилетней жизни университета "Кэнкоку".

Вот и ещё одно грустное завершение эксперимента по ещё одной мечте человечества – гармонии разных народов в отдельно взятой стране. В этом году мы отметили шестидесятилетие основания нашего университета, сохранив верность дружбе, родившейся в его стенах. Наверное, мы всё же усвоили тот дух, который должен был быть положен в основание государства, и ту идею гармонии, ради торжества которой и был задуман этот университет" (ОХ, № 8, 1998).

21

Всеволод Чеусов. Юбилейная ассамблея: "Собрал я своих старичков-однополчан и общими усилиями мы составили два списка "Узников Озерлага": первый – это "Мартиролог", т.е. список умерших и в лагере и после освобождения, а второй – это, по нашим сведениям, ещё живые. В этих списках люди из разных мест дорогой нашему сердцу Маньчжурии, почти в одно время схваченные органами СМЕРШ и превращённые в рабов империи ГУЛАГ. Подружившись в суровой борьбе за выживание, стали

истинными однополчанами, как на фронте. И каждый из нас готов повторить слова нашего поэта-однополчанина А.Жигулина:

Я с вами шёл в те злые годы
И с вами был не страшен мне
Жестокий титул «враг народа»
И чёрный номер на спине...

Наш Озерлаг – это длинный остров ГУЛАГа, от Тайшета до Братска, с населением в 40 тысяч клеймённых рабов и 3500 коммунистов и комсомольцев стражи и руководства. Память не сохранила многих и многих – и из живых, и тех, кто уже ушёл в мир иной. Что делать, память – далеко не совершенный инструмент, а записывать было нельзя. После нашего освобождения в 1956 году лагерь под этим названием был ликвидирован, но ещё лет семь существовал, потом перешёл в ИТЛ Ангарлаг. А мы установили традицию – каждые пять лет, на круглые даты, встречаться в Вихоревке. Вот и нынче, по случаю 40-летия обретения свободы, на 20 августа назначена юбилейная ассамблея, и мы трубим сбор однополчан..." (НСМ, № 32).

22

Анатолий Дзгоев (Сан-Франциско, США) пишет:

"В одном из номеров НСМ прочитал списки лиц, "побывавших" на знаменитых курортах ГУЛАГа. Мне пришлось разделить их участь с 1945 по 1955 годы, с последующей реабилитацией в 1957 году. Свою участь я описал в небольшом рассказе "3413 дней в красных застенках". Если кого-то заинтересует, даю дополнительный список наших харбинцев, вывезенных в октябре 1945 года и находившихся со мной в лагерях Свердловской области и Казахстана: Абламский Владимир, Абрамов Николай, Акоев Александр. Акопов Иван – «Вано» и др. (Всего 54 фамилии. – ВЛ). По иронии судьбы приведённые выше фамилии Б.Витте, В.Волосача, С.Голубенко и Дзгоева идут точно по списку из классного журнала 12-го выпуска (1938 года) гимназии ХСМЛ. То же относится и к Т.Цибадзе и А.Чечену" (НСМ, №32). Где бы достать "рассказ" А.Дзгоева?

23

Леонид Григорьевич Кожевников (г. Черемхово):

"Вы, думаю, понимаете, как дороги для нас, харбинцев (маньчжурцев) воспоминания о прошлом и общение с людьми, родившимися там. Пожалуйста, не откажите в любезности, если это возможно, вышлите вашу газету и сообщите, что необходимо сделать для того, чтобы стать её подписчиком. Мой отец – офицер царской армии. Германская война, гражданская война... При сдаче Колчаком Омска отец был тяжело ранен и вывезен в Харбин, где пролежал в госпитале почти год. Его отца расстреляли, мать умерла в лагере "Соловецкий монастырь". Мамин отец Ивченко Д.М. с начала строительства КВЖД из Н.-Уссурийска переехал с семьёй в Харбин, где и работал на строительстве, а затем на эксплуатации КВЖД. Выехал в Читу в 1932 году. Разыскать не удалось. После наводнения

1932 года отец поступил на службу на КВЖД, и наша жизнь проходила на станциях Аньда, Имяньпо, Маозршань. После маминой смерти (1938 год) на ст. Маозршань отец перевёлся в Харбин. Старшая сестра Людмила уехала в Дальний, Шанхай. По неуточнённым данным, там вышла замуж и с мужем выехала в Англию. Был у меня двоюродный брат Капная Александр Николаевич (1927-29 гг.), сведений о нём не имею.

Определить моё образование очень трудно: учился с перерывами после каждого перевода-переезда со станции на станцию. Не везде были школы. По этой причине и по причине болезни мамы мне пришлось два года жить в Патронате в Харбине. В то время мне было 11-12 лет. После маминой смерти и разлуки с сестрой ушёл от отца, хотел добраться до Дальнего. В Мукдене был задержан и отправлен обратно в Харбин. В 1941-42 гг. учился в Харбинском русском техникуме. Два последних года служил в Тоогенском районе, в горнолесной охране. С приходом Советской армии арестован. Приговорён особым совещанием на 10 лет. Срок отбывал на Колыме – прииски "Мальдяк", "Чкалов", "25 лет Октября". Затем – Аркагалинский угольный комбинат шахты "Арес", "Арек", откуда и освобождён. До 1958 года – ссыльный (Иркутская область, г. Черемхово) (НСМ, № 10).

24

N.N. 50 лет молчания.

Душераздирающие воспоминания. С посвящением девочкам и мальчишкам, попавшим в застенки СМЕРШ. Читаешь – ком в горле.

"По сей день помню август 1945 года, когда мы, молоденькие девчонки, будущие студентки, бегали встречать "освободителей", бросали цветы, улыбались, радовались – ведь пришли же русские, свои. Победа!

Вскоре по городу прошёл слух, что идут аресты как молодых, так и пожилых. В одну из сентябрьских ночей 45-го года к нам в дверь сильно постучали. Когда открыли дверь, то перед нами стояли военные. На наш вопрос "Что нужно?" спросили: "Здесь живёт такая-то?". Назвали моё имя и фамилию.

– Одевайся, ты арестована!

– За что? – спросила мама.

– Разберёмся! – был ответ.

Я стала выходить. Оглянувшись, увидела маму со слезами и ужасом в глазах. Посадив меня в машину, увезли в здание японского консульства. Провели внутрь, вниз по лестнице, втолкнули в одну из комнат-камер. На потолке горела еле-еле светящаяся лампочка. Кое-как я примостилась на полу у стенки. На следующий день поздно вечером меня увели на допрос. Поднявшись на этаж выше, ввели в комнату. Увидела стол, чуть подальше умывальник и парашу. В комнате находилось двое военных. Один – невысокого роста, полный, с покатыми плечами и чуть сгорбленной спиной. Широценные галифе на полном животе. Лет ему было за сорок. Не русского типа, с тёмными курчавыми волосами и горбатым носом. Неприятный тип с

бесформенными толстыми губами. Другой – выше среднего роста, блондин, худощавый. Посадив меня на стул, направили настольную лампу мне в лицо. Начали допрос: фамилия, имя, отчество, возраст и далее – в какой диверсионной группе состояла, какие террористические акты готовила и вела против СССР? Весь допрос они сопровождали ужаснейшими, грязнейшими ругательствами. Требовали, чтобы на кого-нибудь указала, назвала имена и фамилии. Допрашивали оба, по очереди, что-то писали на листах бумаги. Так продолжалось несколько часов. Затем заставили подписать, но я отказалась, сказав, что хочу прочитать, но в ответ – опять грубейшая брань. Мне было уже всё равно, лишь бы скорее это кончилось, и я подписала несколько листов. Отложив их в сторону, старший по возрасту приказал мне раздеться. Сняла платье, но он заорал:

– Всё снимай! Всё! Остаешься в чём мать родила!

Я медлила, на что опять был окрик:

– Давай, поторапливайся!

Раздетая, нагая, я, сгорбившись, старалась прикрыться руками, но для этого рук не хватало. Я чувствовала жуткий стыд, щёки и лицо горели, голова кружилась.

– Встань прямо! Руки опусти! – с грязной руганью снова заорал старший.

Оба они смотрели на меня мутными похотливыми глазами, между собой обсуждая строение моего тела, кожу и тому подобное. Затем один из них промолвил:

– А интересно знать, девка она или уже баба?

– Ничего, – ответил другой, – скоро узнаем, что и как.

Стали играть в карты. Я стояла в той же позе, и рой мыслей пронёсился у меня в голове. Не сон ли это? Не брежу ли я? Как могло случиться, что в нашем благородном, интеллигентном Харбине происходит такое безобразие, такая наглость, такой ужас?! За что? За какие грехи покарал нас Господь? Что я плохого сделала за свою 18-летнюю жизнь, в чём я виновата? Но не находила ответа. Вспомнилась милая мама и её последний взгляд со слезами на глазах. За стеной раздался душераздирающий крик:

– Не виноват! Не виноват я ни в чём!

Слышался какой-то шум, кого-то били, мучили... По телу пробежали мурашки. Кто он? Может быть, знакомый?

Наконец игравшие в карты встали со стульев, и молодой сказал:

– Ты выиграл, ты и начинай.

Схватив меня за руки, они потащили меня к топчану. Я вырывалась, истошно кричала, но справиться с ними не могла... Уже на ложе потеряла сознание. На какой-то момент очнулась. Перед лицом увидела рожу с дикими глазами и полуоткрытым ртом, из которого исходил тошнотворный запах водки, табака и нечищенных зубов. Я опять провалилась в беспамятство... Целую ночь они глумились надо мной, не помню, были ли ещё другие. Только под утро заставили одеться, затем меня в

полусознательном состоянии увели в камеру, в подвал. Весь день я не вставала, лежала на голом полу, всё тело болело, и тяжёлые мысли не покидали меня: "Что будет завтра?". А завтра было то же самое. Ночью опять меня увели наверх. Опять допрашивали: "Укажи, кого знаешь! Кто замешан в вашей белобандитской террористической организации? Назови фамилии!". Опять тащили на топчан, опять терзали меня и глумились. Так продолжалось три ночи.

Как-то утром повели наверх. Привели в другую, уже большую комнату. У стены стоял стол в виде подковы, за которым сидело более полудюжины военных с золотыми погонами. У меня зарябило в глазах при виде этого золота – целая линия погон, меж которых торчали головы. Погоны – символ чести, гордости, совести защитников отечества... Имели ли они право, эти изверги, насильники и убийцы носить их на своих плечах? Помню, что сидящий слева вскрикнул:

– Ну, ты! Будешь ли говорить или продолжать молчать?

И я молчала... Мне было всё равно.

– Мы тебя сгноим! Мы заставим тебя говорить!

Помолчав, я ответила:

– Делайте, что хотите. Вы уже во мне всё убили...

Целый день они по очереди задавали мне одни и те же вопросы. Кто-то из них выходил, опять приходил. Целый день я слышала грубость, но ни на что не реагировала – напало какое-то оцепенение и безразличие.

Уже под вечер сидящий посредине, видимо, старший по чину сказал:

– Ну, что с тобой делать, девка, я не знаю.

Потом, помолчав, приказал меня увести в камеру.

Ночью опять повели наверх. Заставили подписать бумагу о "неразглашении тайны", затем вывели меня во двор и посадили в грузовик с опущенной шторкой позади. Подошёл один из насильников и сказал:

– Кому-нибудь расскажешь – то смотри! От нас не уйдёшь, везде найдём!

"Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да придет царствие Твое, да будет воля Твоя...". Потом уже ехали вниз, в сторону Модягоу. Через какое-то время грузовик остановился. Двое охранников, сидевших со мной, приказали мне слезть. Затем, схватив меня, швырнули, и я, ударившись о забор, навалилась на него. Невольно подумала, что сейчас застрелят, но сильнее загудел мотор, и они уехали.

... И вот, лёжа в кровати, я всё думала, думала, думала... Что делать? Иногда вечером я выходила на улицу, шла в одну из пристанских церквей и в тёмном, по возможности, углу молилась. При встрече с прохожими мне казалось, что все на меня смотрят, как бы с неприязнью, осуждая.

Прошло более года, когда к нам в дверь постучали. Открыв дверь, увидела его. Я обомлела, не знала, как на него смотреть, потом отошла, сдержалась, мы обнялись. По сей день помню, как сидели мы вместе с ним, пили чай, а он рассказывал, как скрывался у знакомых на одной из станций

КВЖД. Повезло ему, что не забрали, так как перед событиями уехал на побывку к родителям, у которых была займка на Восточной линии...

... Душа разрывалась... В голове всё время одна и та же мысль, один и тот же вопрос: "Что делать?". Могу ли я его обидеть, как примет он всё то, что со мной сделали, простит ли меня? А если простит, не будет ли это снисхождением и просто жалостью? Перед отходом поезда он сделал мне предложение – соединить на всю жизнь нашу судьбу. Я смотрела на него, на его горящие, ожидающие ответа глаза и ответила:

– Прости! Христом Богом прости, но я люблю другого. Не оглядываясь, вбежала в вагон, повалилась на сидение и разрыдалась. Было потеряно всё – девичья честь, и большая, первая и чистая любовь.

Прожив неделю в Харбине, я уехала в один из городов Китая и никогда больше в Харбин не возвращалась. Вот и бреду все 50 лет – с убитой душой – по жизни..." (НСМ, № 34). Похоже на кошмарный сон.

25

Иннокентий Николаевич Пасынков (Москва).

"Нелюди с золотыми погонами" – так только можно назвать очерк нашей дорогой землячки "50 лет молчания", укрывшейся под инициалами NN. Подписываюсь энное число раз под фразой автора: "за столом сидело более полдюжины военных с золотыми погонами. Погоны – символ чести, гордости, совести защитников отечества. Имели ли они право, эти изверги, насильники и убийцы носить их на своих плечах?". Хочется выразить глубокое уважение и признательность нашей мужественной землячке, которая хоть теперь, через 50 лет, рассказала о её истории, которая потрясает даже сейчас, когда многие из её земляков пережили тоже много ужасов. Но женщинам было труднее в сто раз! Хочется верить, что автор очерка, сохранившая человеческое достоинство много пережившая, но не павшая духом, до конца сохранит в себе вечный свет добра и веры, даже отказавшись тогда от личного счастья" (НСМ, № 42). Не знаю, как отличить вымысел правды от правды вымысла...

26

Нина Вайшвиллене (Магадан). Пасха в зоне.

"Я не харбинка. Я – жена харбинца Николая Ивановича Кучмы. Мы прожили вместе 33 года, и естественно, что у меня есть много знакомых харбинцев. В 70-80-е годы жили в Риге. Там же муж умер и был похоронен. В 1993 году мне пришлось из Риги уехать, и я поселилась в Магадане, в том городе, где мы с мужем познакомились и где прошли наши с ним лучшие годы. Здесь, в Магадане, ещё живут харбинцы. Именно от них я узнала о существовании вашей ассоциации и написала небольшую статью.

Думаю, счастлив тот человек, которому в самых тяжких условиях довелось увидеть и пережить что-то хорошее. Я отбывала срок как политическая по ст. 58-1а. Ещё на пути к неведомой и пугающей Колыме прибыли мы небольшим этапом в один из многочисленных лагерей, через три-пять километров рассеянных вдоль дороги Тайшет – Братск. Это были

особенные лагеря, без названий, номерные, где отбывали свои сроки пленные японцы. Одну из таких зон описывает в своей книге недавно умерший А.Сандлер. Лагерь был прекрасно оформлен. Недалеко от ворот на траве сидела группа японцев. Конечно, с охраной. Они уходили из этого лагеря. Все очень пристально смотрели на нас.

После разных формальностей нас наконец завели в зону. На каждом шагу встречало нас живое японское искусство. Удивительно было видеть, как люди, родившиеся далеко от нашей земли, попавшие в такую беду, как плен, могли так любовно украсить этот клочок земли, своё печальное жилище. Что ни канава – берёзовый горбатый мостик, что ни лужа – отведён ручеёк, рядом скамеечка, камни, цветы. Под окнами жилых бараков были разработаны огороды, там росли разные овощи. В бараках было тепло. Самое удивительное было, что в столовой нас ждал тёплый обед... И это невзирая на то, что режим был строгий, два письма в год и т.д.

Время летело быстро, миновала осень, вот и зима на исходе... Контингент в нашем лагере был самый разный. Было много монахинь и много русских из Маньчжурии. Были и знаменитости, в частности, дочь атамана Семёнова Лилия, даже принцесса была – невеста какого-то махараджи. Было много литовцев, среди них одна пожилая, совсем седая женщина, все её называли "мочуте" (матушка). Она знала и помнила все народные праздники. И вот как-то приходит в барак начальник лагеря Леходиевский. Он был белорус, мужчина высокого роста, чуть сутулый. Приходит и объявляет, что нам даются два дня выходных в честь ...Пасхи! Мы сначала, конечно, ушам своим не поверили. Справлять в те времена праздник воскресения Христова и на воле было небезопасно, а здесь – режимный лагерь, и вот сам начальник объявляет нам о Пасхе! Теперь понимаешь, что это было самое настоящее чудо Божие, великая милость Господня!

Он сказал, что на эти два дня мы можем переодеться в домашнюю, праздничную одежду, что будет нам выдана почта. Что значило для женщины снять чёрную робу и надеть свою нарядную блузку, платье! Леходиевский сказал: "Надеюсь, что подлецов среди нас не будет и рука на предательство ни у кого не поднимется". Ведь он рисковал всем, можно сказать, головой. И сейчас, как вспомнишь – непостижимым кажется!

И вот завтра нас на работу не повели, мы все переоделись, лагерь наполнился разноцветьем, радостью! Сам Господь послал нам красивый солнечный день! Весь лагерь высыпал из бараков, все веселились, как дети, многие женщины плакали от этой чудесной пасхальной радости. Подошло время обеда. И здесь нас ждал сюрприз: каждый получил на трапезу по паре картофельных пампушек и по большой тарелке вкуснейшего борща! В будние дни мы, конечно, такого не ели.

После обеда, к вечеру, принесли в зону мешок с письмами. Стали читать – кому. Менялись чтецы, но круг обступивших мешок не

уменьшался. Не уходили даже те, кто получил письмо. Им хотелось ещё, они прижимали к груди полученные конверты и ждали, ждали.

Святая Пасха была православная, но праздновали все. Такого забыть нельзя. Нам, уже отсидевшим по несколько лет, это было большим и совершенно неожиданным подарком. Господь давал нам надежду и силы для дальнейшей жизни. Многие плакали, вспоминая свой дом и семью. Мочюте была вместе с нами, окружена молодыми...

В режимном лагере многого было не положено. Не было библиотеки и радио. Но Бог утешал нас: здесь был прекрасный климат, и почти постоянно хорошая погода. Началась весна, запестрел дикими тюльпанами лес, с верхушки деревьев белки кидались шишками, стоило только присесть или прилечь на этот природный ковер. Воздух был чистейший...

Где сейчас тот замечательный начальник лагеря, жив ли он, Леходиевский? Как хочется, чтобы он здравствовал, этот необыкновенный человек, через которого на нас излилась чудесно милость Божия. Как мы благодарны ему за ту Пасху 1949 года и это чудо! Ни одна душа из внешнего мира не узнала об этом необыкновенном празднике в зоне, слава Богу, не нашёлся Иуда ни среди зеков, ни среди охранников. Доброта есть везде, только надо её разглядеть. В течение десяти лет, при постоянном перебрасывании из лагеря в лагерь, пришлось видеть всякое. Встречались очень злые люди, были такие, которые могли убить за пайку хлеба. Но были и такие, которые могли свою пайку поделить с больным или голодным. Я благодарю Бога за все эти испытания – они укрепили во мне добро и навсегда наполнили душу пасхальной радостью" (НСМ, № 52). Совсем другой стиль. Не верится, что такое могло быть. Но бывают чудеса. Сама жизнь – чудесный вымысел.

27

Г.Галиуллина, Лагерь не сломили его. ("Казанские ведомости", № 244).

"Красиво жить – не просто звук пустой,
Лишь тот, кто в мире красоту умножил
Трудом, борьбой – тот жизнь красиво прожил,
Воистину увенчан красотой..."

Так начинается урок музыки Георгий Сергеевич Кожевников. Класс замер. Звучит фрагмент из симфонии № 40 Моцарта. А я вдруг понимаю, что только что произнесённые слова – это ведь о нём самом, о мудром, высокодуховном человеке. Учителе с большой буквы.

Несколько лет назад Кожевникова представили к высокой награде – ордену "Знак Почёта". В характеристике, приложенной к представлению, были такие строки: "Учитель пения, руководитель хора школы № 93 Георгий Сергеевич Кожевников является педагогом-новатором, влюблённым в своё дело, знающим его, пользующимся полным доверием, уважением и любовью учащихся". Редчайший случай, когда скупые строки документа несут не холодно-формальные штампы, а точную информацию о человеке, полностью характеризуют суть его натуры.

Сегодня Георгий Сергеевич признан и любим. Но так было не всегда. За плечами его – сложная, драматичная биография.

...Город Харбин в Китае. 1945 год. Кожевников, сын русских эмигрантов, молодой, красивый двадцатипятилетний человек, дирижирует молодёжным оркестром в Коммерческом собрании города. Август. Вот и листья пожелтели – хрупкие предвестники хмурой осени... И именно тогда случилось несчастье. Директор клуба попросил его сходить вместо себя на совещание, которое должно было состояться в здании "Ямато отель". У входа стояла охрана, но Кожевникова со словами "идите, идите, молодой человек" отправили назад. Ничего не понимая, он пересёк улицу, встретил знакомых, которые тоже шли на совещание. "Жора, идём, совещание будет в другом здании"... Здесь их и взяли. Злая шутка судьбы.

А потом – сталинские лагеря, мучения человека, которому, казалось, была предначертана совсем другая – светлая и справедливая – судьба. Первые четыре года своего срока Кожевников провёл на Урале, в Тавде. Здесь все его знали как Жорку-музыканта. Он прекрасно играл на аккордеоне. Его спасала музыка. А он – всех, с кем был рядом в эти годы.

Однажды под Новый год начальник лагеря попросил его: "Сыграйте для детей в школе". Он согласился. В сопровождении конвоира Георгий отправился в поселковую школу на ёлку. Это был первый урок музыки, преподанный детям. Радость ребят, их доверчивые улыбки, их открытость миру музыки так потрясли будущего учителя, что ещё долго на лагерных нарах ему снились их чистые, звонкие голоса.

Лагерь не сломили его. Не ожесточили, не озлобили. Ещё одна шутка судьбы: именно здесь он нашёл своё призвание.

С тех пор он учительствует. За его плечами – академия жизни. И вход в эту академию всегда открыт для его учеников. И они, как правило, не проходят мимо. Такой уж это человек – Георгий Сергеевич Кожевников.

... Урок подходит к концу, а в классе по-прежнему благоговейная тишина. Дети слушают Бетховена. Здесь сегодня праздник. Праздник общения с музыкой" (НСМ, № 6.). По стилю изложения журналистская работа.

28

Георгий Михайлович Бянкин. Просматривая вестник (НСМ, № 51).

"...Поскольку мной упомянута фамилия Наголен, то замечу, что я не оговорился, назвав его подполковником, а не майором. Что касается слухов, что Наголен ходил по Харбину в форме и погонах капитана советской армии, то это, прошу прощения, миф. А его работа в пользу советской разведки является им самим подтверждённым фактом и никакому сомнению не подлежит. Думаю, что как о настроении эмиграции, так и о многом, ещё более важном, СМЕРШ и НКВД имели вполне достаточную возможность узнавать как через Генеральное консульство в Харбине, так и через немалое количество советских подданных, живших бок о бок с эмигрантами. Так что Наголен был нужен для более серьёзных дел. Кстати,

этот Наголен (т.е. Гурен Христофорович Асирьянц) в благодарность за заслуги перед Родиной отсидел 5 лет в советском лагере. После освобождения в 1954 (1955?) году жил в Челябинске, был директором "Дома обуви". Умер в 70-х годах. Если кто-либо из земляков вместе с ним побывал в одном лагере, было бы интересно, думаю, многим узнать что-либо из его рассказов".

29

Ирина Дмитриевна Василевская (Яшкова). Такие разные судьбы.

"...никто не брался за подсчёт, сколько же было замучено людей в 1935-37, а также после августа 1945 года из репатриированных на родину из Маньчжурии или арестованных прямо в Харбине, на линиях КВЖД, в Трехречье... 1945 год. Тогда мы с моим первым мужем жили на станции Ханьдаохэцзы. Пришли части Красной Армии. Мой муж Иван Семёнович Яшков, владея в совершенстве японским языком (долгое время он проживал с родителями в Японии), оказывал большую помощь советскому командованию. Рискую жизнью, он способствовал сбору японских военнопленных, и наши военные перед своим уходом заверили И.С.Яшкова, что его обязательно представят к награде. Но он получил другую "награду". Вскоре он внезапно исчез. Как и тысячи других людей, он прошёл скорбный путь лагерей Магадана, Колымы, о чём мне удалось узнать годы спустя. Не скоро его освободили после нечеловеческих мучений, а подорванное здоровье не компенсировала поздняя реабилитация" (НСМ, № 58).

30

Георгий Андреевич Лагунов. Судьба русских переселенцев-чольцев.

"Все крестьянские семьи много трудились, и труд их в этом благодатном крае вознаграждался. Во дворах было много живности, амбаров, и сусеки ломились от больших запасов зерна, муки, различных круп, овощей, копченостей, грибов, молочных продуктов. ..Но вывоз их был затруднён из-за отсутствия железнодорожного сообщения. Всё население жило и трудилось по примеру уже зажиточного Трёхречья. Никто не мешал мирной и процветающей жизни селян, наоборот – от Центрального БРЭМ, а также от японских властей наблюдалось постоянное содействие, а материальное достояние населения строго охранялось законом. Но... Наступил роковой 1945 год. В октябре в этот район прибыла довольно работоспособная комиссия СМЕРШа, которая выискивала здесь, как и по всей КВЖД, врагов народа, приписывала им 58-ю статью и – с парой белья – в "добрый путь" в ГУЛАГ на 10-15 лет. Тысячи работоспособных мужчин были вырваны тогда из семей и отправлены на муки и гибель. Таков был удел и Андрея Тимофеевича Лагунова – моего отца, бывшего офицера и казачьего атамана, участника первых лесных разработок на Чоле, таков был удел и каждого третьего мужчины района русского посёлка Нижнего и Верхнего Чола.

До этого дня спокойно жившие и только окрепшие русские семьи в одночасье остались сиротами и обездоленными, без мужских рук, без

защитников от вооружённых хунхузов, которые беспощадно нападали на разрозненные, неохраняемые посёлки, забирали скот, зерно, продукты, мучили женщин, детей, поджигали дома. В этих сверхтяжелейших условиях сельчане сначала съезжались в центральные посёлки, бросая всё своё имущество на растерзание бандитам, а через год и вообще все остались без ничего. Кто как мог, выбирались кто куда, в основном поближе к станциям КВЖД. ... с горькой долей и кровной обидой, по воле жестокой судьбы, в очередной раз безропотно покинув всё нажитое, нищими, бездомными уезжали в безжалостную неизвестность... Именно такой трагедией закончилось для русских чольцев освобождение от японского ига" (НСМ, № 77).

31

Зинаида Ерохина, Вера Зверева (Кореневы). Тоогенские скитания.

"В 1939 году японские власти, фактически управляющие империей Маньчжуджо, совместно с Бюро по делам российских эмигрантов решили переселить желающих русских в тайгу, в район вблизи советской границы, с целью создания новых русских деревень по типу казачьих станиц. Местом такого переселения был выбран Тоогенский район. Наш отец, Дмитрий Иванович Коренев (1904 года рождения), был одним из таких желающих устроить на новом месте своё хозяйство, такое, какое было у его отца на родине, в с. Поярково Амурской области. По условиям переезда каждая семья, пока не встанет на ноги, получала лошадь или две, корову, а также продукты питания. Каждому мужчине, достигшему 18 лет, выдавалась также винтовка и патроны к ней. Детей в нашей семье было четверо: старший брат Андрей (1926), далее Зина (1929), Вера (1933) и младшая Зоя (1939)".

В жизнеописании опустим многое. Воспоминания о прекрасных годах молодости двух сестёр, не избежавших лишений, вконец омрачены сокрушительным поражением мечты: семья теряет кормильца.

"Заготовив брёвна на весь дом, папа с братом сделали сруб высотой в полтора метра, но летом 1945 года случилось страшное наводнение. Говорили, что в верховьях Тайванхэ японцами была взорвана плотина. Вода валом пошла в долину. Мы, дети, с соседями Рогожниковыми пошли в Ново-Покровку, на высокое место. С собой вели при этом корову и тёлку. Шли уже по пояс в воде, но успели выбраться, а вода всё прибывала и прибывала, и через несколько часов достигла крыши нашей временки-землянки. Наш хутор пострадал больше всех, так как был расположен в низком месте. Все брёвна, сруб дома с поставленными на него ящиками с поросятами, гусями, курами, копны сена – всё унесло водой. За нашими родителями из Ново-Покровки пришла лодка – в это время они стояли на крыше. Так мы оказались в Ново-Покровке, где нас поселили в недостроенную школу.

В это самое время и началась война Советского Союза с Японией. В считанные дни Красная Армия заняла всю Маньчжурию. В начале сентября нам сообщили, что сюда едут советские военные. Все приготовились их

встречать. Очень запомнился момент, когда все жители Ново-Покровки вышли за околицу с хлебом-солью. Из-за поворота показались восемь всадников в военной форме. Они пели песню "Полюшко-поле". Дохнуло чем-то родным и близким. Даже на глазах мужчин появились слёзы, женщины плакали. Старший из военных поприветствовал нас "Здравствуйте, товарищи русские люди!", поздравил всех с победой, объяснил и рассказал о том, что произошло в стране и мире. Военные обосновались в большой палатке, в которой жили до конца ноября. Но сначала они объявили, что на нас из тайги идёт отряд японцев, который надо нейтрализовать. Добровольцами вызвались все молодые и средних лет мужчины, в том числе наш отец и брат. Они собрали плоты из брёвен и в сопровождении нескольких солдат поплыли вниз по Тайванхэ до станции Нанса. Там всех добровольцев разоружили и арестовали, поставили к ним усиленную охрану.

Начались допросы. Вскоре для выяснения каких-то обстоятельств из Ново-Покровки в Нанса отправили и остальных мужчин, за исключением троих – в том числе нашего дяди Василия Симоновича Коренева (Иван Филиппович Коренев уехал в Харбин ранее). Обрато в Ново-Покровку из Нанса вернулись всего несколько человек, а всех остальных, в том числе нашего отца и брата отправили в г. Цзямусы. Там их держали уже за решёткой – в тюрьме. Затем их переправили в Комсомольск-на-Амуре, где судили так называемой "тройкой", каждому определили срок заключения и разослали по островам ГУЛАГа. Но, забегаая вперёд, надо отметить, что, к счастью, тогенская закалка помогла отцу и брату перенести суровые испытания ГУЛАГа и остаться в живых.

Вот так наша семья, т.е. мама и мы, трое девчонок, остались сиротинами, без мужчин, без пропитания, после наводнения, в тайге. Положение у нас было просто критическое" (НСМ, № 84).

32

Сафронов И.М. (Челябинск). Земля за Аргунью.

"Японское присутствие на хозяйственную деятельность Трёхречья отрицательно не повлияло. Японцы были заинтересованы иметь подобную богатую житницу для снабжения своей армии продовольствием и сырьём. Закупки зерна, скота и сырья производились ими по хорошим ценам. Японские оккупанты использовали русское население Маньчжурии, в том числе и трёхреченцев, для создания на основе закона о воинской повинности русских военных формирований в составе армии Маньчжоу-го. Однако в войне 1945 года ни один из этих отрядов на стороне японцев не выступил, более того, они захватили мосты через реку Сунгари и другие объекты и охраняли их до прихода Советской Армии. Отряд казачьего полковника И.А. Пешкова в начале военных действий был полностью уничтожен японцами.

Первый удар, от которого благополучное Трёхречье не смогло оправиться, был нанесён ему в августе 1945 года. Война прошла стороной,

никаких военных действий на земле Трёхречья не было. Удар был нанесён вторым эшелонem советских войск – частями НКВД. Было реквизировано большое количество скота и хлеба, но, главное, была арестована и вывезена на каторгу в ГУЛАГ четвёртая часть мужского населения: большинство семёновцев, каппелевцев и унгеровцев. Поголовно были арестованы и все "тридцатники", т.е. те, кто в тридцатые годы бежал из СССР от коллективизации, голода и репрессий. Аресты самых трудоспособных и опытных земледельцев и скотоводов, последовавшая затем разорительная политика китайских коммунистов подвели черту под былым благополучием Трёхречья"¹.

33

Худобородов А.Л. Место и роль казачества в жизни русской эмиграции в Маньчжурии (1920-е – середина 1940-х годов).

"Конечно, жизнь казаков, как и других российских эмигрантов в Маньчжурии, бала связана с немалыми трудностями, лишениями и невзгодами. Тяжёлые испытания пришлось вынести казачьей эмиграции на Дальнем Востоке после разгрома Японии а 1945 году. Отступавшие из Маньчжурии японские войска зверски расправились с Хайларским отрядом казаков Пешкова. Китайские власти провоцировали насилие по отношению к русскому населению в Китае после вывода оттуда советских войск. Значительную чистку среди эмигрантов в Маньчжурии провела контрразведка Забайкальского фронта. Был арестован и депортирован в СССР каждый четвёртый взрослый казак в Трёхречье"².

34

Евгений Орлов (пос. Кошурниково Красноярского края). Арест.

"Однажды глубокой ночью к нашему дому подъехала машина. Потом настойчиво постучали. Полуодетый отец побежал открывать. Вошли трое в плащах... Один из них, уже бывавший у нас офицер НКВД, сказал сухим тоном:

– Гражданин Орлов, вы поедете с нами. Нам предстоит кое-что выяснить...

Оделась и вышла встревоженная мама, она спросила:

– А он скоро вернётся?

– Гражданка, я сейчас ничего не могу вам сказать...

Я видел, как тяжело собирался отец... Но вот он взял в руки свою помятую кепку и посмотрел на нас так, как будто прощался навсегда.

– Слушайте маму, – это было всё, что сказал нам отец.

Я и мой брат Петя стояли тут же в одних трусиках, и нам почему-то хотелось заплакать. Мама быстро подошла к отцу, перекрестила его и поцеловала в губы.

– Ванечка, скорей возвращайся.

¹ Годы, Люди, Судьбы. История российской эмиграции в Китае. М., 1998, с. 62.

² Там же, с. 77.

Не очень твёрдо ступая, мой отец уходил из дома навсегда. Наша мать осталась с тремя детьми на руках.

...Он освободился через восемь лет и жил в ссылке в Долгомостовском районе Красноярского края. Я разыскал его из Хабаровска, где служил в рядах Советской армии. Мы встретились только после моей демобилизации в 1958 году. Отец рассказал, как после ареста ему долго «клеили» шпионаж, но не получалось. Он не был образованным человеком, но сумел убедить следователей в том, что они ошибаются.

– За кем мне было шпионить в Китае? За китайцами и японцами? Ну, тогда выходит, я работал на вас...

Под белогвардейца он не тянул по возрасту, в отряде Асано не был... Следователи не сумели его сломать и честно сказали, что ему всё равно не выпутаться... В конце концов они условились: ему дадут минимальный срок, а он подписывает бумаги" (НСМ, № 24-25).

35

Надежда Ильинична Перминова не забывает порушенного детства.

"Я родилась 1 января 1943 года в Хайларе в достаточно обеспеченной семье (жили вместе четыре брата). В 1945-м всё распалось – "увезли" старшего и младшего, моего папу. Он погиб в Норильлаге в 1947 году. Быть может, кто-то смог выжить в этом вечномёрзлом аду, и вы напечатаете списки. Нас воспитала с братом мама – об этом моя повесть "Прощённое воскресенье" (НСМ, № 40).

Это оттуда, из разговора дочери с матерью. Опустела без отца семья.

"– А папа такой же большой, как дядя Алёша?

Такой же... Неужель ты совсем его не помнишь? – спрашивает она с обидой.

Мне и самой всегда горько, но, как ни силось, я не могу даже смутно представить отца. Брат, тот гордится: ведь он может рассказать даже, как отец катал его верхом на любимом жеребце Ваське, как они ездили на Аргунь и там пёс с займки Полкан ловил им диких гусят. Он помнит ту прежнюю жизнь в большом доме, "американку" – лёгкую бричку дяди Гриши, на которой он каждое утро отправлялся на работу, шумные праздники, которые иногда устраивали в честь приезжего начальства или именин главы дома.

В войну разграбили дом и скот, старшего брата, всдержителя дома – дядю Гришу, как председателя Захинганского Бюро русских эмигрантов, и младшего – нашего отца, забрали вместе с другими мужчинами советские солдаты и увезли в Союз. И как закопали в могилу. С тех пор о них никто ничего не слышал, хотя оставшимся здесь эмигрантам выдали советские паспорта, на месте Бюро организовали Общество советских граждан, где сейчас учится брат. Тех, кого безвозвратно увёз военный эшелон, называют "увезённые", а их оставшихся жён и детей – "семья увезённого". Это в основном молодые женщины с детьми, такие, как наша мама. Они знают друг друга, встречаются, иногда подают прошение в Советское посольство в Харбин, но ответа нет. Никто не может сказать, что стало с теми, кого увезли, живы они или нет. И жёны надеются, и дети ждут, и мы молимся о здоровье папы каждый вечер.

Господи, как он там, – откликается на мои мысли мама. – Вы-то путём и не попрапались с ним. Помню, дня три пропшло, как он нас на займку из-под бомбжки вывез. Думали пересидим там эти события, да нет. Смотрим, утром часов в десять

трое идут, двое в военной форме. Отцовы братьев Семён да Егор трусливые, сразу на лошадей да дёру. Ну, а наш папка разве нас оставит... Солдаты и с ними сосед наш городской за проводника. Говорят: "Вы такой-то?" – "Да!" – "Ну вот, мы за вами!". А день такой хороший, солнце, тепло, кобылки стрекочут, птицы поют. Этот вот, – мама кивает в сторону брата, – в одной рубашонке бегают, бабочек ловит. Я его позвала, а он ноль внимания. Отец говорит: "Не зови, а то погонится, уросить, плакать начнёт". Взял тебя у меня с рук, поцеловал, а колочий, не успел ещё с утра побриться. А ты его так вот ладошкой отталкиваешь..., – мама смотрит на меня мокрыми, поблескивающими глазами и показывает, как я отпихиваю папу ладошкой.

– Но я же не знала, – оправдываюсь я.

– Кто же знал, – соглашается мама. – Мне он только и сказал: "Сбереги как-нибудь ребятишек, Варя". И потом уж, в городе, где-то через месяц, перед отправкой разрешили свидание, так он сразу: "Ну, как там ребятишки? Чо доча новенького говорить стала?". А сам такой худой, у него ведь язва была. А тут тюрьма. Бороду отпустил... Стоят они за колочей проволокой с одной стороны, а мы, бабы, – с другой, с узелками, что собрали, сгношили. Всё расспросил: и какой скот сохранился, и как братья. Одна, говорит, на них надежда, не бросят они вас. А они вот как поступили...

У мамы трясутся губы, она их сжимает, вытирает тыльной стороной руки влажные щёки.

– А потом?

– Всё! – говорит мама. – Больше увидеться не привелось.

– А "папкина игрушка"? – напоминаю я, зная, что в сундуке, на котором сидят они с братом, в коробке с оставшимися серебряными ложками хранится у нас и эта драгоценность.

– Вот тогда в последний раз он мне через проволоку и подал. "На хоть ребятишкам вместо игрушки от меня. Больше-то тут ничего не найдёшь". Всё ведь о вас думал.

Потом...наверно, ещё через полмесяца. Уж холодать начало. И Лена с ребятишками с заимки приехала, а я с вами, кухню отремонтировали да в ней жили. После войны хулиганства много было. Вечером мы уж на заложке сидим, вдруг стук в дверь. Я спрашиваю: кто? Мужской голос говорит: "Такая-то здесь живёт? Я от вашего мужа", – и называет моё имя. У меня сердце, как ласточка, думаю, может, чудо какое, как-нибудь спасся. Входит солдат советский, папкиного возраста, и говорит: "Я вашего мужа двоюродный брат, родом тоже из Забайкалу, станица Доно. Мы с Илюшей до семи лет, пока они не ушли за границу, вместе росли, дружками неразлучными были. Я тут сопровождал эшелон с пленными – говорят: в тех вагонах русских эмигрантов везут. Думаю, пойду погляжу, ведь и моя родня где-то здесь, в Маньчжурии живёт, вдруг да... И вот только захожу в вагон, смотрю – Илюша. Сколько лет прошло, а сразу признали друг друга. Но днём виду не подали, а ночь проговорили и наказал он мне вас найти. Довезли их до Читы, а куда дальше, не знаю..."

Мама вздыхает и продолжает:

– Хороший мужчина, у самого ребятишки тоже дома ждут, а не побоялся, пришёл к нам. Принёс мыла и вам из еды чего-то... сейчас уже не помню.

– Такое белое и квадратное, – произношу я.

– Чо? – переспрашивает мама и пристально смотрит на меня.

А в моей памяти смутно прорезывается видение: литая дверца печки с одной стороны и лестница, прислонённая к стене, с другой, а рядом чуть ли не с меня ростом сапоги и руки в защитной гимнастёрке и незнакомом пахнущий белый мягкий кусок в ладошке, и рот, полный слюны, и боязнь откусить...

– Сыр! – вспоминает мама. – Точно, сыр.

– Ну вот, – неожиданно поднимает голову вроде бы читающий брат. – Папку она не помнит, а сыр, пожалуйста...

– Ты-то ведь большой был, а она совсем крошка, – совестит его мама. – Давай-ка вставай, стелиться будем, спать пора.

Они встают с сундука, и мама неожиданно открывает тяжёлую крышку, достаёт из-под стопок стираного белья коробку с ложками и вынимает оттуда величиной с мою ладошку металлический полированный диск с круглым большим отверстием посередине и двадцатью маленькими по краю. Вот он, прощальный привет от отца, его забота и тревога о нас¹.

Исчезает и остаётся в памяти детство. У Надюши отняли отца, "забрали", когда не было ей и трёх лет. Наивная искренность, чистая впечатлительность и незамутнённое чувство родства у ребёнка столь природны и в то же время неподражаемо изумительны. Не каждому дано передать ту исконную душевность, пока ещё не приглажённую внешним прессом воспитания. Чтобы упомянуть первые движения и свойства души ребёнка и развернуть их в повесть, нужна художественная одарённость. Редкий гений образного слова и вдохновения когда никогда посещает лишь творческую незаурядность. Надежде Перминовой повезло с талантом – на редкость характер, стиль, самобытность, свой почерк. Что ещё нужно прозаику? Пишет обвораживающе и увлекательно. Не оторваться от книги, сами судите. Далее опять тот же автор о себе.

"Уезжали мы одними из последних – в осень 1959 года, но уже не на целину, не в совхозы, а к маминому брату в г. Кокчетав, что на севере Казахстана. Там закончила школу, поступила в пединститут, стала печатать стихи. А писала их с детства, ещё в Хайларе. ...Повесть о детстве начала писать в 80-м, но два несчастья – смерть мамы и через год мужа – выбили меня из колеи. Но всё же Бог милостив, написала и успела издать в госсиздательстве. Сейчас это уже стоит десятки миллионов и совершенно неподъёмно, так как издают только за личный счёт. Получая письма от читателей, поняла одно – повесть помогла многим душевно распрямиться, заговорить о родном и дорогом" (НСМ, № 40).

36

Вадим Перминов (Чита) тоже пережил утрату близкого человека.

"Голос из небытия.

Увезён... "Увезённый"... "Жена увезённого"... "Семья увезённого"... Давно ли для нас, харбинцев, хайларцев, трёхреченцев-маньчжурцев, эти понятия были частью нашей жизни. Август 1945-го года вошёл в жизнь русских маньчжурцев не только изгнанием японцев, но и великими бедами, ворвавшимися в тысячи семейств: ненасытный большевистский ГУЛАГ и

¹ Надежда Перминова. Соловьиная ветка. Киров, 1991, сс.86-89.

сюда протянул свои сети в поисках рабов для "великих строек коммунизма". Многие тысячи неповинных людей под разными предложениями были схвачены и депортированы из Маньчжурии в сталинские лагеря, увезены в вечность, откуда не могло быть ни возврата, ни даже маленькой весточки.

Люди канули в небытие в лабиринте "архипелага", и по сей день многие не знают о судьбе своих мужей и отцов: среди каких "островов" носила их жестокая судьба и где, под какими тундровыми ветрами, лежат ныне их косточки... И вдруг из этого небытия прорвался живой голос и поведал нам о судьбе своей и таких же, как и он, "лосянов"-маньчжурцев. Юрий Краснопевцев нашёл в себе силы, сконцентрировал в себе память, собрал остатки здоровья, чтоб поведать нам о страшном пройденном пути длиной в десять лет, чтобы пропеть свой "Реквием разлучённым и павшим". Так он, бывший харбинец и бывший гулаговец, назвал свою книгу. Но пробить рутину цензуры, издательств и настоящих издевательств партийных функционеров сил уже не хватило. Этот великий труд сделала за него его дочь Валентина Юрьевна Мазаева. Спасибо ей! Благодаря ей мы, читая книгу, иногда по одному, единственному, может быть, упоминанию узнаём хоть капельку, хоть миг о судьбе кого-то родного, близкого, знакомого... Завершая, хочу предложить "Харбину" в рубрике "Отзовитесь" проводить поиск не только тех, кто рассеян по белу свету, но также следов тех, кто канул в небытие в дебрях ГУЛАГа. И для начала прошу откликнуться тех, кто на своём лагерном пути хоть где-то соприкоснулся с Перминовым Ильёй Гурьяновичем, увезённым из Харбина и пропавшим без вести" (Хрб, № 4).

37

Александра Ивановна Крымская (Шевченко) из Тюмени: (НСМ, №44).

В Харбине была лавка с вывеской "Мясная торговля бр. Шевченко". "Те, кто ходил в эту лавку, знают, что там торговали мясом на выбор. Там же стояла большая электрическая мясорубка, для желающих мясо там же мололи. К праздникам делали украинскую колбасу на глазах у покупателей, вообще делали всё, чтобы заработать. В 1945 году отец получил приглашение на встречу в новой власти. Оделся он в лучший костюм и поехал в Ямато-отель, что находился недалеко от Собора. Там всех коммерсантов и арестовали. Попали они в Тайшетский ГУЛАГ. Отцу дали 8 лет, записали – "provokator". Многие не выдержали, ушли в мир иной. После нашего приезда в Союз мы встретились. Умер в Тюмени в 1964 году"

38

Елена Леонидовна Захарова (Вашута) из Оренбургской области:

"Мой папа – Леонид Васильевич Вашута – 10 лет провёл в Озерлаге, где у него, конечно, было немало собратьев по лагерю. Но всё это уже ушло в небытие" (НСМ, №54).

39

Костя Петрушенко. Привет от харбинца из Бразилии.

"Здесь, в Бразилии бывал и скрипач А.Дзыгар, я с ним знаком, но, к сожалению, не встретился, так как он уехал. Моего отца, Иосифа Артемьевича, увезли с ним в Россию из Харбина после войны. Он, вероятно, знает о судьбе моего отца, от которого, уже живя в Бразилии, я получил только одну открытку из АССР Коми, когда он ещё был жив. Так что не ведаю, где и когда он умер" (НСМ, № 78).

40

Нина Стукова – Кириченко (Харцизск). Наш Мукден. (НСМ, № 52).

"Родилась я и детство моё прошло в Мукдене. Отец мой, полковник Генерального штаба царской армии, при отступлении в 1923 году попал в Мукден, да так там и остался, с женой и дочерью. ...Начальная школа находилась далеко в китайской части города, поэтому мама меня не отдала туда, а занималась со мной сама. Впоследствии я пошла в Мукденское реальное училище. Но учиться там долго не пришлось – 19 августа 1945 года пришли советские войска. Начались аресты, мой папа тоже попал на 10 лет в ГУЛАГ. А в декабре наша семья уже без папы переехала в Харбин"

41

Отзовитесь. "Дмитрий Георгиевич Гринёв, проживающий в Австралии, просит откликнуться всех, кто знает о судьбе его отца Георгия Викторовича Гринёва, 1916 года рождения, арестованного в Харбине в 1945 году и вывезенного в СССР" (НСМ, № 37). И вот через полгода получен отклик.

..."По поводу объявления о разыскиваемом Георгии Викторовиче Гринёве от Сывтыкарской общественной организации "Мемориал" получено следующее сообщение: "Георгий Викторович Гринёв был осуждён 29 ноября 1945 года военным трибуналом Тихоокеанского флота по ст. 58-4 УК РСФСР к 6 годам заключения в исправительно-трудовом лагере. Умер 21 июня 1946 года в Магаданской области". "Мемориал" послал запрос в Магадан, чтобы уточнить, где именно он умер" (НСМ, №42).

42

Л. Оспанова (Суринова). Памяти самых близких людей.

"...Ещё хочется поделиться воспоминаниями о педагоге А.И.Пешкове, у которого учился мой брат. Наверное, многие помнят известного в Харбине боксёра Игоря Суринова. Игорёк, как все, учился в гимназии и был хорошим спортсменом. Я до сих пор храню все его многочисленные грамоты, жетоны, Кубок за бокс. Судьба жестоко обошлась с братом. В 1948 году пошёл в магазин и не вернулся. Мы ничего о нём не знали до 1955 года. Приехав сюда, нашли. Он прошёл все ужасы сталинских лагерей, добывая ползком в воде золото в Магаданской области. В конце 1956 года был освобождён, впоследствии реабилитирован, но из жизни вычеркнуто восемь лет. Мы жили в Караганде, он работал механизатором, организовал в общежитии секцию бокса, со многими друзьями установил связь.

В 1966 году уехал с женой в г. Ялту, работал, строил дорогу через Ай-Петри. Узнал, что А.И.Пешков живёт в Симферополе, встретился с ним.

Потом они часто бывали друг у друга в гостях. Я в то время с семьёй тоже переехала к брату. Все вместе весело отпраздновали полученную Игорем за хороший труд юбилейную ленинскую медаль. Нас поражало то, что Пешков – всегда подтянутый, моложавый, полный сил и энергии, несмотря на возраст, водил экскурсии по горам. И вот в наш дом постучалась беда. Игоря в 45 лет не стало: его убил ничтожный пьяница из ружья. Все друзья далеко. Я нашла адрес Пешкова, дала телеграмму, к вечеру он был у нас. Как было тяжело нам, Пешков очень переживал гибель Игорька, но у него хватило сил, и он все хлопоты по похоронам взял на себя... Видно, так судьбе было угодно, что он хоронил Игорька. А для нас это был самый близкий наш друг и земляк. А это так дорого в горе..." (Хрб., 1995, № 1).

43

И.А.Шамрэтт (Ира Хэ) (Новосибирск). Мои родные, близкие и друзья.

"Не могу без восторга описать, в каком окружении я жила. Митрополит Нестор был большим другом моего деда. В раннем детстве я видела у него на коленях и дёргала его за чёрную бороду, чем приводила его в восторг.

Утро 14 июня 1948 года – утро, когда на рассвете арестовали Владыку. Как хорошо я помню этот день. Немногие, наверное, знают, что в 11 часов утра этого дня мой дед и Владыка должны были выехать в Москву по приглашению Московской Патриархии для отчёта о деятельности Русской Духовной миссии в Пекине – Харбине. Было уже упаковано много подарков, красочных плакатов, сувениров, все уже были одеты, ждали Владыку, он запаздывал, и тут – разговор деда по телефону. Шок. Замешательство. Суета. Слезы. Полное непонимание происходящего. Дед и ещё группа священников (китайцев и русских) ринулись в Консульство, а затем в Особый отдел, но там с ними не захотели разговаривать, и больше мы Владыку не видели. Лишь в 1947 году, когда мы уже жили в Новосибирске, к нам пришёл диакон из Вознесенского собора и пригласил меня, мою маму и бабушку (которую я после смерти о. Даниила вывезла в 1956 году из Китая) посетить покои митрополита.

Когда мы вошли, то бабушка лишилась чувств: перед нами стоял постаревший, но живой и здоровый наш митрополит Нестор! Всё то время, когда он возглавлял Новосибирскую епархию, он помогал нам во всём, бабушке назначил пенсию за деда. Примерно в то же время из Пекина в Новосибирск приезжала группа китайских священников из Пекинской Духовной Миссии... Потом митрополита Нестора перевели в Кировоградскую область. Скончался он в Москве 4 ноября 1962 года и был похоронен в Переделькино под Москвой 6 ноября, в день иконы "Всех скорбящих Радосте", в тот самый день, когда основанный епископом Нестором харбинский "Дом милосердия" ежегодно отмечал свой престольный праздник" (НСМ, № 61).

Лазарь Новокрещеных (Саратов). Русская православная церковь и эмиграция в Харбине: "В 1947 году митрополит Нестор арестован советской властью и после восьмилетнего заключения освобождён" (НСМ, № 59).

Владимир Ильич Иванов (Москва). О служении русских православных архиереев в Харбине. (1920-е – 1950 годы):

"Виднейшей фигурой русской православной церкви в Харбине был епископ (позже архиепископ) Камчатский и Петропавловский, в последние годы харбинского служения – митрополит Харбинский и Маньчжурский, экзарх Московской Патриархии по Восточной Азии Нестор (Анисимов). Владыка Нестор приехал в Харбин в 1920 году, когда сообщение с основанной им Камчатской кафедрой стало невозможным. Владыка тут же занялся строительством храма во имя иконы Божьей Матери "Всех Скорбящих Радосте" на выделенном ему участке по Батальонной улице (довольно большом, но расположенном на косогоре). Здесь быстро были воздвигнуты просторный ковچهжный в плане храм, часовня-памятник царственным мученикам – российскому императору Николаю II и его семье и черногорскому королю Александру, дом для расположения приюта для девочек-сирот, дом причта с покоями Владыки наверху, свечной заводик, пекарня, небольшая конюшня и каретный сарай. С западной стороны храма, над притвором за хорами, располагалась иконописная мастерская. До самого конца своего харбинского служения Владыка называл созданный им комплекс не иначе, как "Домом Милосердия", Харбинским Подворьем Камчатской Епархии. Наряду с приютом для девочек-сирот, немощных и престарелых при Доме Милосердия, Владыка был учредителем и почётным председателем Иверского Свято-Богородицкого братства (1920), давшего жизнь "Русскому Дому" – Православной школе-интернату для мальчиков в Славянском городке. После 2-й мировой войны Владыка Нестор был принят в сущем сане в лоно Московской Патриархии, а после смерти Владыки Милетия стал Митрополитом Харбинским и Маньчжурским. Однако это служение продолжалось недолго – уже в 1948 году, осужденный по пресловутой 58-й статье, Владыка оказался в Мордовских лагерях ГУЛАГа. После освобождения из заключения Владыка (уже тяжело больной) ещё успел послужить во главе Новосибирской и Кировоградской епархий, почитать лекции в Московских Духовных Школах при Троице-Сергиевой Лавре, продолжить написание ряда богословских трудов и своих воспоминаний. Владыка умер "на Казанскую" в ноябре 1962 года и похоронен в ограде Преображенского храма на Патриаршем Подворье в Перedelкино. Главным делом своей жизни Владыка всегда считал миссионерскую проповедь и милосердие, почему и завещал написать на своём надгробье "Митрополит Нестор (Анисимов) – камчатский миссионер". Перу владыки Нестора принадлежат богословские труды и мемуары, из которых наиболее известны "Мои воспоминания", "Моя

Камчатка" – обе о юных годах, учении, миссионерском служении на Камчатке, учреждении Камчатского Православного Братства, служении военным священником во главе отряда "Первая помощь под огнём" на полях сражений 1-й Мировой войны, за что Владыка, тогда игумен Нестор, был награждён наперсным золотым крестом на Георгиевской ленте, – и третья "Расстрел Московского Кремля" – свидетельство очевидца (члена Поместного Собора Русской Православной церкви) о разрушениях и повреждениях Святынь Московского Кремля при его обстрелах красногвардейцами осаждённых юнкеров. Эта книга была написана по благословению Собора и в результате участия Владыки Нестора в составе назначенной Собором комиссии во главе со свмч. Вениамином, митрополитом Петроградским и Галицким" (НСМ, №91).

46

К.Сердюкова (Бийск). Сергей Иванович Цветков: "Начал он с американской гимназии в 20-е годы, а когда американцы уехали и передали гимназию обществу во главе с Гондатти, гимназия стала носить имя Ф.М.Достоевского. Сергей Иванович был у нас классным наставником до окончания школы. Класс был дружный. И кончили мы в составе 50 человек. Сергей Иванович внушал любовь к Родине, ко всему русскому. В 30-е годы он стал директором 2-й Высшей женской народной школы (1936 –43 гг.). Не прошёл мимо него приход наших войск в Харбин – он был увезён в Союз, а в 1956 году соединился, наконец, со своей семьёй, зная, что она находится в г.Бийске (Алтайский край). В 1961 году реабилитирован. ...Умер Сергей Иванович в 1969 году в Бийске, где и похоронен" (НСМ, № 34).

47

Иннокентий Николаевич Пасынков (Москва):

"В очерке К.Сердюковой "Сергей Иванович Цветков" есть неточность: с 1936 по 1943 год он был директором не II Высшей женской гимназии, а гимназии БРЭМ (я как раз в это время там учился). Всегда выдержанный, корректный, стройный, со старой военной выправкой, он воспитывал нас именно так, как говорится в начале указанного очерка. Я не знаю точно – был ли он полковником или подполковником старой русской армии, но знаю, что он был истинным офицером, которые воспитывались до революции в России в верности своим идеалам и присяге. Тому он и учеников своих учил. Знаю также, что будучи репрессированным, он вёл себя в тяжелейших лагерных условиях с большим достоинством и мужеством. Вот это и был человек, который по праву носил золотые погоны – сначала фактически, а за рубежом – символически" (НСМ, № 42).

48

Борис Сергеевич Попов (Ленинск-Кузнецкий):

Саша Ларионов из Сиднея в письме сообщает о том, что Георгий Иосифович Казак "был арестован в 1945 году на Мулинских копиях вместе со многими своими соучениками и сослуживцами: И.Яхно, В.Овчар, Тарасевичем и др. Он был в то время уже женат на Миле Кладиенко. Она

была беременна и родила сына приблизительно 1 января 1946 года, сына назвала Вадимом. Георгий погиб в лагере 7 марта 1947 года, жена его Мила умерла в г. Омске 47-ми лет от роду, сын Вадим после нескольких лет мытарств сошёлся с евангелистами и перебрался в США, в г. Цинцинати, где и женился... (НСМ, № 36). Арестован человек 22-х лет от роду, погиб 24-х.

49

СПРАВКА. По материалам архивного уголовного дела № ПУ-4674.

"Казак Георгий Иосифович, 1923 года рождения, уроженец г. Харбина, до ареста проживал на Мулинских угольных копях в Маньчжурии, состоял на службе в "русском воинском отряде", 17 сентября 1945 года был арестован органами контрразведки СМЕРШ по необоснованному обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ст. ст. 19, 58-6 ч.1 УК РСФСР (шпионаж), содержался в тюрьме г. Ворошилова (ныне г. Уссурийск), 28 ноября 1945 года приговором военного трибунала Приморского военного округа осуждён к 8 годам лишения свободы с отбыванием в ИТЛ, без конфискации имущества (за отсутствием такового у осуждённого), считая срок с 30 сентября 1945 года.

В кассационном порядке дело в отношении Казака Г.И. не пересматривалось.

Казак Георгий Иосифович умер в местах лишения свободы 8 марта 1947 года.

Определением военной коллегии Верховного Суда СССР от 5 ноября 1985 года Казак Георгий Иосифович реабилитирован.

В материалах архивного уголовного дела нет никаких данных об изъятии у Казака Г.И. личных вещей, фотографий, а также сведений о месте его захоронения.

Основание: архивное уголовное дело № ПУ-4674.

Начальник Управления ФСБ (печать). В.Е.Кондратов" (НСМ, № 40).

50

Георгий Витальевич Хотковский (Тюмень) вспоминает Валентина Волосача: "...мы были неразлучными друзьями лет с пяти и до моего отъезда в Шанхай. Перед отъездом он подарил мне на память свою фотографию...

Дружба началась ещё между нашими отцами, которые вместе воевали в I Мировую и гражданскую войну в армии адмирала Колчака и также вместе оказались в Харбине, а их дружбу продолжили и мы – друг без друга жить не могли и всегда были вместе до моего отъезда. Года три назад я к великой своей скорби узнал, что Валентин был арестован в 1945 году и погиб в одном из уральских лагерей в Верхней Тавде. Вечная ему память. Его отец умер в Шанхае, а мать где-то в Новосибирской области. Может быть, кто-нибудь сможет дополнить мои сведения" (НСМ, № 33).

51

Г. В. Хотковский: "Я считал своим долгом добиться документа о его реабилитации, так как у него не осталось в живых никого из родных. И вот месяц назад получил из Екатеринбурга документы, копии которых высылаю в редакцию.

"В документах архивного фонда Управления ФСБ по Свердловской области имеется архивно-следственное дело на Волосач Валентина Леонидовича.

Волосач Валентин Леонидович, 1921 г.р., уроженец Маньчжурии, ст. Фуляэрд. Из семьи белого офицера. Образование высшее. Окончил Северо-Маньчжурский университет. До задержания работал на винокуренном заводе "Датун" № 2 чертёжником. Проживал в Харбине, ул. Судная, дом 15. Был задержан 10 сентября 1945 года сотрудниками в/ч ПП 37238. До ареста содержался в Востураллаге МВД, г. Тавда Свердловской области.

Волосач А.Л. был арестован 3 марта 1947 г. сотрудниками опергруппы ОКР МГБ Уральского военного округа по обвинению в том, что он обучался на курсах агентов-пропагандистов Японской военной миссии, являлся участником антисоветской белогвардейской организации "Бюро по делам российских эмигрантов" (БРЭМ) и активным членом молодёжной организации "Костровые братья" (ст. 58 пп. 4, 6, ч. 1, ст. 58 п. 11 УК РСФСР). Состав семьи на момент ареста: холост; мать Волосач Людмила Петровна, 49 лет. Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 19 апреля 1947 года Волосач В.Л. был приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Наказание отбывал в Востураллаге МВД. Умер 24 февраля 1948 года в лагере.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 16 января 1989 г. по данному делу Волосач Валентин Леонидович полностью реабилитирован. Основание: ГААОСО, ф. 1, оп. 2 д. 36861.

Директор архива М.Н.Зотеева" (НСМ, № 43).

52

Борис Огородников (г. Реутов). Харбинские воспоминания.

"Начну с того, что родился я в "Восточном Париже", т.е. в Харбине, в 1923 году. Мои родители – Константин Андрианович Огородников и Лидия Петровна Огородникова (Гладкова). После моего рождения семья прожила в Харбине недолго. Года через четыре мы выехали в Японию". "После окончания коллежа я поступил в японский университет, но учёба там у меня не пошла – недостаточно владел японской письменностью. И вот решил я махнуть в родной Харбин и поступить в Северо-Маньчжурский университет. Было это в феврале 1943 года... Мне шёл двадцатый год".

"Харбин окончательно влюбял меня в Россию. Именно этот город повлиял на моё решение в декабре 1945 года с группой переводчиков японского языка поехать в Союз. Однако я сразу ошутил, что СССР отличался от той России, о которой мне рассказывали родители. Но я был молод, полон надежд и веры, что все трудности преодолимы. А

преодолевать их мне пришлось всю жизнь. Много было обидного (долго на нас смотрели с подозрением) и трудностей. Несколько ребят из нашей переводческой группы вскоре были репрессированы, но большинство это несчастье миновало, в том числе и меня" (НСМ, № 38).

53

Ника Михайловна Софронова (Челябинск). Мой Найджин-Булак.

"Такой маленькой моей Родиной, что снится мне уже полвека, является небольшой посёлок в Маньчжурии – Найджин-Булак. Это – правобережье Аргуни, недалеко от Хайлара – 100 километров, ближе от Якеши – 70 километров, ещё ближе – от Трехречья, но это не Трехречье, и отделяется от него водоразделом между трехреченским Ганом и Мергэлом, на берегах которого он и расположился".

"Русские первопоселенцы появились в этих местах в 1918-19 гг. – это были семьи забайкальских казаков-аргунцев Георгия Михайловича Шестакова и Павла Петровича Кайдалова".

"За всю не так уж длинную историю Найджин-Булакской станицы (с 1921 по 1955 год) над ней и её посёлками шквалом пронесли три страшных вихря. Первый, самый жуткий – 1 сентября 1929 года, когда карательный отряд с левого берега Аргуни (из Цурухайтуя) под командованием комиссара Моисея Жуча зверски расстрелял всё мужское население Тынихи (76 человек) в возрасте старше 14 лет, а затем – Чанкыра (около 30 человек). На сам Найджин-Булак каратели пойти побоялись, так как опасались организованного отпора. Погибшим на братской могиле был поставлен памятник с надписью "Они погибли от рук коминтерна". Памятник простоял до выезда всех на целину (1955 год) и был разрушен китайцами уже в "культурную революцию".

Второй шквал августа 1945 года, после встречи советских частей с хлебом-солью, вторым эшелонам частей НКВД опустошил многие дома Найджин-Булака и посёлков точно так же, как и в Трехречье, Харбине и других городах и станциях в Маньчжурии: многие мужчины были увезены на каторгу в ГУЛАГ. Многие там и сгинули навечно без каких-либо вестей.

И, наконец, вихрь целины 1954-55 гг. вконец опустошил почти все русские посёлки, а кто ещё оставался – уехали несколько лет спустя в Австралию. И остались теперь на той милой нашему сердцу земле в некогда чисто русских посёлках брошенные рубленные казачьи дома, возделанные пашни да заброшенные кладбища, теперь уже без крестов" (НСМ, №51).

54

Надежда Брагина (Краснодар). Это было летом 1946 года.

"Для нашей семьи 1946 год был тяжёлым. Я заканчивала школу. Мой папа, чудом уцелевший от репрессий, был без работы. Кроме того, наш домик, который находился на окраине Ново-Саманного городка, на Хабаровской улице, № 87, пришлось сначала просто закрыть, а потом сдать китайцу (со временем этот же китаец стал его хозяином за мешок муки). Мои родители были вынуждены так сделать, потому что недалеко от нас

расположились "освободители", и они вечерами, а иногда и ночами, в нетрезвом состоянии наведывались к нам. А у родителей было трое дочек, в том числе и я. Во избежание столкновений отец снял квартиру в Новом городе, на Модягоуской улице. За всё надо было платить. Я, как самая старшая, пошла работать на завод. Сдав последний экзамен, в этот же вечер я уехала на работу в ночную смену. Завод был за городом, и нас собирал маленький автобус. Надо сказать, что мне повезло в том, что я встретила Веру Горохову, которая тоже была ученицей ХСМЛ и училась в классе с моей младшей сестрой. Но в её жизнь вошло страшное горе. Были забраны и увезены её отец (который, если память не изменяет, работал репортёром) и брат Всеволод (если не ошибаюсь, он был инструктором в отряде "Асано"). Мать пошла работать, но не смогла прокормить семью и лишила себя жизни. На руках у Веры остался маленький брат" (НСМ, №68).

55

Наталья Белобродская-Соколова (Болгария). Мы с папой – одно лицо.

"Я наблюдала людей и в магазине, и в общегитии "Чурина" на Пекинской улице. Это был обыкновенный жилой дом со столовой, с библиотекой, комнатой для декораторов, художников, так как у нас был свой театр, помещение которого уступало по вместимости Желсобу, но и у нас выступал Томский, и у нас пели заезжие советские знаменитости. Работала, конечно, и наша самодеятельность. Я ведь тоже танцевала у Андреевой с Олей Тётушкиной. Любила я смотреть и на наших покупателей: помню Егоренкову, Бугаёву. Божественная фарфоровая статуэтка Егоренкова была вылеплена Богом, как хорошим скульптором, но в восхитительном личике её стояла печаль, и она всегда вызывала во мне не только восхищение, но и сочувствие: я видела её всегда с мужчиной – уродом, ниже её ростом. Покупала она мало и редко – в парфюмерии и гастрономе. Мне всегда хотелось узнать её душу и обогреть её. Такой же красивой была наша чуринка Омеляненко, у которой горе притупило взгляд, отняло уверенность, так как у неё забрали в ГУЛАГ мужа, оставив с ребёнком, который тоже с юношеских лет, как я, работал у Чурина в мастерских, ходил в грязной спецовке и начал пить. В божественных лицах из эпохи Возрождения этих двух женщин сквозила одна и та же боль – боль одиночества, так понятная мне. Омеляненко пела соло в Соборе, пела и в опере, и у "Чурина".

Помню, как в одну неделю Харбин без всяких бомбёжек превратился в пустыню, как красивые женские лица стали появляться утром на улице опухшими от слёз и горя, так как ночью позабирали их мужей, и теперь – не вдова, не жена, а те, что ещё дома – по вечерам не зажигают света от страха: сейчас постучат и увезут. Много у меня осталось в памяти и о советских гражданах, которые постоянно посещали "Чурин", делая свои бесконечные покупки, особенно их речь – тарабарщина, уму непостижимая. Вот разговор двух дам света (или полусвета) с КЧЖД в обувном отделе: "Дайте нам

одинаковые тухли на нохи, у нас промеж нох нет разницы". В переводе на русский это значило, что у них один размер ноги.

Но были и другие советские, с которыми мы тоже виделись и видеться были счастливы: это были лётчики и другие военные, пребывание которых в Харбине содержалось в великом секрете, и ни о каком нормальном общении речи и быть не могло. В Корее в начале 50-х шла война, но по городу передвигаться свободно они не могли, их возили автобусами "от" и "до" с 10-ти утра до 4-х вечера. А мой "Чурин" был открытым и верным домом свиданий: сколько записок с двух сторон передала одна я! И это среди той усиленной слежки, которой руководило само советское консульство. Однажды меня пригласил к себе Зюкин, очень неприятный человек с толстыми стёклами очков, и начал кричать на меня, что я недостойна советского паспорта, так как в 16 лет уже получаю письма и цветы от военных, но я всё-таки не назвала ему имени моего чудного пажка. Мы ходили с ним в "Марс", в харчовки, но как-то он мне сказал: "Я не могу исковеркать тебе жизнь, не могу даже дать адрес в СССР – нам запрещено общаться с вами. Никогда ни одно твоё письмо не дошло бы до меня".

Когда я в 54-м оказалась в Союзе, я пошла в адресное бюро, а попала прямо в КГБ, где на меня опять кричали, стучали кулаками по столу и вдалбливали мне, что никогда в Харбине не было военных советских лётчиков. Как же не было? Кому же я тогда посвящала эти стихи: "Голубок мой сизокрылый в небесной яркой синеве...". "Жили мы на Цицикарскрй, недалеко от американского представительства и адвентистской церкви, в доме с профессором Поповым. Жена профессора и американский консул были моими крёстными. Молиться мы ходили в Собор. Я особенно любила слушать Овчинкина и Коросылёва. Когда пел бас – Овчинкин, некрасивый, словно из железа выкованный, как живой памятник, я плакала, прижавшись к отцу, всем телом ощущая его могучий бас (близкий к баритону). Дружила наша семья с Мясковскими: пан Мясковский был архитектором, жена его – шумная эксцентричная француженка, у них был роскошный дом по Старохарбинскому шоссе на углу Бельгийской, где чуть дальше находилась больница доктора Казем-Бека. Как я любила эти места! Весело жили наши профессора: и жёнами, бывало, менялись, и чудили вдоволь.

Дружили мы и с Матковскими. Теперь я храню письма дочери, променявшей Австралию на СССР ради того, чтобы найти забранного отца. Помню те восхитительные торжественные обеды по всяким случаям, которые проходили в их харбинском доме..." (ОХ, № 13, 1999).

Интересно и с чувством, в стиле доверительного письма. Можно верить каждому слову. Жизнь полна страстей, хранит память. Сообща сбережём свидетельства. Субъективные и достоверные источники истории.

56

Вера Троицкая (Австралия). "Воспоминания".

Самое начало автобиографии певицы, харбинская страничка, и там – случайно ли? – то, что нас интересует. "Родилась я в Китае после 2-й

мировой войны, в самом главном городе Маньчжурии – Харбине. Жили мы на Пристани, в ограде Иверской церкви, в большом доме-общежитии. В этом доме были квартиры и настоятеля храма, протоиерея Ильи Пыжова, который меня крестил; и регента церковного хора и духовного композитора, Петра Филлиповича Распопова, у которого мой отец, Михаил Николаевич Троицкий, пел солистом. Тут же жил и горный инженер, специалист по платине и ученик самого Менделеева, Павел Васильевич Писаревский со своей добрейшей супругой, Дарьей Кондратьевной. Помню вкусный запах медовой коврижки в их приятной квартире, а также – горшочки с цветами на солнечном подоконнике. Ещё дальше жил знаменитый юрист и образованнейший человек, Евгений Николаевич Сумароков, который исполнял должность псаломщика при церкви. Он знал несколько языков и пытался привить мне интерес к ним, научив меня, ещё двухлетнюю, хоть немного разговаривать по-английски и по-немецки. Каждый раз, когда я шла мимо его крылечка, он мне, бывало, говорил: "Гуд ивнинг, Верочка", или "Гуд морнинг, Верунчик-говорунчик!" и т.д. Мне же приходилось отвечать: "Гуд ивнинг", или "Нуд абенд", или "Гуд нахт", или "Вери гуд", в зависимости от вопроса. К величайшему нашему прискорбию, его насильно увезли в СССР..."¹.

С изяществом произносится фраза. Вроде бы проходной эпизод прошлого. Но какие детали хранит память, склонная к предметной наблюдательности.

57

Георгий Косицын (Сидней). Достойный почести и славы...

"Александр Сергеевич Момот родился на станции Барим в Маньчжурии (Западная линия КВЖД) 3 февраля 1936 года в семье лесозаготовителя. От первого брака у отца было двое детей: сын и дочь. От второго брака – четверо, один из них Саша. В полуторагодовалом возрасте Саша заболел скарлатиной, результатом болезни было то, что он ослеп.

...В 1945 году, после капитуляции Японии, отец снова открыл молочное дело на ст. Фулиэрди... В это время исчез старший брат Николай, и судьба его неизвестна. Через некоторое время брата Бориса отдали в дети, затем хозяева книжного издательства Зайцевы удочерили сестру Таню. Сам Зайцев был репрессирован в 1946 году. Брата Владимира взял на попечение Лицей Александра Невского. Сашу же никто не взял. Попытались устроить его в Лицей, но там его не приняли, ссылаясь на слепоту.

4 марта 1947 года Сашу устроили в приют-убежище митрополита Мефодия. Приют находился на Первой улице в Корпусном городке"².

Герой очерка выстоял. Нещадно исковеркал жизнеописание. Мне пригодилась оттуда цитата о книгоиздателе Зайцеве и ещё Николае.

58

¹ "Австралиада", 1995, № 3, с. 23.

² "Австралиада", 1997, № 23, сс. 30-31.

Н.С.Трескин. О жизни и о себе.

"Родился я в Алтайском крае 22 февраля 1918 года. Родители мои – потомственные мараловоды, олениководы. Наше фамильное большое хозяйство создавалось поколениями. В нём: домашние животные, посевная площадь, луга, пасека, мельница, колоссальный маральник, сотни гектаров, обнесённые высокой изгородью, где олени находились в природных условиях: речка, леса и горы. Раннее детство моё прошло сравнительно спокойно и счастливо на лоне красивой, живописной природы. Но оно омрачилось страшными бедствиями, обрушившимися на Россию.

После отмены политики НЭП в Советском Союзе началась принудительная коллективизация, вернее, уничтожение имущего, зажиточного класса. В 1928 году, когда отец не согласился вступить в колхоз, он, естественно, попал в опалу. Был объявлен кулаком первой категории, врагом народа, лишён права голоса, начались репрессии. Меня и брата выгнали из школы, бывшие друзья-соученики нас избегали и били, потому как мы были детьми врага народа. Затем последовала опись и конфискация всего имущества, объявлен аукцион и распродажа "кулацкого добра". В день аукциона за несколько часов рухнуло всё состояние нашей семьи, созданное десятилетиями упорного труда. Мы потеряли всё, включая предметы личного обихода, и оказались выброшенными на улицу... Отцу угрожала тюрьма и концлагерь, он вынужден был бежать в Китай. Семья осталась брошенной на произвол судьбы. Ютились мы в одной избушке. Через год 18-летний брат вынужден был тоже скрыться; ему удалось найти отца в Китае. Мать, я, десятилетний мальчишка, и двухлетняя сестрёнка остались ещё на год...

Через два года, в 1930 году, отец с братом украдкой приехали и скрытно, ночами, с немалыми приключениями вывезли всю семью в Китай, в северо-западную его часть, в провинцию Синьцзян. В Синьцзяне в то время было уже много русских. Небольшая часть их осела здесь ещё до революции. После гражданской войны обосновались остатки Белых армий из отрядов Бакича, Анненкова и Дутова и затем беженцы". Начали жизнь с начала, приспособляясь к условиям. В чужом краю влачили существование.

"...В сентябре 1945 года мы покинули Урумчи, оставив абсолютно всё, что имели. Удалось совершить полёт на самолёте до Ланьчжоу в провинции Ганьсу. Здесь пришлось задержаться на 6 месяцев в ожидании пропуска. В 1946 году с невероятными приключениями мы добрались до Шанхая, проехав весь Китай по диагонали с северо-запада на юго-восток. В Шанхае приютил нас Владыко Иоанн Шанхайский, сначала в Коммерческом училище, потом в приюте Св. Тихона Задонского. Нас было 7 человек: я с женой, родители жены, их сын и дочь, и племянница.

Тёща Юлия Николаевна, педагог, устроилась преподавательницей в Коммерческом училище, а тестя Александра Тимофеевича (он офицер царской армии и землемер) Владыко Иоанн принял воспитателем в приют

Св. Тихона Задонского. Мне удалось устроиться в американской компании Caltex. В Шанхае в то время русских проживало около 10 000 человек. По убеждениям колония разделилась пополам: одна – за Советы, другая – против. По сталинской амнистии половина русских была репатриирована. Для этого курсировал специальный теплоход "Ильич", который отвозил репатриантов в Находку. Ехали они, полные надежды на будущее... В самом деле, что может быть радостнее возвращения после долгих лет разлуки домой, на Родину! Везли всё: автомобили, пианино, рефрижераторы, мебель, наряды и т.д. Судьбу этих людей мы знаем – все прошли через концлагеря с разными сроками отбывания. Оставшаяся половина русских, около 5000 человек, в январе 1949 года была эвакуирована на Филиппины (эпопея Тубабао). Наша семья выехала на Филиппины первым пароходом¹.

59

Лидия Крылова из Тулы вспоминает:

"Мы с мужем не пропустили ни одной оперетты с участием талантливого артиста – В.Лаврова. Его чудесный бархатный голос действительно приводил в восхищение нас – его поклонников. Но, к сожалению, в августе 1945 года Виктора увезли туда (как раньше говорили), откуда нет возврата. К великому моему горю, туда же увезли и моего мужа. Но я имела счастье встретиться со своим мужем в 1956 году в г. Воркуте. И там же я встретила с Виктором Лавровым. Оказывается, Виктор и мой муж Николай Крылов прошли вместе курс сталинских "академий". Проходили этот курс сначала на Урале, на повале, а потом с января 1950 года в городе Воркуте.

Мы подружились с Виктором и его очаровательной женой Ритой, с которой я изредка переписываюсь и сейчас. Когда в Советский Союз приехал отец Виктора, священник о. Дмитрий, он повенчал Риту и Виктора. Посылаю их подвенечную фотографию. На обратной стороне фотографии надпись, сделанная В.Лавровым: "Не так шикарно, как в Харбине, но зато искренно и по обряду. На память семейству Крыловых от Лавровых. 6 августа, 1956 год" (Хрб., 1995, № 1).

60

Людмила Дземешкевич (г. Омск). Память.

"Ко мне подошла Маргарита Лаврова и дала землю, только что взятую с могилы мужа, нашего харбинского премьера Виктора Турчанинова. Я сыпала эту землю в братскую могилу и говорила на всю площадь о том, как в 45-м году в Харбине пожелал генерал армии Белобородов дать победный банкет в Ямато-отеле. Было это 25 августа. Туда пригласили и лучших артистов города. Благодаря их за чудесные выступления, Белобородов особенно благодарил за "прекрасные русские сердца", которые сохранили русские на чужбине, за незабываемые встречи с этими людьми.

¹ "Австралиада", 1997, № 13, сс. 14 –16 .

Счастье так полно охватило наших артистов, что, приглашённые после банкета в советское консульство, они и не заметили, как их всё ниже и ниже опускали, и уж прикладами подгоняли, и как оказались они в подвале, где срезали пуговицы с их фраков, и Турчанинов не мог остановить бьющий его хохот от вида повиснувших парадных одежд...

Друг его сошёл с ума здесь же, в консульском подвале, а Турчанинов отправился во фраке в Тавду. Там приставили к начальству: "Пой!". Попел, да быстро опротивело, сказал, что больше не намерен петь. "Сейчас запоёшь", – ответили ему, и – на лесоповал, где быстро превратился в доходягу пятидесяти килограмм при росте в метр восемьдесят семь. Земляк его под падающую сосну лёг, чтобы разом прекратить мучения, а Турчанинова спас другой харбинец, приладившийся лапти плести. Он и настоем хвои отпоил.

Контрразведочно-фильтрационным назывался их лагерь, и свезли туда не только сына белогвардейского священника, как именовали Лаврова, а и советских офицеров, прямо из Германии, только что победивших врага. Там и Солженицын повстречался на нарах с нашими харбинцами и оставил навеки прекрасные строки о них в своём "Архипелаге". Он сказал то же, что написал мне в письме Олег Лундстрем, чей отец, профессор физики, был уничтожен в тех же местах: "Харбинцы пали жертвою своего патриотизма". Не мог приспособиться к жизни свободолюбивый премьер. Всё казалось ему слишком унижительным для человека. "Ну, раз всё тебе не хочется, поезжай дальше", – сказали ему и отправили в каторжный лагерь на Воркуту. Вот тут-то и повстречался он с будущей женой, прелестной талантливой Маргаритой, брошенной на эту Воркуту за то, что дед её был генералом Русской армии, да ещё с немецкой фамилией. Вот где послал им Бог встречу, о которой до сих говорит она, сияя от счастья: "Слава Богу, его привезли ко мне!" (НСМ, № 20).

Совершенно иной стиль в сочувствии и отклике. Пересказывая чужое горе, чаще обращают внимание на события, в глаза бросается внешнее, первый план сцены занят деталями и случайностями. Извне не ощутишь смысл, глубину и подлинность переживаний других. Нам недоступна психология, скорби и страсти, узников ГУЛАГа, не влезешь в их шкуру. Пишущий выражает себя, изливают душу, иначе редко случается. В изложении ещё и навыки словесности. В газетном деле не избавиться от культуры, жуналистских красот слога и расхожих оборотов. Сильный соблазн.

61

Алла Дворжицкая-Светланова (Магнитогорск). В августе сорок пятого.

"...Спросила про Алексея Борисовича. Он ответил, что тот в 47-м или 48-м году исчез. Видимо, был арестован. Судьбу не знает.

Меня удивило уже в 45-м, что советские люди, узнав харбинцев поближе, говорили с ними свободнее и откровеннее, чем друг с другом. Так и Алексей Борисович. Всё же где-то, наверное, не сдержался. За что-то

попал же в сеть. А тогда, осенью 45-го, знакомил он меня с военными врачами, журналистами, другими кинооператорами. Я знакомила их с нашими актёрами. Мы бывали в китайских ресторанах. Знакомили их с китайской кухней. Они ходили на наши спектакли. Стали приезжать из Советского Союза разные ансамбли песни и пляски, побывал Дальневосточный театр. Знакомства, встречи, узнавание нового. Не жизнь, а сплошной фейерверк.

Многие военные попали на эту "быструю" войну сразу после Отечественной. У некоторых нервы были жестоко расшатаны, они перестали ценить жизнь как свою, так и чужую. Чуть что, хватались за оружие. Однажды начался наш спектакль. Я была на сцене. Только успела сказать первую фразу, как услышала выстрел. Мне показалось, что стреляли по сцене, по мне. Уставилась в публику с немым вопросом: за что? В полутьме зрительного зала увидела, что через барьер верхней ложи напротив сцены перевесился вниз головой человек. Безвольно висели руки. Казалось, что сейчас он выпадет из ложи. Около него возник шумок, возня... один офицер застрелил другого за то, что тот сел на его место и не хотел его освободить.

Недолго была в Харбине советская армия, но всё же достаточно долго, чтобы многие харбинки повыходили замуж за "душек военных". Венчались в церквях. Для харбинцев это были законные браки, для советских воинов – нет. Воинские части уходили. Молодые пары расставались. Надеялись, что на время. Из тех, кого знала, никому не удалось, и подрастали потом славные детишки, которых у нас игриво называли "трофейными". Для некоторых военных были эти браки весёлой, приятной шуткой" (НСМ, № 34).

62

Алла Дворжицкая. Где эта улица, где этот дом?...

"В сером двухэтажном доме через дорогу и наискосок от нас жили "во время оно" два врача: в нижнем этаже доктор Кауфман, хороший врач, игравший большую роль в еврейских организациях Харбина. У него был сын (или два?). Знакома с ними не была. Доктора в 45-м арестовали, увезли в Союз. Судьбу его не знаю. Сын, кажется, в Израиль уехал" (НСМ, № 27).

63

Алла Дворжицкая-Светланова (Магнитогорск). Улица родная.

"Рядом с баней жил Дима Вагин с женой. Дима был приметной личностью: служил в японско-китайской уголовке. Меня возил в уголовный розыск на допросы, когда моего жениха Александра Бернгардта обвиняли в соучастии с группой людоедоров, как мы тогда называли похитителей людей за выкуп. Шуру обвиняли. А заодно вызывали на допросы и меня. А вдруг что-то знаю, а вдруг проговорюсь. Было мне тогда 17 лет, была я девчонка смелая, да и виновата ни в чём не была. Кончилось тем, что Бернгардта выслали из Харбина. Он уехал а Шанхай. Меня оставили в покое, а приезжал за мной на машине каждый раз Дима Вагин. В 40-м его арестовал

СМЕРШ, я случайно оказалась на улице и видела, как его увозили. Каюсь, его мне вовсе не было жалко. Жалела его жену. Она лечилась у моей мамы – доктора Ломиковской – и была нормальной милой, молодой женщиной.

С Димой Вагиным пришлось ещё встретиться. В 1955 году я жила уже в СССР, в городе Акмолинске, работала в драмтеатре и уже была замужем, но, конечно, не за Бернгардтом, о котором давно забыла, а за актёром того же Акмолинского драмтеатра Евгением Ильичом Репетько, с которым мы счастливо живём и поныне.

В 56-м или в 57-м году за несколько дней до Пасхи пришёл в актёрский дом, где мы с мужем жили, мужчина средних лет, спросил актрису Светланову, а когда меня окликнула открывшая дверь актриса, жившая с нами в одной квартире, и я отозвалась, мужчина сказал, что узнал мой голос и что я та, кого он ищет. Это оказался Дима Вагин, отсидевший десять лет в лагере, выпущенный на свободу и приехавший в Акмолинск, чтобы повидаться с сестрой, приехавшей в СССР, как и другие харбинцы, на вполне законных основаниях. Он прочитал театральную афишу в городе, увидел знакомую фамилию и пришёл проверить – я это или не я. Мы несколько раз встретились, познакомила его с мужем, рассказала. Кто он и откуда знаю его. Вагин остался жить на Севере. Вскоре должен был уехать. Просил нас не забывать его, писать ему, "не бросать его", но у меня не было большого желания активно общаться с ним, и вскоре наша переписка замерла. Забавно, что один раз в разговоре я напредила ему, как он возил меня на допросы, и он очень удивился: "Неужели, Аллочка, Вы это помните?". Сказал с таким искренним удивлением! Для него это была рутина, а для меня – невероятное событие, не забытое мною по сей день".

"Одно время жил у нас на квартире наш дорогой Виктор Турчанинов – любимец всего Харбина. Прекрасный актёр, певец. Иногда мы с ним вместе возвращались домой после репетиций или спектаклей. Мы были с ним в очень хороших отношениях, да я и не помню, чтобы эти отношения у него были с кем-то плохими. Его увели в 1945-м году, но он, слава Богу, выжил и продолжил свою артистическую деятельность. Был со своим опереточным коллективом и у нас в Магнитогорске, был со своей второй женой у нас дома. Всё же недолгий век отпустила ему судьба. Вскоре он умер. Я переписывалась с его первой женой, жившей в Австралии до её ухода из жизни" (НСМ, № 73).

64

Михаил Ильвес (Магадан). Харбинцы – магаданцы.

"Харбинцы есть и у нас в Магадане. Вот, например, Лариса Васильевна Вьюнова (Паничкина), к сожалению, недавно скончавшаяся. После окончания в 1947 году в Харбине школы, а потом коммерческого колледжа, она поехала устраивать свою жизнь в г. Дальний. Там в один печальный день энкаведэшники и взяли её прямо на улице. С тех пор она и путешествовала по Колыме.

Этапы были такими: тюрьма в Дальнем, тюрьма в Порт-Артуре, тюрьма в Охотске, где она сидела вместе с последним китайским императором Пу И. Тюрьма в Хабаровске, где военный трибунал за намерение изменить Родине присудил ей 25+5 (25 лет лагерей и 5 лет поражения в гражданских правах), посадка на пароход в Ванино и прибытие в "солнечный Магадан". Потом этап в каторжный лагерь Вакханка, потом побег и кирка на Бутугычаге, потом зимний женский лесоповал посреди тайги с ночёвкой в палатке, потом лесоповал в Детрине, но уже цивилизованный – с бараками. Потом оловянный рудник Хеникаджа ("Это почти курорт", – скажет она). Потом, после выхода гуманного распоряжения о непривлечении женщин к горным разработкам, – поля Эльгена, 72-го километра Колымской трассы и Дукчи. Освобождение её застало на 23-м километре. Она вышла на дорогу и решила, что сядет в первую же машину и, куда та пойдёт, туда она и отправится. После у неё были ещё и Ягодное, и Сусуман, и дети, и реабилитация, и внуки, и ещё многое из того, что называется жизнью...

Или вот другая харбинская судьба – Лидия Николаевна Ягунова. У неё было уже двое маленьких детей, когда в день сталинской конституции в Харбине исчез её муж – обыкновенный радиомеханик. Два с половиной года она искала его – в советском консульстве ей отвечали, что не знают, где он, а в китайской полиции отказывались о нём говорить, потому что он был советским подданным. А он уже давно сидел на Колыме. Получил срок как социально опасный элемент. Так, на всякий случай – против советской власти ничего не сделал, но мог сделать. Потому и дали.

И только когда вождь всех времён и народов умер ("Я чувствовала, что будет что-то хорошее"), и мужа по амнистии освободили, он смог послать жене телеграмму. Она посмотрела на неё и обмерла – Магадан! Послала ответ, который стоил половину месячной зарплаты и который, как потом выяснится, так и не дошёл до адресата, взяла двоих детей, двоих родителей и отправилась в неизвестность. Так на самой страшной советской каторге в единственной комнате в 11 квадратных метров вшестером они нашли самое большое в своей жизни счастье – жена нашла, наконец, своего мужа, дети нашли отца, а муж нашёл свою семью. С того дня и живёт Лидия Николаевна в Магадане. И работает. Сейчас – в нашей областной библиотеке.

Да, харбинцы есть и в нашем городе. Их здесь единицы, а было когда-то очень много..." (НСМ, № 50).

65

Татьяна Верижская (г. Новосибирск). Скрипка продолжала звучать.

" В Харбине он закончил гимназию и Высшую музыкальную школу имени Глазунова. Поначалу жизнь Александра складывалась удачно. В музыкальной школе он попал в руки отличного педагога – проф. Гольдштейна. Сразу после завершения своего музыкального образования он получает приглашение в Мукден. Газеты того времени отмечали виртуозную технику, серьёзное знание скрипичной литературы, красивый,

глубокий звук музыканта... В 1943 году Дзыгар возвращается в Харбин, где занимает место концертмейстера симфонического оркестра и становится одновременно первой скрипкой в квартете. Здесь вместе с ним играли талантливые исполнители братья Погодины и Георгий Михайлович Сидоров, ныне живущий в Омске. ...Казалось, первый этап музыкальной карьеры был пройден успешно, но неожиданно наступил для него роковой август 1945 года.

Красная армия, разгромив Японию, вошла в Харбин. 28 августа состоялся симфонический концерт для командного состава советских войск, в котором скрипка Дзыгара звучала в последний раз. 31 августа его тайно вывезли на территорию СССР. В этот момент в книге истории его жизни была перевёрнута самая страшная страница. Уссурийская тюрьма, мучительные допросы, ссылка на Колыму, невозможность добиться правды... Чудовищная сталинская машина смерти готовила к уничтожению сотни тысяч безвинных людей, среди которых был и скрипач из Харбина.

Здесь, на тюремных трассах, Александр Дзыгар встретил немало талантливых писателей, учёных и своих коллег-музыкантов. Состоялась неожиданная встреча и с соучеником по Харбинской высшей музыкальной школе пианистом А.Шварцбургом, который в 30-х годах покинул Харбин, преисполненный желанием посвятить свой талант родине. Результат – тюремные дороги, искалеченная судьба, утраченное здоровье. ...Лесоповал на жесточайшем морозе, работа бурильщиком, штукатуром, уборщиком – вот неполная лагерная одиссея любимца публики, блестящего скрипача А.Дзыгара. Даже после освобождения он всё равно оставался на положении ссыльного с правом передвижения в радиусе 25 километров. Но, несмотря на покалеченные непосильным трудом пальцы, подлинный талант А.Дзыгара постепенно пробивал себе дорогу в искусство. Сейчас Александр Артамонович Дзыгар живёт в Москве и, несмотря на драматические жизненные повороты и возраст, до сих пор не расстаётся со скрипкой" (НСМ, №21).

Чужую боль трудно передать словами. Душевные страдания – слишком тайна, в глубине прячутся. Вещь тонкая, чтобы просто разбрасываться. Описание упрощает и искажает, не угнаться за жизнью, та ловчее и хитрей, не даётся в руки. Но не запретить сторонним писать о непостижимых чувствах и недоступных переживаниях. Как-то пытаемся сочувствовать. Сам А.А.Дзыгар о блужданиях по жизни рассказывает подлинно и изящно. Мы маэстро слушали – заслушивались – на московской конференции, посвящённой КВЖД. Для сопереживания сердце, склонность и склад характера. Ещё жизненный опыт. Всё равно чужая душа – потёмки. Своя тоже.

66

Б.Савченко. Скрипка из Харбина. ("Магаданская правда").

"20 августа Красная Армия заняла Харбин. Генерал Осолков собрал всех творческих работников и призвал их возродить культурную жизнь

города. Уже 24 и 28 августа для командного состава советских войск состоялись парадные концерты Харбинского симфонического оркестра. А 31 августа Дзыгара пригласили в военную комендатуру, как выразились, "для пятнадцатиминутной беседы". Ночью его тайно вывезли на территорию СССР, на станцию Гродеково, и началась другая, менее романтическая часть жизни. Какие непредсказуемые зигзаги бытия дарует порой судьба: ещё несколько дней назад – безукоризненный смокинг и аплодисменты, а спустя неделю – арестантская одежда и пугающая неопределённость.

"Весь сентябрь я провёл в Уссурийске, в здании бывшей жандармерии и всё боялся умереть, - рассказывал А.А. – Я там слышал, что у японцев были специальные сыпнотифозные камеры. Если они кого-то собирались умертвить, то делали это очень просто. Они вас приглашали и как бы по недоразумению задерживали. Вы возмущаетесь, а они извинялись: "Ничего не беспокойтесь! Заватара, заватара подождём. Заватара Сато-сан придёт, разберёца. Спите спокойно". Но, как бы ни спали, эти вши, инфицированные, вас обязательно искусают. На следующий день говорят: "Сато-сан присёл". Входит некто с улыбочкой: "Здрасьте, как спали? Хоросё? Можете идти домой. Не сердитесь". Вы являетесь домой, через 7-8 дней заболеваете азиатской оспой и спокойно умираете. Такое у них практиковалось. Вот и мне каалось, что только я сяду где-нибудь в углу, так уже и чешусь".

В камере уссурийской тюрьмы вместе с ним находились писатель Фёдор Даниленко, один из первых строителей КВЖД, автор повестей "Оторванный" и "Вилла "Вечное спокойствие", и бывший литовский консул в Харбине. Уголовники, которыми командовал грузин по кличке "Фома", положили Даниленко на верхние нары, чтобы он "толкал романы". Когда-то Фёдор Федотович был городским головой в Никольск-Уссурийске и даже заложил первый кирпич в то здание, где сейчас находился. "Добрая тюрьма", – усмехался он, похлопывая рукой по склизкой стене. А литовский консул всё хватался за голову: "Зачем я так быстро собрался?". Ещё в Харбине, по дороге в комендатуру, куда его тоже пригласили для "пятнадцатиминутной беседы", он переживал, что забыл надеть фрак – неудобно же будет перед официальными лицами, где ему придётся выступать... Следовательно Устюгов вызывал на допрос Дзыгара и других арестованных в 11 часов вечера. До шести утра он держал всех вызванных в запертой "эмке", стоящей на морозе. Шесть крошечных ячеек в салоне машины были сделаны таким образом, что арестованные не видели друг друга.

"Газеты читал? – спрашивал следователь Дзыгара, имея в виду харбинскую печать. "Читал". А кто их не читал, находясь там? Только слепой и неграмотный? "Оружие имел?". "Нет". "Врёшь, имел". Где сейчас эти Устюговы? На заслуженном отдыхе?...

Спустя некоторое время его вызвал следователь посолидней, в чине майора: "Ну, что, Дзыгар? Судить тебя мы не можем – нет состава преступления". А.А. обрадовался: "Так отпустите, у меня там семья осталась". "Нет, отпустить тебя мы тоже не можем. Ведь если бы пришли не мы, а американцы, ты бы с ними кооперировал?". На Колыму А.Дзыгара привезли на пароходе "Орёл". Вместе с ним в трюмах этого лайнера доставили ещё около пяти тысяч заключённых. Пароходы типа "Орёл" внушали страх уже тем, что по ленд-лизу были рассчитаны на один рейс. Доставив провиант или технику, такие "Орлы" списывались на металлолом. А их использовали ещё и для перевозки заключённых.

По рекомендации Шварцбурга, который уже находился в доверии у маглаговской "княгини" Гридасовой (жены генерал-лейтенанта Никишова, начальника Дальстроя), Дзыгара снимают с этапа и оставляют в городе при зёковской культбригаде. Поселили в лагерном бараке на 4-ом километре, на "корпункте", в комнатке вместе с артистом Приходько.

"Никогда не забуду, как меня прослушивали, – вспоминает Александр Артамонович. – Полный провал в памяти. В голове мелодия звучит, а аппликатуру забыл. Ничего воспроизвести не могу. Начинаю играть другое – тоже самое. Слышу – дирижёр кому-то процедил: "Это чернушник". А Шварцбург говорит: "Я знаю его много лет, мы вместе учились". И Варпаховский поддержал меня перед Гридасовой: "Такой музыкант нужен культбригаде. У него психологический шок от переживаний, но постепенно он отойдёт". Мне поверили. И вдруг в один день всё открылось. Это было вечером. В бараке имелся умывальник. Я прятался в этом помещении, пытался что-то вспомнить, и вдруг словно прорвало – сыграл полностью концерт Мендельсона, какая-то лёгкость такая появилась. Открываю дверь – тишина, все сидят, слушают, не шелохнутся. А потом начали поздравлять...

Вспоминаю один комический случай. Я прибыл в Магадан в телогрейке и старых рваных штанах. Коля-контрабандист из культбригады говорит мне: "Саша, пиши заявление Власовой (помощнице Гридасовой), чтобы она выдала тебе одежду". Я по старинке пишу: "Глубокоуважаемая товарищ Власова! Убедительно прошу выдать мне то-то и то-то. С искренним уважением к Вам Александр Дзыгар". И передал эту бумагу Лёне Варпаховскому, руководителю нашей бригады. Лёня позвонил артистов и зачитал моё заявление вслух. И тут как начали все хохотать. "Какая глубокоуважаемая?! Пиши просто: гражданин начальник такой-то, прошу выдать пару кальсон, рубашку и что там ещё...". И подписывайся – "зэка Дзыгарь".

Кому нужно твоё искреннее уважение?"

Далее А.А. рассказывает: "Кроме концертной работы в культбригаде, я играл и в оркестре театра, где нашим концертмейстером был Эвальд Турган, окончивший Парижскую консерваторию по классу Жака Тибо.

Счастье, однако, было недолгим. В 1949 году, вышел новый рескрипт Сталина: всех бывших заключённых с 58-ой статьёй, уже освободившихся,

отправлять вновь в лагерь. Я стал заключённым № 3-1309. Этот номер был пришит у меня сзади на телогрейке, на шапке и на правой штанине. Предписывалось использовать меня только на тяжёлой физической работе. В феврале 1949 года я попадаю на прииск им. Лазо. Для начала – на лесоповал. Это страшная штука. Лютый мороз. Тупая пила, тупой топор, который, звеня, отскакивает от дерева. Потом стал бурильщиком, испортил пальцы. В лагере все тёплые местечки заняты либо блатными, либо стукачами. Урки постоянно у кого-то что-то отбирали, торговали, кого-то били. Их задача была – доставать старшему покурить.

Один из вохровских офицеров, кажется, его фамилия Зубко, очень любил самодетельность и поэтому благоволил ко мне. Меня перевели в бойлерную. "Чтобы ты мог заниматься на скрипке", – сказал Зубко. В бойлерной я грел воду и следил за давлением пара. Позже моя одиссея продолжалась на обогатительной фабрике им. Берии. Когда "прославленного наркома" судили и расстреляли, она стала называться фабрикой им. Матросова. Там пришлось освоить профессию штуктура.

После освобождения я перешёл на положение ссыльного. Начальство выдало мне справку, согласно которой передвижения ссыльного поселенца Дзыгара ограничивались посёлком Усть-Омчуг в радиусе 25 километров. Но раз в месяц я должен был отмечаться в комендатуре.

В Усть-Омчуге я овладел новой специальностью: стал уборщиком при центральном клубе. В мои обязанности входило подметать полы помещения, наполнять четыре металлических бочки и подогревать воду при помощи больших кипятильников. Утром приходили женщины-уборщицы и мыли полы в зале. Ну, и, конечно, приходилось участвовать в клубной самодетельности: играл в оркестре и соло. На Всеколымском смотре художественной самодетельности в Магадане Тенькинское управление заняло второе место. Старые магаданцы помнят, что когда-то в кинотеатре "Горняк" перед сеансами играл небольшой оркестр. Там в это время освободилось место скрипача. Меня спросили, соглашусь ли я работать с ними. Я ответил, что ограничен местопребыванием в Усть-Омчуге и его окрестностями.

Тогда он привёл директора кинотеатра, они меня послушали и сказали: "Давайте приходите вечером. Мы пригласим коменданта города, а там посмотрим". Действительно, на вечерний сеанс пришёл комендант Магадана, старший лейтенант Дмитриев. Наверное, моя игра ему понравилась, поскольку он попросил меня явиться на следующий день к нему в комендатуру. Пришёл я. Поговорили о том, о сём. Потом он взял мою устьомчугскую справку и поравал её. Взамен выдал новую. Теперь я уже являлся спецпоселенцем города Магадана и одновременно музыкантом кинотеатра "Горняк". А потом перешёл на работу в театр..." (НСМ, № 90).

67

Михаил Ильвес. Прощальное адажио для скрипки с разлукой.

"Дело в том, что у моих родителей в Харбине был друг – Саша Дзыгар. Он был известным скрипачом солистом Харбинского симфонического оркестра, лауреатом многих международных конкурсов. Я его совершенно не помню, потому что был тогда совсем маленьким. А потом наши семьи разъехались – как оказалось, навсегда. Но имя это я знал с детства, оно часто звучало в нашей семье. А отец мой был даже крёстным первой дочери Дзыгара. Мне было известно, что живет Александр Артамонович сейчас в Москве, я был уверен, что он здесь появится, и очень надеялся на встречу с ним. Это был мой долг перед родителями, не дожившими до этого свидания с собственной молодостью. Но Дзыгара всё не было и не было.

И вот уже наступил последний день съезда, мне через два или три часа нужно было отправляться в аэропорт, когда в фойе с трудом вошёл высокий сутулый старик, опиравшийся на трость. Мне указали на него: "Это Дзыгар". Я подошёл и сказал:

– Я Миша Ильвес.

Старик поднял на меня глаза:

– Боже мой

Он меня тоже, конечно, никогда не узнал бы. Ведь между нами лежали 60 лет разлуки.

... Его взяли в Харбине в 1946 году прямо на концерте для советского армейского руководства. "Ко мне подошёл лейтенант с голубыми глазами и сообщил, что со мной хотел бы познакомиться его начальник. Я подумал, что им понравилось моё адажио из "Лебединого озера" и пошел принимать комплименты". Так он оказался в Магадане. Так потерял любимую жену, любимых детей, родной дом, родной город и музыку. На прииске Лазо вместо смычка ему дали лопату, и вернулся он с Колымы только через 30 лет.

У него была прекрасная скрипка. Она была создана в 1510 году знаменитым мастером из Болоньи Каспаром Дуиффопругаром, предшественником великих кремонских маэстро Амати, Гварнери и Страдивари. Когда Дзыгар уже освободился и узнал, что жена, отчаявшись найти его в рудниках ГУЛАГа, вторично вышла замуж, рискнул снова жениться и он. И чтобы купить на свадьбу ящик водки, оставил в залог одному колымскому начальнику свою скрипку. Так он потерял и свой инструмент. Сегодня потомкам этого начальника дают за неё полмиллиона долларов. Я слушал его и думал: что же это за время у нас такое, когда людям порядочным трудно, а плохим хорошо? Вот жил человек и радовался, а его связали и бросили в тюрьму. И всё потерял. Я не пережил этого ужаса и на бывшую каторгу поехал по своей воле – через два года после того, как Колыму покинул он, – но за 20 своих лет тоже всё успел потерять. Даже собственную страну. Что это за время такое? И почему оно так долго тянется? Странная судьба постигла мой родной город: за первые полвека он успел превратиться в символ России в чужой стране, а затем растворился в человечестве – после прихода советской армии в

Маньчжурию в 1945 году одна часть харбинцев благополучно вернулась в Советский Союз, другая оказалась в лагерях ГУЛАГа, третья эмигрировала в страны Европы, обеих Америк и в Австралию" (НСМ, №57).

68

Нина Жутикова (Новосибирск). Печать добра и света.

"...В Харбин он приехал вместе с отцом и толпами эмигрантов в 1922 году, когда ему было 26 лет. Первое время он зарабатывал на хлеб литературным трудом газетчика. Но, воистину, не хлебом единым... За 23 года жизни в Харбине сверкали все грани самореализации поэта. И это вопреки цензурному давлению японских властей.

В 1945 году, в конце лета, в Харбин пришли советские войска.

Состоялось воссоединение русских эмигрантов с Россией. Казалось, это было благом – освобождение от японского ига. Но для самых деятельных и ярких представителей культуры, а значит, и для А.Ачаира это обернулось тяжёлым ударом. После одного из своих концертов он был арестован и отправлен в СССР, где как "враг народа" был осуждён по 58 статье на 7 лет каторжной жизни в лагерях ГУЛАГа, но пробыл в заключении все 10 лет, а потом ещё три года отбывал ссылку на севере Красноярского края. Там он в местной школе учил детей пению.

Уже пожилым он обрёл, наконец, свободу и возможность жить в Новосибирске. Его первая жена, потеряв с ним связь и ничего не зная о нём, вышла замуж. И теперь его женой стала Валентина Васильевна Белоусова, приехавшая по репатриации из Харбина в Новосибирск.

Итак, на склоне лет нужно было заново адаптироваться в непривычной социальной среде. От прежней России осталась только "милая чумазная земля", русская речь (правда, исковерканная новациями) да молодая поросль, дети, пока ещё открытые для Добра, Света и Красоты. У человека отняли 10, а точнее – 13 лет творческой жизни. Отняли в высшей степени несправедливо, незаслуженно. Этот чудовищный грабёж, это насилие, заточение и каторжные работы, грубейшее попрание человеческого достоинства даже и для менее чувствительных натур часто было губительным: в человеке разрушалось человеческое... Но Алексей Алексеевич не сломался, он достойно перенёс и эти тяжелейшие лишения. Он не озлобился, не ожесточился, не возненавидел, не утратил достоинства духа. Такова спасительная роль подлинно высокой культуры, основанной на Заветах Великого Учителя и нашего Спасителя. И в неволе, на каторге не иссякло подлинно созидательное, неистребимое творческое начало" (НСМ, № 35).

Пусть высокопарность, надрыв и искусность фразы не мешают уловить главного: один из ярких поэтов дальневосточного зарубежья Алексей Ачаир (А.А.Грызлов), выдающийся деятель культуры русского Харбина, душа "Чураевки", не избежал рока, кары и каторги. Психологу надо знать, не только для поэта важно чувство меры. Сладкоречие и пафос не всегда кстати. Не согласуясь с жестокостью судьбы и суровостью бытия, высокий

слог здесь даже неуместен. На траурных митингах в почёте велеречивость. Могилу покрывают венками и цветами. Салют!

69

Елена Таскина (Москва). Алексей Ачаир (5.09 1896 – 16. 12. 1960). К столетию со дня рождения.

"Ачаиру и только ему принадлежит заслуга объединения талантливой харбинской молодёжи в те годы в одном из самых благоустроенных помещений города. Рассказывая о "Чураевке" и отмечая её весьма богатое литературное наследие, один из её бывших участников – В.А.Слободчиков – называет Алексея Ачаира "тонким поэтом и прекрасным человеком".

В 1932 – 1935 годах "Чураевка" даже выпускала свою газету, которую, кстати, уже не могли не заметить на Западе, в "русском Париже" – о ней весьма положительно отозвался известный литератор и критик Г.А.Адамович.

С 1937 по 1939 годы в Харбине подряд выходят три сборника стихов А.Ачаира: "Лаконизмы", "Полынь и солнце", "Тропы". Его печатают на Западе, в том числе в антологии "Якорь". Появились отклики. "Лаконизмы", сборник кратких стихотворений (по 4 строки в каждом), положительно оценил известный поэт русского зарубежья А.Перфильев. "Сжатость его неискusstвенна, ритм лёгок, и иные четверостишья говорят больше, чем целые поэмы... В его стихах ясная умудрённость, сдержанность. Улыбчатая, чуть тронутая инеем грусть". Сказано точно и поэтично. Позже этот же автор по выходе других сборников А.Ачаира писал: "Алексей Ачаир радуется и волнуется. Свежесть сравнений, умелое пользование рифмами по созвучью и обновление форм сочетается у него с простотой и ясностью" ("Для вас", Рига, 1939, № 9). В 1943 году в Харбине вышел последний сборник поэта "Под золотым небом", но мы ещё и ещё находим на страницах харбинских газет и журналов его стихи и рассказы.

...Наступили события августа 1945 года. Стихийной волной (и радости, и печали) накрывшие "русский Харбин". Алексей Ачаир разделит судьбу многих представителей зарубежной русской интеллигенции и молодёжи. О его гулаговском периоде мало что известно (по свидетельству близких, он о нём никогда не хотел говорить). Слегка приоткрывает завесу над этими страницами жизни поэта одна публикация. Прочтите этот материал в журнале "Человек и закон", 1992. № 6 – 7, стр. 82 – 86 ("За плотно закрытой дверью. Дело Алексея Грызова"). Известно, что, находясь в ссылке в Байките, поэт продолжал писать стихи. Сочинял музыку к ним. Обучал детей" (НСМ, № 35).

70

Людмила Дземешкевич. Продолжение харбинского съезда.

Летом 1998 года в гостях у Раисы Алексеевны Кашинской.

"Я знала, что московский съезд я продолжу в Севастополе – где же ещё так власть заниматься харбинистикой, если не в этом грустном увядающем саду с полной жизни и готовностью ею поделиться харбинкой? ("Ушёл Даничка – ушли за ним и чудеса этого сада"). "Как Вас муж называл?" –

спросила я её. "Да как? Солнышком называл, а больше и не как". "Ну давайте, бросайте все дела" – торопили мы её, и она мигом соглашалась: "Это проще простого – из квартиры уже всё растащено: серебро, книги. Мне теперь осталась одна забота: закрывать калитку на замок, чтобы старину не вынесли (имеет в виду себя и свои почти 90 лет). Она всегда остроумна. Стала вспоминать, как хорош был их начальник на лесоповале, когда их привезли из Шанхая в сорок седьмом году.

Он ходил именинником, радуясь на работу шанхайцев, дивился, что труд, которые все за наказание принимали, они все почему-то в радость считали, поощрял их, как мог: на самый главный праздник, день Октября, построил всех на торжественную линейку и стал выкрикивать: "Кашинская Раиса – пять метров мануфактуры! Кашинский Даниил – пять метров мануфактуры!". Мануфактура представляла собой сермягу тускло-чёрного цвета, но не это было важно, и даже не радость самого начальника, а та радость, которую получали Раиса с Даниилом, в шестнадцати корзинах которых лежала мануфактура японского шёлку и китайского панбархату, радость оттого, что отмечен их труд на родине. Не хотел их от себя отпускать начальник. Когда пришла пора, построил в ряд, сказал: "Кто с высшим образованием – шаг вперёд!". Шагнули все. Он потерял дар речи, а когда вновь обрёл его, крикнул: "С кем же я останусь?". (ОХ, № 8, 1998).

71

Людмила Дземешкевич. Почему же они не шли на них, как на дикого зверя? – захватывающее повествование, не перескажешь, лучше прочесть.

"Почему они в джунглях не действовали по законам джунглей – задавалась я этим вопросом всё время, пока читала "Долгое возвращение" Валерия Янковского. Из джунглей он и возвратился, куда в 45-м году привезли его в железной клетке (в компании других таких же маньчжурских зверей) из родового поместья "Новина", которое построили всей семьёй своими руками на голом месте в Корее, куда занесло их эмигрантской волной. Тогда, в том 22-м, Валерию было одиннадцать, тогда его отец – крупный помещик, коннозаводчик и оленевод из-под Владивостока знал уже о судьбе помещиков в России, поэтому оставил все свои богатства, все великие труды сорока трёх лет, оставил огромное налаженное хозяйство в неприкосновенности Советской России и бежал с семьёй от советского топора в Сейсин, а потом – рядом с горячими источниками – в Омпо, где возвели сказочный дворец и филиал его на берегу Японского моря – "Лукоморье"... А детей в семье пятеро, и все не только в театре и на корте, а и в тайгу выезжают с отцом – и мальчики, и девочки, и месяцами бьют там коз, кабанов, медведей, изюбров... Иностранного подданства отец не принял – ни китайского, ни японского, ни польского, а популярностью великой курорт пользовался как среди иностранцев, так и среди российской эмиграции. Но через 24 года, как пришла и сюда советская власть, не понял на сей раз отец, что опять надо бежать, что не человеческих законов держится эта власть, да и сыновья выросшие любили в рассуждения

пускаться, и всё у них получалось по-человечески, да по-божески: "Какая же власть детей судить станет?". И сами в 25-ю Красную армию явились и в Тихоокеанский флот, чтобы предложить родине свои услуги: многими языками владели юноши в совершенстве, охотно были приняты на службу три брата, а в 46-м вместе с отцом – в звериных клетках отправлены на родину: "Не как скот везли нас в скотских вагонах, а как хищных зверей". Товарные вагоны были разгорожены двумя отсеками из арматурного железа в палец толщиной, сквозь который смутно просвечивали желтоватые лица сгружённых людей. Ни единого окошка, печка-бочка из-под солярки, два автоматчика на ящике, параша и, как куры на насесте, – вчерашние поведители в великой войне, воры и мародёры, политики по 58-й, похвалившие иностранную технику или обругавшие Сталина. Дальневосточники имели ещё и специфическую вину: сожительство с японками (измена родине, пункт 1-б, 10 лет).

У Валерия Янковского тоже 10 лет, хотя ни с японкой не жил, ни Сталина не ругал... На суде сначала дали 6 лет. Едва устоял на ногах от потрясения. В камере упал впервые в жизни и пополз к чашке с водой. Написал кассацию с недоуменным вопросом "за что?". Тогда заковали в кандалы в одну цепь с пятью корейцами и погнали в Пхеньян и Сейсин на очную ставку с отцом, после чего увеличили срок до десяти. В этот раз показалось, что в ноги влился свинец... В следственной тюрьме соседями оказались генерал-майор Хасабе, который занимал Харбин в 1931 году, майор армии Чан Кай-ши и лейтенант Красной армии, участник финской кампании, провоевавший и всю Отечественную. Лейтенант обливался слезами, а Хасабе отмерял вдоль нар четыре шага взад и вперёд, пока не проходил четыре километра. В 68 лет утрами раздевался он до трусов, обливался под краном ледяной водой и растирался докрасна маленьким полотенчиком. На прогулках рвал лебеду, сдобривая баланду витаминами и вспоминая, как в 1-ю мировую капитаном Генерального штаба, прикомандированный к Ставке Николая Второго, бывал приглашаем к царскому столу. Рассказывал о форме армейского полковника из солдатского сукна, которую носил русский государь, о его вежливости и простоте в обращении.

Следователь сказал: "Ты мне нравишься, а дружки твои – шпана. Валят всё на тебя". Предали все. Получился Янковский главарём банды. А Хасабе был уверен, что его помилют: он же на государственной службе! "Что, Хасабе-сан?" – спросил его Валерий после суда. Японец поднял на него жёсткие карие глаза: "Ха, они мне подарили ещё 10 лет – значит, дали гарантию жизни до 78 лет. Ха-ха-ха!". В горе японский этикет не велит плакать – они улыбаются, а в этом смертном случае он хохотал! Русские с китайцем хранили гробовое молчание, не сумев улыбнуться даже из вежливости. Янковский на сей раз получил 25 лет – "групповой контрреволюционный саботаж". Третья реакция на этот третий приговор была уже совсем иной: "Все заржали". Уже никто ни во что не верил. Уже и

русские смеялись, хотя их этикет не возбранял им плакать. Что же оставалось делать, получив 25-летнюю каторгу, никогда с царём не сидючи, никогда с войной на Россию не ходивши?" (ОХ, №13, 1999).

72

Георгий Хотковский (Тюмень). Люди и судьбы.

По очерку А.Петрушина "Белый исход"¹ описание жизни Г.Т.Ражева.

"Родился Георгий Тимофеевич в 1893 году и после окончания школы прапорщиков в Омске прошёл весь тернистый путь честного русского офицера в армии адмирала Колчака и сибирский Ледяной поход, дослужился до подполковника, после чего уехал в Харбин, где стал работать, как говорится, "с нуля" Своим трудом он содержал большую семью, помогая также другим беженцам из России, и воспитал четверых детей в чисто русском духе и любви к Родине, которую сильно любил. Первое время ему приходилось выполнять любую работу, а с 1933 года начал собственное дело: молочное, пимокатное, кондитерское, проявив, как и большинство эмигрантов, удивительную жизнеспособность и приспособляемость к необычным условиям в чужой стране. Его арестовали в Харбине 28 сентября 1945 года сотрудники отдела военной контрразведки СМЕРШ с обвинением за участие в гражданской войне на стороне белых. Через два месяца "судебной" процедуры, продолжавшейся менее часа, подполковник Ражев был приговорён на 10 лет лагерей, а в январе 1946 года умер в Севвостоклаге Магадана, сохранив до последних дней своей жизни честь и достоинство русского офицера. В начале 1990 года его реабилитировали.

Здесь же вспоминается трагический жизненный путь другого русского офицера-патриота, сохранившего на чужбине любовь и верность к своей неласковой Родине. Это – Яков Яковлевич Смирнов, родившийся в 1890 году в семье потомственного военного" (НСМ, № 26).

73

Трагическая судьба полковника, выполнившего долг перед Родиной.

Александр Петрушин (руководитель пресс-службы регионального управления ФСБ РФ по Тюменской области). За всё, что он сделал...

"...К тому времени Яков Яковлевич Смирнов, потомственный военный, отсчитывал свой шестой десяток. Выпускник кадетского корпуса, Елизаветградского кавалерийского училища и Академии Генерального штаба, он служил в 17-м гусарском Черниговском полку и за храбрость в войне с Германией отмечен был пятью орденами. В сентябре 1917 года получил новое назначение – начальником штаба Уссурийской казачьей дивизии. И в конце концов оказался в войсках Колчака. Здесь полковник Смирнов командовал уже кавалерийским полком. Потом оказался в Харбине, ставшем одним из центров белой эмиграции. Оккупировав Маньчжурiju, японцы предложили Смирнову работу в своей миссии. В круг

¹ См. в тюменском журнале "Сибирский тракт", 1995, № 1-2.

его обязанностей входило изучение советских газет, журналов, книг и составление специальных сводок по военным вопросам. Вторжение фашистских войск в СССР вызвало у него острое сожаление, что он не может участвовать в защите своего Отечества. В числе других офицеров-эмигрантов хотел отправиться на фронт и Яков Смирнов, однако советское консульство в Харбине ответило ему отказом. И тогда он решил действовать на свой страх и риск. Бывший резидент советской разведки в Маньчжурии Меньшаков рассказывал, что с марта 1941 года по октябрь 1943-го он под фамилией Кузнецов работал секретарём в консульстве в Харбине... "До моего отъезда из Харбина Смирнов давал ценные разведывательные материалы о работе японской военной миссии... он хотел порвать отношения с японцами, но я отговорил его от этого поступка, а позднее рекомендовал ему принять предложение генерал-майора Дола занять должность командира 1-го отдельного русского кавалерийского отряда на станции Сунгари-2.

Выбор японцев был не случайным. Смирнов в конце 20-х – начале 30-х годов являлся начальником высшей школы белоэмигрантской организации "РОВС" и пользовался большим авторитетом у белоэмигрантской молодёжи. Я знал, что своё согласие на назначение командиром отряда "Асано" он объяснял в беседе с эмигрантами тем, что не желает отдавать воспитание молодёжи предателям русского дела, а хочет воспитывать её в патриотическом духе. Кроме того, Смирнов заявлял, что в случае возникновения каких-либо чрезвычайных событий его отряд сыграет большую роль в борьбе против японцев". Так оно и случилось. ...в русском отряде "Асано" насчитывалось около 500 человек. Они обучались и воспитывались по уставам старой русской армии. 1 июля 1945 года приказом военного министра Маньчжоу Го отряд "Асано" был расформирован, а на сдачу оружия, имущества и документации отводилось три месяца.

Когда началась война Советского Союза с Японией, представители японской военной миссии предложили всем офицерам отряда выехать в специальном поезде на юг Китая, чтобы не попасть в советский плен. Командир отряда полковник Смирнов заявил, что желающие могут уехать, а он останется, дожждётся прихода русских, сдаст им всё военное хозяйство и "подчинится воле советского командования". Его решение поддержали все 22 офицера и 10 младших командиров. Далее документы свидетельствуют: "15 августа, за три дня до прибытия в Харбин советских войск, наш отряд, усиленный добровольцами из русских эмигрантов, воспользовался хаосом, царившим среди японцев, и разоружил их караулы. У нас потерь не было, только раненные. Всё последующее время, вплоть до нашего задержания 26 августа, мы охраняли два больших (около километра каждый) железнодорожных моста через Сунгари, обеспечивая непрерывную переброску советских войск в Порт-Артур..." 26 августа 1945 года, когда надобность в помощи эмигрантов отпала, Смирнов и другие офицеры

русского отряда "Асано" были арестованы сотрудниками отдела контрразведки СМЕРШ Амурской речной флотилии. Их доставили в Хабаровск и после непродолжительного следствия осудили: каждому определили 15 лет лагерей. Их, граждан государства Маньчжоу Го, оккупированного Японией, обвинили в измене Родине – СССР. А ведь по своему правовому положению именно этого они никак не могли совершить. К тому же отряд "Асано" входил в состав маньчжурской армии. Впрочем, кого тогда заботили эти юридические тонкости, если император Маньчжоу Го Пу И без суда томился в советских и китайских тюрьмах свыше 20 лет? Яков Смирнов отбыл в Озерлаге "от звонка до звонка", а потом на положении сыльного работал пилюрамщиком в леспромхозе Васильево, что в Татарии. Все обращения одинокого, пожилого и больного русского офицера к правительству о помиловании и предоставления ему советского гражданства остались без ответа, несмотря на то, что его сотрудничество с советской разведкой и участие в боевых действиях против японских войск документально подтверждались. Так и умер русский полковник в нищете и в забвении в не признавшей его своим гражданином стране" (РК, № 2, 1995).

74

Э.П.Молчанов. На тропах Маньчжурии.

Статья о трёх лицах на фотографии из семейного альбома уральского шахматиста Алексея Андреевича Костина. На снимке 30-х годов – Николай Константинович Рерих, его младший брат Владимир и Анатолий Костин, путешествовавшие в центрально-азиатских бескрайностях в поисках материальных следов древней цивилизации. Участие в экспедиции с Рерихами сказалось трагически на судьбе Анатолия Андреевича Костина.

"Анатолий родился в Омске в 1912 году в семье железнодорожного служащего, позднее работавшего на КВЖД в Харбине. Родители разошлись в начале двадцатых годов, и оба брата воспитывались матерью и отчимом Борисом Антоновичем Стржешевским, которые приложили немало сил, чтобы дать братьям хорошее образование. После окончания одной из лучших харбинских гимназий (ХСМЛ) Анатолий закончил институт Ориентальных и коммерческих наук. Будучи большим любителем и ценителем природы, Анатолий вступил в общество изучения Маньчжурского края. Экспедиционно-изыскательские работы на станциях Ашихэ, Эрцынцзянцзы, Маозршань, Барим и других зарекомендовали его в качестве способного ботаника, зоолога и энтомолога, а большое трудолюбие и тяга к общественной работе проложили ему путь в Правление общества. Статьи Анатолия Андреевича о флоре и фауне маньчжурского края неоднократно печатались в местной научной периодике. Правление общества, очевидно, рекомендовало Н.К.Рериху пригласить в экспедицию молодого дисциплинированного учёного. Однако маршруты исследований (официальная тема экспедиции – изучение и сбор засухоустойчивых трав – была выдана министерством сельского хозяйства США) вызвали

подозрения у японцев, которые были полновластными хозяевами края, так называемого государства Маньчжоу-Ди-Го, и работы экспедиции были досрочно прекращены. Н.К.Рерих возвратился на берега реки Биас к подножию Гималаев, где продолжалась его творческая и научная деятельность. Судьба же его молодого прилежного сотрудника имела далеко не во всём благополучное продолжение. Он остался в Маньчжурии, долгое время не имел постоянной работы. Наконец устроился бухгалтером-экономистом в известной на Дальнем Востоке фирме – "Торговый дом И.Я.Чурин и Ко." В годы второй мировой войны Анатолий Андреевич вместе с младшим братом, переехавшим в Шанхай, вступили в члены "Союза возвращения на Родину". После разгрома Советской Армией Квантунской группировки японских войск и освобождения Маньчжурии от японцев – возвращение на Родину состоялось, однако для старшего из братьев Костиных не так, как он предполагал.

Одну пятилетку пришлось ему отбухать "на ударных северных стройках Ивдельлага". В этих обстоятельствах, возможно, некоторую печальную роль сыграли и фотографии, о которых наш рассказ. Они могли сыграть роль некоего доказательства "в деле" Анатолия Андреевича Костина. Ну как же, налицо сотрудничество с офицером-эмигрантом, общение с безродным космополитом-художником, которого даже позднее, в годы, когда автор этого очерка учился в Уральском государственном университете, клеймили на лекциях как непротивленца-мистика и твердолобого буддиста.

Вряд ли могли простить вдохновители разного рода "великих переломов" то, что писал Н.К.Рерих в 1937 году: "Напрасно невежды будут утверждать, что мир Толстого и Тагора утопичен. Трижды неправда. Какая же утопия в том, что не нужно убивать и разрушать? Какая же утопия в том, что нужно знать и напитывать всё окружающее просвещением? Ведь это вовсе не утопия, но сама реальность. Если в отдельных притушенных искрах не проникал бы в потёмки земной жизни свет красоты, то и вообще жизнь земная была бы немислима".

В 1954 году Анатолий Андреевич был полностью реабилитирован. Осмотревшись, махнул рукой на большие города и переехал в Хакассию, в маленький городок Абаза. По уверениям его младшего брата, ездившего к нему, Абаза своей природой и расположением напоминает хорошо известный многим харбинцам Барим. Здесь он прожил ещё долгие годы, отдавая много времени и труда разведённому им большому фруктовому саду. Но не удалось этому талантливому, трудолюбивому русскому человеку, так удачно начавшему научную карьеру в Маньчжрии и в экспедиции Н.К.Рериха, продолжить её на Родине" (РК, № 1, 1995).

75

М.Н.Савиных и К.В.Исаенко. Омский государственный архив.

"В судьбе Матковских, как в зеркале, отразилась история русской эмиграции". У генерала Матковского, Алексея Филипповича, было три

сына: Михаил (1904 г.), Анатолий (1905 г.) и Игорь (1912 г.). Сам генерал сгинул в пучине гражданской войны. Анатолий выбрался в Америку и забрал к себе мать, Лидию Алексеевну. Игорь после ХСМЛ закончил в Харбине Педагогический институт, был известным скаутом, работал секретарём Торгово-промышленной палаты, затем переселился в Тоогенский район. В 1945 году арестован, но через 11 месяцев выпустили, и он возвращается в Харбин. В 1955 году репатриация, отправился в Советский Союз. Более драматична судьба старшего брата. Михаил, закончив кадетский корпус во Владивостоке, весной 1921 года вернулся в Харбин и поступил в Харбинский политехнический институт, где "он проявил себя талантливым организатором Российской фашистской организации и в течение двадцати лет был правой рукой главы русского фашистского движения К.В.Родзаевского. С 1935 по 1945 гг. он служил в Управлении Северо-Маньчжурской железной дороги начальником Русского отдела и одновременно был начальником третьего (Регистрационного) отдела Бюро российских эмигрантов (БРЭМ). Михаил выступал свидетелем на суде над генералами Семёновым, Власьевским и другими, и сам был осуждён в 1945 году. Освободившись в 1956 году, уехал в Хабаровск, где работал инженером на одном из предприятий". "Между собой Михаил и Игорь поддерживали связь, но так и не встретились. Семья фактически распалась. Исторические потрясения 20-х, 30-х, 40-х, 50-х годов разметали её" (ОХ, № 9, 1998). Всё понятно?

76

Об авторах. "Попов Алексей Дмитриевич родился в г. Екатеринбурге в 1912 году. В 1919 году при приближении Красной Армии вся семья выехала из Екатеринбурга и после многих мытарств с беженской волной в 1920 году прибыла в г. Харбин. В 1929 году окончил гимназию имени А.С.Пушкина, модягоуское отделение. В 1936 году переехал в Шанхай и уже оттуда в 1947 году со второй партией репатриантов приехал в родной город, тогда это был Свердловск. С 1949 по 1954 год побывал в ГУЛАГе. В 1963 году окончил радиофакультет УПИ" (РК. № 2, 1996).

77

"Белокрылов Иван Васильевич родился в 1922 году в г. Маньчжурия. Получил среднее образование в хайларской школе. С 1942 по 1944 год работал в Драгоценке (Трёхречье) счетоводом в японской конторе. С 1944 года по август 1945 года был в Хайларском русском воинском отряде. С 1945 года работал на КЧЖД в качестве бухгалтера, затем поездным диспетчером. С октября 1949 по 1956 год находился в Степлагере (Джезказган). Освободили и реабилитировали в июле 1956 года. С 1957 года в течение 30 лет работал заведующим бутафорским цехом. Ушёл на пенсию в 1983 году" (РК, № 2, 1996).

78

Галина Яковлева (Воробьева) из Саратова: (НСМ, № 82).

"С удовольствием прочитала роман Евгения Орлова "Дым отечества", тем более что многие события, описанные в нём, проходили на моей родине в г. Маньчжурия. Книга читается легко, написана познавательно, доходчиво, хорошим русским языком. Красная нить романа – геноцид русских, живших в Китае. В СССР с 1937 года репатрианты с КВЖД бесследно "терялись" в лагерях ГУЛАГа, следом, в 1943 г., русских патриотов в Китае уничтожала японская жандармерия, а в 1945 году СМЕРШ "подмёл" и старых, и молодых мужчин и переселил их на те же "островки" архипелага"

79

Эдгар Каттай. До 45-го – всё отлично, потом – всё плохо! Так ли это?

"И вот наступил переломный момент в нашей жизни – август 1945 года. Да, на нас обрушился шквал жесточайших необоснованных массовых репрессий. Хватали днём и ночью, дома, на работе и на улице. Сажали "виновных за дело, а невиновных – чтоб впредь nepовaдно было". Подавляющее большинство уцелевших мучеников ГУЛАГа было реабилитировано. А сколько не выжило – кто знает точные цифры?" (НСМ, № 31).

80

Марианна Никифоровна Белинская (Караганда): (НСМ, №82).

"По Караганде, в которой я живу с 1954 года (мы приехали к папе, уже освободившемуся по ст. 58-10), путешествуют наши газетки НСМ"

81

София Карякина (г. Балаково Саратовской обл.):

"В Харбине, по Большому проспекту, за Управлением дороги, стояло красное здание бывшего Коммерческого училища. Одно время там была школа для молодёжи, основанная японцами. В 1945 году всех, кто там учился, забрали. Знаю двоих – это Галя Подкованцева, которой, к сожалению, уже нет в живых, и Саша Сальянский, сын диакона Сальянского, который служил в Св.-Алексеевской церкви в Модягоу. Хочу надеяться, что кто-то может рассказать об этой школе и судьбах её учеников" (НСМ №84).

82

Из поздравлений. Честь и слава юбилярам! Прекрасной художнице и уроженке Харбина В.Е.Кузнецовой-Кичигиной, живущей ныне в Ярославле, в 1993 году исполнилось 85 лет. Тогда Елена Таскина поздравила мастера со знаменательной датой жизни. "Вера Емельяновна, стройная и бодрая, несмотря на свои годы, живо и образно рассказывала о себе и о М.А.Кичигине. В 1929 году они покинули Харбин, жили в Шанхае, много путешествовали по Китаю, писали море в Циндао, горы Ляошаня, каналы Кантона. "Китай – страна сказочной красоты, – вспоминает Вера Емельяновна. – Там поразительное освещение, буквально преображающее природу. Всё напоено, пронизано солнцем, отчего кажется почти прозрачным...Впоследствии я много путешествовала, но нигде не видела такого удивительного неба". В Пекине Кичигины с увлечением писали

дворцы и храмы. Вера Емельяновна, тогда начинающий художник, работала в основном акварелью. Кстати, как я выяснила уже после нашей встречи, её акварели на первой же большой выставке в Шанхае получили высокую оценку. Критики отметили несомненное чувство колорита у молодой художницы. "Её солнце светит, её воздух прозрачен", – отмечал в 1931 году шанхайский литературно-художественный журнал "Понеделник". В 30-е годы художники ездили не только по Китаю, но бывали в Корее, два раза в Японии. Многие картины и рисунки их были проданы и ныне находятся в частных зарубежных коллекциях. Но основная их часть всё же, к счастью, попала на Родину – они привели их с собой в 1947 году. Непросто сложилась судьба супругов в СССР в первые годы: В.Е.Кузнецова-Кичигина была репрессирована... Невольно думалось во время беседы с ней – сколько же пришлось пережить этой маленькой, хрупкой на вид женщине! Вот и сейчас, несмотря на то, что были прекрасные десятилетия творчества, прошли персональные выставки, получено признание, ей нелегко в свои 85 лет. Главная причина – сдаёт зрение. Но всё же творческий огонь не затухает, а силе духа просто можно позавидовать. Здоровья и долгих лет жизни Вам, дорогая Вера Емельяновна!" (Хрб., № 5).

83

"Владимиру Илларионовичу Берднику исполнилось 80 лет. Владимир Илларионович был в Харбине инструктором по военной подготовке в русских высших и средних учебных заведениях, в том числе СМУ, ХСМЛ, Лицее Св. Николая, Коммерческом училище и Правительственной гимназии с 1941 по 1945 гг. В ноябре 1945 г. арестован СМЕРШем и вывезен на Северный Урал, где его приговорили к 15 годам советских лагерей на Северураллаге (ст. Верхотурье). В 1947 г. вместе с другими маньчжурцами этапировали в Сибирь на строительство БАМа, и до 1956 г. он находился в разных подразделениях Озерлага. В 1956 г. освобождён и реабилитирован.

В одном из писем прошлых лет юбиляр писал: "Сказывается лагерная рабская работа и унижения, голод, холод и пр. Потерял слух, на один глаз ослеп, ноги отказывают и болят, но держусь и надеюсь ещё дожить до своих 80 лет". И вот – это событие наступило. Мы сердечно поздравляем Владимира Илларионовича с таким знаменательным юбилеем и желаем ему здоровья, крепости и стойкости, несмотря ни на что" (НСМ, № 55).

84

Пётр Фиалковский (Новосибирск). Л.П.Маркизову – 80!

"Жизненный путь Леонида Павловича не был усыпан розами. В 1918 – 45 годах он сперва проживал в Харбине, окончил ХПИ, потом несколько лет жизни в Шанхае и – снова Харбин. Здесь в октябре 1945 года Леонид Павлович был совершенно необоснованно репрессирован и прошёл последовательно через подвал б. японского генконсульства в Харбине, тюрьму на Пристани, Уссурийск, Тавду Свердловской области, п. Ярцево Архангельской области и, наконец, Речлаг в Воркуте. Был освобождён лишь в 1954 году, а в 1957-м полностью реабилитирован. Через открытку

Красного Креста он сумел в 1954 году разыскать свою жену Нину Яковлевну с сыновьями в совхозе "Бузулукский" Чкаловской области..." (НСМ, № 45).

85

Евгения Гуляева (Шешминцева) (г. Челябинск). Судьба.

Елене Константиновне Григорьевой – 90! Дорогая Елена Константиновна! Сердечно поздравляем Вас со столь знаменательным юбилеем и желаем Вам бодрости, стойкости, хорошего настроения и душевной молодости! Земляки.

"Они интересовались литературой, читали Маяковского, Есенина, ходили на музыкальные вечера, были завсегдатаями "Чураевки" – объединения, где жили творческой жизнью интеллектуальные круги русских людей. Все вместе зимой ездили кататься на горку, летом купаться на Сунгари, ходили к Филиппову за пирожками, придумывали игры, под Новый год – гадания. Здесь она и познакомилась со своим будущим мужем, Юрием Александровичем Григорьевым. В 1932 году он окончил электромеханический факультет Харбинского политехнического института, стал преподавать в ХСМЛ физику, математику, черчение и вести бухгалтерию на английском языке. Елена Константиновна в ту пору работала заведующей музыкальным отделом фирмы "Чурин". Они поженились в 1936 году. Их духовная близость, умение отдавать любимому человеку свои мысли, чувства в своё время сделали этот брак счастливым. Елене Константиновне казалось, что выпала ей счастливая судьба – хороший муж, подрастает дочь, есть возможность общаться с природой, выезжая летом семьёй к родителям в Чжалантунь. Наступил для всех незабываемый 1945 год, незабываемый и для семьи Григорьевых – и из-за всплеска радостных встреч с Красной армией, и из-за событий, которые развернулись в их семье. Тем летом её отправили вместе с бабушкой отдыхать в Чжалантунь. 22 августа Юрий Александрович как представитель Союза российских инженеров отправился на встречу с новым начальством. Оттуда он не вернулся" (НСМ, № 64).

86

Нина Китунина. (Харбин). Новости из Харбина.

"28 мая 2000 года исполнилось 90 лет старейшей из российских граждан жительнице Харбина – Евфросинье Андреевне Никифоровой. Женившись, один из братьев перед войной поступил в охранную полицию на маленькой станции при железной дороге: там можно было заработать на самостоятельную жизнь. В 45-м Володю отправили в ГУЛАГ" (НСМ, № 78).

87

Раисе Алексеевне Кашинской – 90.

"Уроженка Харбина, окончившая гимназию Оксаковской, Раиса Алексеевна в конце тридцатых переехала в Шанхай, откуда вместе с мужем, Даниилом Александровичем, в 1947 году прибыла морем в Находку. Сразу

же, как и полагалось в те времена, их отправили на лесоповал. После освобождения – Ашхабад и, наконец, солнечный Севастополь. Там и живёт наша именинница до сих пор, но уже одна – мужа похоронила на севастопольском кладбище... Пожелаем Раисе Алексеевне доброго здоровья и неувядающей душевной молодости" (НСМ, № 79).

88

14 декабря 1998 года К.М.Давыденко исполнилось 75 лет.

"Родился Кирилл Михайлович в Харбине в 1923 году. Отец его, Михаил Никифорович (1877 г.р.), ушёл на военную службу с Украины, участвовал в русско-японской войне, а с 1904 года осел в Харбине...

К.М.Давыденко окончил в Харбине городскую семилетку (т.е. начальное и вышеначальное училища). Через два года стал учеником слесаря находящегося на Раздельной улице в Модяоу частного гаража Александра Александровича Баженова, где ремонтировал легковые машины. В 1941 году сдал экзамен на шофёра и работал на такси. После армейской службы поступил мотористом дизельных двигателей на авторемонтный завод за старым Харбином, затем был переведен механиком по каткам на территории гражданского аэродрома. В 1945 году советская администрация в Харбине мобилизовала всех, кто имел воинскую подготовку, на охрану объектов от разграбления и мародёрства. Все мобилизованные с этим успешно справились до прихода Красной Армии, сдав ей все охраняемые объекты. Всех механизаторов армейское командование направило в воинский автобат с трофейными грузовиками на подвоз трофейной техники и продовольствия к железнодорожной станции, а также к сугарийской пристани в Фудзяне для последующей отправки в СССР.

В 1946 году, после ухода Красной Армии, К.М.Давыденко работал в Харбинском отделении управления "Дальвнештранс – возил на студебеккере закупленное Советским Союзом зерно. После этого продолжил работу водителем автобуса в автобазе, находящейся в Фудзяне, но с управлением на Участковой улице Пристани. И здесь случилось трагическое событие в его жизни. 7 июня 1948 года утром, по дороге на работу, его похитили и поместили в здании управления Департамента общественной безопасности на Пристани, а через 10 дней отправили к границе, где передали советским властям. 20 июня его привезли в Читу, поместив в одиночную камеру. Быстро сфабриковали дело, и 12 июля 1948 года был выписан ордер на его арест, причём узнал он об этом уже после реабилитации. 20 сентября 1948 года был осуждён Военным трибуналом Забайкальского военного округа за шпионаж по ст. 58, п.6, ч. 1 на 25 лет лишения свободы с отбыванием срока в исправительно-трудовых лагерях. Скитался по этапам, пересылкам и лагерям 6 лет и 7 месяцев. Работал на меднорудных шахтах под Джезказганом в каменоломнях Карлага. Дошёл до стадии дистрофика, из-за чего был списан и перемещён в лагерь для смертников под Карагандой, в пос. Спасском, но

... выжил. Спасли его электрики, обслуживавшие лагерь. После перекомиссовки этапировали в посёлки Ольжерас и Междуречье Кемеровской области на стройку обогатительного комбината, затем под Омск на стройку НПЗ и ДК. Судимость сняли в декабре 1954 года и освободили в день праздника Рождества Христова – 7 января 1955 года. Обрато в Харбин его ехать не пустили, уговаривали ехать на целинные земли. Поехать в Новороссийск к дочери ему не разрешили. Тогда по совету старого каптёра он направился на Кубань, в Краснодар... Дети и внуки". (НСМ, № 67).

И в 1948 году харбинцев продолжают "забирать". И позднее тоже. Пока дышит Людоёдище "всех времён и народов". Культ питается суесловием и ложью, страхом и жертвоприношениями. Надо дожить до оттепели.

89

"Виталию Николаевичу Скрябину – 80!

Дорогой Виталий Николаевич! Земляки и друзья сердечно поздравляют Вас с юбилейной датой и желают Вам крепкого здоровья, бодрости и стойкости духа! Родом Виталий Николаевич – из Благовещенска. В 1931 году с родителями оказался в Харбине, где окончил гимназию, поступил в СМУ. В декабре 1943 г. получил диплом, был принят в аспирантуру и по совместительству работал на мукомольном заводе. В августе 45-го, когда в городе стали мародёрствовать китайцы, Виталий в числе прочих харбинских добровольцев охранял сахарный завод, за что был награждён медалью "За отвагу". Однако вскоре его "увезли", и началась мучительная каторга сталинских лагерей длиной в 11 лет. Лесоповал, баланда, травля собаками, бесчеловечность конвоя, издевательства и номер на спине И-701. Реабилитировали только в 1956 году. "Осуждён необоснованно. Считать несудимым". Живёт в районе "Осиновка" г. Братска (ул. Томская, 7, кв. 1). В последнем письме в редакцию пишет: "При всех моих мытарствах и катаклизмах дотянул до этого возраста. Поседел. Болею же здорово – сердце, ноги. Даже письма писать тяжело. Газеты и телевидение просят написать книгу воспоминаний. Часто выступаю в православной гимназии, в школах города перед учителями и родителями. В национально-патриотическом духе выпустил дневник, которым обеспечил всю гимназию" (НСМ, № 87).

90

Печальны строчки некрологов "14 декабря 1994 года в Вихоревке Иркутской области после тяжёлой и продолжительной болезни скончался человек, имя которого, наверное, было известно всем харбинцам – Владимир Павлович Абламский. Знали его как спортсмена, главным образом как фигуриста, чемпиона Харбина по фигурному катанию, и, конечно же, как замечательного фотографа, чьи снимки украшали в своё время обложки и страницы харбинских журналов, а теперь бережно переснимаются всеми, кому дорог образ ушедшего "русского Харбина".

Владимир Павлович Абламский родился в 1911 году в Харбине. После окончания средней школы шесть лет учился в Бельгии, получив там высшее техническое образование. В Харбин вернулся, когда в Европе уже начал разгораться пожар второй мировой войны. Много и целенаправленно занимался спортом, так как в детстве был болезненным. Фотографии, как сам вспоминал, выучился самостоятельно, и она стала главной профессией его жизни. В 1945 году после прихода советской армии в Харбин был репрессирован и провёл 11 лет в системе Озерлага. После освобождения и реабилитации в 1956 году остался работать в Вихоревке, где и прожил до конца своих дней, оставаясь по-прежнему верным фотографии и спорту. Увы! Нелегко сложилась судьба этого человека, как и многих представителей харбинцев этого поколения. Сам В.Абламский писал об этом так: "Я повидал столько горя, столько смертей, столько невинных. Я верил в Бога, но и сейчас после всего пережитого верю! За все мои страдания Бог послал мне счастье". Мир и покой душе его! И.Мухин, Е.Кириллова" (НСМ № 17).

Мученики оставили автографы. Послания и зарубки памяти. То, о чём В.Абламский и др. писали друзьям о себе, их сдержанность и умолчание, – пронзительный крик души. Просыпаешься после кошмарного сна.

91

"6 февраля 1998 года в г. Бийске Алтайского края на 74 году жизни скончался наш земляк Андрей Георгиевич Авдеевнин. Он родился 30 октября 1923 года на ст. Платово-Александровская Платоновского района Приморского края. Родные привезли его в Китай в 9-месячном возрасте. Последнее время жил в Мулине. 28 сентября 1945 года был арестован, увезён в СССР и приговорён к семи годам лишения свободы. 27 августа 1952 года был освобождён и направлен в Норильск Красноярского края в распоряжение отдела УМГБ при Горлаге" (НСМ, № 51).

92

"16 февраля 1997 года на 71 году жизни скончался Николай Иванович Бабин. Родился Николай Иванович в Харбине в 1926 году. В шестилетнем возрасте с семьёй переехал в г. Дальний, где жил и учился до 1945 года. В 1945 году с приходом советской армии был репрессирован, осуждён впоследствии по 58 статье на 15 лет. В ГУЛАГе он пробыл 11 лет. После освобождения, в 1956 году, приехал в г. Уральск, где встретил своих близких – мать, сестру, отца. Был реабилитирован... Н. и А.Титовы" (НСМ, № 42).

Когда "взяли", ему девятнадцать. Осуждён на пятнадцать.

93

"21 марта 1997 года скончался наш земляк Иван Васильевич Белокрылов. Родился он 9 октября 1923 года в г. Маньчжурия в семье забайкальских казаков. Среднее образование получил в Русской школе г. Хайлара, учился на художника, работал на КВЖД поездным диспетчером. В августе 1949 года поехал из Хайлара в командировку в Читу, где прямо на

вокзале его встретили и "проводили" в МГБ, после чего осудили Особым совещанием на 25 лет лагерей по ст. 58, п.п. 1 и 6 ("связь с буржуазией"). В Хайларе осталась беременная жена, которая потеряла мужа на много лет. Как рассказывал покойный: "жена всё время не переставала искать меня. Перебралась с дочерью, родившейся без отца, в Россию. Я в это время кочевал по лагерям, не имея возможности послать весточку семье".

За семь лет лагерная пыль могла бы навсегда скрыть следы грубо разделённой семьи. Но есть, есть Высший Суд! Только в 1956 году, когда открылись ворота каторжных лагерей, Иван Васильевич встретился в Тюмени со своей женой и семилетней дочерью. Полностью реабилитированный, он работал художником-декоратором в Свердловском театре юного зрителя и в свободное время писал свои картины, картины-воспоминания. Сорок лет было отдано им искусству! И открывая в Екатеринбургском обществе "Мемориал" постоянная выставка произведений художника И.В.Белокрылова "Между прошлым и будущим" – это и память о нём самом, и предостережение будущим поколениям" (НСМ, №45).

94

"27 марта 1999 года в г.Херсоне на 81 году жизни после проведённой операции скончался Владимир Илларионович Бердник. Перестало биться сердце ещё одного земляка-харбинца.

Мы знали Владимира Илларионовича с 1943 года как инструктора по военной подготовке в харбинских школах, в том числе в Духовной Семинарии. Кроме того, многие из нас были участниками "жертвенных" работ и летнего лагеря школьников 9-10 классов в Тоогене в 1944 году. Именно тогда за 60 суток все участники убедились в его доброжелательном отношении к "молодым солдатам", в его честном исполнении своего долга, в правильном воспитании и становлении юношей... Однажды ночью во время учений "солдаты" второго взвода поймали громадного орла. Этот трофей был преподнесён любимому инструктору, Владимиру Илларионовичу, который, в свою очередь, подарил этого красавца семье ген. А.Кислицына.

В ноябре 1945 года В.И. был арестован СМЕРШем, вывезен на Северный Урал и приговорён к 15 годам лагерей. На фоне лагерного бесправия он выделялся своей нравственной чистотой, культурностью, твёрдостью характера. В результате тяжёлой травмы на лесоповале частично лишился слуха и зрения. После реабилитации в 1956 году жил в Пинске, а затем переехал к родным в Херсон. Несмотря на тяжёлые последствия рабства и унижений (почти полная инвалидность), был неиссякаемым оптимистом. Совсем недавно он отметил своё 80-летие..." (НСМ, № 64).

95

"1 марта 1996 года в г.Новозыбкове Брянской обл. после продолжительной болезни скончался Георгий Фёдорович Бордовский. Жил

и учился он в Харбине, выпускник мужской гимназии 1943 года. В дальнейшем жил и работал в г.Дальнем, а в 1945 году служил переводчиком с китайского и японского языков в контрразведке, за что в "благодарность" в 1948 году в качестве "врага народа" получил 25 лет заключения. Отбывал срок на Колыме, в Магаданской области. Освобождён в 1956 году досрочно и реабилитирован... Юлия Бухбиндер (Маненко)" (НСМ, № 32).

96

"7 августа 2000 года в Екатеринбурге ушёл из жизни Георгий Николаевич Виноградов. Это был человек с нелёгкой сложной судьбой, схожей с судьбами многих, прошедших через ГУЛАГ, но не опустивший голову и руки, сохранивший любовь ко всему окружающему... родился 11 ноября 1922 года. После окончания в 1939 году Реального училища работал в АО "И.Я.Чурин" сначала в Харбине, а потом в Чаньчуне, Мукдене и Дальнем. Начинал с конторщика, затем был коммерческим директором, директором пищевого комбината, в который входили водочный завод, кондитерская и колбасная фабрики, а потом стал начальником конъюнктурного отдела. В 1947 году женился на Валентине Александровне Ракиной, но семейное счастье оказалось недолгим – за месяц до рождения сына, в 1949-м, его арестовали, и он, став жертвой сталинских репрессий, прошёл лагеря Тайшета и Колымы. В 1956 году пришло освобождение и... встреча с семьёй в Свердловске. Несмотря на пережитое, не держал обиды на власть, считая, что он стал жертвой эпохи. Имея клеймо Колымы, трудно было прописаться в городе и, тем более, найти работу в то время ещё "врагу народа" (НСМ № 81).

97

"24 октября 1997 года в Магадане скончалась Элеонора Вильгельмовна Вьюнова (Паничкина). В 1942 году она окончила Колледж ХСМЛ (11 выпуск). В 1946 году была арестована и увезена в СССР. Призналась, что читала журнал "Рубеж", за что ей добавили статью 58-10, ч. 2 (антисоветская агитация в военное время). Так удивительно добрая, искренняя и жизнерадостная девушка попала в лагерь "Бутугычаг", пережила ужас сталинских лагерей. В газете "Магаданская правда" была статья об этом лагере – "Тайна уранового рудника", откуда не было возврата. Но она вернулась и осталась жить в Магадане после освобождения и реабилитации. Но здоровья уже не было... Мир её душе. Друзья" (НСМ, № 48).

98

"10 мая 1999 года на 82 году жизни в г. Бийске Алтайского края после третьего инсульта скончался наш земляк Виктор Николаевич Иванов. Он родился 23 октября 1917 года в Харбине. Окончил Пушкинскую гимназию, затем строительный факультет ХПИ. Работал на Гиринской линии КВЖД. В 1945 году арестован и приговорён к 10 годам..." (НСМ, № 66).

99

"В сентябре 1994 года умер Иванюта Николай Тихонович, мой брат. Он проживал в г. Ростове-на-Дону, в 1945 году был вывезен со станции Ханьдаохэцзы и находился в лагерях Урала до 1953 года" (Хрб., 1995, № 1).

100

"... мы, земляки-омичи, с глубокой болью сообщаем, что не стало среди нас Ивана Григорьевича Золотарёва, ушедшего из жизни 14 мая 2000 года после тяжёлой и продолжительной болезни. Иван Григорьевич родился в сентябре 1925 года. Детство и юность провёл в Харбине и на ст. Ханьдаохэцзы. В 1945 году жестокая судьба не спасла его от лагерей, где он отмутился до 1954 года. Но наш Ванечка, как мы его любовно называли, остался внешне и душевно красивым. После долгих испытаний состоялась его радостная встреча с родителями на ст. Вихоревка. Затем он переезжает в Омск, где работает токарем ... Вера Сабурова" (НСМ, № 77).

101

"20 января 2000 г. в пос. Рудничном Кемеровской обл. после третьего инсульта скончался Гавриил Никанорович Коршунов. Родился он 13 июня 1917 года в Бухте Св. Ольги в Приморском крае, жил с семьёй в г. Маньчжурия, на ст. Бухеду и в Харбине. В г. Маньчжурия учился в школе, где законоучителем и регентом хора был о. Павел Шияев. Тут Гаврюша был замечен как обладатель прекрасного голоса альты и был зачислен в "партию альтов". Затем – Харбин, где Гаврюша обучался в гимназии им. Достоевского и в институте Св. Владимира. Наша встреча и знакомство произошли в конце тридцатых годов в летнем школьном спортивном лагере на Зотовской протоке, где он работал спортивным инструктором, там же подвизался и я. По внешности Гавр был красивым, стройным, высоким и сильным физически юношей, остроумным в обращении. Таким он и запомнился мне с тех пор. Пройдя все круги советского ада в лагерях, он сумел сохраниться как человек. Никакая грязь не пристала к нему. Он оказался одним из тех немногих счастливицков, у которых сохранилась семья, несмотря на разлуку с женой в течение 11 лет. Последние годы жизни в посёлке Рудничном Гаврюша долго и тяжело болел, но не падал духом. В 1988 году ему была ампутирована нога выше колена. Он очень плохо видел, одолевали и материальные недостатки. И, наконец, эти инсульты, приведшие в конце концов к могиле. Поддерживала семейная дружба с женой, переписка с земляками, особенно с людьми одинаковой судьбы. Письма Гаврюши были остроумными, очень информативными. Некоторые из его статей опубликованы в НСМ (№№ 43, 55, 67), были перепечатаны в США в брошюре, изданной издательством журнала "Православная Русь".

Вдова покойного Ольга Васильевна (она на шесть лет младше мужа) пишет мне: "Скончался мой муж, друг и первая любовь. Прожили 58 лет в любви и дружбе, за вычетом тех ужасных одиннадцати лет разлуки. Но Бог сохранил его для нас". У покойного остался сын, два внука и два правнука, и все они живут на Чукотке. Сын работает на самой северной АЭС. Мир

праху твоему, дорогой Гаврюша, и вечная память в сердцах земляков. И.Н.Пасынков, г. Москва" (НСМ, № 72).

102

"22 декабря 1998 года в Сиднее скончался мой лучший друг с раннего детства Алексей Владимирович Светлов. Отец его, протоиерей Св.-Николаевского Собора, погиб в Озерлаге в апреле 1953 года. Умерший мой друг был образцом высоконравственного, умного, образованного и скромнейшего человека. В Сиднее у него остались жена и двое семейных детей. Вечная память и Вечный Покой, дорогой мой друг. И.Пасынков". (НСМ, № 63).

103

"13 ноября 1998 года в г. Ухте на 73 году жизни после продолжительной болезни скончался Константин Степанович Роттер. Родился Константин Степанович в 1926 году в Харбине, куда его отец приехал из Хабаровска, а мать – из Челябинска на строительство КВЖД. Константин окончил среднюю школу, два курса медицинского института, а в 1946 году его арестовали. Пришлось побывать в Алма-Ате, Магадане, Воркуте" (НСМ, № 61). Заметим, было Косте 20 лет, когда "взяли". И многим другим также.

104

"29 ноября 1995 года в г. Троицке (Московская обл.), не дожив 6 дней до 82 лет скончалась Татьяна Дмитриевна Рудина, жена одного из видных руководителей скаутского движения в Маньчжурии – скаутмастера Сильвестра Николаевича Рудина-Донченко" (НСМ, № 29).

Сильвестр Николаевич Рудин был одним из руководителей скаутского движения в Харбине (см. НСМ, № 13). "В 1947 году семья Рудиных, движимая благородным чувством возвращения на Родину и работой на её благо, приехала в Советский Союз. Жили они в Магнитогорске Челябинской области. Но в 1950 году С.Н.Рудин незаконно репрессирован и отправлен в Норильский концлагерь... Прошли долгие пять лет, и в мае 1955 года вернулся из лагерей С.Н.Рудин, полностью реабилитированный" (НСМ, № 30).

105

"6 января 1998 года в Ростове-на-Дону скончался Николай Дмитриевич Садовников. Родился он 29 апреля 1914 года. До 1946 года жил в Корее, на о. Тайвань, в Японии и Китае. В 1946 году выехал с семьёй из Чаньчуня переводчиком японского языка на о. Сахалин, а в 1952-м был арестован по ст. 58 УК РСФСР. В 1956 году освобождён и реабилитирован. Ушёл из жизни мой дорогой дядя Коля, а вместе с ним и воспоминания о пребывании в Японии и Чаньчуне... Екатерина Гальченко" (НСМ, №49).

106

Светлой памяти друга. "14 октября 1998 года в г. Жигулёвске на 74 году жизни скончался наш земляк Геннадий Георгиевич Фуранов. Гена родился в г. Дальнем. После школы не избежал отряда "Асано", и в 1945

году был репрессирован СМЕРШем – 10 лет пробыл в ГУЛАГе (в Воркуте). Также был забран и отец. В Дальнем осталась мать с двумя младшими сыновьями. Тяжело было, но наступил 1954 год. Они выехали на целину в Карагандинский совхоз. В 1955 году вся семья встретилась, а потом и Гену, и отца реабилитировали. Все стали работать. Местные жители их встретили недоверчиво, как каторжан-ссыльных. Гена это очень переживал, так как даже молодые от них отворачивались. Но тем не менее..." (НСМ, № 72).

107

"8 августа 2000 года в Новосибирске скончался Игорь Анатольевич Шереметьев. Родился он 15 сентября 1929 года в дер. Полтавка Приморского края, в младенческом возрасте был привезён родителями в Харбин. Детство было сложное – отец работал бухгалтером на лесозаготовках, и Игорю часто приходилось жить вдали от родителей. В 1945 году отец был арестован..." (НСМ, № 77). От имени погибших и выживших идут и идут к нам обращения ищущих хоть какой нити правды в этой суровой жизни. Поддержим земляков. Дело праведное.

Из приведённых газетных сообщений пора делать выводы. Эмигрантов и подданных иных стран забирали в Маньчжурии и увозили в Союз по непонятным "политическим" мотивам. И здесь не нужно доказывать, что эти акции советских властей, может, и обоснованны (манией, местью, злыми кознями и экономикой рабовладельческого строя), но уж никак не оправданны и полностью противозаконны. Довоенные, послевоенные и послевоенные аресты так и следует называть – злодейством власти. Сидит занозой в памяти каторжан. В воспоминаниях боль и след от травмы, рубец на сердце, свидетельство злодеяний бесов и разбоя их пособников. Никуда не уходит страшное прошлое. Как ни стараться забыть, возвращается, с бесчинствами и ужасами мучительной безысходности того ада...

109

"Наша общая судьба началась в ту осень рокового 1945 года, когда прибывшие вслед за армией оголтелые СМЕРШевцы всех фронтов устроили буквально охоту на людей, как бы соревнуясь друг с другом в количестве захваченных. Нас абсолютно незаконно арестовывали, необоснованно бросали в тюрьмы, затем в нечеловеческих условиях этапов разбросали по смертным "островам Архипелага ГУЛАГ", где каждый человек насильно превращался в отверженного раба – в существо небытия. И только в 47-м, будто спохватившись, нам "раздали сроки наказания" по постановлению "троек" и "ОСО" только за то, что мы родились и жили за границей. Нам удалось выжить в те страшные годы, но в смертельной схватке за жизнь, потеряв многих друзей-однополчан, и мы сами потеряли здоровье и жизненные силы, и потому каждый год полнится именами друзей наш "мартиролог".

40 лет назад нас признали необоснованно осуждёнными и даже "прописали" считать не судимыми. Мы обрели относительную свободу в

нашей далеко не свободной тогда стране, но клеймо прошлого мы всё же ощущали. Каждый из нас в горьких страницах биографии может вспомнить эпизоды загубленных лет молодости, жестоких испытаний голодом, холодом, варварских унижений и звериной ненависти. Каждый из нас в какое-то время, может быть, был на краю гибели, но находились люди, которые поддержали в трудную минуту, помогли сохранить жизнь". Это из заявления Ассоциации узников Озерлага по случаю 40-летия освобождения (НСМ, № 34). Многое раскрыто в преступных замыслах и деяниях советской власти. Хотя и не сразу, с опозданием. Немало сказано и объяснено, тоже спустя время. Однако вряд ли сумели мы все вполне осмыслить свершившееся. Тайна, прикрываясь мифами, прячется изошрённо.

110

Алина Захова (Яблонская) (Прага). Начало и конец польской колонии.

"Ничего удивительного, что когда в августе 1945 года Маньчжурию заняла Красная Армия, разгромив японские и маньчжурские войска, всё население танцевало и пело, радостно встречая бойцов советской армии. Однако недолго музыка играла! Когда всё человечество ликovalo и праздновало наступление мира после окончания страшной и жестокой войны, в Маньчжурии начались массовые аресты и вывоз в лагеря СССР десятков тысяч русских эмигрантов, проживших в Маньчжурии более 30 лет и давших жизнь новому русскому поколению. И те, родившиеся на китайской земле, тоже были вывезены, хотя и большинство из них всем сердцем хотели стать равноправными советскими гражданами.

Но и польским гражданам тоже досталось. Многих из них вывезли в ГУЛАГ, хотя и не в таком количестве, как русских. Впрочем, и по сей день никто не подсчитал вывезенных польских граждан. Мне лично известно 14 знакомых фамилий, кто-то утверждал, что их было более 20, другие насчитали ещё больше. Среди увезённых были двое синологов (один из них – бывший работник польского консульства), трое священников-униатов, несколько молодых женщин, а остальные – молодые мужчины"(НСМ, № 45).

Трое священников-униатов – то из числа моих учителей-воспитателей.

ЖАЛОБНАЯ КНИГА

1. Захват.

Католическая духовная миссия в Харбине основана в 1928 году. Учебные заведения при ней – лицей для мальчиков¹ и конвенты, гимназии для девочек, – просуществовали двадцать лет, сперва при старой китайской власти, с 1931 года под японской оккупацией. Летом 1945 года в Маньчжурию пришли советские. Вскоре они оставили город китайским товарищам. Миссионеры держались какое-то время, но в декабре 1948 года их арестовали китайцы и спешно переправили в Советский Союз. Там

¹ Лицей Св.Николая в г. Харбине (1929-1949). Редактор – Н.Бутвилло. (Сидней, 1997).

знали, как поступить с арестованными. Китайские коммунисты одним махом расправились с проводниками чуждой идеологии, искоренив у себя вредный элемент. И они не при чём: "Наша не знает, наша не касается". Продолжалась гражданская война в Китае. Чанкайшисты вытеснены к южным границам, ретируются на Тайвань. Через девять месяцев будет провозглашена КНР.

"В это время начал часто к нам заходить наш бывший ученик китаец Ли Го-дун, который двумя годами ранее был исключён из нашей школы. У меня постоянно сохранялось подозрение, не будет ли он нам мстить за своё исключение из Лицея? Ибо китайцы злопамятны чрезвычайно: китаец в этом отношении отвратителен, даже и за малую обиду – будь хоть обидчик у него ранее в наилучших приятелях, – он может чудовищно отомстить и через двадцать, и даже тридцать лет. Правда, наша неловкость в отношении Ли Го-дуна была исправлена: мальчик вырос, и с нами общения не прерывал. А теперь прямо лип к нам..."

Поздним вечером 22 декабря 1948 года в Лицей, на Старохарбинском шоссе, приехал отряд китайцев-оперативников. Собрали миссионеров, невинно прочли ордер на арест, надели наручники и, завязав глаза, повезли в тюрьму. В спешке не дали одеться. На утро полураздетых отправят прямехонько в Сибирь. Всё в глубокой тайне.

"Только теперь, после следствия, после тюрьмы и лагерей, я понимаю, для чего нам тогда читали ту непотребную бумагу. У коммунистов есть такая принятая практика: делать все будто бы легально, хотя на деле всё вершится только формально. И в тот вечер китайцы могли бы нам растолковать всё понятно, о чём они ведут речь, так как среди них был упомянутый выше наш бывший ученик Ли Го-дун, который говорил по-русски довольно неплохо, но он прятался, чтобы его не заметили, а самой милиции нужно было только зачитать "документ"; и совершенно не нужно было, чтобы мы его поняли".

В руках у новой власти семёрка странных мужей, не первой молодости, измученных холодом и бессонницей, насмерть испуганных. Приказ доставить по назначению. До пограничной станции Маньчжурия пленников везут в товарном вагоне. В пути день, ночь и тянется долгое утро. Декабрьский мороз до костей, и не до сна. Везут в никуда.

"Конвойные стали пускать нас поодиночке по нужде, снимали на это время с нас наручники, однако при том кричали: "Скорей, скорей!", но в этот момент нервы отказали. "По малому" у меня не пошло, а китаец сзади кричал: "Твоя скорей!". У меня же полная забастовка. Все наши перепугались, и китайцы то же самое. Им нужно было всех нас отвезти до границы целыми и невредимыми и получить за свой "живой товар" "цена" – гроши. Выпави хоть один из нас в дороге из общего состава, так была бы непременно разборка и особая ответственность конвою. Я сам испугался более других, потому что здесь не было ни доктора, ни лекарства. Стою жду... Прошло, может, минут пятнадцать. И вот когда конвой перестал орать и я чуть успокоился, так и беда моя постепенно прошла. Зато потом конвой не надел на меня наручники. Когда же после обеда они захотели мне снова их надеть, я, играя на своём здоровье, начал кричать и сопротивляться, и китайцы махнули на меня рукой; далее я ехал раскованным. Ибо в Китае такой порядок: кто громче кричит – тот имеет больше шансов и в суде, и в торговле на базаре. Так и я кричал:

– Пу ё! Моя больной, твоя ма ман ди!

Теперь уже я мог свободно запахивать свою одежду, греть руки и растирать уши, а также помогать скованным товарищам".

В любом государстве, раз есть тюрьма с надзирателями и охранниками, полиция и армия, есть и ограничения свободы, в той или иной мере насилие над личностью. Стиль гражданского поведения зависит от традиции, страны и времени. На Востоке, у китайцев, собственный исторический опыт государственного управления и подавления смуты. Никаких послаблений преступникам, к врагам нет жалости. Сила и настойчивость власти – для усмирения бунта и перевоспитания. Все средства годятся, было бы чем стрелять. Жизнь учит человека приспосабливаться и сопротивляться давлению со стороны насильников всех мастей, захватчиков и повелителей, склонных к самочинству, беззаконию и демагогии. Слабый старик, как может, отстаивает природные права и противится диктату. Методом проб и ошибок отец Иосиф ищет возможности и пути выживания.

"Мне представляется теперь, что будь мы тогда похрабрее, мы могли бы у китайцев выторговать больше свободы, но в ту пору, в самом начале нашей неволи, мы боялись всего, а может, – в чём теперь стыдно признаться, – мы тогда боялись ... смерти?".

Передавая добычу советской стороне, конвоиры за доставку товара получили что-то. Правда, старались и рассчитывали на большее. Иосиф Германович и тут хочет быть справедливым к хозяевам страны, выдворившим их раздетыми и разутыми, имущество немалое оставив себе.

"Я должен тут лояльно отметить: в пути китайцы не делали ничего, чтобы над нами поиздеваться. Они были люди неграмотные и дисциплинированные революционеры; а всё то, что мы от них перетерпели, вытекало из их чрезмерной осторожности и зловредной старательности, а во многом и из нашей неразумной покорности".

Социальные роли да национальный характер как-то причудливо уживаются и проявляются в человеке. Китаец, очевидно, останется китаец, будь он хунхузом или мандарином, его не спутать с японцем или корейцем. У тех свои причуды. Взять социализм: в Китае выдался блюдом с восточными специями и пряностями. Национальная кухня и вкус неповторимы. Пожалуй, в остальном то же. Каждый народ по-своему понимает, оценивает, обращается с преступниками, противниками, с союзниками, единоверцами и др. На свой манер живут, работают, строят, воюют восточные соседи. Иные традиции и обряды, иначе судят, наказывают, учат, исправляются. Другой режим и порядок в колониях и тюрьмах. Чужие нравы не воспринимаются и не переносятся. Слишком непонятно и упрямо кодирующее устройство, часть души. Сословные предрассудки и обычаи, нравственные ценности, самосознание, стиль поведения, манеры, навыки и привычки в общечитии, семейном обиходе, социальной среде, делопроизводстве, политике, на службе, в учёбе, в торговле, во всех сферах общения – всюду своя культура. Восток и Запад. "Не будем говорить об этом вообще, скажем лишь осторожно, что в Азии люди д у м а ю т не так, как в Европе, хотят иного, чем в Европе. И возможно, конечно, что за пять, шесть тысяч лет культуры и размышлений в

этом направлении азийцы кое-чего и достигли"¹. Это слова нашего евразийца.

2. Жертва вечерняя.

Нам не узнать, кем и как замышлялась и разрабатывалась операция захвата. Останется тайной и не раскроются первоисточник и движущие силы малой интервенции и интернирования. Хотя легко догадаться, кому более всех мешали монахи и проводники католической веры, бельмо на глазу, кто был заинтересован в удушении их деятельности в Маньчжурии. Заказчика тёмного дела, может, надо искать на Лубянке, не терпящей богословской мистики. Не замедлит обнаружиться и проявится московский след. Как ни хотелось товарищам выглядеть солидно, торчат красные уши, не отмыться.

Пора знакомиться с жертвой террора – с захваченными священниками и преподавателями Лицея Св. Николая. Без них, как опоры здания, рушится всё сооружение миссии. Церковная институция не живёт без настоятелей и подвижников, школа – без учителя. Кто эти самоотверженные основатели и деятели, несшие бремя воспитания детей в интернатах?

В числе страдальцев в первую голову назовём по чину Архимандрита Андрея Цикото, 49 лет. Родился 5 декабря 1891 года в Свянцянском уезде. С 1909 года учился в семинарии в Вильне, по окончании в 1913 году послан на учёбу в Петербург, в Духовную Академию, окончил в 1917 году. В 1920 году вступил в общину марианцев. В 1923 году основал монастырь в Друе Виленского воеводства. В 1933-1939 годах – Генерал Ордена Марианцев в Риме. С 1939 года до ареста Апостольский администратор Маньчжурии (Ординарий), Глава Миссии восточного обряда и директор Лицея Св. Николая в Харбине². Скончался Архимандрит Андрей 11 февраля 1952 года в лагерной больнице № 38 на линии Тайшет – Братск – Заярск. Хотели использовать его в провокации, обещая поставить первым белорусским митрополитом, прельщали саном и положением. Искушали бесы. Высокие чины (погоны полковничьи и генеральские) делали сомнительные предложения, обещали Минск и высокое восхождение вместо каторжных работ. Только немножечко подсадная утка. Архимандрит Андрей отверг сговор, не предал Христа. Предпочёл крестный путь за веру, свою Галгофу. Божий человек, праведник и мученик, принёс себя в жертву. Вечная память!

Второй узник – иеромонах Иосиф Германович. Родился 4 марта 1890 года в Гальпаны Виленской губернии. Учился в Виленской духовной семинарии вместе с Андреем Цикото. Вступил в общину марианцев 15 августа 1924 года. Некоторое время был магистром и наставником в Друевской гимназии. В 1932 году выехал в Харбин на работу в католическую миссию. В 1936 году вернулся в Европу на лечение. В это время был префектом Студии друевских клериков. В 1938 году польским

¹ Вc.Н.Иванов. Из неопубликованного.- Л., 1991, с. 58.

² На этом посту он преемник Архимандрита Фавиана Абрантовича, который на пути из Рима, через Варшаву и Вильно, в районе Львова попал в руки НКВД и сгинул навеки. Таинственная история.

правительством выслан из Вильно. После этого через Рим повторно вызван в Маньчжурию. В Харбине работал воспитателем в интернате при Лицее, затем вице-директором и заместителем Администратора.

Третий невольник – иеромонах Фома Подзява, 1906 года рождения. Родился в Пярхулева Друевского прихода, в Виленской губернии. В 1926 году вступил в орден Марианцев в белорусском монастыре в Друе. В 1929 году окончил гимназию Степана Батория в Друе и поступил в университет "Григорианум" в Риме. В 1934 году рукоположен в сан священника. По окончании университета в 1935 году получает звание доктора богословия и философии. В том же году приехал в Харбин. Работает в Лицее Св. Николая преподавателем, воспитателем и префектом, или духовником, а также в Конvente Сестёр Ордена урсулинок (гимназия для девушек). Преподавал Закон Божий, логику и историю Церкви. Сотрудничал в журнале "Католический вестник", вёл рубрику "Записки христианской социологии". Как видим, все трое белорусы, связаны месторождением и официально были польскими гражданами.

Вместе с отцами марианцами, монахами, арестованы два священника белого духовенства. Иерей о. Павел Шалей, француз по национальности и французский подданный, в качестве посланника Восточной Конгрегации пребывал при Лицее с 1939 года. В старших классах преподавал этику и апологетику. Французский скаут-мастер, основал и возглавлял в Лицее скаутскую организацию, по французскому образцу организовывал скаутские игры, спортивные походы. Иерей о. Павел Портнягин, русский, с 1930 года преподавал в Лицее русскую литературу и язык, будучи ещё светским человеком. В 1932 году поехал учиться на священника в Рим, затем в Чехословакию, где в г. Пряшове окончил Духовную семинарию и рукоположен в сан священника. Получив богословское образование, в конце 1937 года вернулся в Лицей на преподавательскую должность. Был редактором журнала "Католический вестник", издававшегося в Харбине с 1931 года. Помимо русской словесности, преподавал диалектику в последние годы.

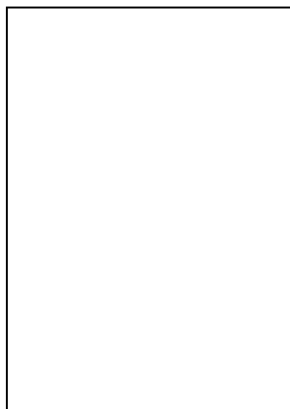
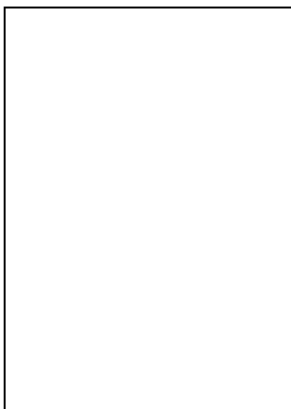
Заодно с монахами и священниками забраны ведущие преподаватели. Власов фон Вальденберг, Виктор Всеволодович, русский, историк и ответственный секретарь Лицея, автор учебника "История России" (1931 год), по которому занимались лицеисты. Был инвалидом войны. И Марчишин, Пётр Дмитриевич, преподаватель математики. Оба католики восточного обряда.

3. Азийская пасть.

Не могу молчать, не хочу, не должен. Какое-то наваждение. Господи, избави мя от лукавого! От бесчувственности оцепенения после удушения и лагерного срока спасает молитвенное бдение. Станешь вольным, вернётся дар слова, придёт просторечие и вновь можешь свободно дышать и жить. Преодоление рабства в себе достигается не всеми. Что делать, траву можно вконец вытоптать сапогами. Бог не дал растениям мужества. У травяного

покрытия и поля своё назначение: корм, подстилка, удобрение. И простор радует взор. Человеку же свыше определён характер, по образу и подобию. Александр Солженицын, Варлам Шаламов, Юрий Краснопевцев, Тамара Петкевич и др. не смирились с унижением и рабством, зовут к чести и достоинству. Отвечая ожиданию и следуя заповеди, выправиться в свой рост. Уператься и противиться злу. И ещё один упорный просветитель пережил тюрьму и ссылку. Знает дело досконально и самодостаточен.

Перед нами редкое издание: **И. Германович. Китай, Сибирь, Москва.** Мюнхен, 1962. Перевод с белорусского. – Мельбурн, 1997 – 342 с.

Автор – иеромонах Иосиф из Марианского Ордена, восточной католической церкви. В названии книги топонимы, краеведческие знаки. Но нет, не географический жанр и не путевые заметки. На второй обложке значится, что "Воспоминания". Уточнение, конечно, условно. Сколько угодно спорьте, кажется, что документ свидетельства. В основе повествования происшествие. Произошло ЧП, бедствие, и нужно разобраться и понять крушение. Не катастрофа, не конец истории, пока церковь продолжается. Оставшиеся в живых могут рассказать, что в самом деле было там с ними и вокруг. Кому же знать подробности случившегося, все обстоятельства разорения католической миссии, за двадцать лет существования в Харбине пустившей корни в маньчжурской земле?

Факты и цепь случайностей составят сюжетную канву текста. Документальная литература, без досужего вымысла ради поэтических красот и образности. Точнее обозначить жанр как "Памятка". "Вечная память". Не только взгляд в прошлое, но призыв и предупреждение: будьте бдительны. Помните, покорный власти – покорённый род. Нет нрава – не будет права.

В заглавии неслучайно слово – Сибирь. Суровый край приспособлен Системой для тюрем и лагерей, заточения и ссылок. Целый Архипелаг, рабство и крепостное право. Бесовщина заденет всех. Семь лет сибирской каторги растянулись между Китаем и Москвой. Пространственные и

временные рамки человеческой драмы. Подельники, агенты диктатуры, не отличаются терпимостью к инакомыслию. Дабы закрыть учебные заведения миссии, товарищи из Департамента общественной безопасности (ДОБ) схватили монахов, священников и ведущих педагогов и отправили в Сибирь. Подарок старшему брату.

Есть психология насилия. Агрессор наносит удар первым, упреждая, делает ставку на вероломство. Нападая, не дать опомниться противнику, и жёсткий бой без правил и жалости. В сибирских лагерях попадались люди всякие: святые мученики и торжествующие выродки. Эти не гнушались ничем, всю работу делают локтями. Монаху пришлось столкнуться с блатными, извращёнными и исковерканными судьбами. Унизительная и преступная обстановка калечит души, нет спасения. Мафия накапливала опыт. Оснащалась технически и технологически, голыми руками не возьмёшь. Должна же быть и наука отпора, искусство обуздания насильников. Чтобы отвести беду и упреждать злые умыслы, воспитай готовность к борьбе и способность к сопротивлению. Почему же вопросам противления злу не уделяется внимания ни в школе, ни в семье? Перед преступностью и разбоем беспомощны. К такому пониманию приходим не вдруг. Суров опыт жизни.

4. Свидетельство

Читая книгу о страшной и всё же счастливой участи автора, узнаём, как виновные и невинные люди калечились, страдали, гибли в сибирской неволе. О.Иосифу удалось выжить в жестоких условиях заточения, пройдя через испытания. Немошный старик чудом преодолевает тернистый путь бесправия. Пройдя сквозь строй диктатуры, мерзости и разгула бесовской силы, инвалидом, но выстоит. И настанет время поведать миру об унижениях и всечеловеческой драме. Просветит нас проповедью справедливости и добронравия. Распространение веры и миссионерская деятельность отца Иосифа предполагали повседневную проповедь братской любви людей и народов на планете. Учение Христа всечеловечно.

Противодействие роковым обстоятельствам в природе личности. Характер, ум, воля, воспитание собираются и складываются, плюсуясь к случайной удаче. Такое совпадение и везение не предрежены судьбой. Из семерых проданных узников совести трое погибли в заточении. Ещё трое спаслись и вышли на свободу в 1955 году, едва наступила хрущёвская оттепель. Седьмой сдался, не выдержав мук. Не судите его.

Среди выживших – Иосиф Германович. При освобождении шёл шестьдесят шестой год. Ещё хватило сил разобраться в обстановке и внятно изложить события, пережитые им со "сообщниками", трезво оценив случившееся там и происшедшее с миссией. В очерке запечатлён сложный пласт жизни, полный воззренческих, идеологических, культурных, религиозных противоречий. Не развязать узла национальных интересов, сплетения и разлада судеб, соперничества в политике. Можно гадать, зачем служителю церкви тратить себя на описание адской жизни. К чему

вспоминать кошмары диктатора одержимо взявшихся за коммунизацию мира, за улучшение породы и исправление нравов в свете по сомнительному образцу?

Книга останется из первых о мракобесии в евразийском масштабе, почище инквизиции. Писание о вероломстве власти, об изничтожении людей, о Диктатуре, установившей культ и верховенство одной силы. В Лагере произвол беззакония, царствует сатанизм и разгул уголовщины. Опричники выжимают признания, какие потребуются, – статьи на полную катушку. Москва без суда порешила: монахам по двадцать пять, попам столько же. Духовенство чёрное и белое заодно. Католики и проповедники, – и так ясно, антикоммунисты и антисоветчики, – заслуживают самой суровой кары. Воспитатель и педагог наблюдателен и внимателен к людям, разбирается в причинах отступлений от нравственных норм. Он сделает не одну зарисовку лагерного быта, создаст галерею примечательных и незаурядных лиц. Отметим своеобразие характеров тех, кого автор заметил и запомнил в сибирских лагерях, оставив имя в истории. Пишет просто и непринудительно, рассказ доверительный и убедительный, разговорные интонации, юмор и реализм, у писателя стиль. Внимаешь и веришь ему.

Иосиф Германович, проводник христианства, знает, что заповеди усваиваются человеком сознательно и за обращение приходится биться. Вере противостоят мятежи, провалы, пропасти безверия. Упорство миссионера не всегда венчаются победой. В иноверии и язычестве вечная стихия и тьма духов. Идеалист оставил послание, свидетельствуя правду испытаний. Праведник настроен на справедливость. Важно добиться благословения Небес. Спасительны чистота помыслов, усердие, молитва, смирение, аскеза. Подвижник следует завету, ради служения высшей Истине отвергает идолов, истуканов и извергов, противится воинственному невежеству безбожия. Он верит, что не вырваться из западни атеизма, не победив скверны повального разврата и лжи. От этой веры одухотворённость.

Земля наполнилась стонами и проклятиями миллионов безвинных жертв. До поры до времени империя зла как-то крепилась и держалась. Но подпорки приходят в упадок, сооружение зашаталось и стало рушиться. Дракон оставляет гнездовье, растворяется в воздухе. Не понять, отсутствие или скрытое присутствие?

5. Жизнь – книга.

Попробуйте сами написать книгу. Пусть даже автобиографическую. Встанет вопрос, как добиться сочувствия и ваши переживания, боли и страдания сделать близкими другим. Вспоминая прошлое, пишущий пытается осмыслить положение, вникнуть в то, что когда-то случилось, что там происходило вокруг, и объяснить причины и следствия. Зависимости и связи, как волны и замкнутые круги в целом свете. Уловить бы и увидеть выход во спасение, горизонты и перспективу.

Жизнь, череда событий и приключений в лабиринте дней и лет, складывается так или иначе. То ли судьба, то ли случайность. Сколько неожиданных встреч, столкновений, проходим чересполосицу отношений, дебри поучений. После долгой и трудной дороги надо очиститься от пыли. И при написании лагерных воспоминаний вчерашний зэк хочет снять с себя груз переживаний и смыть грязь ощущений. Придётся пройти вновь путь лишений, повторить муки прегрешений. У невольника нет выбора. Раб обстоятельств, изгой, кажется, не остаётся выхода, кроме ямы и провала. Собирается страх, уродует душу, сковано сознание, и перед падением в пропасть нет лица у обречённого на смерть. Не первый и не последний в истории.

Как рассказать жизнь? Можно перерассказать анекдот, историю, сказку, отдельный эпизод или случай. Словом, рассказывается рассказ. Пересказывать учимся со школы. Слушаем текст и пишем изложение. Воспроизводим произведение: сейчас лето, вот море, вы страстно любите женщину, этим живёте и т.д. Такое удаётся отразить в рассказе. Действительность ощущений и переживаний переводится на язык привычных и общих выражений. Трудно сказать, насколько словесный ряд, "перевод" в повесть, соответствует жизни. Портрет, фотография и образ, – не живая личность. Описание жизни продолжается и не даётся до конца. Попробуйте рассказать океан, ураган, бурю собственных страстей, смерть.

В жизнеописаниях разные подходы. Сколько трактовок, столько и освещений. Акценты, фигуры умолчания, преувеличения, стилистические приёмы, увёртки разнообразят писательский опус и литературное мастерство в жанре биографии. В одном случае рассказ о прожитой жизни, напоминая чистосердечную исповедь, представляет собой покаяние, строгую оценку и бичевание. Не всякий склонен, подобно Руссо, к саморазоблачению. Не все могут публично раскаиваться в проступках и скверномыслии, как Толстой. Иначе пишут биографии для "личного дела". Производственная бумага регистрирует анкетные данные. Отнюдь не исповедальная литература. Тут не к месту философские и религиозные размышления, душевные излияния и сомнения.

По-иному слагается биография подследственного. Имеют в виду преступника, возможно, врага существующего режима. Такова установка. Вопросы и ответы на допросах направляются по определённому руслу, в соответствии с версией. В ходе следствия по делу следователь ищет компроматы в действиях задержанного. Рассказывают о себе в общем, затем детали и частности. Рассказ о жизни записывается выборочно, сказанное толкуется предвзято, искажается смысл ответов. И протокол редактируется.

Арестованный о. Иосиф пытается представить себя в рамках законности, толкуя жизнь как служение, чуждое криминалу. Противостояние сторон зиждётся на обострении конфликта идеологий. Святые отцы от Ватикана проповедуют христианское вероучение и религиозное мировоззрение наперекор марксизму. В этом их вина перед

социалистическим лагерем и кремлёвскими мечтателями. Кто не с нами, тот против нас.

6. Пристойно есть

27 декабря 1948 года лицейскую "семёрку" привезли в Читу и заключили в тюрьму. Двумя годами ранее тут допрашивался Харбинский Митрополит Нестор. Пу И, император Маньчжуга, проходил следствие тоже там¹. Эти лица в истории, о них читайте в книгах.

И отцу Иосифу пришлось подробно пересказывать свою биографию тем же следователям. Пять месяцев с пристрастием шло выяснение разных сторон жизни. Коварная игра: ставка – жизнь. Всей братии приписывали: 1) организацию в Лицее военно-террористической группы, 2) сотрудничество с заграничной буржуазией, 3) шпионскую деятельность в пользу Ватикана, 4) агитацию против Советского Союза. Мало не покажется. Арестованные отстаивали невиновность. Не сумели. Они были обречены на печальный исход. Не было ни прав, ни справедливости, ни суда. Был политический заказ. За умыслом следовали нетерпимость и жестокость. Бесконечное противостояние, ненависть и установка на уничтожение врагов. От биографии фактически ничего не зависит. Бал правит произвол. Вот что наш отец напишет о следствии, по поводу первого – не последнего – допроса:

"...меня интриговало тоже, почему следователь так долго меня не вызывает. И вот – вызвали! Пришел я и сразу был приятно удивлён, когда увидел перед собой человека молодого и внешне симпатичного. Всё же я ему не доверял и держался осторожно, – как на гладкой, но ненадёжной перекладине. В беседе он показался мне человеком простым и без хитростей и ещё приятным и спокойным. Велел он мне рассказать свою биографию.

Жизнь моя была весьма запутанная. Я переменял за свои годы много мест и краёв; притом были войны, революции, большие странствия, разнообразная работа, болезни и прочее. Я просто боялся заболтаться и подчас сомневался, не лучше ли было что-то опустить в своём рассказе. Да и следователь ещё путал меня дополнительными вопросами, так что я сбивался в самых простых и совершенно точных фактах. Пару раз он прибегал к запугиванию и покрикивал на меня, пытаясь подловить в утайке каких-то сведений, но не мог поймать меня ни на какой лжи, ибо её в моём рассказе и не было. В конце нашей встречи мы как-то вполне нашли с ним общий язык, и я был полон чувства удовлетворения своей двухдневной "исповедью", а, может, был даже доволен и самим следователем, так как почувствовал уверенность, что он и далее не захочет меня обижать.

С этой своей биографией я и вошёл в следствие, не отяготив себя каким-либо грузом прошлого. Мы выяснили, что я не еврей, хотя почему-то они считали, что имя у меня еврейское. Почему они так цеплялись к евреям, я тогда не знал. Только впоследствии мне стало известно, что в тот период в Советском Союзе развернулась большая антиеврейская кампания, и большое число евреев, в том числе и членов

¹ Около пяти лет Пу И содержался в СССР. Потом его передали властям КНР по их просьбе. Находился в лагере "для почётных заключённых". В 1959 году амнистировали. Стал депутатом Всекитайского народно-консультативного совета. Работал в Академии наук, писал мемуары. В 1967 году умер.

партии коммунистов, угодили в лагерь. Моё же происхождение было насквозь пролетарским: отец как эмигрант был рабочим экипажной мастерской в Петербурге; мать – из простой крестьянской семьи. Отец – выходец из безземельных крестьян и умер, когда мне было два года. Пока я рос, я несколько лет подряд был пастушком у своих дядей, а также у чужих людей. Польское фашистское правительство меня сильно преследовало: пять лет не давало мне паспорта; в 1938 году я находился в Вильне под надзором полиции и позднее меня оттуда выслали. Одним словом, таким блестящим пролетарским происхождением, пожалуй, не могли похвастаться и сами большевистские правители в Чите. Но всё это, как увидим ниже, помогло мне так же, как бедному прошлогодний снег. И всё-таки у меня еще была жива иллюзия, что у "своего" следователя я освобожусь от всех своих напастей".

7. Скверна слов.

Напрасная надежда на справедливость следствия. Всё сказанное ранее оказалось прелюдией, затравкой перед буйством пиршества. Майор Иванов, крепкий выпивоха, заядлый матерщинник, отъявленный безбожник, подкованный товарищ, покажет, как Родину любить. Признав за следователем незаурядные способности, патер напишет главное об этом службисте.

"Меня ни разу не бил, даже не угрожал побоями, но ругался безо всякой меры, часто и похабно. Он сразу уловил, что его сквернословие было для меня большей мукой, чем битьё. В таких случаях я приходил в замешательство, начинал нервничать, не знал, что говорить, либо забывал то, что говорил ранее. Иванову же как раз это и нужно было: он играл со мной, как сытый кот с худой мышью".

Худая мышь в противостоянии с котом ищет спасительный для себя выход, – увы, положение обречённой безвыходное. Опытный следователь в автобиографической "исповеди" о. Иосифа отыщет подозрительные пересечения жизненного пути, прослеживая сомнительные контакты. Важно установить порочащие знакомства, коим несть числа, всего не упомнишь. Жизнь миссионера складывается из сети и путаницы отношений, уже не разобраться, где чистая случайность и совпадение, а где какой умысел. Чтобы по следу воспоминаний, там признания, тут обмолвки, поймать и не выпустить жертву, нужен нюх. И клыки, не помешает. Майор, видимо, большая дока в допросах, натаскан, опытен, азартен в преследовании и пристрастен. Должно быть, циник и садист.

"Наши харбинские связи, так же, как и все церковные, и в особенности ватиканские отношения, отнюдь не были ему неизвестными. Иванов был довольно осторожен, чтобы ненароком не выдать себя в том, каким путём и откуда он получил столь полную подготовку. Только комментарии относительно церковных дел, особенно католических, он давал свои, а значит, – советские и атеистические". Могло ли быть иначе?

Нашлись "помощники" и провокаторы среди бывших лицеистов, забранных в Харбине и осуждённых на многолетние сроки. Устраивались очные ставки. Клеилось – и не клеилось – дело. Жизнь толкуют так и этак, об одном и том же думают по-всякому, оценки расходятся, и не примирить взгляды. Живой человек противоречив и неоднозначен, вызывает споры. И

в заточении продолжается борьба разных верований. Каждая сторона отстаивает своё. Называют то правдой, правотой, правом.

Безбожнику и верующему трудно понять друг друга. Не договориться между собой. Каждый смотрит со своей колокольни, и разный обзор. Беда, если они одержимы чувством исключительности и готовы ревностно, не на жизнь, биться за свои позиции. Воинствующий атеист, что фанатик и фундаменталист, – это диагноз, вид психопатии и распущенность. От нетерпимости к инакомыслию один шаг до инквизиции. Почему же люди решительно против чужих мнений, навязывая свои всем и повсюду, без колебаний полагаясь на господство в мыслях и однообразие в чувствах? Идёт жестокая борьба за монополию духа. Уравнять всех на Земле.

"Иванов всё выжидал подходящий момент и в конечном счёте пришёл к выводу, что всеми названными выше событиями мой дух достаточно подорван и что настало время взорвать последнюю мину. Однажды, когда я был сильно взвинчен долгим и тяжелым допросом, Иванов пригласил на следствие ещё "семерых хуже, чем он сам": пришёл прокурор, подполковник, ещё какие-то незнакомые офицеры, и все они наперегонки стали закидывать меня выпадами против Бога. Я сидел как оглушённый, у меня не только до изнеможения болела голова, но и в сознании господствовала какая-то полная оцепенелость. Я порывался что-то сказать, но, хотя мне было стыдно и больно, что я не умею защитить своей веры, слова застревали в моём горле и я позорно молчал. Может быть, Бог напустил на меня такое унижение, а может быть, кто-то горячо молился за меня, чтобы я тогда не упал в пропасть... Но только в конце сами собой вырвались у меня ненадуманные слова:

– Если бы от Бога отреклись весь свет и все духовенство и даже сам Римский Папа, так это не имело бы для меня никакого значения, ибо я отвечаю только перед Богом...

– Оставьте его! – резко сказал подполковник. Они все вышли и более уже не возвращались. На этом кончились все их искушения против моей веры".

На сей раз богохульники не справились с государственным заданием, не добились своего. Позор отступничества не вышел. Старый и больной монах оказался крепким орешком. Спектакль провалился. Под занавес.

8. Преодоление страха.

Монахи и преподаватели Лицея Св. Николая, перевезённые в Читу, содержались там одиннадцать месяцев. Следствие тянулось пять месяцев. Узников истязали, издевались, мучили кошмары, сдавали нервы. Довели до отчаяния и помрачения ума. Человек на грани помешательства, и нет сил бороться. А было лишь начало следствия, всего первое знакомство команд.

"Так что мне делать, куда податься? А надзиратель стучит в дверь и кричит:

– Почему не ложись?

– Расстреляйте меня! За что вы меня мучите?! – кричу в ответ ещё громче его.

Крик вырвался из моей больной души произвольно – это был самый настоящий приступ отчаяния. Так я и не ложился той ночью; а надзиратель, видать, перепугался и больше меня не трогал. Помню, как я, низко нагнувшись, долго рисовал на полу разлитой водой какие-то фигуры... Был, может, третий час пополудни. "Откуда же вода?" – мелькает смутная мысль. Это, может быть, был чай от несъеденного ужина? Далее мой мозг заполнили какие-то странные образы, проплывающие передо мной в галлюцинациях.

Кажется мне: сижу я в поле или на горном перевале, недалеко от леса. Тёплый летний день (а в действительности стояла суровая сибирская зима). От моих ног понижается и тянется поперёк длинная и узкая долина, а за ней возвышается другой перевал. Оттуда сходят рядами мужчины – 20 или по 30 человек. Идут бесконечной лентой, один за другим, спускаются в долину, поднимаются ко мне, доходят до моих ног и бессильно опускаются передо мной".

Всё новые картины, массовые сцены, видения, разные голоса – страшное раздвоение сознания. "Боже, помоги мне, а то погибну!". Наш пленник охвачен неукротимым страхом, необъяснимым и неуёмным. Кошмарный бред, вокруг бесконечное шествие призраков, и ты с ними привидение, – кажется, нет выхода из сумасшедшего ужаса и оцепенения.

"Страх, безмерный и ужасный, что не давал мне ни спать, ни есть, ни думать, ни молиться. И уже не могу ничего сообразить, что делается со мной... Дрожал от одних обрывков каких-то мыслей, набегавших в сознание и тотчас же исчезавших. Новые картины и образы – и всё обрывается. И не скажу, что я боялся чего-то определённого – это был какой-то звериный страх. Может быть, вот именно так, собственно, и боится животное, чуя кровь у бойни, на которую его привели? А помню только исключительно начало этого сна, потому, что последующие три дня полностью стёрлись из моей памяти, канув как камень в воду, и ничего, кроме этого безграничного страха, от них не осталось".

Фобия и психоз прекратились. Вскоре о. Иосиф вновь обретает способность к сопротивлению, отстаивает свою правду. Панического страха не осталось ни капельки. Он продолжает дуэль со своим следователем.

"Иванов вызвал меня только на шестой день..."

– Подписывай! – крикнул мне Иванов.

– Не подпишу!

Он надеялся на то, что при моём слабом здоровье окажется сломленным и мой дух, но ошибся снова. Его затрясла нечистая сила! Поились проклятия, ругань. Мы, однако, уже хорошо знали друг друга: я сразу смекнул, что он сбавляет тон, и не рассчитывает уже взять надо мной верх. Я молчал, насупившись, и ничем не отзывался на его богохульства. Тут Иванов схватил тот проклятый протокол и при мне порвал его на мелкие клочки.

– Добро, – думаю про себя, – теперь и того не скажу, что там ранее было.

Он начал писать новый протокол. И снова поплыли споры, пощёлки, крик; в конце я подписал-таки протокол, но этот уже был мой документ, а не его. И с этого он уже не мог причинить вред французу и остался, можно сказать, с большим носом".

Отец Иосиф справляется со своим критическим состоянием и, пережив кризис, восстанавливает в себе стойкость, необходимую для выживания. Дётся это непросто, но всё же избежал крушения. Человек практического склада ума и труженик, у такого есть шанс побороть беды и невзгоды.

Остаться непреклонным и не изменить убеждениям под катком пыточного пресса и животного страха – сколько воли и веры в душе. Одного характера мало, чтобы сохраниться и быть самим собою в заточении, в обстановке унижения, изоляции и кары. Сломленный узник сдаёт себя противной стороне, господству и тирании власти, не всегда

выживая при этом. Люди слабые и падшие, как и сильные духом, не спасаются и гибнут там.

9. Самуй-нэ.

В общей камере, куда о. Иосифа перевели из одиночки после пяти месяцев следствия, были лица, человеческие голоса, по ночам сон и храп.

"В общей камере были: четыре японца, один сибирский колхозник и один советский офицер. Компания эта приняла меня доброжелательно – тем более, что припёр я с запасённым хлебом. В одиночке хлеб у меня оставался, а тут его японцы разом расхватили, – без звука, как голодные собаки. Аппетит у них был такой ненасытный, что наверняка съели бы они три тюремные нормы и ещё остались бы голодными. Это были молодые люди, которых взяли в плен в Маньчжурии и которые уже поработали в лагерях; но теперь их вернули в военную тюрьму на некое доследствие. Один из них – Гарада-сан – хорошо говорил по-русски, так как перед войной окончил Институт иностранных языков; был он словоохотливым, начитанным и с готовностью посредничал в разговорах с другими японцами.

В этих разговорах я увидел, что Гарада-сан сильно критикует свою ненаглядную Японию за её опрометчивую военную политику:

– Мы думали, что войну можно выиграть на одном горячем патриотизме, но оказалось, что техника ещё поважнее. А для такой современной войны Япония совершенно не была подготовлена, особенно с такими державами, как Америка и Англия. Значит, совершенно напрасно американцы сбросили на Японию атомные бомбы: Япония была уже и так страна конченная. Заморские запасы нефти были уже исчерпаны, морской флот сокрушён, а воздушное пространство над страной открыто для врага. Смертники, которые на самолётах либо на торпедах бросались на противника, были постепенно уничтожены, а число новых охотников-фаталистов поуменьшилось. Попытка договориться с Китаем о сепаратном мире не удалась, так как китайцы стремились освободить Маньчжурию и Корею. В результате была совершенно потеряна надежда на победу и, более того, не хватало сил на оборону. Оружие и боеприпасы заканчивались, и купить их было негде, так как Япония находится слишком далеко от промышленных центров, а американская блокада вокруг неё отрезала страну от всего остального света. Так вот, атомные бомбы совершенно зря уничтожили сотни тысяч людей и ввели в обиход наипростейшее оружие, какое теперь угрожает самому существованию человеческого общества.

Гарада-сан во многом был прав, однако сам уж очень сильно уклонялся влево. Наши споры с ним были очень оживлёнными и даже запредельно горячими. Я не рассчитывал на то, что смогу задеть его за живое, но дело у нас дошло до того, что мы поссорились и перестали разговаривать друг с другом. А из-за того, что в то время в камере никого, кроме японцев, не было, получалось, что мне вообще совершенно не с кем стало беседовать. Нужно знать, что японцы – народ спесивый: им обязательно нужно добавлять к их фамилии слово "сан" – то же самое, что "господин" или немецкое "фон". А я на это не обращал внимания.

На счастье, наша размолвка с японцами долго не продолжалась. Я помогал им, когда был на диете, у меня кое-что оставалось, да и они тоже старались помогать по-самурайски (по-рыцарски). Один из них в течение целых десяти дней делал мне массаж. Потом к нам прибыл новый японец – известный массажист из Токио, этот сделал мне другой цикл массажа и сильно поддержал моё здоровье. С массажистом тем была такая история. Следователь принуждал его подписать фальшивый протокол. Он отказался и получил за это восемь дней карцера, но всё равно

подписывать не стал; тогда ему дали новых восемь дней. Через некоторое время в нём во весь голос заговорил инстинкт самосохранения:

– Они хотят уморить меня голодом (японец был здоровенный и обладал безумным аппетитом). Если подпишу, – думаю, – так буду жить и, может, когда-то что-то переменится.

Так и решил подписать. Теперь он сидел со мной и ожидал нового суда.

Те японцы, что были со мной в одной камере, ранее отличались, видимо, у себя в отечестве огромным трудолюбием. Попали они в плен в Маньчжурии и проработали в лагерях уже по четыре года. Никаких известий из дома не имели. Были вечно голодными, страдали от холода, а к холоду японцы не могут привыкнуть, – и не имели никакой надежды на отмену своего приговора. Меня даже диво брало – как они, не зная русского языка, не имея никакого религиозного утешения, без всякой поддержки извне и без защиты, так долго и тихо подчинялись судьбе и терпели.

Большие семьи этих пленных остались в Маньчжурии. Что с ними стало, пленные не знали, а я знал о судьбе маньчжурских японцев и много чего слышал. Большое число женщин-японок, расселённых ранее по разным поселениям, оказались вынуждены с детьми и престарелыми родителями идти пешком в Харбин, неся на плечах свои скудные пожитки. А в Харбине они по большей своей части погибли зимой 1945/46 года от голода, холода, кровавого поноса и тифа, дожидаясь эвакуации на родину. Им не было оказано никакой помощи. Советские войска имели с избытком всякого достатка, но быть людьми им препятствовало их безбожие".

Привычный приём – обобщение – вновь приводит к выводу: мировое зло таится в атеизме и сосредоточено в советском режиме, настроенном против гуманизма, общечеловеческих ценностей и заповедей древних пророков. Японцы в Сибири притягивают внимание. Народ образованный, воспитанный, культурный. Традиции и опыт предков много чего стоят в жизни. От них выдержка, крепость, аромат, вкус, цвет, своеобразие. Нация особенная, закрытая и непонятная, в иное верует, иначе молится, на островах свои духи, Будды и монастыри, кумирни и храмы. У Германовича много разных упоминаний о японцах в советском плену. Немало подробностей, рассуждений и сведений о контактах и дружбе с ними. Наш просветитель осведомлён в вопросах психологии, культуры, истории и политики восточного соседа. Вряд ли это случайность.

"Каждый раз на прогулке я страшно промерзал, но зато потом в камере отогревался. Только уже после, когда меня перевели в общую камеру, и я жил вместе с японцами, один из них (Гарада-сан) одалживал мне на прогулку свой запасной ватник. Только под весну 1949 года тюрьма выдала мне "фуфайку" – короткий такой ватник, запретив ходить в подрыснике, чтобы не дразнить безбожников".

Оценим одолжение и сочувствие "самурая". Сибирские морозы кусаются, недолго и захворать старому человеку.

"Иногда по утрам давали двадцать граммов селёдки. Если в эту порцию входила голова, так совершенно не было чему радоваться, но и в этом деле я был неискупённым человеком. Позднее в группе с японцами я приспособился есть селёдку всю без остатка – с головою, с костями, с кожей и хвостом".

Тоже более чем важная наука выживания.

10. Контрабандист.

В Сибири, таёжный край, хватало места на лесоповале, да на рудниках. Нагнали туда за колючую проволоку, в бараки клопов кормить, своего народу да чужого числом бессчётно, тьма тьмущая. Было бы странно, не попадись в тех местах представитель соседнего Китая. И вот эта случайность:

"На смену всем этим (сокамерникам – ВЛ) к нам посадили китайца. Был он худой и высокий, какими бывают северные китайцы. Уже старый, но крепкий и выносливый, как все его соплеменники. Безо всякого образования, но бойкий и ловкий торговец, тоже типичный китаец. Говорил по-русски так, как они умеют: "твоя, моя". Зато ругаться по-русски умел разнообразно и сочно. Я стыдил его и запрещал – никакого эффекта. Он был уверен, что именно так и нужно закреплять русскую речь. Весёлый был, как дитя; смеялся – задыхался. Более всего его радовало, что ему удалось побывать "в большой деревне Москве". Но как вернулся он от следователя, так совершенно поскуцнел, а в глазах стояли слезы. Показал нам на пальцах "десять", которые ему дали за переход границы. Китаец всю свою жизнь занимался контрабандой и, разумеется, переходил туда-сюда советскую границу много раз; а тут его поймали и приписали шпионскую деятельность. Для чего его возили в Москву? Бог знает! Предполагаю, что в Советском Союзе очень любят катать взад-вперёд таких "важных" подследственных. Как сказал один купец, "чем больше возишь товар – тем выше ему цена".

Заметим ещё раз, привычная манера изложения всё повторяется, никуда не деться и не уйти от стиля: сообщается частный случай, эпизод жизни в подробностях, наглядно и доступно, – только после факта выводится важная закономерность, которую требуется внедрить в сознание, чтобы там осело, запомнилось, в последнем фрагменте это наблюдение и положение о пустопорожности и бессмысленности деятельности громадного аппарата, от Москвы до самых до окраин, и всё насмарку или во вред людям, во зло.

Конечно, о китайцах в воспоминаниях сохранилось больше полезных сведений и собственно житейского опыта человека наблюдательного, заинтересованного во взаимной пользе тактичного общения и культурного обмена разных народов друг с другом. Хотя роль духовной миссии в иной стране и в иное время не стоит сегодня оценивать однозначно. Слишком запутанный узел разного рода отношений и интересов. Пожалуй, с избытком экспансии и политики глобализма одной из мировых религий. Китайцы – народ велик, люди разные – остаются жителями "Срединного государства", в нём прочен дух самобытности. Характер напористый и расчётливый, не терпит чужестранного вмешательства во внутренние дела, не поступится своими духовными ценностями, отвергает индивидуализм и либерализм западного типа. В двух словах не расскажешь о них.

11. Жизнь – богослужение.

Помимо характера, воли и безволия, и как бы сверх силы или бессилия человеческого, есть что-то непознанное над нами. Великая случайность и закономерность. Сверхъестественное и мистическое накрывает туманом шатёр жизни и смерти. Сознание, вооружённое конструкцией Бога, рисует мироздание. Верующий ищет ориентир ценностей, понимание смысла и

цели земного существования. Религия объединяет адептов вокруг идеи всемогущества Творца неба и земли, придавая сообществу избранных значительности. В богопознании объявлено спасение, путь Истины открыт, и вечная жизнь наградой за причастность к Откровению. Идея Бога величественна и запредельна, из вечных и неискоренимых, первейшая в метафизике и богословии. И на самом ли деле, "без Бога не до порога" и все ли дороги ведут в храм?

И. Германович раз и навсегда определил своей целью распространение христианского учения. Проповедь веры в Иисуса стало смыслом жизни. На свободе и в заточении усердно молится Богу. В лагере, когда и как может, в тайне от начальства и посторонних, пастырь отправляет чин богослужения, совершая таинство исповеди и причастия. Человеку не суждено погибнуть. Перенесёт лиху, выдюжит на пути тернистом и продолжит труд предначертанный. Освободившись, после лагерей, мучений и страданий, о. Иосиф останется воином Христовым и найдёт силы написать книгу, правдивую и тенденциозную, свидетельствуя о преступлениях против человечности, в смертных грехах обвинит Советы, предаст анафеме Вождя народов, заклеймит позором режим безбожников, достанется коммунистам.

В воспоминаниях не обойтись без рассуждений и обобщений. У каждого мемуариста своё понимание, позиция и философия. И богослов, склонный к размышлениям и наблюдениям, имеет убеждения и предвзятости. В лагере не отрешиться от суеты, дабы настроиться на молитву, как в монастырской келье. Другие обычаи и отношения, культура и законы, иная обстановка. Те и не те люди. ГУЛАГ собрал и организовал особый мир, смешав преступников с политическими, противниками режима, неблагонадёжными, неудачниками, случайно попавшими. Там встретишь опустившихся и падших. Не выдерживая испытаний, ломались крепкие и сильные. Теряя честь, пропадали в руках бесов в пекле. Государство издевается над подданными, в концлагерях коверкая их души и судьбы. Суровы нравы.

Автор книги переживаний – монах, проповедник, воспитатель и недавний эзк. До публикации воспоминаний о.Иосиф не был писателем. Литературный подвиг как способ утверждения истины – в рамках миссионерства. Мемуарист, являясь воином католической церкви, отстаивает правоту веры и противится реальному социализму, лагерю и идеологии воинствующего атеизма. Мир без Бога видится чудовищем, упадком и дикостью.

12. Василёк – страдалец.

Книга воспоминаний написана – пусть люди знают, что пришлось испытать и как выжил автор, один из эзков сибирских лагерей. Выкрали, продали, спрятали за колючую проволоку, терзали, сводили счёты с миссионером. Проповедник и заложник свидетельствует о том, что видел, слышал, испытал. Мученики, богобоязненные и инакие, молились на разных языках.

У всякого народа свои обращения, голоса и мелодии. Мотивы украинских песнопений близки нам, сердцем чуем задушевность, сочувствуем братьям. Сколько их в неволе. Боль, страдание и сострадание к ближнему в рассказе о случае в читинской следственной тюрьме. С 1949 года остался след, зарубка и шрам в памяти. Что там происходило, считайте, с нами. Прошлое остаётся, беде куда деться. Всегда одно время. Такая вот история.

"К счастью, через месяц японцев от нас забрали, а взамен их пятерых дали нам одного удалого хлопца-украинца, лет двадцати. Мы были рады за него, а он – за нас. Ближе всего подружился с ним я. Его мать была здесь – в Чите, на поселении, и, видать, жила в кое-каком достатке: приносила и передавала сыну немало чего хорошего, а более всего – папиросы. Василий был у матери сынок Василёк, но и сам он мать любил безмерно.

Следствие над Василием было очень тяжёлым, и он возвращался с допросов страшно взвинченным. И вот однажды на допросе следователю удалось спроводировать юношу и вырвать у него какое-то признание, которое могло повредить и ему, и его матери. Василий не мог поделиться с нами своими трудностями и переживал так, что мы опасались за его здоровье. Хлопец не давал нам возможности успокоить его и начал нас сторониться. Ходил и ходил взволнованный по камере и мучился своими думами. Стал вдруг очень много курить: одну папиросу за другой, с утра до вечера. Через три дня так же внезапно бросил курить, но и с нами ни о чём не разговаривал. Слышно было, как иногда он говорил сам с собой, но тихо и таинственно, болезнь его входила в тяжёлую стадию.

Мы сразу же обратили на это внимание надзирателей, но нам ответили, что Василий прикидывается. Тогда мы старались добиваться прихода доктора, но нам опять не дали ответа. Просили забрать от нас больного, но нас никто не хотел слушать. И вообще охранники теперь на нас обращали мало внимания, так как мы были уже после следствия и наша ценность для них значительно упала. А с Василием день ото дня было хуже и хуже, он быстро катился в пропасть.

...Мать Василия ничего не знала о болезни сына и всё присылала и присылала свежие продукты: масло, колбасы, сыр, а Василий, бывало, только похлебает тюремной жижи, а к посылке и не дотронется. По своему умопомрачению и сам не ест, и нам не даёт. Добро портилось, а мы не могли сообщить матери об её Васильке. Мы не раз спорили между собой о том, какой смысл при голоде гноить первосортные продукты. И каждый говорил, что смысла нет, но всё равно никто не репался до них дотронуться.

Мы каждый день препирались с охраной, чтобы она или забрала от нас больного или лечила его...

Какая беда, какая злая сила так долго мучила это милое дитя? Наше тяжёлое горе, связанное с ним, было преходящим, но кто опишет горе матери? Так горюют матери всего Советского Союза по своим загубленным детям, которых безбожники насильно отрывают от семьи и посылают в лагеря, либо на целину и другие лиха".

Рассказав случай, автор воспоминаний ставит общий вопрос и делает вывод. Его убеждения незыблемы: атеизм порождает зло, сам порождение дьявола. Можно не соглашаться с таким утверждением. Человек вправе иметь другой взгляд, пусть не согласуется с чужим мнением. Это нормально – расхождение, сходство, многообразие суждений и оценок. Каждый так и не так относится к вещам, представляя некую точку пересечения связей,

полей, энергий. Вопрос справедливости и сообразности решается с одной определённой стороны, но непременно находится ещё и ещё иная.

Нет бесспорных фактов и непрекаемых истин. В мире господствуют интересы и страсти. От них ограниченность, предвзятость, произвол. Культ силы и вседозволенность нельзя преодолеть. Никак не изживаются, став постоянной составляющей истории. В борьбе применяются насилие и жестокости, продолжается диктатура, беспредел оправдывается. Религиозный идеализм, призывы к милосердию и всеобщей любви стали костью в горле. Радикальные лозунги горлопанов паразитируют на чувстве мнимой справедливости, отдают ущербностью и настояны на страхе. Лживые фразы усугубляют разобщённость в мире, дикость и жестокость политики.

Как воспринимается концентрационный лагерь? Какие-то сведения сообщаются в печати, передаются страдальцами и свидетелями завоеваний величайшей из рабовладельческих империй. До сознания мало доходит, с трудом верится. Не понять ни смысла, ни природы извращений и зверств. Горькая правда и чужая боль не всегда вызывают сочувствие. Нередко проходят мимо отверженных. Какой смысл нам помнить печальное прошлое? Как бы уже нет его, остались мифы. Та же реальность.

13. Благодарение.

Чувства узника в тюремной и ссыльной жизни сильнее всего связаны с голодом и холодом. И со страхом, смертельной усталостью, беспомощностью, бессилием. Человек катится в бездну. Падение и – крах. Ужас вызывал отчаяние и оцепенение. А ещё отвращение и ненависть. Спасается же чудом. Есть милосердие, сочувствие, вера, сила духа и поддержка. Благодарение человеколюбию, солидарности, единению страждущих в неволе.

"Чтобы не погасли в небе звёзды" – нужно собирать факты, свидетельства и воспоминания, пока живы свидетели, необходимо всем честным людям свидетельствовать о том, что было в действительности".

Неплохо сказано в оправдание соблазна писательства. Должен быть мотив замысла, толчок, побуждение, и нет авторского тщеславия. Тут долг и обязанность жертвы террора, не просто очевидца или соглядатая.

Для виновника единственной публикации важно понять, что заставило его на склоне лет взяться за перо и испытать себя в биографической прозе. Не было литературных амбиций. Вот ещё грань мотивации творчества:

"Я в своей жизни побывал во многих странах, и в Сибири меня перегоняли с одного места на другое, и потому у меня завелось немало знакомых, коллег и приятелей. И узнал я от них много полезного. Вот тут и хотел бы я с ними поквитаться – хотя бы этим добрым словом: "Оплати, Господи, всем нашим добροжелателям, ради Имени Твоего, вечной жизнью! Аминь".

Религии внушают, что ни добро, ни зло не проходят бесследно. Человек испытывает потребность благодарить за помощь и добро. Поразительны примеры благоденствия, жертвенности и любви к ближнему, среди заключённых. Представьте старика в плохонькой одежде и без

рукавиц в сорокаградусный мороз на поверке. Это Тайшет, лагерь 026, зима 1950 года. Кто-то из числа таких же несчастных дарит овчинные рукавицы. Неожиданное спасение от холода и щедрость незнакомца, из Владимирской области, чудесны. Другой случай, тоже поступок, как не рассказать о нём:

"Поздним вечером, когда я на верхних нарах творил молитву, чувствую, что кто-то пробирается ко мне. И вдруг увидел чужого человека, который, ни слова не говоря, подаёт мне жестяную банку. А там – горячий крупеник с горохом, густой, да на мясном бульоне... Я успел только поблагодарить его, как он – пропал! И как я утром ни выглядывал его, ни искал – так и не узнал его в толпе. Зато вот теперь, на этих страницах, ему и тому другому – за крупеник, за рукавицы, а также и всем другим благодетелям – благодарность моя от всей души, за то, что защищали меня от адских мук голода и холода. Помилуй их всех Бог! Аминь".

Спасительные эпизоды в личной судьбе незабываемы и непреходящи, оставляют след в жизни.

"И ещё вспоминаю об одном случае, прямо вроде бы чудесном. Мы, узники, живо помним о всех пустяках, которые нас хранили и оберегали", – напишет о. Иосиф. Следует рассказ, как однажды достался от латыша-священника кусок сала. Наш отец переломил себя, голод и вождление, – отдал его больному соседу по нарам. "Он этим утром вернулся из лагерного госпиталя после продолжительной болезни. Совесть моя подсказала мне, что Мидзуми слабее, чем я, к тому же я знал, что у него в Японии остались четверо детей, к которым он был обязан вернуться. Значит, спасти его нужно настоятельнее, чем меня".

В той обстановке, в условиях постоянного недоедания и голодного существования, кусочек сала равнозначен кусочку жизни, был на вес жизни. Прошло немного времени. Повторилось невероятное.

"Тут я почувствовал, что кто-то меня толкает. Так оказалось, что один из староверов подполз ко мне и суёт мне кусок сала – ну точь-в-точь той самой меры, веса и формы, как тот, что я отдал японцу. А другой – его друг – насыпал мне пригоршню белых сухарей. Такой ценный подарок пришёл так неожиданно и при этом явился как бы отплатой (и с процентами!) за того японца, что у меня даже полились слезы".

Тут сам автор делает заключение: "Так трижды спасали меня добрые люди в тяжёлой нужде – и всё незнакомые, не говоря уже о случаях забытых, либо меньших по масштабу, либо о помощи от приятелей и т.д. Я же молось за них, чтобы Господь вознаградил их всех даже за наименьшее, по великому своему милосердию!"

Человек скитается по чужим краям. Из дома выслали как политически неблагонадёжного. Прошли годы, война. В Белоруссии не осталось родных. Кто умер своей смертью, кто погиб в лагере у немцев или большевиков. От сестры Людвины, расстались в 1938 году, нет ответа. Брат ещё не знает, что в 1944 году убита в Вильне немецкой гранатой. Посылки в лагерь собирали посторонние женщины, едва зарабатывавшие на жизнь и нуждающиеся. Милосердие спасло Иосифа от голодной смерти. Спасительная помощь с зимы 51-52 года не прерывалась до конца апреля 1955 года. Позднее признается, что надежду на поддержку продуктами возлагал только на родину. Близких уже нет, и спасли незнакомые односельчанки. Он счёл себя обязанным написать о миротносцах.

Книга – поступок и волеизъявление, исповедь и благодарение за спасение. Надо отдавать должное, найди способ выразить чувство за помощь в выживании. Без мужественных людей, высоких духом, было не выжить. Лишённый поддержки, человек один сокрушим и беспомощен против всемирного зла. Выдержка, сплочённость и вера дают шанс устоять.

14. Братья во Христе.

Пересылочная тюрьма в Иркутске сводит о.Иосифа с замечательной личностью. Вот как описывается краткая встреча и близкое знакомство двух пастырей, католика и православного.

"Встретил я тут одного милого человека, православного священника из Маньчжурии, по фамилии Петелин. Это был старый, разумный и почтенный человек. Своё несчастье он переносил достойно, будто оставался в своём собственном доме, а его благородная улыбка весьма соответствовала его солидной фигуре и роскошной патриархальной бороде.

– Как же вы, отче, попали сюда? – спрашиваю я у него.

– Вот, – говорит, – мне так уж повезло... Отнюдь я вовсе сюда и не собирался. Митрополит Нестор вызвал меня на съезд духовенства в Харбин. Я с небольшим чемоданчиком пришёл на станцию, а жил я при монастыре под Порт-Артуром. Советский офицер пригласил меня следовать за собою. И вместо Харбина завезли меня во Владивосток, где я просидел десять месяцев в тюрьме; а теперь вот уже четыре года, как возят меня по тюрьмам да по лагерям. Прекрасно! Не нужно ни билета, ни сомнений, куда далее ехать. И возят тебя, как барина, – за казённый счёт.

Говорил он всё это без обиды и спокойно, а его речь лилась плавно, как вода в ручье. Разговор с этим Божьим человеком был бальзамом для моей наболевшей души. Какая досада, что больше с ним мне нигде встретиться не пришлось!". Просто и ясно.

Государственная машина работает натужно, перемалывает жизни, калечит судьбы. Фабрикуется ложь и ненависть. Убираются противовесы власти. Среди первомучеников тысячи священнослужителей. Заплатят жизнью за веру. Избавлялись от чуждого элемента. Мешает строительству. Называлось борьбой с пережитками. Социальный заказ изолировать и не щадить мракобесов. Страна – лагерь: зоны, колючая проволока, вышки, охрана с овчарками, начальники, придурки, особый режим, произвол и бесправие.

Вот ещё встреча с родственной душой. Легко понять, что значила для хворого и потерянного старика, схваченного красными рабовладельцами. Обретя свободу, в книгу памяти и истории богоборчества впишет имя священника, с которым свела лагерная судьба.

"Не могу не вспомнить, назвав с самой высокой похвалой, православного протоиерея Кафедрального собора в Харбине о. Владимира Светлова. Спокойный и положительный товарищ и вообще человек высокого целомудрия. Мы как-то вместе с ним мучились в одной бригаде в лагере 07. Только у него, бедняги, совершенно не было навыков к хозяйственной работе. Заработал он на копке картошки, свёклы, морковки и репы, на уборке капусты (уже под снегом) за один месяц 5 рублей, а за другой – 3, в то время как килограмм сахара стоил 10 рублей. Даже я его превзошёл (10 и 11 рублей). Светлов – действительно светлая душа, смиренный в жизни, простой в разговорах, отзывчивый к чужой беде. А кончина его была печальной и

трагической: весной при уборке снега он, как-то внезапно ослабев, упал, а на следующий день умер. Меня в то время гоняли на другую работу, и я не мог с ним даже попрощаться. "Вечная ему память!".

Случай всплывёт в памяти. Найдётся повод рассказать о характере и поведении узников совести. Мужественно несли свой крест, страдали за веру. Обречённым на лагерные муки посвящена глава о добре и зле, о вере и неверии, о духовности и бездуховности, об истине и грехе.

"В лагерях я встречал немало разного духовенства – как из Советского Союза, так и из иных краёв", – напишет И. Германович. Вспомнит лагерное знакомство "с одним раввином (Лев из Харькова), одним лютеранским пастором, староверским наставником (Людвиновским), с тремя монахами, двумя православными епископами (один из них – Сперанский) и пятью-шестью православными священниками. А из католического духовенства были по одному – немец, француз, румын, русский, три латыша, три белоруса, три поляка, пять венгров, восемь украинцев и одиннадцать литовцев – всего около 40 человек. Прибавить сюда нужно и двух студентов-клериков, одного монаха и трёх членов католических Орденов. Промелькнули в наших лагерных перетасовках и другие священники, имена которых я не успел зафиксировать в памяти".

Такова статистика. Представляем размер островка братства, временной группы поддержки и сочувствия.

"Отношения у нас между разными духовными лицами складывались хорошие: друг другу сочувствовали и помогали, споров – ни межнациональных, ни религиозных – мы между собой не заводили". Всегда бы так.

15. Крестоносцы.

Население Земли к нашим дням насчитывает шесть миллиардов человек. Люди живут объединениями и сообществами, со своими и отдельно, привыкнув к ограничениям разного рода и размежеванию. Вероисповедание, менталитет, традиции, мифы, история самосознания, предрассудки и верования – культура сказывается на привычках, поведении и характере.

Описывая скитания по ГУЛАГу, автор книги житейски просто касается вопроса политического противоборства, идеологического и религиозного противостояния. Переживает ослабление христианства в жизни, осознавая ошибки и просчёты разъединённых церквей. Нас не оставит порок соперничества и грех нелюбви, размежевания и раскола. Церковные и конфессиональные распри, отчуждение верующих, отторжение иноверцев, неприятие иного, закрытость и отгороженность сознания, агрессивность к чужому символу веры – не проявление ли атавизма, дикости, язычества, инстинкта самосохранения родового строя?

Всё пестрее религиозная карта мира. Раскольники, диссиденты и протестанты всех цветов не выходят из моды. Привлекают поверженных соблазнами всеединства, обновленчества, модерна, несут разную ересь. На почве религиозной одержимости, споры догматические и схоластические разжигают непримиримость и соперничество за сферы влияния церквей. Новые мессии не теряются, преуспевают в церковном бизнесе.

Власти ради, почёт и выгода, чиновные церковники поставят на размежевание и сектантство, пойдут и на объединение, синдикат или монополию. Такова свобода совести – без совести, какой-то суррогат вместо. Это не наше дело, хотя и задевает когда. Новые апостолы вываливают на площади, бродят по этажам, звонят в квартиры, блуждают в эфире, вещают с настойчивостью, достойной лучшего применения. Не простое дело, было и есть, верить не верить. Не вменить в обязанность веру во что бы то ни стало. И пусть бы себе: кто верит в Спасение и на том стоит; кто сочувствует вере в Вечную жизнь и стремится проникнуться этим; кто колеблется, не уверен в истинности пророчеств; кто отрицает мистическую связь с потусторонним. Такова природа, человек так создан: много нас на Земле, дальше больше, люди всякие и разные. Многообразием и различиями, не однообразием и сходством, обеспечивается выживаемость человечества, в его устремлённости к благополучию (и к экологической катастрофе, к концу истории). Предрекают всякое. Тоже вопрос выбора веры при разбросе мнений.

В таинственном искусстве богослужения одного знания недостаточно. Всезнание беспочвенно, зазнайство вероучения непродуктивно, тормозит восприятие и прерывает живую связь. Неисповедимы мистические пути к первоисточкам совершенства, к началу всех начал. Поиски откровения бесконечны, неисчерпаемы, спорны и беспокойны. Случается, что они самоотверженны, глубоки, пронизательны или спекулятивны, вычурны, изощрённы. Религиозное воображение изобретательно в предсказании судеб праведников и грешников. Наивных людей потрясают картины суда, пыток и вечных мучений. Умиляют светлые краски представлений о райской жизни. Пусть воображению не справиться с отвлечённостью бестелесного существования, и запредельное счастье не открывается.

Отцам церкви известно: религиозная нетерпимость, чванство, высокомерие, гордыня и агрессивность – грех. Священник по своему предназначению апостол миссионерства. Самоуверенность и воинственность, категоричность и навязчивость не к месту. Истина добровольна, из-под палки и ухищрениями не постичь. Бог в сердце, есть или нет. По всему миру разбросаны кумирни и молельни, строятся сооружения и спекуляции вокруг Имени. Архитекторы и строители, заказчики и проектанты стараются забраться на Небо. Возводятся вавилонские башни. И опять столпотворение?

Как любовь, вера и чувство доверия предполагают в душевной и духовной привязанности избранность, соперничество и случайность обожествления (идеализации) кумира. Религиозные предпочтения и объяснения – мнения и взгляды о потустороннем и недостижимом, о сотворении света и его конце, о нашей участи и участии в круговороте жизни, о причастности к высшим сферам и ценностям – полны страсти и страхов.

16. Неизживаемое противоречие.

Проповеди и беседы о. Иосифа имели полемическую направленность. Приводимый ниже отрывок покажет манеру изложения вероучения. Спор непримиримый, касается вопроса огромной важности. Разобрав характер и повадки одного из лагерных начальников ("этот человек всегда ходил насуспенный; более нудного атеиста я в жизни не встречал", – заметит автор), о. Иосиф, как обычно, делает обобщение. Пригласив к собеседованию, демонстрирует ораторское мастерство:

"Да вообще, весьма удивительно, что атеисты и безбожники могут быть резвыми и весёлыми, когда они внушают себе, что стремятся во мрак и превратятся в ничто: тела их – в навоз, а душа развеется как болотный туман или как фабричный дым. И как может разумный человек до такой степени проникнуться неверием, чтобы публично бахвалиться, что он после смерти станет мусором, а его душа – абсолютным нулём? И они называют эти свои выдумки "наукой". Они говорят:

– Природа обладает своей силой... Есть законы природы... Природа имеет свою цель. Природа дала и развивает жизнь.

Но подумайте же вы, разумные люди! Природа сама неживая и неразумная – откуда у неё могут быть "силы", либо "законы", или "цель"? И как она могла сотворить жизнь, когда она вечно неживая? Наука имеет право рассуждать, исследовать явления и законы природы, но начало существования и цель жизни нужно отдать религии, чтобы не впасть в абсурд. Только религия может дать ответ на все тревожащие нас вопросы нашего бытия, ибо религия указывает нам "Творца неба и земли", который есть Разумный и Всемогущий. Отсюда жить и работать для Бога, для нашего вечного счастья и для будущих поколений – только это разумно. А жить и трудиться, как атеисты, для счастья человечества, которое станет лишь навозом и останется навеки нулём, – это страшный абсурд! Лучше уж поскорее умереть".

По старинке у отцов церкви наивная картина мироздания. Увлечённые библейскими мотивами, остаются консерваторами, отвергая непривычные взгляды. Церковные догмы и научные знания вряд ли пересекаются – они в разных плоскостях. Бога нельзя исследовать и доказать. Богословское толкование будто бы "научных" положений в этом случае вряд ли убедительно. Оратор выражает симпатии и антипатии, вызывая сочувствие однодумцев. Страсть не захватывает оппонентов, с противной стороной нет единомыслия. Чуждое мнение отторгается. Вера – на веру, принимай данность, неотвратимо и бесспорно. Наука, теория и практика, постоянно сомневается и опровергает сама себя. Разное видение истины, разное отношение к миру. Случайные и кажущиеся пересечения слов не в счёт. Намерения и подходы не согласуются, различные понимания.

17. Луч света во тьме.

После тюремного отчаяния и одичания в камере, лагерь кажется уже простором, и терпимое существование. Устроишься – приспособишься к обстановке и нравам, найдёшь нишу и определишься. Надо принять законы замкнутого круга, заполненного людьми, характерами, судьбами, страстями, биографиями, разным опытом. Здесь встречи, взаимодействие и общежитие. Устанавливаются отношения между зеками и связи. Порой обнаруживает себя солидарность, случается дружба. В человеке остаётся способность

сопереживать и сочувствовать. Доброта наперекор злу, вражде и ненависти. В том аду хватает низости и мрази. Колония под началом бесов. Смешалось пошлое, дрянное, мерзкое и благородное, достойное, высокое.

Чтобы выжить на каторге, о. Иосифу пришлось многое испытать. Сопровителю смерти, упорствовал и боролся. Доверившись Божьему промыслу, "человек не жил, а только старался удержаться на грани жизни и смерти, мучился и изнемогал от своих страданий". Спасала самозабвенная вера, молитва и любовь к ближним, единение с однодумцами, братьями во Христе. Среди сострадальцев были святые мученики. В лагере сходится с незаурядным человеком, который оставил неизгладимый след в душе. Память о. Иосифа хранит образ друга. Вместе были в четырёх лагерях.

"Наиболее тесную дружбу я завёл с одним греком – звался он Андреем Фиаратосом". "Родился на окраине Кефалонии. С 12 лет до 17 пребывал с отцом в царской России. Отсюда юноша эмигрировал в Канаду. Работал и учился. Приобрёл в Канаде, в Соединённых Штатах Америки, в Китае и в Маньчжурии немалое состояние. Разные фирмы поручали ему строительство мельниц, элеваторов и жилых зданий – в Шанхае, Дайрене и других районах Китая. В Дайрене захватила его война, а в 1945 году пришли туда большевики. Фиоратос доверился их военным властям, думая, что и с Советами можно также хорошо вести дела, как и со всеми другими на свете. Он прекрасно знал китайский рынок, а также китайский, английский и русский языки и удачно занимался поставкой провианта для советской армии. За то, выходя из Маньчжурии, советские власти в 1946 году забрали Фиоратоса с собой. Вся собственность его пропала, а самого его посадили в сибирскую тюрьму. Следствие и суд – всё по советской системе прошло своим путём, и ему дали "25" как "английскому шпиону" и за "сотрудничество с заграничной буржуазией". С 1907 года он в России не жил, никакой политикой не занимался, был отличным бизнесменом. К Советам не имел никакого касательства, являлся гражданином другого государства – вот какими были его "провинности".

Брошенный в лагерь с тем, чтобы он там умер, Фиоратос оставался в этой чудовищной неволе выдержанным и спокойным философом. Никогда не ставил напрасного вопроса: "За что?". Своё несчастье переносил так же просто и естественно, как в древности Сократ. А был очень и очень нездоров. На свободе жил в полном достатке и не был так приучен к голоду и холоду, как автор этих строк, но грек не сокрушался: своим юмором и бодрым настроением духа он даже поддерживал других лагерных бедолаг. Один только я знал о трагических событиях в жизни Фиоратоса и о его зарубежных возможностях. Его поддерживала и придавала ему силы простая, искренняя и глубокая вера в Бога, и из этого источника он и черпал покой и покорность перед Божьим Провидением. И он сохранил эту веру, пронёс её и через долгий период своей благополучной жизни, и через страшные годы неволи, болезни и угрозы смерти.

Этот грек-философ как начнёт, бывало, говорить, так от него невозможно оторваться. И как раз в самые тяжёлые и горькие для меня часы, когда все теряли дух и стойкость, и слабела и моя душа, Андрей, хоть и сам мучился различными недугами, умел поддержать меня и утеплить и даже рассмешить и позабавить. Его глубокие мысли, аттический юмор и искренняя дружба – всё это благотворно действовало на меня и спасало от тоски, от уныния и от отчаяния. Так я навек забуду Андрея! Надеюсь, что встретимся мы с ним в счастливой вечности и там по

Божьей милости не разлучимся никогда. Ибо уже тут на этом свете я его живого, должно быть, не увижу: бедняга был очень больной".

Приведённый отрывок при внимательном отношении к тексту может многое сообщить об авторе и окружении. Положение казалось безвыходным. Но люди держались до конца. Сообща крепились, поддерживая дух жизнелюбия. Без воли и сопротивления человек не выдерживает испытаний, издевательств и мук. Сломленный, списывается из жизни. Держась друг друга, – есть шанс выжить, кому повезёт. К товарищам и спасителям особенное отношение, чувство единения и благодарности. Добро не забывается и остаётся с нами. Книга об убиенных и выживших страстотерпцах тому свидетельство. Дань фатализму и гимн сострадательности.

18. Сходство и различия языков.

На Земле живут народы и нации. У каждого племени предназначение. Национальные границы неслучайны. Разные вкусы, нравы, традиции, мифы и предрассудки. Страны соседствуют, соперничают, когда сталкиваются. Великие, богатые, сильные, агрессивные. Другие меньше, беднее, слабее, скромнее, миролюбивее. Дети Земли родились и вырастают у одной матери. Единородные братья, пусть непохожи. Серьёзные, весёлые, легкомысленные и разгильдяи, нерасчётливые и бесшабашные. Здравый смысл, воспитание и образование, жизненный опыт и культура исключают расовую или национальную ограниченность, чванство и закомплексованность.

Миссионер наблюдателен, внимателен, разбирается в местной культуре и национальном характере. Из его замечаний о поведении эков (и obsługi) разноплеменных групп можно сложить этнопсихологический очерк. Об особенностях общения людей на грани жизни-смерти. О способности выживания тюремно-лагерного интернационала. О влиянии народной культуры, традиций и стиля существования. О коллективизме и взаимовыручке во время стихийных бед и природных бедствий.

Добрый след в памяти оставили западные украинцы, колоритные и приметные. Попались в великом множестве и излучали неповторный свет. И прибалты, порода, тоже стали жертвой переделов, присоединений и воссоединений. По сути корень дела один. Политика захвата не обходится без насилия и сведения счётов. Варвары разрушили дух культуры. На фоне упадка возвышались поляки, отвечавшие разорению достоинством и жизнелюбием. Не обошлось в сибирских лагерях без немцев и евреев. Своеобразие и богатство темперамента, стереотипы, привычки, навыки.

Судьба связала белорусского монаха с военнопленными японцами. Соседи по нарам с пониманием относились друг к другу, оказывая услуги и помощь. Корейцы и китайцы также томились в сибирской неволе. Приятно наблюдать сплочённость и общинную мудрость востока, наученного бороться со стихией объединившись, валом, с упорством и полной отдачей сил. Прожив в Маньчжурии, И. Германович знал уклад жизни и характер

народов, которые там жили. В книге интонации сочувствия к населению страны, где пришлось миссионерствовать в годы войн и революций.

19. Земляки – белорусы.

"В нашем лагере проживал человек, которого никак нельзя обойти в моих воспоминаниях, – Кастусь Ковач, из-под Ашмяны. Типичный белорус: тихий, как овечка, работающий, как вол, и верный служба – как собака. Присматривал он за лагерными свиньями. Целыми днями он возил и носил на себе корм для свиней из кухни в рабочую зону. Что-то бормотал себе под нос, молился и пел набожные песни. Дружил со свиньями сердечно и, как блудный сын, сам при них кормится, хотя, опять же как блудному сыну, ему и этого не было дозволено. Работал так старательно, что ему скорее, чем кому другому, нужно было бы дать знак "Героя Советского Свиноарника", а тут в лагере над ним только смеялись. Никто не знал, как Косач переживал разлуку со своей семьей и лагерные издевательства. Я писал для него жалобы Генеральному Прокурору, и я один знал об его обидах. Произошло всё так. При немцах староста их деревни послал Касача в караул. Наказал ему:

– Ты, Кастусь, иди постой на краю деревни и покарауль. Ежели кто покажется из лесу, так ты беги ко мне и скажи! Карауль как следует, и гляди, не пропусти кого...

– Пошёл я, – рассказывает он, – постоял часа два, глядел зорко, но никого не видел. Прибежал ко мне старостин сынок и сказал: "Отец говорит, чтобы ты, дядька, шёл к себе до хаты". Ну я и пошёл себе.

А как пришли большевики, Косача и других арестовали, и на суде он узнал, что, оказывается, тогда он подстерегал ... советских партизан. Дали ему десять лет. Косач был человек простой и неграмотный, боязливый, терпеливый, послушный и работающий. В глубинной простоте своей он не ведал, что нужно быть "хитрым как змея", и за это схлопотал себе десятку. Я всю его историю описал подробно, но прокурор, видно, не читал, потому что не ответил ни слова".

Какие тут нужны разъяснения, и так ясно. С одной стороны простодушие, и мы вместе с автором сочувствуем ему, а с противоположной стороны машина, бесчувственная, судит и карает, нет жалости у аппарата, работает как заведённый, в результате не менее тридцати миллионов заключённых, уму непостижимо. Унизили жизнь, поставив над ней слепую силу, пусть назовут как угодно, неживая она, уродливая, поклоняются бесы.

Вот ещё там же представитель чудного народа, открытого, приветливого, спокойного, работающего, редкая порода.

"Другой товарищ, друг милый, звался Иосифом Горохом, из-под Городни. С этим мы жили уже в лучшие времена, когда получали из Беларуси более-менее одинаковые посылки и варили себе на летней кухне нашу общую кашу. Мы завели плановое хозяйство: мои крупы, а его сало, и наоборот. А ели аккуратно, чтобы не захватить кому одному липней шкварки. Поваром становился Горох, а я охотился за дровами. В кухне постоянно толкались инвалиды-кулаки. А "директор" не давал доступу к печи такому босяку, который лез туда без своих дров. В как раздобыть дрова? А это нужно было ухитриться и принести их из рабочей зоны; да, может, легче было бы принести за пазухой горячих углей, чем пройти с этими дровами через вахту, либо купить, или выменять на что другое, либо достать дров "по благу", либо... украсть! И до воскресения дрова эти нужно было ещё хорошенько припрятать, так как кухня работала только в "выходные" дни. А как их спрячешь,

если повсюду полно народу? И подглядит как раз тот, от кого я прячу. Но беда научила нас такой мудрости, какой определённо не обладал бы и царь Соломон, попадая он в советский лагерь.

Когда же всё у нас удавалось и Горох пробирался через щелочку в людской толпе, тогда мы оба неотрывно следили за тем, как бы наша каша не пригорела, как бы её не отпихнули в сторону, как бы не вывернули...

– Готово! Слава Богу...

– Ох, горячая! Жди, дуй на нее, мешай...

И невозможно это – ждать, ибо аппетит "подступает к самому горлу", рот заполняется слюной, а мне уже совсем невтерпёж. Нет, никогда никакая на свете каша, пусть в неё хоть кладут какие самые заморские вкусы, не получится такой изысканной, как эта наша лагерная!

И так мы наедались на целую неделю. И здесь на опыте я убедился в том, что значит кашу заправить. А если уж удавалось ещё раздобыть луку либо чесноку, либо перцу, так каша выходила царская! И каждый раз мы придумывали себе, что на воле мы вложим в кашу: ложку масла, ложку сметаны и куриную ножку. Но мы с ним до сего времени не встретились и ничего друг о друге не знаем. А после, – где только не бывал я – так ни в Варшаве, ни в Риме, ни в Париже, ни в Лондоне, ни Нью-Йорке или Чикаго – нигде в свободном мире такой вкусной каши, как та каша, я не едал. Говорите или думайте себе что хотите!..

Живые зарисовки лагерного быта и рассуждения о насущном передают настроение. Наполнена жизнь и книга страданиями и радостями. Наш автор, оглянувшись и оглядевшись, вновь перекрестился: "Слава Тебе, Господи!". Выбранные места – эпизоды из томительно-долгой одиссеи – показывают понесённый урон и приобретения. Бог не оставляет людей – таково кредо о. Иосифа. И он отстаивает убеждение.

"Да, но каша для тела, а для души – молитва. Сошлись мы с Горохом и в набожности. Очень мы любили молиться своему Патрону – Св. Иосифу, к которому мы обратили множество молитв. А среди них преобладала такая: "Дай нам Бог здоровья и свободы для большей Твоей славы!"

К нам присоединялись и другие заключённые. Да в это время от случая к случаю я по праздникам мог тайно совершать Св. Службу, а также исповедовать своих страдальцев и привлекать людей под свою духовную опеку. Нам особенно благоприятствовало то, что после смерти Сталина чуточку ослабело наступление против религии.

И нужно же было случиться такому горю, что Иосифа Гороха от меня забрали! Правда, он жил в соседнем филиальном лагере, куда наши работники ходили работать, и я через них посылал ему приветы и весточки, а он – посылал мне. А на Великий пост Горох впал в такое уныние, что дал Богу удивительный зарок (обещание):

– Дай, Боже, чтобы я, хоть через карцер, но вернулся к своему товарищу!

Ему так хотелось перед Пасхой встретиться со мной, чтобы отслужить Пасхальные страсти и принять Св. Дары. И Бог допустил это: через каких-то "стукачей" на Гороха пришёл донос, что он готовится к побегу из лагеря. Его тотчас же посадили на пять дней в карцер, а после сразу вернули в наш лагерь. Теперь мы снова могли докучать своему Небесному Патрону вместе. И не понапрасну, потому что 27 апреля 1955 года, как раз в День Св. Иосифа, я выехал из Советского Союза. Надеюсь, что и мой друг Иосиф Горох тоже получил защиту своего доброго патрона Св. Иосифа".

Естественно, Иосиф Германович в лагере тянется к своим, находит понимание и сближается с Косачем и Горохом, милыми его сердцу.

20. Край родной, сердцу милый.

Никуда не девается происхождение. Каждый остаётся частью народа. Имеешь прописку на Земле. В тебе укореняются географические вехи, становятся кровными языческие символы. Родина, Отчизна... Раб Божий Иосиф испытывает наплыв тихой радости при мимолётной встрече с Беларусью. И раздвоение чувств. Родина бедствует, честной люд в неволе. А он на пути к освобождению. Близок день свободы. Поезд идёт на запад.

"Проезжаем Беловежскую Пуцу. Она для меня родная и примечательнейшая да милейшая, чем та шумная, гордая Москва! Мягкий шум сосен, солидный шелест дубов, тихий шепот берёзовых листочков и пугливый свист осинового, что дрожат на своих тоненьких ножках, – всё мне напоминает молодость и моё детское счастье. Так вот тут она, близко, наша Беловежская Пуца – хоть и искалеченная двумя чужими войнами, хоть разрезанная теперь бесстыдной границей, но она вся – от начала и до конца наша, "белая – чистая". Я непременно хочу в ней задержаться и погостить, – ведь последний раз я был тут так давно... Но на этот раз нельзя! Поезд гремит и несётся на запад – без отдыха, без памяти, он – курьерский. Он останавливается только на минуту: попьёт воды, закусит углём, пустит пары и снова летит-летит... Вдруг даёт гудок – эхо раздаётся по Беловежью и там пугает трусливого волка, тревожит сонного медведя и удивит старого зубра. И вот зубр встал, потянулся и вздохнул – так, что задрожала земля. Он подумал: "Тяжело нам жить, когда железные кони вгрызаются в нашу вольную, живую пуцу. Надо защищаться...". Сказано с болью. Привязанность к роду, языку и очагу – про себя. Не бьёт в грудь и не кричит о преданности. Тут слова подлинны. Сыновнее чувство убедительно без декламации и пафоса. Чего играть на публику?

21. Украинцы – братья.

Патриотизм не отменяет добрых чувств и отношений к другим, сердечности к чужим краям, обычаям и говорам. Мы отвлеклись от предмета. Теперь речь об украинской диаспоре в чужеземье архипелага ГУЛАГ. Этот близкий нам народ, находясь и выживая в плену, имел своё лицо, характер и душу. Восприятие и оценка иностранности зависят от человека, отличают и характеризуют его. Сколько сострадания и доброжелательства в словах о единоверцах, страдающих от произвола и самодурства власти нечестивых:

"У украинцев с учтивостью соединялись живость, решительность и даже весёлость. Они быстро собирали вокруг себя своих сородичей – особенно перед Св. Рождеством и Св. Пасхой, тогда их набожные песни чаровали весь лагерь, а начальство будто бы этого не слышало и не ведало. А люди понимали и говорили, что церковь на Галичине сделала много хорошего для народа. Священники по большей части были из высшего света, разговаривать с ними было легко, приятно и полезно".

В жизни бывает разное. В памяти оседает не всё, что происходило или случилось. Также избирательна запись, которая становится свидетельством истории и биографическим эпизодом. Факты, встречи, разговоры, мысли,

чувства не забудутся, впечатляя изяществом и грацией, если касаются грандиозного смысла. Есть в мире подвижники и одарённые, приобщённые к высокому, склонные к тонкому восприятию и способные улавливать прекрасное в божественном. Религиозное вдохновение и поэзия, не будни и не рутина, запоминаются. Остаётся событие и подъём духа, который захватывает таких, как о. Иосиф.

"Более всего симпатично прошли в Потье рождественские праздники 1954/1955 года. Лагерные власти уже не козыряли своим атеистическим курсом и не препятствовали нам праздновать Рождество кто как хотел, за исключением общественных богослужений. Кутью устраивали национальными группами. Наиболее красивую сделали украинцы – греко-католики. Верховодил в их среде молодой священник И.Р. Украинцев сыскалось немало, и они разделили между собой обязанности: одни занялись подготовкой ужина, другие – переписывали колядки и устраивали спевки хора. Примеру украинцев последовали другие. Дрогнули даже люди, безразличные к религии и атеисты: сами они, правда, не устраивали для себя ничего особенного, но внимательно приглядывались к верующим, а потом уже присоединились к своим соотечественникам и усердно им помогали, особенно при столах.

Вот наступил сочельник! В нашем бараке первыми были украинцы. Пригласили и меня. Их сочельник был братской встречей людей в неволе, встречей религиозной, в меру патриотической и даже довольно небедной. В разговорах и коротких выступлениях проскальзывала кручина по родным, по дому и свободе. Пожелания звучали соответствующие дню:

- Последний у нас сочельник в неволе... Дал бы Бог скорее домой...
- Счастливо всем вернуться к своим!
- Дай, Боже, свободу всей отчизне!
- Дай, Боже! Дай, Боже!

Звучали милые коляды: в них удивительным образом соединялись радость и тоска, небо и земля. Всемогущий Господь в ипостаси Младенца, яркая звезда в темноте ночи, песни ангелов и жестокость Ирода, светлое Рождество в убогом стойле – всё вызывало у нас праздничное настроение, а временами и слезы на глазах. Украинская песня не имеет себе равных: хорошие природные голоса, привычные к пению и в церкви, и в хате, в поле, на веселье, в одиночку и в хоре – эта песня увлекает за собой и захватывает, подбивает на что-то и успокаивает.

Какая великая обида и потеря для нашего народа, что под вражьем напором он забыл и сгубил свою религиозную песню! Какое позорное несчастье, что наше католическое и православное духовенство так долго отделялось от народа и учило своих братьев святым истинам веры на чужих и враждебных нам языках. А великие войны и искусственные границы рвали наши земли и разделяли наш живой народ. И вражеская революция своей вооружённой вражьей рукой отобрала у нашего народа его веру, родной язык, землю и волю и такими средствами стремится убить его душу".

В последнем абзаце делается вывод. Он имеет политическую направленность и антисоветское звучание. Это убеждение автора, с этим нет смысла спорить. Но обратим внимание на досадную оплошность кого-то из публикаторов (наборщика, переводчика, редактора или, увы, самого писателя), излишне полемически назвавших "враждебным" язык, неважно уточнение национальности, понятно, не китайский, послуживший церкви

посредником вероучения. Безусловно, здесь это неуместное слово. Любовь к родному естественна и природна. Как знать, привязанность к дому и очагу бывает необходимой и благотворной, даже, может, благородной, как забота и беспокойство о благополучии и процветании своего края, но и тут опасны крайности и чрезмерности национализма, чванство и ограниченность ведут к ксенофобии.

И. Германович, белорус, христианин, монах, образованный человек, педагог и воспитатель, не мог испытывать, тем паче выражать, ненависть к славянскому языку, на котором сам он постоянно говорил в жизни и проповедовал христианскую мораль в церковном служении. Трудно поверить, чтобы о. Иосиф и в самом деле относил русский (или ещё какой) к враждебным языкам. Тут недоразумение или ляпсус, наш автор ни при чём, чужой грех. Не может быть слепым ни пастырь, ни поводырь. Эти две роли и обязанности были призванием, свыше данным ему.

22. Ливонцы.

И ещё одна национальная группа, близкая сердцу И. Германовича, уроженца северо-западной Беларуси, помимо своих и братьев-украинцев, так это литовцы и другие самобытные племена прибалтов. Земляческие и религиозные связи, общность судеб, объединяют людей на чужбине. В сибирских лагерях среди заключённых встретилось немало жителей Прибалтики, пострадавших от советской власти после оккупации и присоединения республик к империи. Стали они заложниками. При описании каторги автор книги воспоминаний не обойдёт вниманием добронравных друзей, в нужное время проявивших спасительное сочувствие к его судьбе. Без солидарности и живого участия там не выжить.

"В той палате, где я жил, опасаясь осуществления блатными своей угрозы, напёрлся один человек – литовец, которого надо было бы назвать "золотым сердцем". И так счастливо получилось, что меня переместили к нему на верхние нары и мы спали с ним бок о бок. Не могу себе простить, что забыл его имя, – так буду называть его здесь "Жмогус" (Человек), какого, действительно, нужно было бы искать с зажжённой лампой в ясный день. Один такой стоит сотни других, обыкновенных. Он верил в Бога просто, по-детски: не только ежедневно молился, но и жил с Богом в сердце. О себе говорил без хвастовства, работу свою делал без корысти, а внешне выглядел таким же, каким был в душе. Делать людям добро в такой трудной лагерной жизни, какой жили мы, было для Жмогуса делом самым обыкновенным. Трудолюбие и терпение его были неслыханные и невиданные.

В Литве он был театральным декоратором и гримёром: профессия эта особая, при ней человек может стать либо настоящим артистом, либо балаганным. В лагере его назначили парикмахером, и только его одного я не боялся, когда он острейшей бритвой водил в непосредственной близости к моему горлу. А других... – кто же их разберёт? Потому что нередко бывали среди наших парикмахеров и блатные-придурки, руки которых уже были обогреты человеческой кровью. Только уж очень мало оставалось у нас со Жмогусом времени на разговоры: возвращался он с лагерной работы поздно и очень уставшим и моментально засыпал как убитый. А я в ту пору уже шёл на поправку, и свободного времени у меня было масса.

И вот я разузнал, что в палате для чахоточных находится один больной – литовец Стацевичос. Я уже через Жмогуса был с тем священником заочно знаком и

очень беспокоится об его здоровье. Но никак нельзя было с ним переговорить, – меня на воздух ещё не выпускали. Да и вообще к туберкулёзникам пробраться не было никакой возможности. К счастью, наступили тёплые дни и мне вскоре позволили выходить из барака. Мы со Стацевичосом поговорили через окошко, и однажды нам удалось даже по-латыни исповедоваться друг другу. К тому же ещё мне снова удалось, преодолев всевозможные препоны, раздобыть немножко вина и хлеба и я мог иногда отправлять Св. Литургию. Несколько раз я через Жмогуса пересылал своему больному приятелю Св. Дары.

...И вот мой новый друг Стацевичос начал поправляться и смог выходить посидеть на завалинке. Боже ж мой! Какой же сердечной была наша с ним встреча! Как он был признателен мне за священническую услугу и каким милым товарищем был он в беседах. Мы подружились с первого слова, и нам трудно было друг от друга оторваться. Он был высокий и худой: продолжительная тяжёлая болезнь сокрушила его вконец. Неторопливый и степенный, какими часто бывают литовцы, и такой простой, непосредственный и чистосердечный, как Божье дитя. Он уже довольно хлебнул горького горя и унылой тоски, будучи среди чужеземцев, но не очерствел сердцем, сносил свои тяготы терпеливо и был абсолютно предан Божьей Правде, как настоящий Христов мученик.

...Дружба наша со Стацевичосом возникла неожиданно и просто чудесным образом, да и по характерам нашим мы подходили один другому. Иногда именно вот так пускают к себе в душу прежде чужие и далёкие друг другу люди – как бы по общей группе крови, так что кровь, влитая от сильного слабому, спасает того от смерти. Но поскольку оба мы были слабыми, нас можно было сравнить с теми двумя калекками-инвалидами, которые помогали один другому: один был хромым, а другой слепым. Хромым держался за слепого, но зато показывал тому путь, и обоим от этого была польза.

К великому сожалению, наши знакомство и дружба оборвались так же внезапно, как и начались. Мы думали, что будем неразлучны, но расстались навсегда, и после я узнал, что мой друг умер. Ни о месте, ни о часе его смерти я разузнать ничего не мог. Страшные несчастье и потеря! Почему же мы с ним так неожиданно разлетелись в разные стороны? А потому, что развела нас лихая наша советская судьба: не могли мы ни выбрать, ни выпросить для себя места, ни подобрать для себя друга по своим запросам и духовной близости. Мы обязаны были жить с самыми непопулярными или даже с желающими нам только зла людьми, даже с открытыми нашими врагами, – так, как это входило в расчёты нашей неподской власти; а эта власть намеренно старалась подбирать и сводить воедино, как говорится, кошек с собаками, или волков с овечками".

Разными бывают и литовцы, среди них встречаются такие, которых лучше избегать. Вот о. Иосифу запомнился случай из лагерной жизни:

"Как только прибыл я в 020-ый, подошёл ко мне литовец Юргис Шельмукас – человек такой приветливый, симпатичный и чуткий (ну, прямо "как шёлковый"), что я сразу доверился ему, как родному брату. Обязательно хотел он мне хоть чем-то помочь, так как, как, видеть и понимал, что положение моё тяжёлое. А у меня ещё сохранился харбинский священнический подрясник, хоть и поношенный, но материал-то заграничный! Литовец взялся его продать за пределами зоны – известное дело – неофициально: там можно было выручить за него денег побольше. И я уже загодя тепился как дитя: строил далеко идущие проекты, и в моих этих планах всё катилось как по маслу. Юргису взялся помогать его брат, который тоже сидел в этом лагере. Этот Петрас больше молчал, а Юргис говорил за двоих. Оба

они здоровались со мною вежливо и дружелюбно, оказывая авансом кое-какую помощь, правда, самую малость; обещали в скором времени завершить дело и продать подрысник с наибольшей выгодой. А я ждал – долго и терпеливо, а потом стал проявлять нетерпение и сомневаться... А оба литовца стали меня при всяком удобном случае избегать, обходить стороной, прятаться, а после вообще сгинули с моих глаз, но Юргиса мне однажды всё же удалось словить и припереть к стенке:

– Что случилось? Возвращай мне моё назад!

– А если уже нет...

– Тогда отдавай деньги!

– И денег нет.

– Э-э-э! Значит, вы меня обманули. Пойду к начальнику.

– Иди! И получишь у него пять дней карцера за то, что подговорил меня продавать свои вещи за зоною.

...Так закончилась наша дружба и знакомство, а также исчезла и моя надежда на спасение. А на другой день товарищи меня предостерегают:

– Будь ты поосторожнее с братьями Шельмукасами: они всех новых священников обманывают и обворовывают.

– Спасибо вам, – говорю, – за добрый совет. Да где же вы раньше-то были?"

Разные люди, честные и бессовестные, мы это знаем. Тем не менее попадаешь вприсак. Каждому приходилось испытывать горечь от излишней доверчивости и коварства в ответ. Лукавство и обман умеют маскироваться, ловко прикрываются словами ласки и дружбы.

Человек трезвого рассудка, о. Иосиф понимает, что семья не без урода. Братья-аферисты, оставившие горький след в памяти, являли собой вовсе не типичный случай для нравов и порядков народов Севера. Не сказано, но можно догадаться, сколь близок мемуарист к культуре и характеру населения балтийского побережья. Не случайно носит фамилию Германович.

23. Эсты.

О. Иосиф обнаруживает интерес к судьбе прибалтийцев, по роковому стечению обстоятельств ставших жертвой сталинской политики и коммунистической экспансии. Призраки бродили по Европе. Потом строем пошли в отдельно взятой стране. Теперь всюду шастают и бесчинствуют, сгрудились малые. Не спрячешься – достанут. Есть такая партия!

"В лагерях в окрестностях Тайшета-Братска я обратил внимание на непропорционально большое число эстонцев. Спрашиваю у них:

– Почему вас тут так много?

– У нас вообще все мужчины пошли в Сибирь, а интеллигенции, кроме коммунистов, в Эстонии не осталось. Зато места наши заняли русские.

– Почему так сталося? – Сколько их там не было, все как один на этот вопрос не отвечали, молчали как каменная стена, и причин я так и не узнал.

Эстонцы – народ рослый и сильный. На удивление, все они в нашем лагере держались дружно и как единомышленники. В нашей бригаде их было десять, и в столовой они садились все вместе. Если иногда у них кого-то недоставало, к ним подсаживался один турок, которого за это мы прозвали эстонским президентом. Очень продолжительное время я работал с одним эстонцем – учителем гимназии. Это был толковый и скромный человек, а в работе очень спорый. Говорил он о своей Эстонии охотно, но без докучливого самохвальства. Мне больно было потом с ним

расставаться. В эстонской группе бросается в глаза своей импозантной фигурой Август Пель. Весил он 140 кг. А товарищи говорили о нём, что Пель в лагере сильно поухудел, а на воле он имел 225 кг. Я не хотел этому верить, до тех пор пока не увидел его в бане: на нём висели четыре мешка от потерянного им живота: два на груди и два на животе; свешивались они по бокам, как пустые торбы. Был он человеком крепким и подвижным; только "герр" Август был среди нас самым большим мучеником. Ему не подходила ни лагерная одежда, ни обувь, ни наши узкие и короткие нары, так как в Советском Союзе всё делается по шаблону, а кто не подходит под общую мерку – тот виноват сам. Кто же будет для таких чудачков открывать специальные фабрики? Вот и наш великан Пель долго ходил оборванцем и выглядел как большой "дядька" – до тех пор, пока для него специально не сшили одежду. В Эстонии этот "буржуй" был демократическим тружеником – шорником".

Автор воспоминаний не скрывает от читателя, на чьей стороне был и остаётся он в противостоянии великодержавия громады и чувства национальной самодостаточности гордых племён и народов, предпочитающих вселенскому колхозному строю единоличность хуторянства, без собраний, правлений, председателей и руководящих органов. Они готовы думать, работать и отвечать сами за себя. Такой индивидуализм.

24. Слепой латыш.

Пришлось как-то о. Иосифу послужить в лагере поводырём слепых. Среди них – белорус, русский и латыш. Лет шестидесяти инженер, словоохотливый, заносчивый и нервный, лютеранин. Латыш был осторожным и причинял поводырю немало беспокойств. Часто и кропотливо проверял продукты, получаемые им в посылках из дому.

"Латыш не тяготился своего слепотою, он довольно неблагоразумно отказался от операции, хотя важные доктора обещали ему, что один глаз они ему вылечат, но об операции он и слушать ничего не хотел!

Я не выдержу, я умру. Вернусь на волю в Латвию, тогда и сделаю операцию

Он очень интересно рассказывал мне о свободной Латвии, которая, как малое государство, до 1940 года добилась развитием своей науки и трудом полного достатка. Сам он в то время работал на новом сахарном заводе: машины для него были закуплены в Чехословакии. Инженер со своими дочерьми проводил в химической лаборатории завода различные экспертизы и опыты: они создавали новые виды сахара из молодого жита, из пшеницы и другие. А их сахар из групп пользовался известностью даже на близких и дальних зарубежных рынках.

– А вот до чего дошло, – говорит, – Латвия потеряла и свободу, и свою судьбу, а я получил долгий срок лагерей и здесь от тяжёлой работы ослеп.

Из разговоров с ним я выяснил, что латыш был человеком практичным. В своём латышском государстве он пользовался большим влиянием как инженер-химик и вложил немало труда на пользу и славу своего отечества.

– Я имел, – говорил он, – в Митаве дом на двадцать семей; при доме был большой фруктовый сад... Все у меня имели соответствующие выгоду и приятность, и потому дом никогда не пустовал.

В такие минуты разговоров мы взаимно лучше познавали себя и больше ценили в себе человеческое достоинство и, если б нам дали побольше времени, мы обязательно должны были бы крепко подружиться...".

25. Ещё западнее.

На очереди сюжет о поляках. Исторический народ, норовистый, характерный, заметный и знаменитый – личность, одним словом. Иначе говоря, крепкий орешек, не размазня, всегда в форме, такая культура. Иосиф Германович подтвердит это мнение:

"Привезли нас снова в Тайшет. Номер 025-ый, тот самый, с которого мы начали в 1949-ом свою Голгофу. Я не узнал Тайшет: он совершенно преобразился. Бараки, что были перестроены из хлебов и конопшен, заменили новыми, можно сказать – шикарными. Они выглядели как казармы: построенные по плану, высокие и просторные...

Нары наши были общие, и все спали вповалку, без матрацев и постелей. Собрались и стиснулись вместе инвалиды из разных лагерей Ангарлага. На счастье, дров у нас хватало, так что мёрзли мы только в самую меру. Меня тянули в свою компанию разные незнакомые люди – я не мог сообразить, кто из них лучше, и очутился на нарах в группе живых, шустрых людей, которые очень много и быстро разговаривали между собой; они оказались поляками. Я с большим интересом их слушал, так как они знали немало новостей из советских лагерей и из Польши, и со всего света. Тут мне представился случай сравнить польский характер с национальными особенностями других народов, и скажу, что поляки сильно отличаются от нас. Представляется, что характер белорусов ближе к славянскому или даже к хорватскому, чем к польскому. Мои новые товарищи закидывали меня вопросами, но перебивали мои ответы и отвечали за меня сами, – ибо они были поляки! Их мысли и высказывания были оригинальными и смелыми, но они ничего не договаривали до конца, перебивали один другого, забывали о чём говорили, и в конце концов у них воцарялся хаос и содом. Они рассеивали мою тоску и легко становились моими приятелями, но я не был с ними связан: отрывался от них и с готовностью пускался в разговоры с другими".

И далее он сообщает о том, что встречал в сибирских лагерях поляков, которых по два-три раза возили на польскую границу, а иных и на Каспийское море, чтобы через Иран отпустить на свободу. Однако по какой-то причине оттуда тащили обратно в Сибирь и снова упрятывали в лагерь. По всей видимости, не знали, что делать с публикой неугомонной. Братья, да с гонором. И колебались с решением освободить переживших лихо и оставшихся свидетелей. Что ещё выкинут, трудновоспитуемые и самочинные, в лагере социализма? Сколько заблагорассудится, сомневайтесь и спорьте, какие же в действительности соседи с запада. Такие-сякие или вовсе другие. Тем не менее на общем фоне выдаются чем-то. Свообразием духа и польским характером. Особенный рисунок, стиль, изящество и галантность.

26. Басры.

Через стенку от поляков – немцы. Беспокойные соседи. Не назовёшь закадычными друзьями. Что за народ, войну начал, разодрал Польшу. И низко пал, дальше некуда. Теперь ума набрался.

"Почему-то только одни немцы в Потье получали щедрые посылки от "Красного Креста". Все остальные инвалиды только поглядывали на немцев с неприязнью и молчали. А немцы получали консервы, сахар, мёд (!), варенье и прочее. А мы... Мы могли свободно всё это у них покупать.

– Ах, немцы продают мёд! Так давно мы его не видали.

Побежали мы спрашивать – по-немецки, чтобы лучше им потрафить.

Но всюду одинаковый ответ:

– Был. Нет. Продали.

Только в одном месте нашли: мёд натуральный, душистый, сладкий, только цена "солёная". Ну, так или иначе, решился и я купить. Мёд очень быстро взял и кончился. А после этого жизнь показалась ещё более горькой".

Эти уже из последних военнопленных. В Москву приезжал Аденауэр вызволить, кого недосчитались у себя. Пока подписывали договор, в лагере шли международные торги. Жизнь продолжается, меняясь к лучшему после Диктатора.

27. Самурай-сан.

Тесные отношения у о. Иосифа в лагерях и тюрьмах складывались с японцами. Их там после войны большое множество. Вкалывали на экономику победительницы. Заодно перевоспитывались в духе марксистской идеологии. Уверенные замполиты, советские воспитатели, кичились успехами: милитаристы на глазах меняли убеждения, усваивая коммунизм по программе лагерного ликбеза. Надо знать японцев. Потерпев поражение в войне, закончившейся Хиросимой и Нагасаки, переживали национальное унижение.

И ещё один японец, звать Мидзуми-сан, хорошо запомнился мемуаристу. Вот как было:

"Однажды конвой со скрежетом распахнул дверь и втолкнул его к нам. Он как пьяный свалился со своим узлом на пол и вопил так, что задыхался. Сколько живу на свете, никогда не видел, чтобы мужчина так плакал. Этот несчастный долго не мог опомниться; и мы были огорчены, что не могли с ним объясниться. Только поняли, что он после четырёх лет лагерей получил на новом суде двадцать пять лет. А за морем у него осталась семья с детьми. Оказался он человеком простоватым, но аккуратным, опрятным и вежливым, как вообще бывают японцы. При этом был добр и простосердечен, какими бывают не все они. За что ему дали двадцать пять лет? Он был пленный и похоже, что ему приписали шпионство. В лагерях мне с ним пришлось встречаться ещё несколько раз. В конечном счёте мы подружились".

Когда о. Иосифу достался кусок сала, он заставил себя отдать японцу, перенесшему тяжёлое заболевание и нуждавшемуся в подкреплении. Об этом поступке было рассказано. Перебороть голод редко удаётся даже и братской дружбе.

"Однажды латыш-священник подарил мне кусок сала. Можно было бы разделить его на две порции, чтобы съесть с хлебом, но где там голодный человек будет делить! Так я быстренько направился к своему ложу, чтобы прилечь и, опершись на локоть, смолотить свой счастливый кусочек. Но сразу взгляд мой упёрся в лежащего напротив меня японца, моего приятеля Мидзуми-сан. Он этим утром вернулся из лагерного госпиталя после продолжительной болезни. Совесть моя подсказала мне, что Мидзуми слабее, чем я; к тому же я знал, что у него в Японии остались четверо детей, к которым он был обязан вернуться. Значит, спасти его нужно настоятельнее, чем меня. Я старался отогнать от себя эту назойливую думу, но она всё сильнее въедалась мне в душу. А передо мной уже лежал в запасе ломоть хлеба, да в таком добром соседстве с салом! Я почувствовал себя таким слабым в этой борьбе, что, не доверяя себе, дабы не передумать, схватил тот

заповедный кусок, подбежал к японцу и сунул его ему в руку. Мидзуми даже подскокил: в один миг он испытал и испуг и удивление и обрадовался. Свидетелей не было.

Я же вернулся к своей постели, одновременно очень довольный собой и очень-очень погрузнев. Лёг на своё твёрдое ложе безо всякой надежды заснуть, потому что сердце колотилось очень беспокойно".

Психологически достоверный рассказ о мужестве и сострадании. Трудно в ущерб себе делать добро ближнему. Это тебе не проповедь, призывы и мнение, но дань и самолишение. Необходимы щедрость и альтруизм, чтобы спасти бедствующих.

У каждого по-своему неповторимый и своеобразный опыт жизни. Разные отношения, связи, встречи, наблюдения, рассуждения, обобщения. Речь идёт о том, что мы непостижимым образом распределяемся по сценам истории. Без спора принимай назначение судьбы. Мудрость Востока видит гармонию целостности мира в органичности и согласованности частей. Познание качества не имеет границ. Люди постепенно и медленно совершенствуются сами, хотя без помощи духов и предков не обходится. Поколения и народы исполняют исторические роли, им предписанные свыше. Все закодированы?

1954 год, Вихоревка Иркутской области, лагерь номер 013-ый.

"Организовалась новая бригада из нерабочих инвалидов. Отвели нам особый барак в самом углу лагеря. В бригаду вошли по большей части японские пленные, а бригадир носил имя Баба-сан. Держался он по-генеральски, потому что, действительно, был японским генералом; а выглядел очень уж смешно: низкорослый, толстый и нескладный, но японцы чрезвычайно его уважали, так как у него были высокие военные заслуги, да и немалая учёность и ум. Нами, нерабочими, никто теперь не интересовался и не занимался – как будто нас и вообще на белом свете не существовало. Чтобы не пропасть с голоду, всего нужно было домогаться. Японцы не умели говорить по-русски, а Баба-сан – только немножко; мы не знали, чего нам ждать. Шли дни за днями, а начальство молчало. В конце концов мы убедились, что начальство не знало, что с нами делать".

Отпустили вожжи, ГУЛАГ уже совсем не тот, однако надо ведь как-то додержаться до конца, маячит освобождение, и там – свобода. Человек надеется на лучший исход, наш отец всё повторяет молитву: "Боже, вызволи меня из "юдоли неволи", – хоть оставалось ещё двадцать лет лагерей. Как знать, мольба невольника услышана там.

28. Исход.

"Наконец и в наш лагерь заглянуло солнце свободы! Первых вызвали японцев. Не зря на их флаге на белом фоне красуется красное солнце. Японцы исчезали тихо: их забирали небольшими группами. И тут же за ними следом пошли корейцы: их нашлось человек тридцать, молодых бойких людей. При расставании (не с нами, но между собой) они организовали шумный вечер – с речами, с песнями и с дружной братской беседой. Мы увидели между ними такую приязнь и сердечность, о какой ранее и не подозревали. На свой вечер они принесли только свой лагерьный ужин и пару баночек варенья. Зато речи их были горячие: их раскосые глаза сверкали, они оживлённо жестикулировали; много раз раздавались взрывы смеха, по-детски радостного и искреннего – как умеют смеяться только восточные народы. Один

выступает, а все вежливо слушают, поддакивают, кивают головами. Либо – нет! А если спорят – так даже злятся. Но в конце всё покрывается свободным и дружным смехом. Нам, белым, было стыдно, что мы не умеем так дружно веселиться, так по-братски жить и так культурно расстаться, как эти жёлтые азиаты".

Восток – загадочный мир, особенный и закрытый, своя мифология, религия, культура, история, психология, глубина и непостижимость. Не в пример нам, католический монах-миссионер наблюдает и замечает характерные этнические черты, местные обычаи и нравы. Это важно для доверительных отношений между проповедником и населением. Он готов к межнациональному общению и разбирается в интернационале суровых сибирских концлагерей.

"В Тайштеге собралась масса народу. Лагерь хотя и был большой, но теснота создалась ещё большая. Общество сложилось весьма пёстрое – от японцев и корейцев до немцев и югославов. Никто не искал ссор, но люди не могли между собой сжиться, так как страшно друг другу надоели. Каждый грезил только о том, как бы ему поскорее разлететься с другими в разные стороны... Только три человека из нашего барака ухитрились и, будто сговорившись, в одночасье вырвались на волю, без разрешения и без документов: японец, еврей и поляк просто взяли и умерли. А мы, остальные, продолжали тянуть свою лямку".

"Ну, и наш час наконец пробил. Закричали: "Этап, этап!".

Этап высылали большой: румыны, немцы, словаки, венгры, болгары, поляки, евреи, к которым присоединили пару украинцев и одного белоруса. Остались на месте югославы и немного разного другого народа.

Расстался я с Тайштем безо всякого сожаления, ибо это был унылейший лагерь в Сибири. Поставили его между болотами, обгородили высокими столбами, закрыли от всего Божьего света и так сотворили огромную клетку для "людских зверей", которые в преобладающем своём большинстве были лучшими людьми в Советях".

Вот и в этом случае наблюдения и описание обстановки заканчиваются чётко выводом. В нём оценка по существу, обобщающая и принципиальная. Такова привычка, намерение и стиль изложения. Автор воспоминаний не может и не хочет скрыть непримиримости в отношении к системе беззакония и безбожия. Он уверен, что лишённые подлинной и высокой веры, без традиций, культуры и религии, народы выпадают из истории. Ибо тогда дичают и деградируют. Отсюда один шаг к самодержавию уголовников и блатных. Есть такая партия, режим единоличной власти и идеология реального социализма, броская и обманчивая вывеска на фасаде аляповатого строения. Громоздкая империя зла, царство произвола, дьявольщина и разгул бесовщины. До сей поры остаются обманутые обещаниями благоденствия и усыпленные словами, яркими и безвкусными.

29. Бог нам судья, товарищи.

Всяк человек своеволен в восприятии и оценке окружающего мира. Если ещё задет и обижен, – становится особенно капризен и нетерпим. Чужие символы раздражают, злость вызывает сарказм. Ничего не поделаешь с дерзостью и вольнодумством, приходится мириться с норовом и нетерпимостью. Уже в конце эпопеи, перед томительным расставанием с

империей зла, заключительные аккорды. Последняя тема – прощание со столицей.

"А где же её известные всему свету "сорок – сороков" церквей, которые строились на протяжении 800 лет? В значительной своей части были они красивые, стильные, щедро золочённые, величественные и безмерно богатые... Нет их! А коли так – то нет и Москвы! Есть город: великий, промышленный, коммунистический центр – так всё это – дешёвка. А церкви пошли под склады, на хозяйственные нужды, либо, сокрушённые и запущенные, – стоят без окон, облупившиеся...". "Кремль. Только тут Москва осталась сама собой: красивый стильный уголок, в солидном старинном вкусе, но ему тесно между новыми зданиями. И нынешнему правительству тут тесно. И оно, конечно, без сожаления давно бы всё это старое снесло прочь, но не отваживается...Правительство, как мы там видели, обновляет кремлёвские соборы, которые затерялись в строительных лесах, и так тесно ими обставлены, что не могут пробиться к небу ни одним своим кручёным куполом. Это символично: так обгорожена в Советском Союзе и вся Православная Церковь под опекой безбожного правительства...".

Аналогия помогает конкретно представить и понять ситуацию, положение церкви в безбожном государстве. Рисуеться злая карикатура на респектабельный, из вечного камня, знаменитый Мавзолей, что у кремлёвской стены, на Красной площади. В метафоре используется, несоразмерно и нахально, очень уж расхожая и дешёвенькая штучка, для ещё большей зримости. Явно приём остранения и комизма, снижение образа коммунистической святыни, просто унижительное святотатство.

"Нас не выпускали из автобуса ни на минуту: только через окна смотрели мы и дивились на историческую Москву. Проезжая мимо гробницы – мавзолея Ленина-Сталина, автобус сбавил ход, и мы могли видеть и сравнить между собой Мавзолей и его окружение. Ни своим размером, ни стилем гробница не сочетается с кремлёвскими формами, как если бы кто, глумясь, поставил бы перед фронтом классического исторического дворца пивную бутылку. Наши инвалиды сразу же назвали ту пристройку "овощехранилищем", что по-русски то же самое и означает".

Сколько язвительности в словах. Назвали, переназвали, наклеили ярлычок – значит, постановили. Улавливается и навязывается сходство между сооружением у стены и складом. Надо понимать отношение зеков к культу вождей в империи, рабовладельческой, феодальной и вечно языческой.

30. Сравнение, аллегория и притча.

Без языка, ясности мысли, искренности, сочувствия, терпимости – проповеднику не пробиться к сердцам верующих, тем паче неверующих. Церковная публицистика, вещь своеобразная и консервативная, есть древнее искусство просвещать и увлекать души словом и убеждением. Как бы к церкви ни относиться, вольному воля, нет общей оценки веры и проповеди вообще. Может быть всё что угодно, во благо и во вред. Сказано вопреки догматическим постулатам духовника. Моё сомнение – на мне грех. Каюсь.

"Всё познаётся в сравнении". Изречение об относительности и условности оценки сущего воспринимается как максима, нечего спорить. Недаром сравнение становится литературным приёмом и риторической

фигурой.оборот способен обогатить качество речи, художественность, смысл, влияние. Усиливается стилистическое мастерство, изобразительность и изящество. Выразительность и своеобразие слога притягательны, нетрудно заметить при чтении произведения. Образность завораживает публику, слушателей и читателей. Автор книги усвоил законы и приемлет правила сокровенного и откровенного собеседования.

"Видимо, до тех пор, пока человек сам не убедится, что он не может в достаточной мере ощутить и понять – здоровый больного, сытый голодного, свободный пленника, богатый бедного, умный глупого... Коммунисты на том и спекулируют, что изнеженный свободный мир хочет попробовать на вкус их посулы и обещания, "понюхать" планы и программы – совсем как мышка хочет шкварки, находящиеся в мышеловке". "А чеснок пользовался у нас такой же славой, как на воле шоколад. Так, бывало, "богатый" с миной добродетеля щедрой рукой раздавал соседям в столовой по зубчику чеснока, и не было ни одного, кто бы от такого подарка отказался. Некоторые лакомки растирали этот чеснок на кусочке хлеба, ели медленно и с таким почтением, как англичане и американцы едят на Рождество индейку". "Кто сам не бывал голодным, как волк весной, тот меня никогда не поймёт. Так житель Африки не понимает, что значит снег, хоть читай он о нём в книжках и рассматривай картинки: снег надо пощупать".

Сравнение отражает позицию, взгляд, отношение к самой ситуации. "Сравнительная" оценка и переживания выразительны. Задевая за живое, остаются в памяти. Отец Иосиф много лет рассказывал проповеди в приходе и читал нравоучения в классе, будучи воспитателем и миссионером. Имея дело с людьми простыми и непросвещёнными, профессионал усвоил классическую манеру евангелизма и библеистики. Тематика меняется, остаётся стиль изложения. Не плоть и материя, но больше того: воздух, атмосфера и настроение.

"Ибо охранники, как волки, беспощадно людей подгоняют, а инвалиды, как овцы, без памяти торопятся; а людям нормальным из-за них нет никакой жизни!". "Как в Советском Союзе исчезают люди, мы об этом ничего узнать не можем: они пропадают бесследно, как камень в глубокой воде". "Пропал человек, и никакой "Красный крест" его не отыщет. Как муха". "И в Чите, где мы сидели, у нас не было ни родных, ни знакомых; кроме того, ни писем, ни посылок в следственной тюрьме получать не разрешается. Всё это время мы, буквально, не ведали ничего о всём белом свете. Иное дело в лагерях: там большая свобода. Применим хотя бы такое сравнение: в тюрьме заключённые живут, как овечки в закуртке; зато в лагере... – ну, тоже, как овечки, но в просторной большой загородке". "И была тогда ранняя весна, были мы в Тайшете, кормили нас пустой похлёбкой, и я чувствовал себя как голодный волк, был худой как щепка". "Один из наших длинных – Ионас Дыделис, литовец, был самым голодным во всём лагере. Он вечно выпрашивал "дуона" – хлеба, а живот у него был как мешок без дна". "А в лагере у нас были просторные протоптанные дорожки, по которым мы и кружили вдоль и поперёк, как слепые кони в манеже". "Но наша аптека пустовала и доктора работали без радости, как немые певцы на сцене". "Советские люди привыкли молчать, как пустыnnики". "Иногда такая комиссия гремела на нас и на начальство, но так же – совершенно впустую, как остаётся сухим лето, когда туча хоть и прогремит, но пройдёт мимо стороной". "Сидит он перед гадальщиком, как больной перед доктором, и ждёт решения своей судьбы – жить ли ему, либо помереть". "Я и сам убедился, что даже и без ворожбы одно доброе слово облегчает беду, как масло заживляет рану, потому что тоска грызёт и заедает несчастного человека исподволь, постепенно". "Советскую тюрьму, да и лагерь, можно сравнить только с пеклом, откуда никто никогда не убежал".

У читателя, чувствительного к языку, вопрос: что автор связывает с чем, зачем сравниваются и как оцениваются разные факты, случайности, закономерности, переживания?

Сравнения заметны в тексте. На каждой странице находим сопоставления, предметные связи и ассоциации. Привычный оборот и фигура речи. В результате формируется интонационный рисунок, почерк, слог и образ автора. Он увлекает, притягивает, убеждает, вызывает доверие, влияет глубже, пронзает тебя. В этом назначение и сила проповедника, мифотворца и сказочника. Слова эмоциональны и выразительны, отличаются пронизательностью и проникновенностью – таков стиль речи: ясно, просто, лично тебе сказано, доверительно. Нелегко передать все тонкости сказанного и влияния на окружающих. Непросто разбираться в манере письма, природе и культуре общения. С трудом обнаруживаемая специфика одухотворённости и действенности, не выразимая в понятиях, тем не менее есть, спрятанная и затушёванная до поры до времени. Словно изобразительное мастерство, живость танца и подлинная художественность, неповторимы также человеческий голос и речь со своей поэтикой.

Миссионер, распространитель вероучения, развивает популяризаторские способности и педагогические склонности. Автору и монаху из Марианского ордена не скрыть политических пристрастий, привязанностей к идеологии Ватикана и антикоммунизм. И.Германович нетерпим к атеизму, видя в нём смертный грех, соращение и дьявольский обман. В безбожии корень всех бед и несчастий.

"Высокие лозунги безбожников и творят изворотливых блатных, которые часто хуже, чем дикие звери... В Советском Союзе так выросли и развились хитрость, увёртки, мошенничество, фарисейство, что их не могут предусмотреть никакие законы, а выследить – ни милиция, ни суды! Ибо невозможно переучить сову, чтобы она клевала зёрнышки или чтобы каждый день неслась, как курица. Дрессировку надо осуществлять по натуре зверя; а дитя нужно растить по природе человеческой, а не на звериный манер".

Больно терзали душу воинствующие атеисты и наглые циники, коим нет числа среди эзков, их вульгарная манера обращения.

"Ко всему, Кривун любил подчёркивать своё неверие, и это безо всякой на то нужды. А я старался сдерживать себя, чтобы не возражать на его софизмы и не отвечать на придирки. Потому что какой смысл толковать такому материалисту духовные ценности? Не будет же артист петь свои арии глухому".

То речь о бригадире, а вот о словаке Клименте:

"По внешности он выглядел симпатично: молодой, упитанный, красивенький, как малёванная кукла, вертлявый и страшнейший болтун, но в моральном плане он был полным калекой. И при том – верующий!". "Этот человек имел здравый ум и был по-своему честен. Но он так сжился с грехами, что пил их как воду и дышал ими как воздухом. Всё происходило так, если бы кто, не знаю каким образом, дал образование свинье, а она, помытая, как только представился ей случай, лезет снова в грязь, а после начинает вытираться о чистого человека. И миллион ангелов не очистят одного чёрта, имей он хоть величайший разум и желай стать счастливым!".

С помощью сравнений и аналогий, метафор и других образных средств подчёркивается предвзятость и заостряется мысль и чувство в отношении к событию, человеку, характеру. Эмоциональная оценка задерживает внимание на определённой грани предмета, мотива или темы сообщения.

"Наш старший санитар был в средних годах и, может, из бывших преступников. Мужчина сильный, характер положительный, голос резкий, лицо насуспенное. В горле у него

была вставлена трубка, через которую он дышал. Своим искусственным голосом он гремел на нас, как Юпитер, а глазами сверкал, как Марс. Никто не осмеливался его послушаться".

"Помощником санитары был раздатчик, очень несимпатичный тип. Этот Иван Миронович распределял между нами еду, потому что в больнице каждая палата питалась у себя. Иван был человеком сухим, и телом, и духом: всегда насуспенным и недоступным. Довольно подвижный, но скрытный, как будто держал за пазухой стилет".

Положительная оценка требует иных слов и сравнений. Доброй памяти заслужил архимандрит Андрей Цикото. Не было сил выдержатъ беспощадное давление сталинского режима, чтобы выжить в неволе.

"Архимандрит Андрей Цикото исключительно тяжело переживал заключение в Чите. Когда я его увидел в конце нашего следствия, через пять месяцев разлуки, я был глубоко поражен, как этот крепкий человек исхудал и ослабел; даже его голос, всегда громкий и благозвучный, стал тусклым и глухим, как треснувший колокол". "Архимандрит Андрей зашатался как могучий дуб, который десятки лет красовался на высокой горе и победоносно противостоял всем бурям, и однажды вдруг сразу, пораженный молнией, расщепился пополам: одна часть грохнулась на землю, а другая, обожженная, ещё осталась стоять без ветвей, тоскливо глядя в небо. Как жаль, и какая огромная потеря!

Вот что значит для человека неволя! Как тот лев, царь зверей, который как рыкнет на воле, так дрожат и прячутся от него звери и люди, а попадает он в клетку – так утрачивает там всё своё величие повелителя, становится вялым и заспанным".

"Могучие дубы родят мелкие жёлуди. Но жёлудь хранит в себе величие, мощь и силу своего отца – дуба. Так и воспитанники Архимандрита Андрея ещё не раз ощутят гениальность своего Директора. Но жёлуди могут оказаться затоптанными в болото, или понапрасну стгнивают, либо съедают их свиньи. Зато тот, который благополучно возрастет, становится сам могучим дубом".

Параллели и сравнения в описаниях, портретах и характеристиках целой галереи лиц, с которыми свела судьба и пришлось общаться за колючей проволокой, в зоне, оживляют рассказ. Они и красочны, и выразительны. В автобиографии отражается самочувствие. Без ощущений и переживаний нет жизни. В ней ответ на вызов обстановки и обстоятельств существования. Сообщая читателям чувства и отношение к действительности, автор свои переживания, симпатии или антипатии окрашивает в светлые и спокойные тона. Повествование делает внятнм, прописанным и уравновешенным. В манере неторопливого рассуждения – психология и опыт жизни, гармония духа и мудрость. В восприятии текста есть пределы "пропускных возможностей" – ответственно выбирай способ общения, манеру и стиль речи. С чувством меры, соразмерности, соответствия. Аналогии и уподобления развёртывают мысль, меняют ритм изложения.

Мудрость не уживается с самонадеянностью. Воспоминания о Иосифа полны самокритики и самоиронии. О себе пишет, иронизируя и подшучивая. Улыбка и смех раскрепощают, бывают спасительны, и в безвыходном положении снимают скованность. Автор вспоминает себя с юмором, посмеиваясь над слабостями и недостатками. Его стиль – установка на доверительность, нет высокопарности, нарочитое снижение, простодушность и простонародность, без грубости, что-то от сказовой манеры и сказок.

"Для труда духовного стал я тут каким-то оцепенелым и неудачливым – от чего бы? – от малокровия или от каких-то опасений? Хотя, может быть, более всего из-за того, что меня

самого некому было поддержать, ибо иногда и подпора должна быть и сама подпертой, в особенности старая". "Но поскольку оба мы были слабыми, нас можно было сравнить с теми двумя калеками-инвалидами, которые помогали один другому: один был хромым, а другой – слепым. Хромым держался за слепого, но зато показывал тому путь, и обоим от этого была польза". "Но я не думаю, что жить им от этого стало легче – как тому коню, который сбежал от своего хозяина в поле, а поле было пустое и ночь холодная. Когда же в гости к нему пришёл волк, тогда этот конь понял, что свалил он большого дурака". "Чувствовал я себя, как человек, которого из воды вытащили, спасли, но одели только в одну сорочку, и его всего трясёт лихорадка". "Минорным тоном мы желали друг другу весёлых праздников. Однако наше "Аллилуйя" было весьма кислое, как весной осенняя капуста". "Я не сумел их поблагодарить, не сказал ни слова, как не успевает благодарить своих спасителей человек, которого они вытащили из глубокого водоворота". "Я почувствовал себя среди большого числа чужих людей ещё более одиноким, чем Робинзон на необитаемом острове". "Свою потерю я пережил так, как на воле люди переживают пожар". "Не трудно описывать других, но правдиво писать о себе – это то же самое, что самому рвать себе зубы". "Человеку же чужому протиснуться на такую хлебную и постоянную работу было то же самое, что влезть в змеиное гнездо или вставить пальцы в дверь. И как раз такое счастье работать там выпало на мою долю". "... мы еле-еле дотащили его до карцера, а от ворот я нёс его на плечах, как барана". "...мы должны были нагнаться к самой земле, двигаться чуть ли ни ползком, а когда случался дождь, то медленно ковыряться тут же, как лягушки в болоте". "Вот теперь-то нам, подслалённым её обещаниями, стало ждать полегче, как чибису – дождичка". "И вот убедился я, что сам до этой своей работы абсолютно не подхожу потому, что нет у меня для неё ни подготовки, ни способностей, ни силы, как у старой и хромой рабочей лошади – для конских соревнований". "Мы долго стояли своей группой на лагерном плацу, и никто не торопился нас принять. Так мы выглядели, как новая партия диких зверей, привезённых на показ, а местное общество принимало нас совершенно неблагоприятно". "Работа – не тяжёлая, но нудная, как наша пустая каша, и грязная, как наша повседневная жизнь, но и для такой простой работы был необходим навык и умение". "Тяжело везти саночки в гору, но как заберёшься наверх – забываешь о своих зботах и трудностях – летишь с горы, как молния! ... Вот так и я: поднялся наконец на самую вершину инвалидского счастья. Через 3-4 дня меня переписали в нерабочую бригаду". "Правда, если поеду в Беларусь, как получу свободу, попаду из узкой клетки в более просторную". "Уже была нам обещана и назначена воля, но рождалась она долго и в муках тяжёлых. Иногда мать, давая жизнь своему дитяти, сама платит за это жизнью". "И побегал на рентген. Там меня просвечивали и что-то писали, да снова допытывались. Но и тут я срезался, как на экзамене недоучивший предмет студент". "В этот момент я чувствовал себя как бы висящим между небом и адом, волей и неволей". "Так иногда старые часы – долго шипят, скрипят и стонут, пока пробьют двенадцать. Ну, и наш час наконец пробил. Закричали: – Этап, этап!". "До Москвы нас довёз и при этом крепко стерёг обычный военный конвой, к которому мы привыкли, как кони к своим хозяевам". "Мы в этой нашей перемене выиграли так же, как старая мышь, которая вырвалась из лап кота худого, а угодила в котги к коту сытому и гладкому: ей теперь и умирать было не стыдно". "Даже вдруг сразу почувствовал себя брошенными, когда конвой ушёл и никому нас не поручил. Осматриваемся по сторонам, как тот обобранный человек, которого разбойники ограбили и бросили одного на улице раздетого". "Но вот появился некто в цивильном платье и, ничего не говоря, начал энергично нами командовать, а мы, привыкшие к ярму, охотно стали ему повиноваться. Никто нам его не рекомендовал, нам он не показал никакого документа, а как взял вожжи и кнут в руки, так мы послушно и пошли бороздою". "Лежу и понимаю, что не сплю, так как мне, человеку худощавому, без постели спать твёрдо, – так ноют кости и болят бока, что я кручусь, как угорь на сковородке, бормочу, сам не ведая что, стенаю, как будто собрался умирать, и замечаю, что уже становится серее и светлее". "Я, значит, незаметно погрузился в сон, как пьяный путник в вязкое болото, но приятно и то, что вижу белорусскую землю". "А я чувствовал себя, как человек, который после продолжительного путешествия и опасной бури сошёл наконец с парохода на сушу: всё мне казалось неустойчивым, и земля под ногами качалась". "Я оглянулся вокруг: никто меня не караулил, никто за мной не следил. Я стал свободным человеком. Для меня это было ещё непривычно, как птице, которая отвыкла от воли, а её выкинули из клетки,

или как заключённому, с которого сняли цепи и вытолкали за тюремные ворота. Я никак не мог осознать своей свободы".

Иное отношение к природе. Мир Божий чудотворный и живительный. Ждём от нерукотворного милости для себя и потомков. Как передать чувство благоговения перед красотой и величием жизни?

"Ласточки мелькали в небе, как молнии". "За деревней была проложена железная дорога, и изредка по ней пробегал поезд. За ним клубился чёрный дым, изгибался кольцами, гнался, как змея, за паровозом, но не в силах угнаться за ним, растягивался лентой, слался туманом, расплывался мглою и бесследно исчезал в воздухе". "А лес притягивал к себе как магнитом: могучие величественные дубы, стройные сосны, раскидистые лиственницы, наши берёзы и тонкие рябины – всё тут жило вперемежку и думало свои потаённые думы. Иногда чирикала какая-то незнакомая птичка и тут же замолкала. Только дятел – трудолюбивый телеграфист, ровно отбивал свои такты, добывая себе свой кусок хлеба". "Бревно своё он не сечёт, не рубит, тешет, стругает и гладит и наводит на него такой глянec, что оно у него начинает сверкать, как люстра". "Оно пригожее и стройное, как барышня, крепкое и здоровое, как юноша, и приблизилось к полному своему расцвету, своей силы и возраста." "Погода была пасмурная: ни солнца, ни тепла, ни холода, ни дождя и ни ветра... Земля, может, и пробудилась, но ещё не набрала ни силы, ни смелости. Как тот лентяй и бездельник, который и не спит, и не встаёт, а только потягивается и зевает: ждёт, когда солнце засветит ему в очи и пригреет ему бок".

31. Горе – не беда.

Человек с юмором. Слишком легко замечено. Смеясь или улыбаясь, – выходим из положения, отстраняемся от неприятностей. В этом социальная и психологическая суть. И древнее суеверие, обман злых духов и защита от напасти: чур-чур меня. Своего рода талисман или крестное знамение. Хороший тон, как американская улыбка, не поддерживает неудачников, плач, нытьё и жалобу на судьбу. Важно отстраниться и отгородиться от упадка и уныния, когда ситуация, кажется, невыносима и безвыходна. Юмор – черта характера, отношение к предмету, способ выживания и стиль выражения. Он своеобразен, имеет разный цвет, отличается оттенками и колоритом. Множество тонкостей и нюансов не всегда улавливаются. Чтобы почувствовать розыгрыш, нужно иметь развитое чувство подтекста. Не все богаты интуицией и предчувствием новизны. Юмор не весь снаружи и на поверхности. Отстраняясь от рутины, он таится и прячется, играючи и неожиданно ныряет в глубину парадоксальности. Юмор есть развитие коммуникации и творческое, всегда свежее, проявление смеховой культуры.

"Писал я своей сестре Людвине, которую оставил в Вильно в 1938 году, когда польское правительство выселяло меня оттуда. Писал я и не знал, что в 1944 году она была убита в Вильне немецкой гранатой. Ждал полгода и не получил от неё ответа ни с этого, ни с того света". "Для всех надобностей должна служить одна ложка – деревянная, металлическая или никакая. Ешь тогда чем хочешь – полная свобода!". "Инвалиды официально были освобождены от всех тяжёлых работ, но их посылали на работу, которая называлась "добровольной", а кто упирался и не шёл – посылали на пять дней в карцер". "Зато при всех этих неприятностях у инвалидов было и одно чистое преимущество, так как они могли быстрее других помереть и навсегда отделаться таким образом и от работы, и от мороза, и от всех своих двадцати пяти. Ну, и помирай, как кто-то сказал, на здоровье". "Он позволял по-бабьи мне пенять, по-господски покрикивать и по-хамски лезть на глаза". "После операции я лежал в общем помещении на нижних, сплошных, нарах: на них больные лежали так тесно один к другому, что и селёдки завопили бы от возмущения, но я мог быть доволен, так как было тепло и... нет,

более ничем не могу похвалиться". "И вот, правда, через два-три дня один из той своры подошёл ко мне и – не то с просьбой, не то с угрозой – попросил отдать ему те "высокого качества" портки. Мне он дал получше, но советские, с приплатой полукилограмма хлеба, а я ему уступил похуже, но заграничные. И после придурки щеголяли в своих новых шапках, перешитых из моих старых портков". "И пятка – к тому же и та последняя инстанция, куда, как известно, с большого страха "уходит душа". А у меня гвоздь пробил в пятке дырку – так что будет с моей душой? И ведь от пятки погиб самый знаменитый герой в истории – Ахилес... Ой, горе мне!". "Между мной и латышом – рельсы, а под ногами – шпалы. Слепец мой сбивается с шага, да так сильно вцепился в мою левую руку. Что та просто у меня отваливается. Мешки мои на плечах разрезаются в стороны, а поправить их я не могу, так как нельзя задерживаться. И нет у меня третьей руки; да правая моя немеет". "А теперь как раз самый сезон мошкар: оводы, мухи и эти, самые малюсенькие, – их целые тучи. И лезут в самые глаза! Отгонять не могу: третьей руки нет". "Но для меня это было новшество, потому что я полтора года молока не видел. Одним словом, ужин панский, только почему-то продолжался не более пяти минут". "4-го июля 1950 года начал я новую жизнь: новые люди, новые бригады и обязанности – всё новое! Даже новые клопы, а им несть числа". "Наш немалый по своим размерам лагерь лежал на пологом косогоре. Однако высокий забор мешал видеть внешний мир, кроме одной соседней горы, поросшей лесом из трёх сосен". "Работа шла по-советски, способом "автоматизированным": это означало, что все мы ходили самоходом, бочку тащили самотягом, воду доставали двумя ведрами самокрутом да, не имея сил, помогали себе самокриком". "Ещё хуже то, что водовозы не получали никакой оплаты за свой труд, кроме самой воды. А над нами смеются: – Как выпьешь пять литров воды, так будет это тебе один килограмм хлеба".

"Сели мы, значит, за пасхальный стол. Добродетель мой весело болтал; рассказывал что-то интересное, а я, хоть с виду и вежливо слушал его, но по правде говоря, не соображал ничего, ибо всё моё внимание сконцентрировалось вокруг слова "великолепная". И вот он отвернулся от меня к своему углу, чтобы достать угощение; а я чувствую, как у меня сильнее забило сердце. И вот он достал и положил на стол... Что же вы думаете? Это было яблочко небольшой величины, вроде китайки. Я изумился и подумал, что это начало, но очень быстро по его тону убедился, что тут и начало, и конец всего нашего приёма. Сяжу – гляжу в замешательстве: не знаю, что делать. Хозяин быстро вывел меня из затруднения: разделил яблочко на две половинки, одну взял себе, а другую пододвинул ко мне. Я не торопясь, медленно её съел. Поблагодарил, как сумел, и пошёл себе – довольный, как тот, в сказке, медведь, который за комаром семь миль гнался. Поймал и съел. – А всё-таки, говорит, подкрепиться у меня есть чем!".

"Ну, начали мы ждать эту наступающую реформу, а она, видимо, заблудилась в каких-то комиссиях, либо забрела в такую далёкую инстанцию, что до сих пор к нам не вернулась". "Таким разявой оказался тот, кто сейчас пишет эти строки. Оставил свой скарб, а когда вернулся, разумеется, его уже не нашёл. А после добрые соседи говорили: – Дурной ты! Сумку всегда нужно носить с собой, а на ночь класть под голову. – Так. Теперь буду знать: только ведь сумки-то нет". "Так теперь я должен был прямо молиться не только за здоровье начальника, что дал мне хорошие очки, но и за здоровье того вора, который украл плохие". "В 1952 году, когда весной расцвели цветы и в огородах всё начало великолепно расти, вдруг вышел приказ уничтожить огороды... Огороды давали великую выгоду, цветы скрашивали нам наш суровый быт, а табак своим дымом подслащивал горькую долю узников. Этот странный приказ – или, может, каприз, выдумка нашего начальства – после смерти Сталина была аннулирована (ах, как Сталин мудро поступил, что хоть раз помер!). "А я ничего растолковать им не мог, так как боялся, что из двух полагающихся мне писем как бы одно не конфисковали "за клевету", если напишу в нём правду". "В этом "шефе" или Иване Колодовиче, как его прозвали, было столько злости, сколько и веса, а весил он 160 килограммов. Для него на кухне продуктов всегда хватало". "Он был старым коммунистом, в перепитках последней войны высоко вознёсся и получил чин генерал-полковника, А после войны не сочетался с новым курсом и, как стёршаяся монета, был выведен из оборота, потому что слишком много нашли в нём "лигатуры" и "поликвидировали" его в лагерь, где сделали каптёрщиком. Тоже, надо сказать, чин большой и требующий много труда". "Одного из нас вынесли на носилках и выкинули за ворота в поле – на полную такую свободу. Я видел собственными глазами, как

одного упрямца вели до ворот под руки двое, третий тащил его спереди, а четвёртый подпихивал сзади; пятый натягивал на него шапку, а инвалид тряс головой, чтобы её сбросить; и ещё был шестой, который шёл впереди и нёс бумаги. Так давали волю". "А ещё у нас говорят: "Лучше один друг, чем десять врагов". "Вновь мы уже окончательно уверились, что до сих пор раньше нигде друг с другом встречаться не могли. Разве только на каком другом свете? Но в такую метаморфозу мы не верили". "А как раздобыть дрова? А это нужно было ухитриться и принести их из рабочей зоны; да, может, легче было бы принести за пазухой горячих углей, чем пройти с теми дровами через вахту..., ...но беда научила нас такой мудрости, какой определённо не обладал бы и царь Соломон, попади он в советский лагерь". "В среде румынской буржуазии Кривун умел дорого продавать свои таланты и систематически подниматься по правительственной лестнице, но вдруг свалился с неё, вместе с лестницей". "А в службе этой моей происходили неполадки; кражи, недоборы и ошибки – так ради святого покоя я покрывал недостающее из своей нормы. А каждый понимает, как трудно напиться из пустой чарки, да при пустой бутылке". "А в то время в лагере совершенно не хватало лекарств; в амбулатории всем давали какие-то чудные порошки, якобы помогающие от всех болезней, помимо тех, замечу, которые надо было вылечить. Ни названия, ни достоинства тех порошков никто из нас не знал; каждый больной только открывал рот, а санитар сыпал порошок ему на язык и показывал на воду. Но, правда, и никто не сетовал на то, что ему стало хуже". "Начальство свою неудачу снова выместило на нас. Комиссия держала нас на морозе часа четыре и грела нас горячим словом". "Во всех бараках отремонтировали окна, а проволоку на них перетянули и укрепили. Теперь через окно не могло пролезть ничто живое, даже какое насекомое, – кроме наших клопов". "Среди них стояла очень крупных размеров женщина в гражданской одежде, но с генеральской миной. Эта толстуха имела на себе такую короткую юбку, что по-настоящему могла стать добрым пугалом для воробьёв. Она окинула нас всех грозным взглядом и загремела женским басом: – Я прокурор!". "Правда, нас в мальчишестве учили, что "крутить" (жульничать) – это грех. Но крутить дырки в балках – это, наверное, ничего". "Пользы от этой учёбы я получал до смешного мало, ибо память моя хромала на обе ноги". "А на то, чтобы списаться, договориться или узнать о том, кто мне нужен, – я не мог получить разрешения, да и не имел для этого времени. А между прочим, мне оставалось ещё 20 лет лагерей". "В конце концов тоска загнала меня в библиотеку. Тут есть на что поглядеть: книг немало, в хороших переплётках, стоят рядами, а... читать нечего". "Вывзвали меня. Я стоял перед судом в первый раз от сотворения мира. В жизни много чего пережил, а теперь у меня за спиной был год тюрьмы и пять лет лагерей из тех "25", что дала мне Москва без суда". "В Сибири вообще сильных ветров зимою не бывает, но на этом возвышенном месте днём и ночью гудел, свистел или плакал пронизывающий ветер, а мы мёрзли, хотя нам и вовсе не хотелось". "И в нашем купе сделалось так свободно, что даже перестало быть тесно!". "Каждый искал место, где можно согреться, а из всех углов глядели на нас пустота, стужа, тоска, тоска... Хотя с кем поссориться? Но и этого никто не хочет". "Только в одном месте нашли: мёд натуральный, душистый, сладкий – только цена "солёная"! Ну, так или иначе, решился и я купить. Мёд очень быстро взял и кончился... А после этого жизнь показалась ещё более горькой". "Я же купил некое расхваленное растительное масло (волк был его ел!). Его весьма рекламировали, и оно долго у меня держалось, т.к. "есть было гадко, а выбросить жалко".

Сколько написано и ещё будет книг! Повести и рассказы, стихи и поэмы, статьи и эссе, разные песни. В них утверждения и догадки, сомнения и мнения о большом и малом. Из описаний складывается картина жизни и представление о себе. Разные краски и тональности имеют значение. У человека свой стиль, такой инструмент в игре, к чему-то склонность, привязан или выбор.

Что подвигло И.Германовича издать лагерные рассказы? Мотивы труда писателя не объяснены. Есть разные мнения о том, почему и для чего пишу воспоминания. Задачи, установки и потребности их всевозможны. Цели, интересы и мотивировки разные. У кого как, зависит от человека. То ли

выходит вдруг. Болит душа. То ли зов откуда. Невыносимо, не могу удержать груз. Надо избавиться от тяжести. Излить в слове грех, своего рода покаяние. Такое душевное состояние объясняют психоаналитики. Исповедь и освобождение. То ли с миром поделиться. И чтобы поняли – не только задача очищения и излечения, но и распространения. Автор публикации ждёт отклика, ответа, мнения. Обсуждение – не внутреннее переживание, но сопереживание, соучастие в совместном разборе. Все планы смыкаются, составляя сложный мотив написания и публикации воспоминаний.

Иной самоутверждается, в первую очередь вспомнит себя, ведут обиды и самочувствие. Другой стиль у нашего мемуариста. Он скромн, не выпячивается и не красуется. Мало озабочен впечатлением от своей особы. Тем более образ убедителен. Отец Иосиф посвятил себя служению Господу. От него не отступит. Монах слаб физически, но твёрд и неуступчив в вере. Есть характер и нравственная сила. В миру ведёт борьбу с безбожием. В азийской пасти бойня. В неравном бою нет развязки. Не будет ни поражения, ни примирения, ни победы. И книга – продление битвы идеологий: непримиримых христиан и антихристов.

Читатель найдёт трагический срез жизни. Доверяя автору, вместе задумается: что происходит, почему мир расколот, к чему ведёт противостояние, в чём наша вина, как избежать общей беды и возможно ли ещё спасение? Или на всё закрыть глаза, надеясь, что лихо обойдёт стороной. Пора понять что-то, читая честных авторов. Их размышления могут быть полезны, разберись как следует. Монах-марианец пережил трудное время и знает, что пишет. Он искренен и честен, придерживаясь религиозных взглядов на мироздание. За жизненную позицию заплатил сполна. Серьёзному лицу склонны верить, хотя с ним можно и не соглашаться.

Отец Иосиф тенденциозен, занял позицию, иной раз даже позу. Иначе не было бы книги. Тут нужна установка и форма – определённая и резкость антикоммуниста. В противном случае читателю не разобраться. Тот ждёт проповеди, выводов, рецептов. Если человек мечется, к чему заводить других. Публикация – всегда хотя бы чуть-чуть нравоучение и поучение. К этому привыкли. И наш автор таков – он католик, хочешь не хочешь, политик и воин Ватикана. По виду и по природе славянской монах кажется мягким. Хотя? Без убеждений не может быть стиля. Варись в собственном соку отвлечённых сомнений. Бесформенность теста, если все винны, нет правых и нет виноватых. Повязаны и играем один спектакль, разные роли. Без стиля не должно быть письма. Решительный в проповеди всемирной правды, о. Иосиф, как мог, сделал свою книгу.

– А ты никогда не ощущал правоту этой истины: грехи родителей падают на детей. И от них надо отмываться?

(А.Солженицын. В круге первом).

ДОБРО И ЗЛО.

Тема неисчерпаема. От начала и до скончания века. Человека культуры с детства до старости не оставляет вопрос: "Что такое хорошо и что такое плохо?". Все религии и рассуждения о нравственности, умные и наивные, вокруг добра и зла. Ими отмечены события, поступки, намерения и помыслы. То ли соответствуют предназначению и законным требованиям, то ли нет. Увы, понятие добра-зла не объять одним суждением, ибо им пребывать в вечном становлении, усложнении и движении. Добро и зло не исчерпаемы в своих проявлениях на Земле. Силы космического охвата раз и навсегда не объять умом, без озарения.

В определении "добра" (или "зла") надо учесть космическое начало, небесное, разных ангелов, связь с Всевышним, мистику в сфере глубокой метафизики. Не пройти мимо многовекового усердия мистического богословия. Неоценимый клад архаизмов, древних оснований и важных сведений. Сравним: добро и благо (благословение, благовест). В чём они равны и как расходятся? Насколько соотносится зло и грех (грехопадение, преступление, отступление, беззаконие)? У нас путанные взгляды о морали.

Понятие "добра и зла" стало объектом религиозных спекуляций, богословского и философского умствования, предметом традиционного морализаторства в семейной педагогике, публицистике и художественной литературе. Кажется, что ныне и присно всюду все о благе пекутся. Куда ни сунься, разговоры так или иначе всё о собственном добре и о чуждом зле. Не все публичные политики доросли до сущностного анализа, разбираются по старинке. По возможности учимся избегать общих мест где бы то ни было. Не поддаваться соблазну избитых истин не так просто. "Человек психологически более склонен к моральной софистике, чем к беспристрастному моральному анализу своих поступков. Он, как мы уже отмечали, склонен считать себя лучше, чем он есть на самом деле, и выдавать совершаемое им зло за добро"¹.

Из публикации в публикацию кочуют пустые фразы, хотя в тарабарщине признают дурной стиль. Гулаговский страдалец В.Шаламов, почти 30 лет отсидки и каторги, говаривал: "Когда я слышу слово "добро", беру шапку – и ухожу". Для этого писателя суесловие и ханжество – от лукавого: хуже, чем подлость обмана и пошлая ложь. Таковы его чувства и убеждения. Несмотря ни на что, нам продолжать поиск смысла.

Добро и зло – нравственные начала. Кстати, тоже весьма отвлечённые, как добронравие, добротолубие, благорасположение, добропорядочность и другие забываемые слова. Там, где есть чувство (доброта, доброжелательность, сердечность или злонамеренность), уместен психологический подход. Политик и высший чин страны в телевизионном

¹ А.Швейцер. Благоговение перед жизнью. М., 1992, с. 54.

выступлении хвалится хитростью. Как без неё жить? Вроде бы смекалка, сообразительность, национальная черта, полезная и нужная вещь. Бессердечие, чёрствость, ярость и неистовство – тоже свойства характера. Месть считается у китайцев едва ли не добродетелью. Не забывают обид, карают преступников. Публичные казни зовутся азиатчиной. Такая традиция. Разные системы ценностей связаны с человеком, народами и человечеством. Усваиваются, накапливаются в памяти и отражаются в языке.

Религиозная мораль не решает, что есть добро, однозначно. Христианство проповедует покорность, смирение, любовь, жертвенность, сопереживание. Какой-то буддизм, не наш путь. Несведущие упрощённо толкуют добро, искажая взгляды церкви. Первоапостол Павел был неистовым христианином. Патриарх благословил войну в Чечне. Иерархи славят воинские подвиги. Не самочинство. Крестоносцы в истории, мифы и спекуляции разные. И нет ответа на вопрос.

Человек видит по-своему себя и других, среду обитания, условия жизни, обстановку, обстоятельства и – дальше глубже – весь мир, видимый и невидимый. Постепенно формируется взгляд, нормы ценностей и оценок, стандарты и шкалы. Чтобы быть и мыслить, нужно различать для начала свет и тьму, тепло и холод, хоть два цвета. Далее всё более наполняется оттенками понимание блага (бога), отсутствия или отступления от него.

Как и содержание понятия, качество предмета также различается. Человек склонен оценивать то, с чем сталкивается: нужно, полезно, во вред или никак, не понять. Под эти мерки подпадает многое из того, что в поле сознательной деятельности, мысли и речи. Определяем для себя добро-зло – пригодность и качество, что во имя благополучия и жизни, что в её отрицание. Недостатки, пороки, грехи и погрешности.

Не в наивных ли оценках полезности и ориентирах значимости начала древней идеологии? Над нами является нечто иное, вечные источники мироздания и идеалы, нормативные императивы. Есть разные религиозные и атеистические идеологии, свои системы и наборы ценностей. По христианской заповеди, на словах, кротость и всепрощение добродетельны. Большевик порицал непротивление, безучастность и отстранённость от борьбы. Остаётся спорным, прощать ли обиду, подставляя вторую щеку, предпочитать доброту, спокойствие, терпение в ответ злу. Или вечный бой?

Говоря о добре и зле как оценочных категориях, при определении понятий разумно бы установить область, в которой они являются. Где добро-зло, интересующий нас предмет, встречается, из чего проистекает, в чём его источник? Они в нас, в сердце (чувство), между нами (отношение), вообще самоценное и самостоятельное, над нами Бог. Ещё вне и от нас (отчуждение), после и в итоге деятельности (определённое). Природные бедствия, засуха, наводнение, землетрясение, другие трагедии, войны и прочее лихолетье не внутри тебя. Но сторонняя сила, наказание божеское,

касается нас. Внешнее к человеку событие, время или пространство, оказывается, тоже злой или добрый агент. Два полюса – вокруг оси крайностей всё вращается. Кроме того, мир заполонён непознанным и ничейным. Надо отметить многоликость фикций.

Двоичность значения принимается в расчёт в философии и теории ценностей. Люди ведают на практике: в жизни нечто для одних добро, другим от него плохо (зло) и наоборот. Заметны расхождения отношений и колебания оценок по культурам, по времени, по сословным группам, социальным ролям, ситуативно и индивидуально. Нормы ценности многозначны, противоречивы и именчивы. Не счесть вариаций, не разобрать разночтений. В теории и науке делать нечего без диалектики. Старую истину признать и не поддаться искушению очень наивной картины мира. Не спрячешься от противоречий.

Не объять схемой жизнь, ограничив рамками многообразие происшествий, случайностей и случаев, разноречивых фактов. В реальном мире добро и зло переплетаются, не уловить грани (зло во имя добра?). Добрые намерения подчас влекут за собой плохие последствия ("Хотели, как лучше, вышло, как всегда"). Важное замечание, вот бы в нём покопаться. В тенденциозном искусстве эта граница ощущается определённое. Идеологическая чёткость разграничения ценностей зависит от личности, от эпохи, направления, школы, жанра. Средний читатель предубеждён, под влиянием поучительной литературы. "Человек психологически более склонен к моральной софистике, чем к беспристрастному моральному анализу своих поступков. Он, как мы уже отмечали, склонен считать себя лучше, чем он есть на самом деле, и выдавать совершаемое им зло за добро"¹.

Понятие добра-зла – наследие и краеугольный камень цивилизации. Ценности (добродетели) насаждают, взращивают, присматривают, отбирают в той мере, в какой это культура. На Западе многие годы культивируется правовая и нравственная норма ответственности и уважения, критерии самооценности каждого. Под влиянием Реформации, конфессионального раскола внутри западной церкви, в протестантской идеологии шёл поиск проявлений высокого в человеке, в его работоспособности, уме, силе, вдохновении. В противодействии злу вокруг себя усматривается гражданская роль, собственно долг и назначение человека. Императив совершенствования становится основной заповедью. The best to the best – лучшее к лучшему. Таков принцип социального отбора.

Ницше называют философом разумного отбора. Учёный полагал, что вне доброкачественной селекции вряд ли возможен прогресс и развитие цивилизации. На сходных идеях строится целое направление "культурного

¹ А.Швейцер. Указ. соч., с. 54.

дарвинизма". В противном случае утвердится гегемония номенклатурного кумовства и блата. Тогда страну ждёт застой и разор.

Зависть, подозрительность, раздражительность и другие чувства произвольны. Они от нас часто не зависят. Есть наследственность (природа) и есть воспитание (культура). Собственные свойства характера управляют человеком, руководят поведением. С другой стороны, и воспитание воздействует на становления личности. Открытость, всепрощение, благодушие – добро или худо? Естественное условно и субъективно относится к добру или ко злу. Природная смерть – не зло и не добро. Она по другую сторону воли. Зависть не случайно двух цветов, чёрная и белая. Разрушительная и созидательная, способствующая благу или дорога в ад. Подозрительность в генах, и не следует считать исключительно злом. Лишь излишняя – злонамеренность, приводит к беде. Мания деспота зловредна. Бдительность, внимательность, осторожность, предусмотрительность и ответственность работника в определённых условиях приводят к благим результатам, предотвращая беду или преступление. Не власть, но злоупотребления приносят вред. Зло – в чрезвычайности, несоразмерности и нарушении нормы и права.

Не кажется столь уж парадоксальной мысль, что чрезмерность добродетели суть порок. Как утверждал Гёте, мы взращиваем пороки, не в меру обхаживая добродетели. Ницше с присущей прямоотой скажет согражданам о мифах: "как это известно всем, гипертрофированная добродетель – каковой представляется мне историческое чувство нашего времени – может сделаться столь же губительной для народа, как и гипертрофированный порок"¹. Немцы зря не вняли предостережению.

"Кадры решают всё" – известная максима. Вопрос в том, *какие* кадры, *как* решают и *что* именно всё. Грамотные и порядочные работники, на деле умея найти разумный выход и выбрать целесообразный путь развития, более других к месту в управлении, экономике и политике. Никто не станет отрицать роли профессионализма и культуры как важнейших черт гуманизма и свойств духовности в новом обществе. И всё же лучше бы всё решали все мы сами, не "кадры"(чины).

У русских расхожая поговорка: "От добра добра не ищут". Своего рода закон экономии усилий. Своеобразный призыв к несуетности и успокоенности на достигнутом. Всё равно. Надо ли изобретать опять иное и новое. Открывать Америку? Философия опрощения – *minimum minimum* – отвечает рутинному мышлению, склонности избегать непривычной новизны, противясь богатству форм и стилей. Кому нужно больше стихов, хороших и разных? Зачем напрягаться, у совершенства нет меры, как и в совершенствовании пределов изобретательности. Люди нуждаются в насущном, а роскошь – излишество. Излишнее – враг

¹ Ницше. О пользе и вреде истории для жизни. Предисловие.

необходимого. Прикрываются лозунгами демократии, очень любят народ, о нём пекутся изо всей мочи. Идейная поддержка матушки-лени.

Касаясь различных сфер человеческого существования и мышления, добро (и зло) отличается содержанием. У них немало граней и предметных планов. Известно, что добро можно нажать или потерять, добро может сгореть, его накапливают, наследуют, наживают, проживают, проигрывают, иногда делятся, его раздают, транжирят, охраняют, часто над ним дрожат, его берегут, хранят, страхуют. "Люди гибнут за металл". Тут символ. Словом, добро – материальная ценность, движимое и недвижимое имущество, состояние, богатство, хозяйство (и баракло – тоже добро), накопление, средство существования. У "добра" есть предметный план, он выражается в языке разнообразно. Можно ли это пропустить?

Добро как объект, отчуждаемый и материализованный, – важнейшая культурная составляющая понятия, его социальная, экономическая грань, капитал, по Марксу. Научная истина не должна засисеть ни от какой конъюнктуры. Не составит труда показать, что русский язык собрал и сохраняет этот компонент политэкономических и социологических знаний, даже если иметь в виду наивную языковую картину мира.

Добро делается, совершается, творится людьми и, следовательно, в нём обнаруживается ещё и деятельностный аспект: добро-деятельность. Доброе дело, как и злое, и совершают, и замышляют, и планируют. Благонамеренность – то же добро, в противоположность злокозненности. Идея, мысль, замысел, намерение, отношение, как и чувство и обращение, по сути также несут определённое добро или зло, имея смысл и свою ценность.

Пословица "Учение – свет. Неучение – тьма". Иначе, первое есть добро и польза, а второе, напротив, зло и вред. Сегодня как бы время всеобщей сплошь грамотности. У грамотеев поколения всеобуча и образованщины свое мнение. Умственность не в моде и низко ценится. К чему сушить мозги? Не бери в голову. И ещё примеры из афористики нового разлива. Известный богоборец выражался сильно: "Религия – опиум для народа". Понятно и ребёнку, что имеется в виду дурман, отравы, коварство и вреднейшая привычка. Словом, социальное зло. С ним империя, сколько существовала, борется одержимо, не выбирая средств. Сегодня прямо наоборот, курс противоположный. Также спекуляция на вере.

С детства помним пословицы. Одна из них здесь кстати. "От сумы и от тюрьмы не зарекайся". Издалека заповедные слова. От остережения несёт стыльностью. Бог миловал того, кто не познал участи узников и нищенства. Никогда не отказываться от былых привязанностей, сочувствовать людскому горю. Совесть зовёт к соучастию.

Людям не везёт со счастьем, не все равноправно состоятельны и свободны. Кто провалится в полыню – несчастный случай, невезенье или оплошность. Пусть прохожие не отойдут в сторону, протянут руку спасения. Не отрекаться от родных и друзей в нужде, и от других в беде,

помогать дряхлым, голодным и больным – труднейшая из наук не всем даётся.

"Жизнь коротка, но принципы вечны".
(Сакуда Соичи. Слово о Дзоо).

ИСКАНИЯ

В Новосибирске несколько лет самоотверженно выходила газета "Харбин". Теперь там издаётся "На сопках Маньчжурии". В Екатеринбурге "Русские в Китае". На попечении Дземешкевичей "Омские харбинцы", ясно, в каком граде. В этой пионерии за барабанщика пока что держится НСМ. В первую очередь издание отмечено порывом и в хорошем смысле слова дерзостью. Не за горами день, когда отметим выход в свет сотого номера. Неспешно листаем подшивки названных газет. В них столько биографий и судеб, человеческой печали и радости. Хлынул поток воспоминаний, и нет сил остановить или удержать прошлое. Люди добрые, вникайте и сочувствуйте ближним! У нас общая история жизни и планетарная боль. Разом идём в связке...

Что там происходило некогда и в недалёком прошлом в той Маньчжурии и вокруг? Куда же всё исчезает, люди, дела, мысли и страсти? Остался ли от тех событий след в жизни, культуре, памяти? Как уловить и познать феномен пограничной культуры? В чём проявляется харбинский стиль, что сбереглось от него и где? О чём речь, о какой характерной атмосфере порубежной окраины, особенных чертах культурной периферии? Если духи и в самом деле витают в пространстве воображения туманом иллюзий, тьмой заблуждений, скрываясь мраком столетий. Всё кажется и мнится. Отражение зари и пламени играет бликами в зеркале сознания. Полусон-полуявь. Странно бредим воспоминаниями. Прошлое в настоящем – не сумбур и невнятность старения, не склероз исторической памяти.

Это харбинистика в широком толковании: по тематической направленности, по содержанию, по стилю. Благородны намерения и харбинистические ориентации выше названных, не вполне обеспеченных средствами изданий – основателей, редакторов, деятельных спецкоров и преданных читателей. Газеты держатся на вдохновении и одержимости бывших харбинцев и других выходцев из тех краёв, когда-то там проживавших. Пока здравы последние из могикан, пусть вспомнят яркие страницы жизни и расскажут, как им жилось, воссоздавая достоверно картину общения между собой и сотрудничества с инородцами в чужой земле. В доброй воле отзываются зовы и крики души. Летопись жизни и история поколений пишутся там отрывто и без нажима, по справедливости и в утешение нам, грешным и окаянным.

Разная логика жизни у несчастливцев, кого тогда взяли и кто отсидел, и у счастливых, кто избежал печальной участи. Не отсюда ли и полное непонимание или недопонимание? Это естественно. Думы человеческие своеобразны, бессчётно колеров и оттенков. Мнения людские веером разбегаются в стороны, растворяясь в просторах Мирового Разума.

Сходство в расхождении взглядов природно и вероятно. Каждый на своём месте – и отвечает за себя сам. Совпадение воззрений и страстей случайно и не так часто, как разнобой оценок. Споры и войны, воззренческие и территориальные, – в недрах сознания, в его геологии, археологии и географии. Двойники единоклассники. Жизнь причудлива, не склонна повторяться буквально и без изменения. Всё в поиске, и мы ищем. Постоянно выбираем ответы и оставляем после себя отработанную породу и шелуху своих чужих рассуждений. По всему жизненному полю нагромодили кругом горы пустопорожних слов. Терриконы сузили горизонт и мешают взору.

Надо по достоинству ценить опыт и мудрость тех, кто уже прошёл жизнь, испытывал голод и холод, унижение и боль изгойства и мученичества. Не исправить прошлого, не скрыть пороков, не замолчать правды. Грех братоубийства кровавыми пятнами остался на совести нации, не смыть и не искупить без покаяния. Уродства террора передаются по наследству. В никуда не уходят ни прегрешения, ни деяния, ни страсти, ни помыслы. Всё достаётся Земле, народу и человечеству. Хочется думать, как Е.Кирияков, что "всякое зло не остаётся бесследным, тем более зло, носящее массовый характер: потомки расплачиваются за него"¹. "Ибо каким судом судите, таким будете судимы", по Евангелию. С глубокой древности индусы продолжают верить в карму, прослеживая те же связи и законы. К судному ответу отнесись ответственно.

Историей зовут случай, происшествие, эпизод, событие, то есть отрезок действительности, частность, выхваченную из потока всеобщего бытия. Логику и связи фактов включая. В пространстве и времени протекает некий процесс. Творится, или вершится, нечто. В происходящем всяко заняты разные действующие лица. Вместе с тем история в нашем языке (сознании) соотносится с летописанием и историографией. Толкование прошлого и мифы, исторические школы, стили и взгляды учёных зависят от методологии, мирозрения и философии. В научном описании общественных отношений, обстоятельств и логики событий, в освещении обстановки и форм борьбы народов за выживание не обойтись без историософии.

В живой истории всё случайности. Что случается, – то происходит, из чего-то исходит, проистекает. Сказать иначе, происходящее имеет предпосылки. Выходит, возможны какие-то предтечи и источники. Пусть не знаем, откуда кто шлёт, что и как сюда доходит. Но у события есть предыстория, а за ним пойдут последствия. В таких рассуждениях нет лукавых словесных ухищрений. Просто подсказка и отгадка. Будем внимательны к языку, он в самом деле мудрее нас. Насколько случайны связи или связаны случайности, – вряд ли когда откроется вселенская тайна. Либо вовсе скроется. Каждый эпизод жизни, отдельность, может быть, в

¹ HCM, 1996, №30.

какой-то мере самочинство и произвол. Или звено в исторической цепи. Это как смотреть, на чей взгляд. О чём не ведаем – о том гадаем...

Одно и то же с разных сторон видится по-разному. Понятия и взгляды на события расходятся волей-неволей. Никому не ведомо, сколько позиций и точек зрения было, есть и будет. Не счесть всех положений, отношений и потребностей. В прошлой путанице истории не разберёшься. Узлом затянуты бывшие недоразумения, предвзятости и противоречия. Неизбежны рахождения и столкновения интересов. Соперничество людей – родов и народов – природно. Вечно движение, рост и смена, страсть и стихия. И до поры до времени есть разум, заданы рамки безумия.

Культура межэтнических отношений, имея длительную и сложную историю, тем не менее обогащается формами, развивается и, надо думать, совершенствуется. Международная жизнь явно и незримо обостряется, и нет конца соперничеству и спорам глобалистов и всех цветов и оттенков националистов. Как бездна и космос, вековечны соблазны и борьба за выживание. Морская стихия и навигация. Под разными флагами курсируют белые лайнеры, танкеры и чёрные авианосцы. На суше, в горах, как на море, не тише, нет покоя. Бури и громы не смолкнут, и океан не уgomонится. Не было и не будет жизни без страданий и стараний. Нет мира под оливами...

История, как жизнь, одна, от начала до конца вершится. Люди и народы – все в ней, в лоне и недрах её, никак не наоборот. Мы – её лики и мгновения. Часть меньше целого, и малый миг не охватывает времени. Величественна жизнь истории, и история жизни больше каждого из нас. Теми громадами нельзя владеть. Познание – дар свыше и достоинство исключительное.

Во всякой истории два плана: есть события и есть мнения. Событийный ряд образуют факты. Историки их собирают, отбирают, складывают. Подборки связываются в исторический текст. И ещё истолковываются так или иначе. Версий и предположений разных о чём бы то ни было множество, как и оценок, и отношений. Иначе сказать, одни историю делают (вершат), другие потом расскажут (излагают). Историки сочиняют учебники. Без знания фактов смешно рассуждать об истории. Как и спорить о чём бы то ни было из области международных связей и межсловных отношений. Историографы, трактуя события предвзято, нередко причёсывают или искажают жизнь в своём описании. Вообще историю легко сочинить, придумать от начала до конца, было бы желание и воображение. Чего не сделаешь со страху, по заказу и глупости.

Посчитайте сами, сколько пониманий истории. Другие языки иначе толкуют понятия. Свои подходы у китайцев, у корейцев, у монголов, у японцев. Восток изобретателен и мудрит без остановки. Вот бы заглянуть соседям в душу. О чём же она плачет, о чём молчит?

КРАСНЫЙ ИВАН

В мае 1998 года устроили конференцию по поводу столетнего юбилея КВЖД. Собрались в Москве бывшие кавэжединцы и харбинцы. Встречались "лосяне" – земляки. Не виделись бог знает сколько, перемены разительны. Годы дают знать, мы едва узнаваемы. Надо всмотреться, напрячься – авось уловишь сходство в чужом облике человека, перед тобой он, и чертами где-то там уже стёрлись в памяти. Прошло полвека скоро. Можно повторять протяжливо: "Ведь та, которую я знал, – не существует". Грустно, конечно. Всё течёт – всё изменяется. Однажды и навеки мудрость. В жизни так сложно и просто всё.

После заседания сиюю с Иваном К. Вместе учились в школе, там поступили в ХПИ, на один факультет, 1951 год. Потом разъехались кто куда. И вот один на Украине, другой в Сибири. Ваня – человек серьёзный и прямой. Первым делом не в шутку озадачил меня. Сразу в лоб: "Ты – за белых или за красных?". Никогда не задумывался. Вроде бы ни за тех, ни за других. Хотя и не против этих, и не против тех. Как и жёлтых, чёрных, зелёных, голубых, загорелых, бледнолицых. Ежели разрешишь. Впрочем, помню: "Кто не с нами, тот против нас". Это обязательно?

Ещё в одном не сошлись. Показалось ему завышенным число харбинцев, арестованных в 45-ом году – тридцать тысяч. Названо в одном из докладов. Не может быть. Ни у меня никого не взяли, ни у тебя. Откуда набралось, если всего было сто с чем-то тысяч. У человека инженерные знания, твёрдые убеждения. Застыли бетоном – не сдвинуть с места. В конце коронным приёмом напавал: "А что, скажешь, при коммунистах было плохо? Тебя лично притесняли?". Видно, ему страшно: семья, тяжёлая жизнь, неуверенность в завтра, кто выведет внуков в люди. Можно понять это.

Словом, поставил меня в тупик. Как в школе, остаюсь колеблющимся. До сих пор не выберу цвета обложки и знамени, ни к одной партии не прислонюсь. Поза или своеволие. Подозрительное безразличие или мягкотелость. Вольномыслие вызывает недоумение у лиц надёжных и благонравных. Таков непримиримый товарищ Иван. Как же так?! Только по эту или по иную сторону огородки, называли баррикадой. Либо боец и гражданин, либо слюнтяй и противник. Два цвета – и выбирай. В остатке позор и отщепенство, осадок в котле, песок и накипь. Не о чем говорить.

Не объяснить наших расхождений. Свои тревоги забрасываем ветошью чужих суждений и привычных фраз. От краха и сокрушения спасают молитвы или заговоры. Значительна энгергия прошлого. "Покорение людей живёт обычно не той философией, которую оно породило, а той, которую создала предшествующая эпоха. Мы видим ещё блеск звезды на небосводе, в то время как в действительности она уже не существует. Нет в мире ничего более инертного, чем мировоззрение"¹. Пристальный взгляд мудреца

¹ Альберт Швейцер. Благоговение перед жизнью. М., 1992, с. 169.

и откровение.

СОМНЕНИЯ "ЯЗЫЧНИКА"

Мнение начальства не совпадает с точкой зрения подчинённых. Расходятся интересы собственников и наёмных рабочих, не без труда отцам и детям понять друг друга, особые привычки у богатых и свои пристрастия у бедноты, по-своему озабочены вопросами быта жёны и иначе смотрят на проблемы, обсуждают запросы и судят мужчины. Жизнь общества полна накладок и недоразумений из-за культурной разнородности социальной среды, вследствие возрастной, половой, сословной, ситуативной, профессиональной и иной разбежности. И разобщённости сознания.

Забавно рассуждают дети. Они повторяют взрослых, в то же время сколько непосредственности и наивности, детская психология. Мнение специалиста значит больше, нежели суждения любителей, отношение и оценка неучей. Каждый взгляд чего-то стоит, в зависимости от основательности того, кто высказывается и им делится. У серьёзных людей и мнения серьёзные, наивные склонны к упрощению, глупые говорят и распространяют глупости. Сказываются и национальные особенности.

Жизнь на Земле прекрасна разнообразием и замечательна разномыслием. Нынче всё больше распечатки и копии, репродукции, повторение по образцу. Слепое подражание чужой культуре и потребительство малопродуктивны, умрёшь со скуки. Заимствование цитат уживается в сфере религии, политики, идеологии, науки и техники, философских учений, где думать и чувствовать обязательно. Слушай учителя, подражай, исполняй указание. Мастера создали тебе выкройку.

Как-то Корнею Чуковскому померещились в России сплошь Борисы Зайцевы. Представить такое однообразие, все вокруг на одно лицо, Зайцев на Зайцеве, – с ума спятишь. Некие прогрессисты обсуждают идею, не клонировать ли Владимира Ильича. Не хватает Москве гениев? В дерзости американцы не уступят, идут дальше: захотелось воспроизвести Иисуса Христа. Такая тоска по идеальному. Наука начиналась с невероятных придумок, такого не было.

В труде и боли рождаются религии, марксизмы и другие учения. То или иное богословие, обращённость к идеальному и взгляд в вечность, более прочего требуют убеждения и утверждения. "В начале было Слово". История знает, староверы, сектанты и протестанты, придерживаясь буквального прочтения текста, становятся поборниками крайности. И евангелизм исходит из благой вести. Кто верит, не верит, в кого, во что, как – сколько случайностей. Идеален дух, и духовность фиктивна. Любовь чудится – и такая неколебимость иллюзии. Догмы терзают душу верующих, откладываются в сознании. Накапливаются, сталкиваются, борются мнения, сомнение и сомнения. Анархия и монархия в воображаемо-реальном мире.

Люди усваивают определённый стиль. Манера и выражение мнений – своего рода культура социального поведения и воспитания. Вежливость требует такта, и не случайно к утверждению, дабы снять категоричность, добавляют: "Это моё мнение" (или "по-моему", "на мой взгляд", "кажется"). Выходит, знаем, что такое мнение. Простое слово. Раз так, то растолковать не составит труда. Однако попробуйте объяснить мнение. Откуда, для чего, каково оно и какую роль играет в жизни? На первый взгляд прозрачные вещи. На самом деле тёмные и запутанные. Далеко до ясности.

Мнение – это "видимо" и так кажется. Каждение – таинственный взор всех и каждого. Следует научиться формировать, управлять и как следует распоряжаться корпусом знаний и мнений, которые и в нас, и вне нас, откуда-то явившись в этот мир. Говорят, что идеи носятся в воздухе. Знания людские связаны с мистическим актом "припоминания" в метафизическом смысле. Надо полагать, что то же и с мнением. И нужна особая энциклопедия об этих воскресениях и привидениях.

Мнение – о чём угодно, к тому ещё и какое угодно – одно из самых распространённых заблуждений. В общении людей, разговорах, комментариях, передачах – всюду мнения и сомнения. Суждения касаются разных сфер жизни, охватывают собой всё на свете. Господа эти неуёмны, навязчивы, изворотливы, речисты, изобретательны и пошлы. Редко скромны и сдержанны, никогда не молчаливы. За сплетнями не угонишься, и не найти управы. Как живое, мнения встречаются, спорят, связываются, подсиживают, сотрудничают, соперничают, борются за что-то, против чего-то, питаются чем-то, приноравливаются, плодятся и множатся.

У взглядов имеется сходство с людьми в поведении и в характере. Тем не менее, являют собой особенную стихию. Можно сказать, эти существа образуют самодостаточную колонию, влиятельное государство мощного потока информации. Во множестве и открытом сообществе мнимостей нет предела и не может быть завершения. В том призрачном царстве господствуют идеи и мифы, не люди, – и мы подданные, наёмники и данники, под вековечным игом духов. Они сообщают, внушают и правят бал. Вспомните замечательное: "призрак бродит по Европе, призрак коммунизма". Вон до чего добродился джин.

Мнений-придумок и помыслов сколько угодно и каких угодно. Произвольный и бесчинный мир духов не управляем. Как и понятия, домыслы без учёта и ничем не ограничены. Жизнь мнений причудлива. У всех на виду двоятся, троются, делятся, сплавляются, смешиваются, склеиваются. Картина меняется, словно в калейдоскопе. Точки зрения взаимодействуют, притягиваются и отталкиваются. Вершатся разные сделки.

Мнения отражают чувства и чувствительность людей. Не то и не другое так называемые "истины". И не люди, и не чувства – мистификация, грёзы, видения, фикции, наяву сновидения, приведения. Так кажется,

чудится, мнится. Мнение – внутренний голос, чьи-то интересы, наговор, подсказка, внушение, оболщание, совращение и ложь. Таинственнейшее творческое озарение тоже из семейства мнений, у древних греков называлось эпифанией.

Мнение сидит где-то внутри – так мнится, видится, кажется. Чистый взгляд в тиши молчания, наедине с тобой, как совесть. Хотя тенденциозность, личная заинтересованность и предвзятость в отстаивании позиции, в том числе злонамеренность, тут как тут. Разные чувства и отношения сопровождают и формируют взгляды – прилипало, сомнение. Если отправляешь послание, "выпускаешь" дух, уже точка зрения и высказывание. Во внешней среде мнения соперничают, расходятся, борются, как и люди, отстаивающие идеи и идеалы. Интересы сталкиваются, и взгляды противоречат. Преследуя цели, люди сотрудничают, вступают в сговор, нередко плетут и лгут. Настаивая на лжи, навязывают сомнительное мнение. В обсуждении не сразу разберёшься, где мнение и сомнение, где взгляд и положение, где факты и истина. Нужно внимательно прислушиваться к словам и голосам.

Понимание, как и внимание, – дело внутреннее, в тебе встреча, так или иначе воспринимаешь и ощущаешь, остаётся впечатление и формируется мнение. Что до объяснения, то высказывание выходит за рамки только одной личности, оно на грани или за пределами собственно чувства либо отношения. Сообщение направлено на другого, иная ситуация. При соучастии и партнёрстве в общении и вовсе равноправное взаимодействие сторон. Коммуникация сложнее, нужно внушить или доказать. В разъяснении определённая логика с какими-то аргументами. Отправление не всегда доходит. Тогда все рассуждения и старания втуне. Сказанное не вызывает доверия. Нет сочувствия – нет веры. Текст без отклика, отторгается душой. Без притяия, понимание не складывается. Такова судьба многих отвлечённостей. Итак, и в понимании утверждение, и в объяснении внушение. Мнение и гипноз связаны.

Мифы – те же мнения, которые возобладали, взяли верх и стали самочинствовать и править. Идолы преодолели путь распространения и осели в сознании, им поклоняются. Без символов нет языка и понимания. Они хранят представления о значимом: Бог, Родина, героизм, любовь, идеалы, личности (пророки, завоеватели, учёные, поэты) – о времени, о нации, о хозяйственном и семейном устройстве. Духи мировоззрения и культуры, проявление древности и язычества, сближают, связывают и образуют народ. Наш Пушкин – русский миф. На Украине живёт Тарас Шевченко, национальный миф и память. А ещё Наполеон, Александр Македонский, Чингисхан и прочие воители. Сами поддерживаем мифы, искажая правду.

Люди забыли об изначальном значении Рождества и Нового года. Живут мифы и мнения о живом знаке и личности Деда Мороза. Есть ли Дед Мороз, кто верит, кто нет. Символична недоверчивая вера-неверие.

При этом дети верят и не верят в разное. Приходит же Дед Мороз, видели живьём, как не верить глазам. В данном случае реальный подход. Другое дело – кто он по сути, зачем и как является. И не столь важно, кто он в самом деле. И о Рождестве разнообразные мнения. Одни верят Завету, другие нет, третьи играют и празднуют. Вера и убеждённости то сходятся, то расходятся, колебание знания и сомнения, приливы и отливы чувств. Веруя или не веря, люди с детства до старости сочувствуют по-своему образам и ликам Истины. Христос рождается. Не все склонны верить такой вот версии. Сколько толкований мистического события было и ещё будет в богословии. Нет ни одного происшествия, случая, случайности в природе или суждения, которые нельзя истолковывать по-разному.

Если уклад жизни меняется, старые мифологемы, как самодержцы, свергаются и вытесняются новыми легендами. Мнения больше мифа, они всякие, огромный разброс. Есть разные степени и стадии мифологизации. Мнение – зародыш мифообразный и мифоподобный. До мифа ещё надо дорасти. Пропганда, СМИ, литература разводят мифы, распространяют сплетни и истории, различную информацию, + комментарии, тенденции и предвзятости. Всё запутано в интересах. Непросто распутать узел навязчивых представлений, взглядов и мнений.

Что же это такое – мнение? Можно ответить кратко. Только простой ответ не устроит. В нём нет надобности. Уж лучше разобраться в кажущейся простоте и путанице смысловых оттенков.

Мнение – взгляд, точка зрения, понимание, объяснение. О чём-то рассуждение, комментарии, толкование, трактовка, оценка события. Предположение, одна из версий, вариант, какая-то вероятность, гипотеза. Мягкое суждение и твёрдая убеждённость, уверенность и решительность тоже. Вымыслы, выдумки, спекуляции. Реакция и критика. Мнение – мысль? Есть мнение – чувство, ощущение, представление, внутри меня голос, совесть или вкус. Мнение – отражение и функция сознания. Следы обучения в памяти, расхожие формулировки и определения.

К названным добавим ещё: идея, дума, положение, позиция, соображение, впечатление, утверждение, убеждение, решение, указание (таинственное "Есть мнение" с загадочным взглядом вверх), мнимости, представление, заключение, помыслы, придумки, фантазии. Перечисленные слова некоторым образом соотносятся по смыслу, будучи связаны тематически с группой "Мнение". Смысловая соотнесённость не означает, что слова равнозначны. В одних контекстах значения могут сойтись, иной раз совпасть, но в других случаях расходятся. Значимо и сходство, и расхождение. Чтобы определить мнение, придётся распутывать клубок слов. Они сплетаются и мешают нам, внося сумятицу. Сумей найти связи и развязать узлы.

Мнения взаимодействуют, заметно и незаметно колеблются. Всё время что-то мнится да кажется. Отчего и для чего колебания мысли и кажения? Отсюда и разноречия. Почему и зачем людям спор? Нет

уверенности и пробуем разобраться. Расходясь и сходясь во мнениях, узнаём мир и постепенно с разных сторон приобщаемся к пониманию. Так достигается согласованность и преодолевается раскол. Единогласие и инакомыслие, диссидентство и догма – важные понятия. От мнения нужно отличать то, что по сути не есть мнение, но похоже. Лишь пустая форма: вроде бы и как бы. Квази и псевдомнения – своего рода маскировка, прикрытие, для отвода глаз, обман. А также путаница, бестолковщина и недоразумения в результате неграмотности и вследствие злого умысла и заговора.

На "Немецкой волне" идёт передача под названием "Факты и мнения" – различаются точки зрения, подходы и позиции, предположения и версии по глобальным вопросам международной жизни. Комментаторы за круглым столом разыгрывают роли и высказывают взгляды. То, что формулируем, разные фразы, соображения и рассуждения – мнение. Горбачёвская перестройка раскручивалась на ТВ в популярной программе "Взгляд". Великолепная пятёрка там поражала свежестью и дерзостью. Явился стиль.

По сути кажется всякое и мнится что угодно. Событие, случай, факт, предмет, лицо, образ, мысль, высказывание, суждение, слово привлекают внимание, притягивают взгляд и вызывают интерес, как-то представляются, отражаясь в сознании и речи. Если безразличен к чему, предмет или лицо тебя касается, ты интересуешься ими, – значит, есть пересечение, связь и некая общность. Можешь обнародовать, обнаружить и выразить, сообщить другим – и тут мнение. Безразличие, сочувствие, заинтересованность, только проявятся, при высказывании встречаются в ответ сопротивление инертной среды. Преодоление молчания становится мнением.

Мнения, передаваясь в СМИ, ко всем обращены и многим навязываются, добиваясь солидарности и сочувствия. Публичное сообщение превращается в диктат и насилие. Пропаганда давит на сознание массы и манипулирует им, работая на правящую элиту и олигархов. С целью повлиять на общественное сознание распространяется их точка зрения. В основе политической передачи лежат установки. Аппарат и службы призваны их раскрутить, развить, усилить. Идеология популяризуется, взгляды внушаются, точки зрения сообщаются. Тексты можно передавать и распространять, как призывы или рекламу. Направленная информация формирует потребительский интерес и управляет общественным мнением.

Накапливается и входит в общее пользование множество представлений и верований об окружающем. Едва ли не всё на свете как бы чьё-то мнение, отражение и взгляд. Всё "кажется" и представляется, когда мы чувствуем, думаем, выражаем и сообщаем. Что-то мнится невероятным, бессмысленным, противоречивым, неясным и сложным, мало ли каким почудится. Соображения рождаются в размышлениях, точки

зрения крутятся в спорах, решения являются во сне, взгляды сообщаются, предложения навязываются, версии обсуждаются, варианты взвешиваются и перебираются, положения принимаются или отвергаются. С чужими мыслями и высказываниями легко согласиться или можно поспорить.

Можно услышать: "Это личное мнение", "По моему мнению", "Какое у тебя мнение на сей счёт?". Когда встаёт вопрос о качестве, манере и стиле суждений, мнение определяется как неожиданное, оригинальное, парадоксальное, поверхностное, любительское, пустопорожнее, заинтересованное, глубокое, профессиональное, чёткое. И есть тривиальное и предвзятое мнение (Селлинджер боролся с властью такого, столь обычного для нас, мнения), речь идёт о тенденциозности, нарочитости, заскорузлости, ограниченности или глупости. У каждого мнение, считают своим собственным, не всегда это так. Говорят же: мнение общественное, распространённое, расхожее, близкое, банальное, обычное, противоположное, чужое, сходное. Ещё: более или менее обоснованное, приемлемое, согласованное, окончательное (конечно, относительно) и пр. Во мнениях расходятся или сходятся. Можно их иметь, высказывать, разделять, согласовывать, сталкивать, соотносить, сопоставлять, сравнивать. Ими обмениваются, к ним присоединяются.

Словом, мнения разнообразны: спорны, небесспорны, бесспорны. Иначе говоря, различны и вариативны. Имеет место разброс и субъективизм. Взгляд зависит от личности. Обычно человеку кажется то, что хочется или что выгодно (бывает наоборот). Установка и мотивировка направляют взгляды. Мнение случайно и неслучайно, субъективно и объективно, будучи связано с положением, развитием и интересами "мнящих", людей из тех или иных этнических, социальных, профессиональных, поло-возрастных и ситуативных групп. "У кого что болит, тот о том и говорит".

Мнение диалогично – оно в ряду с другими мнениями, не отдельно, но в разговоре или в нескончаемом споре. Мало ли что покажется другим (– А я так думаю). Общаясь и сообщая, делимся мнениями, о чём угодно. Пользуемся суждениями сознательно и более или менее умело, преследуя некие цели, хотя подчас судим бездумно, так просто. В начале точки зрения, в виду их непредвзятости и откровенности, отличаются большим своеобразием, как ощущения и восприятие. Взгляды сперва расходятся, сталкиваясь и соперничая друг с другом. Потом люди договариваются, и расхождения сглаживаются. Обмен мнениями меняет отношение к событиям и фактам. Оценки под влиянием подражания или внушения до каких-то пределов сближаются. Иной раз могут совпасть.

Всё в жизни связано преемственностью, и мысли тоже, глубокие раздумья и мимолётные думки. Каждое поколение и каждый из нас заново открывают мир для себя. Такое мнение, в процессе роста и развития, мироощущения и миропонимания, прерывается и продолжается, может быть продлено дальше, вновь и вновь возвращая человека от

злободневности к вечным темам. От ухищрений поиска истин – весь сыр-бор. Отсюда разброс и колебание мнений. За примерами не ходить далеко. Откроем роман А.Солженицына "В круге первом". Выдержки из него покажут, как употребляется и сколь значимо в речи русское слово "мнение" и его синонимы. Что же там сказано относительно мнения? Это интересно нам.

"Я заметил: в любой камере по любому мельчайшему вопросу – о мытье мисок, о подметании пола, вспыхивают оттенки всех противоположных мнений". "Коричневое вино пили медленно, стараясь дождаться до аромата. – А градус – есть! – одобрил Рубин. – Браво, Андреич! – Градус есть, – подтвердил и Сологдин. Он был сегодня в настроении всё хвалить. Нержин засмеялся: – Редчайший случай, когда Лев и Митя сходятся во мнениях! Не упомяну другого. – Нет, почему, Глебчик? А помнишь, как-то на Новый год мы со Львом сошлись, что жене простить измену нельзя, а мужу можно? ... – Увы, кто ж из мужчин на этом не сойдётся? – А вот этот экземпляр, – Рубин показал на Нержина, – утверждал тогда, что можно простить и женщине, что разницы здесь нет. – Вы говорили так? – быстро спросил Кондрашёв. – Ой, пизон! – звонко рассмеялся Пряничков. – Как же можно сравнивать? – Само устройство тела и способ соединения доказывают, что разница здесь огромная! – воскликнул Сологдин. – Нет, тут глубже, – опротестовал Рубин. – Тут великий замысел природы. Мужчина довольно равнодушен к качеству женщин, но необходимо стремиться к количеству. Благодаря этому мало остаётся совсем обойдённых женщин. – И в этом благодетельность дон-жуанизма! – приветственно, элегантно поднял руку Сологдин. – А женщины стремятся к качеству, если хотите! – потряс длинным пальцем Кондрашёв. – Их измена есть поиск качества – и так улучшается потомство! – Не вините меня, друзья, – оправдывался Нержин, – ведь когда я рос, над нашими головами трепыхались кумачи с золотыми надписями Р а в е н с т в о! С тех пор, конечно...". – "Это распространённое мнение, – отозвался Абрамсон". "Уважай чужие, даже враждебные тебе мнения".

Как погода или настроение, и мнение неустойчиво, колеблется и может меняться. Оно подвержено влиянию, на него воздействуют, его внушают, им можно манипулировать. Убеждение же относительно более стойко, постоянно, хотя с годами видоизменяется.

"Фома Гурьянович умел руководить, не овладевая познаниями по руководимому им делу. Он давно усвоил, что для этого надо лишь сталкивать мнения знающих подчинённых – и через то руководить". "Ко всем оттенкам мировых мнений и ко всей эмигрантской русской литературе у него здесь был доступ". "Он (Сологдин. – ВЛ) считал, что большие идеи могут родиться только озарением одинокого ума". Вот мнение! И знаете ли вы, что "От каждого человека запах идёт, и по запаху ты ещё раньше головы действуешь". Как собака, и не обидно вовсе, ибо интуиция. А ещё утверждается у нас (мнение): "Не Руську одного, но всё поколение руськино приучили считать "жалость" чувством унижительным, "доброту" – смешным, "совесть" – выражением поповским". Как видим, к своему утверждению по большей части можно добавить оборот "на мой взгляд". Едва ли не всё, о чём утверждается и сообщается в речи, – чьё-то мнение.

"Контуженный тюрьмой и лагерем, Нержин, однако, в основе своей оставался человек н а ш, и потому Рубин имел терпение выслушивать его вздорные запутанные временные мысли". – "Моё мнение, – репительно присудил Нержин: – для спасения России давно надо освободить все колонии!". "Но это был и тот

особенный тюремный лютый спор, каких не могло быть на воле с господствующим единым мнением власти". "И тут не может быть двух мнений, товарищи!". "Но увы, чем страстнее обсуждались доклады, тем больше расстраивалось единство утлой кучки слыльных: выявлялось мнений не два и не три, а столько, сколько людей". "И как только он (Сталин. – ВЛ) узнавал мнение, решение Троцкого по любому вопросу – сейчас же выдвигал, почему должно быть совсем наоборот". "Только тут Сталин ощутил свою главную силу: силу невысказанного решения. Внутри ты уже решение принял, но чьей головы оно касается – тому прежде времени знать его не надо". "А там, может быть, найдут средство такое, лекарство, чтобы сделать хоть его одного бессмертным?.. Нет, не успеют".

"Степанов, счастливым образом всегда заранее знающий смысл ожидаемых выступлений и окончательное мнение собрания, не успевал, однако, впопыхах, целиком составить резолюцию до собрания". "Министерство добивалось, чтобы меньше было охотниц получать эти открытки, чтоб о жёнах врагов народа было известно всем их соседям, чтоб такие жёны были выявлены, изолированы и вокруг них было б создано здоровое общественное мнение". "Оперуполномоченный формирует общественное мнение...". "В этот день Руська с таинственным видом обошёл до двадцати самых влиятельных эзков шарашки, составлявших её общественное мнение, – и с глазу на глаз каждому из них сообщил, что сегодня утром оперуполномоченный майор Шикин вербовал его в стукачи, и что он, Руська, согласился". "Во-первых, мне хотелось бы решительно отвести распространённое гнилое мнение, что раненный имеет моральное право сдать в плен". "Руська Доронин...испытал прилив нерешимой обиды, вызываемой у нас упрёками людей, чьё мнение мы уважаем". "Может быть, и не из-за этой трещины станок до сих пор не работал (Шикин слышал и такое мнение), но значение трещины было гораздо шире, чем сама трещина".

Люди размышляют и рассуждают по разному поводу. О чём угодно высказывают суждения и предположения. Темы, проблемы, вопросы, предметы, лица, действия, поступки и случаи обсуждаются, толкуются, сравниваются и оцениваются. О них говорят, судят, высказываются, спорят, если задеты и заинтересованы. Текущие события и взгляды неисчерпаемы. Факты, вызывающие интерес и порождающие мнения, бесчисленны. Жизнь листает страницы. Книги пишутся, и рассуждениям нет конца. Можно ли упорядочить отношения и оценки и как разобраться в них?

Из разных точек жизни всякое пригрезится – чудится зыбко, образ дышит, колеблется воздух, неустойчив мираж, как в пустыне. Для чего-то так устроен механизм взора. Хоть в чём-то, должно быть, плодотворны неизбежные ограничения в самой природе внутреннего зрения. Несовершенство воспринимающей поверхности и недостаточное качество снимков поощряют поиск способов и средств отражения. Раз так, и пусть себе сосуществуют разные взгляды да мнения. Соперничество воззрений, однако, приводит к борьбе. Вражда рождает злобу. И всё равно в пылу спора не переубедить и не переделать друг друга.

Сколько ни рассуждай, кажется, ещё что-то очень важное осталось незатронутым и невысказанным. Вот, например, о душе. Что значит: "С моим мнением не считаются"? Человек ни во что не ставится. Не

учитываются его интересы. Окружающие пренебрегают им. Страшная несправедливость и обида. Можно сказать то же иначе: "Со мной не считаются". Выходит, мнение лично и одушевлённо, как я, ты и другое местоимение. Чтобы не принимать в расчёт иных жизненных потребностей, нужно изменить природу, искоренив в ней воображение и лишив человека свободы мнить. Всё – не что-то – непостижимо. Нельзя объять словом и до конца объяснить жизнь, душу и... мнение.

Злые умыслы – духи. Изошрённые эти силы вне и в нас. Как мнения, захватывают и покоряют слабые человеческие души. Власть тьмы бесчинствует, озлобляет людей и властвует над ними. Противостоит и сдерживает святость. Добро с кулаками. Страсти, слепые и разрушительные, разумнее направить в русло созидания. Пока не поздно, надо прививать терпимость к продуктивному разномыслию, предупреждая столкновение цивилизаций и верований.

ВОСКРЕСШИЕ ИМЕНА

Списки эмигрантов, "увезённых" после августа 1945-го года из Маньчжурии, составлены на основе сведений из доступных газет и журналов: "Австралиада", "На сопках Маньчжурии", "Омские харбинцы", "Русские в Китае", "Харбин". И случайных "Бюллетеня Игуд Иоцей Син" из Израиля и "Чикагской правды". Использована книга И.Германовича, свидетеля обвинения, попавшего в ту пропасть событий. Автографии доверять можно.

В публикациях упоминаются те, кого "забрали": родители, братья, сёстры, родственники, друзья, товарищи, учителя, сослуживцы, соседи, знакомые, просто известные люди. Вычеркнутые из жизни имена. О них рассказывают в статьях, очерках, адресах, справках, некрологах и других сюжетах. Разнообразны воспоминания. Так или иначе люди той трагической истории возвращаются. Оставшись в мире снов, они с нами.

Незабываемы события повоенных и следующих лет Харбина, время тревог, надежд, ожидания и наконец исхода. Находясь на стыке прежней Маньчжурии и новой эры коммунизации Азии, мы захвачены вихрем слома современности. Было ли у какой власти право переводить людей в рабство? Сколько, почему, зачем, для чего – нет отчёта, никто не ответил за то. Мало ли накладок, промахов, преступлений и злоупотреблений? Нетерпимы своеволие власть предержащих, диктатуры и монархии. Не дожидаться официальных данных о числе забранных, виновных и неповинных, погибших и выживших, искалеченных судьбах. Поимённо назвать всех могли б органы. Вряд ли эти станут заниматься саморазоблачением.

Сведения о "китайцах", попавших в ГУЛАГ, просачиваются в печать. Тюрьма оставляет след, на всю жизнь рубец от раны. Фактов уже немало, и груз тяжёл. Накапливаясь в сознании, бередят совесть. Население всё больше склоняется к осмыслению разоблачений и злонамеренных акций

государства. В школе ведутся журналы, отмечается прилежание учеников. И в бурсе жизни нужен учёт. Сами считайте потери и убытки.

Пробуем собрать список воскрешённых имён. Составлен по памяти "академиков" ГУЛАГа: Георгием Бянкиным, Анатолием Дзгоевым, Георгием Кожевниковым, Гавриилом Коршуновым, Всеволодом Чеусовым. Назвали "однополчан"-гулаговцев, заодно и географию лагерей, через которые прошли вместе "учёные коллеги". Казахстан, Колыма, Воркута, Озерлаг, Потьма, Свердловская область, Северный Урал, Тавда, рудники Экибастуза. Не всегда память хранит имя, тем паче отчество. Случайно сохранились даты жизни. Список не полный, не точный, не окончательный.

"Академики" называются в алфавитном порядке. Всего 665 фамилий и имён. Из них 46 женщин. Это горстка страдальцев, всех никогда не помянем. Личные заслуги, регалии или титулы в расчёт не берутся: кто расстрелян, кто граф, кто архиерей, кто какой профессор, генерал, поэт, скрипач или другая знаменитость. Все рабы Божии равны перед Вседержителем. Сколько ещё пострадавших женщин, стариков, праведных и виноватых, знаемых и нет? Люди заслуживают большего, нежели перечисления.

А 1. Абаймова Валентина. Абламский Владимир Павлович (1911–1994). Абраменков. Абрамов Николай. Авдевинн Андрей Георгиевич (1923–1998). Авдевина Вера. Аверкиев Герман. Агеев Константин. Акоев Александр. Акопов Иван (Вано). Александров Анатолий Александрович (1927). Алексеев Константин. Алицкий Александр. Ананьин Руф. Андриенко Василий. Аникьев (ст. Имяньпо). Анкудинов Николай Николаевич. Аноров Алексей. Анциферов (Вост. линия). Аркашов Олег. Артамонова Зинаида. Атаманов Василий. Ачаир Алексей – поэт (Грызов) (1896–1969). **Б** 24. Бабин Николай Иванович (1926–1997). Баклашов Николай. Баранов Олег. Барковская Аделаида. Бассехес Иосиф – быв. управляющий кафе "Бомонд". Батенев Геннадий. Батенев Евгений. Баус Евгений. Башарин Вениамин. Безродных Анатолий (?). Безручко Семён. Бекаревич Николай Г. Белелюбский Алексей. Белова Вера. Белокрылов Иван Васильевич (1922–1997). Белоножкин Николай (инженер). Белосков Андрей П. Бердник Александр. Бердник Владимир Илларионович (1918–1999). Бержицкий Владимир. Бирюков Владимир. Битнер Владимир. Бо-былёв Андрей. Богатырь Михаил. Богдан Фёдор Григорьевич. Богданов Захар Александрович. Болховитинов Вадим. Бордовский Георгий Фёдорович (? –1996). Борейко Виктор. Борейко Дмитрий (инженер). Борисов Михаил. Бородич Анна. Бородич Варвара. Бородич Вера. Бочкарёв Иннокентий. Бронислава (Харбин). Бронникова Валентина. . Буйнов Николай. Булахов (Харбин)? Буньков Иннокентий. Бурдело Михаил. Бурдинская Любовь. Бурцев Кузьма. Бучинский Юрий. Бушмаков Александр. Быков Павел с братом. Бянкин Георгий Михайлович. Бянкин Игорь Михайлович. Бянкин Михаил Илларионович. **В** 74. Вагин Дмитрий (Харбин). Вагина Валентина. Важинский Валентин. Веселовский Н.П. – журналист.

Васинский Владимир Сергеевич. Васинский Николай. Вахрушев Иван А. (фельдшер). Вацура Валентин. Вашута Леонид Васильевич. Вележев Анатолий. Вележев (Тос). Верёвкин – ювелир (Харбин). Веселовский Николай Павлович. Веселовский Юрий. Веслополов Аркадий. Вечный Олег. Виноградов Владимир. Виноградов Георгий Николаевич (1922–2000). Виноградов Сергей. Виноградский Анатолий. Витвицкий Юрий. Витте Борис. Витте Юрий. Владимиров Анатолий. Власов Андрей (?). Власов фон Вальденберг Виктор Всеволодович – историк (Лицей Св. Николая). Волгин Николай. Волков Андрей (?). Волков Игорь – писатель. Волков Юрий. Володько (Вост. линия). Волосач Валентин Леонидович (1921–1948). Воробьёв Михаил Н. Воропаев (Трёхречье). Воскресенский – генерал (ст. Имяньпо). Враштил Андрей (?). Вьюнова Лариса Васильевна. Вьюнова (Паничкина) Элеонора Вильгельмовна (?–1997). Вяткин Владимир. Г 113. Гавриленко Владимир. Гавриленко Иван. Гавриленко Пётр. Гаврилов Илья. Гайдебур Пётр. Гайдук Виктор. Гайдук Владимир Н. Галафре Сергей. Галкин Иван. Гальвин Валерий. Гантимуров Валентин. Гантимуров Николай. Гантимуров Юрий. Гартунг Кирилл. Гаршин Борис. Германович – иеромонах Иосиф (1890–1978). Глущенко Павел. Голицын В.В. Голобоков Пётр. Голубев Артём. Голубенко Сергей. Голубков – зубной врач. Гончаренко Михаил. Горлов Николай. Горохов Всеволод с отцом. Горюнов Павел. Гошадзе. Гречкин Александр. Григорьев Юрий Александрович. (Григорьев – служащий ХСМЛ). Гринёв Георгий Викторович (1916–1946). Гринёв П.Н. Гринюк Евгений. Гришин Борис. Гроссе Лев Викторович (1906–конец 40-ых). Гроссман Глеб. ...Грызов А.А. (см. Ачаир). Гукаев. Гулевич Антик. Гулевич Лев. Гуляев Иван. Гусев. Гусельников И.А. – присяжный поверенный. Д 155. Дахов Николай. Давыденко Кирилл Михайлович (1923). Давыденко Николай. Данилевский – писатель (Харбин). Дандуров – присяжный поверенный. Деев Евгений. Демченко Константин. Дергачёв Юрий. Джакелли Георгий Георгиевич. Дзгоев Анатолий. Дзгоев Инал. Дзгоев Николай. Дзыгар Александр Артамонович – скрипач. Дидык Харитон И. Дикарёв Пётр. Дмитриев Иван. Добровольский Александр. Долгополов Виктор. Дорошенко Пётр. Достовалов Николай. Дубеев (?). Дубинин Георгий. Дубровин Юрий. Думбадзе Тамара. Дунаев Илья Николаевич. Дурновцев Иван. Е 180. Евarestов Сергей Евграфович – инспектор гимназии. Евфорицкий Юрий. Ежовский Николай. Елисафенков Иван. Емельянов Юрий с отцом. Ерёменко (из Кореи). Ермолаев Калинин. Ефимов Андрей. Ж 189. Ждан Александр. Железняков Павел. Жигалин Дмитрий. Жохов (Вост. линия?). Жуковский Виктор. Жуковский Сергей. З 195. Заваров Л.П. Задородный Иван. Заерко Н.И. Заерко Илья И. Зайцев Антон. Зайцев Николай Васильевич. Закржевский Владислав. Зверев Дмитрий. Фон-Зибберг Юрий. Зилов Игорь. Зимин (Харбин, Модерн). Зиновец Борис. Зинченко Фёдор. Злобин Андрей. Золотарёв Александр. Золотарёв Вячеслав. Золотарёв Евгений. Золотарёв Иван

Григорьевич (1925–2000). Золотухин Семён. Зубарев Поликарп с отцом (Вост. линия). Зубарев Сергей. Зубчинский Николай. Зырянов – фельдшер. Зырянов Василий (1923–1961). Зябликов. **И** 220. Иванов Александр. Иванов Борис. Иванов Виктор Николаевич (1917–1999). Иванов Дмитрий. Иванов Николай. Иванова Вера. Иванюта Василий. Иванюта Николай Тихонович (?–1994). Ивахненко Сергей. Ивашинников Василий. Ивашинников Николай. Ильинский. Иноземцев – бывш. директор электростанции в Имяньпо. Ищенко Геннадий. Ищенко Евгений. **К** 235. Кадочников Борис (Ханьдаохэцзы). Казагранди Николай. Казак Георгий Иосифович (1921–1947). Казаков Николай. Казакова Ия. Казберов Павел. Калагеорги Николай. Калоев Константин. Калоева Варвара. Калоева Ирина Константиновна. Карапетов Юрий. Карбовский Анатолий – спортсмен. Каргин Александр. Кардаш (Кардос) Пётр. Кармадонов Николай. Кармилов А.А. (сын). Кармилов Александр Алесандрович (отец). Карыпов Николай. Касакин Юрий. Касаткин Юра с отцом. Като Рейничи (Харбин, Киовакай). Кауфман Евгений Самойлович. Кашинская Раиса Алексеевна (1910). Кашинский Даниил Алесандрович. Кедров Сергей – директор ВН училища. (Кедров С.В. – учитель гимназии). Киклович Михаил – сын священника. Кипкаев Н. – выпускник харб. Юрфака. Кириллов Борис Александрович (1925). Кириченко Михаил Викторович (1895). Кирпатовский Георгий. Кисленко Михаил Васильевич (1921). Кислицын Константин. Китлиц Адольф. Клепиков Владимир. Климович Владимир. Коваленко Геннадий. Коваленко Яков. Ковловский (Харбин)? Ковтун Валентин. Кожевников Александр. Кожевников Георгий Сергеевич (1920). Кожевников Леонид Григорьевич. Кожин Николай. Козлов Гоша. Козловский Георгий Александрович – учитель. Кокухин Семён. Колесников Михаил. Колесников Павел. Колесов Александр. Доктор Колобов (освободили?). Колпаков Глеб. Конкин (Харбин)? Коновалов Георгий. Конченко (Харбин)? Коренев Аркадий Дмитриевич (1926). Коренев Дмитрий Иванович (1904 – ?). Корнилов Василий. Коршунов Гавриил Никанорович (1917–2000). Кострюченко (Кум). Котеленец Михаил. Котеленец Николай. Котельников Д. – спортсмен. Котов Александр. Котовский Игорь. Кочетов Иван. Кошечкин Дмитрий. Кошечкин Пётр. Кравченко Алексей Г. Кравченко Антон А. Кравченко Евдокия А. Кравченко Пётр А. Крамник Николай. Краснопевцев Юрий. Кривенко Галина. Круглов Сергей. Круглова Тамара. Крупенио Юрий. Крылов Николай А. Кубатов Алексей. Кудряшов Сергей. Кузема Николай. Кузин Николай. Кузнецов Константин. Кузнецова-Кичигина Вера Емельяновна (1908) – художница. Куликов Виктор. Курицын Виктор. Курков Григорий. Кутузов Сергей. Кучеров Леонтий. Кучма Николай Иванович. **Л** 326. Лавров Виктор. Лагунов Андрей Тимофеевич. Лаженков. Лалетин Иван. Лалетин Николай. Лапардин Прокопий. Лаутаревский Михаил. Лебедев (Харбин)? Левитский Александр Иванович (1906–1959). Левицкий Алексей. Леонов Анатолий. Леонтьев Анатолий.

Лернер Валентина. Лиленталь (Ниденталь ?). Линден Леонид. Линский Алексей. Липовицкий. Лисевицкий. Литвинцев Пётр. Лобастов Василий – спортсмен. Логинов(?). Лузанов Игорь. Лузин Александр. Лузин Алексей. Лукеш Владимир. Лукин – директор гимназии на ст. Пограничная. Лысученко Виталий. Люстрицкий А. – сын священника. Люстрицкий Константин – сын священника. Люхай Сергей. Ляченкова Ирина. **М** 356. Мазеин Валерьян. Майшев – выпускник ХПИ. Макаревич Антон. Макаров Александр. Макаров Николай. Макушкин Михаил. Малышев Николай И. Мальцев Александр. Мансуров Георгий. Маркизов Леонид Павлович (1917). Мартинсон Валентин. Марчишин Пётр Дмитриевич – математик (Лицей Св. Николая). Матафонов Георгий (?). Матовский Михаил. Машоца Евгений. Мачулский Иван. Мелентьев Василий. Меределин Сергей. Меньшиков С.А. Мещеряков Михаил. Мигунов Василий. Мигунова Лидия. Микулович Михаил. Миронов Анатолий. 380. Михайлов Дмитрий. Михайлов Свет. Михалёв Евгений. Мищенко (Вост. линия?). Молчанов Николай. Моргунов Николай. Морозов Николай. 387. Москалёва Галина. Мошков Виктор. Муратов Дмитрий. Мустафин Виссарион. Мустафин Леонид. Мухин Измаил. Мызников Н. – харбинский типограф. **Н** 394. Наглюк Елисей Григорьевич. Наголен (Асирьянц) Гурен Христофоросич. Назарова Мария. Наумов Геннадий. Наумов Степан Ф. Недорезов Виктор. Нейгард Георгий. Некрасов Владимир. Некрасова Нина. Немцов Анатолий. Непомнящих Алексей. Непомнящих Леонид. Несмелов Арсений – поэт (?–1945). Митрополит Нестор. Нехлюдов Виктор. Ниденталь Виктор. Никитенко Николай. Никитин Александр. Никифоров Василий. Никифоров Владимир. Никифоров Н.И. – профессор. Николаев Александр. Никулин Михаил. Ничипуренко Анатолий. Новиков Иннокентий. **О** 419. Оводов Константин. Овчар Владимир. Овчинников Михей. Оганезьянц (Харбин). Огарёв (Агарёв?). Окунь Нина. Омеляненко Сергей. Онегин. Опрокиднева Валентина. Орлов. Отланов Иван Николаевич. Охотин Лев. Охотина Евлалия. **П** 432. Павлов Михаил. Панов Евгений. Панченко (?). Пасечников Василий. Пасынков Иннокентий Николаевич. Пепеляев Лавр. Перебоев Алексей. Перебоев Михаил. Переводчиков Павел. Перетятко Тимофей Иванович. Перминов Григорий. Перминов Илья. Петелин Владимир. Петров Владимир. Петрушенко Иосиф Артемьевич. Пешков Александр – б. учитель 1 ХРРУ. Пешков Андрей. Пешковский Товия – врач. Пискунов Михаил. Плаксин Глеб. Плешко. Подани Милош. Подзява – иеромонах о. Фома из Лицея Св. Николая (1906-1975). Подкованцева Галина. Подкованцева Ольга. Подольский К.И. – директор "Русского дома". Поздняков Д.И. – старый эсер (книжный магазин "Пламя"). Полуэктов – секретарь ат. Г.М.Семёнова. Поляков Пётр. Поперек-Маманди. Пономарёв Валентин В. – бывш. директор "Русского Дома". Пономарёв Иван. Пономарь Евгений. Поплавский Георгий. Попов Алексей Дмитриевич (1912). Портнягин Павел – священник (Лицей Св.

Николая). Постников Николай. Постников Серафим. Потанов Авенир. Почекунин Иван. Починок Пётр. Пржибыловский Юрий. Приказчиков Иоиль. Пройс. Протопопов Николай – учитель Р.У. Пуговкин Алексей. Пур Израиль. Пустельник Леонид. Пыжов Андрей. Пыхалов (Вост. линия). Пятенко Борис. **Р** 483. Равве Валентина – пианистка. Радзевич Ян. Ражев Георгий Тимофеевич. Раздобреев Пётр. Ракитин Иван. Радоман Юрий с отцом. Раснюк Георгий. Родаевский Владимир Владимирович – брат Константина. Розмарица Фёдор. Роснюк – зубной врач. Роттер Константин Степанович (1926–1998). Роутт Янина. Рубцов Николай. Рудин-Донченко Сильвестр Николаевич – скаутмастер (1913-1995). Румянцев Константин. Русланов Владимир. Рушковский Юрий. Рябов Юрий. Рябович Григорий. Рязанов Леонид. **С** 504. Савин Иван. Сараев (Хайлар). Садовников Николай Дмитриевич (1914-1998). Саянский Александр. Свалов Пётр. Светлов Алексей Владимирович (?-1998). Светлов (о. Николай). Свешников Василий. Севергин Борис. Северюков Роман. Селезнёв Борис (1923). Селезнёв Николай. Семёнов Василий. Семёнов Иван. Семёнов Пётр Г. Семёнов Слава – сын ат. Семёнова Лилия. Сенкевич Азарий. Сенкевич Евгений Фёдорович (?–1997). Серёдкин Сергей. Сибирцев Владимир. Синельников Яков. Скворцов Анатолий. Скидельский Семён. Скидельский Соломон. Скобелкин Николай. Скованов Н.А. – сотрудник БРЭМ. Скрыбин Виталий Николаевич (1921). Смирнов Георгий. Смирнов Ник. Ник. (Харбин). Смирнов Яков Яковлевич – полковник. Смирнова. Соколов Василий (Вост. линия). Соколов Михаил Семёнович. Соловейчик Михаил. Сорокин (Харбин). Старицын Анатолий. Старицын Михаил. Стёпкин Виктор. Строкин Павел (врач). Струк Мелетий. Стуканов Александр. Стуканов Виктор. Сумароков Евгений Николаевич. Суринов Игорь - боксёр. Сурков Пётр. **Т** 550. Тальзин Михаил А. – журналист. Тарасов Павел. Доктор Тарновский. Терентьев Павел. Тимохин Аркадий. Токарев Василий. Тонич Виктор (1922). Топорков Михаил. Труфанов (о. Серафим). Турков Алексей. Турчанинов Виктор. Тюменцев Вениамин. Тютюнников Борис. **У** 563. Уразбахт Гаяз. Успенский Владимир. Успенский Георгий (Юрий). Устимко Пётр. Устинов Дмитрий. Устинов Илья. Ушаков Владимир. Ушаков Георгий Александрович. **Ф** 571. Фармаковский Николай. Федореев Георгий. Федореев Кондрат. Федореев Павел. Федореев Яков. Федосеев Борис. Федосеев Григорий. Фёдоров Анатолий. Фёдоров Николай. Феодосиади Хариклия (Лика). Фефелова Тамара. Фиаратос Андрей (г. Дальний). Филинов Пётр. Филиппов Василий. Фирсов Сергей. Фомин Николай. Фонзиберг Ю.Ф. – журналист (см. Зиберг). Фуранов Геннадий Георгиевич (1925-1998). **Х** 589. Халибин Георгий. Харин Василий. Хейдок Альфред – друг и последователь Рериха. Хейдок Валентин – сын Альфреда. Хмыров Николай. Хохлов Вадим. Хохлов Георгий. Худиев Александр. Худогов Евгений. Хундадзе Владимир. Хусаинов Шамиль. **Ц** 600. Царахов Хажби. Цариков Валентин. Царьков Валентин. Цветков Сергей Иванович (?–1969). Ценский Игорь.

Цибадзе Тамара. Цигольник Лидия. **Ч** 607. Чайкина Лидия (?). Чапаева Вера. Чашин Павел. Чегодаев Михаил. Чепурин Н.И. (мастерские в Цицикаре). Черепанов Анатолий. Чернецкий Михаил. Черновский Павел. Чеусов Всеволод Васильевич (1920). Чечин Александр. Чикановский Василий. Чипизубов Василий. Чипизубов Гавриил. Чипизубов Иннокентий (из Трёхречья). Чистосердов – бывш. начальник церковного отдела БРЭМ. Чистюнин Василий. **Ш** 623. Шабельник Александр. Шалей – иерей о. Павел из Лицея Св. Николая (?–1985). Шаристанов Николай. Шаромов (Шаронов?) Анатолий. Шарыпов Анастас. Шашлов Николай. Шварц Михаил. Шварц Модест. Шварцман Григорий. Шевкунов Владимир. Шевченко Иван. Шемякин Михаил. Шен Владимир. Шереметьев Игорь Анатольевич (1929–2000). Шехерев Георгий. Шиков Николай. Шилов Николай. Шинко Григорий. Ширяев Павел - спортсмен. Шишкин Борис. Штейнберг Борис. Шулейко Константин. **Щ** 645. Щебуняев Борис. Щебуняев Иван. Щетинин Александр. Щетинин Юрий(?). **Э** 649. Энгельгард. Эпов Георгий. **Ю** 651-2. Епископ Ювеналий и его келейный без имени ("бабушка"). Юдин (Харбин). Юхнов. **Я** 655. Ягунова Лидия Николаевна. Ядыкин. Яковлев Евгений. Якуш Иван. Янгуразов Закир. Янина Вера. Янковский (Корея). Янковский Юрий. Яршиков Яков. Яхно Сергей. Яшков Иван Семёнович.

Что остаётся от человека, какой след? Может быть, только это...

Забирали по одному и семьями. По три-четыре человека одной фамилии: Бородич Анна, Варвара, Вера; Бянкины Георгий, Игорь, Михаил; Гантимуровы Валентин, Николай, Юрий; Дзгоевы Анатолий, Инал, Николай; Калоевы Константин, Варвара, Ирина; Чипизубовы Василий, Гавриил, Иннокентий; Кравченко Алексей, Антон, Евдокия, Пётр; Федоревы Георгий, Кондрат, Павел, Яков; конечно, Семёновы и др. В рабство брали и 20-летних. В чужой стране не ваши, кем бы ни служили, где бы ни учились, что бы ни исповедовали, о чём бы ни говорили, нравится или нет – их дело, и советские законы тут не при чём. Террор тот за границей, самоуправство наглой силы, ничем не оправдан. Иначе думать – себе лукавить. Лишённое жизненных прав, всё население страны в рабстве. Своих не хватало – хватали в других землях. По большей части в плен попались там грамотные, образованные, знающие. У них завидная школа. До сих пор не хотят признать, что рабство малопродуктивно, непродуктивная и нежизнеспособная система. Неэффективно, когда корыстные правят справедливыми. В самом деле зло обладает огромной силой самоуничтожения.

Слушая человека, наблюдаешь невольно, устанавливая как-то – по манере произношения, по голосу и интонации, по глазам, мимике и движениям – меру ответственности и открытости речи. От этого восприятия, или в результате основательности и достоинств сообщения, и доверие к собеседнику. Помогает (нередко подводит) интуиция. Есть опыт, всегда его не хватает. На практике до истины приходится докапываться, в

жизни нередко обманывают. С определённой долей вероятности мы угадываем, когда кому следует доверять, сколь серьёзно относиться к сказанному. Доверяй, но проверяй. Явное – не всегда главное.

Свои особенности у печатного текста. И у него, оказывается, есть душа. Как у человека второй план, тот же подтекст. Интересно, какого же цвета душа и подтекст, чистые или грязь? Вчитываясь в печать, если у тебя чутьё или чувство стиля, улавливаешь смысл и ещё то важное, что от тебя почему-то скрывают. Не годится быть слишком простодушным и наивным в общении, имея дело с книгой или, тем более, с газетой. Информация ныне слишком уж предвзята, чтобы ей безотказно доверять, буквально и во всём. Помним распространённое промывание мозгов. На нас оказывается всё наглее и изощрённей непрошенное психологическое воздействие и непотребное психическое давление. Важно уметь находить в манере и в содержании посторонней речи мотивы и задачи. И там имеется множество планов, освещений, цветов и сопровождений, позволяющих одно выделить, другое затенить, третье и вовсе спрятать, умолчать. Идёт ревностное соперничество. Читая литературу, сравнивая и анализируя произведения, учимся различать авторские стили и приёмы авторского лукавства и обольщения читателя. Как во всяком диалоге, кто кого переиграет из собеседников или из оппозиции "писатель – читатель". В речи всегда есть элемент игры, говорящий и слушающий играют социальные и персональные роли. Этому непростому искусству приходится учиться.